

1 $\frac{02 - 9}{62 - 8}$

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

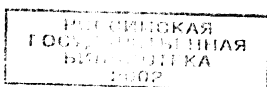
ПО ТУ СТОРОНУ СОЗНАНИЯ:

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Рекомендовано Советом по психологии УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология»

Москва
Смысл
2002

УДК 316.6
ББК 88.5
А 905

В оформлении обложки использована работа О.Рутесварда (Oscar Reutersvärd. © 2000). Печатается с разрешения автора.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: «Смысл», 2002. 480 с.

Учебное пособие, обобщающее 25 лет научной работы автора, посвящено неклассической методологии анализа реальности бессознательного, деятельности, психических процессов, личности и невербальной коммуникации.

Адресуется психологам, философам, всем тем, кого интересует методология познания истории, общества и человека.

ISBN 5-89357-112-6

ISBN 5-89357-112-6

© Асмолов А.Г., 2002.
© Издательство «Смысл», 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕИЗБЕЖНОСТЬ МЕТАПСИХОЛОГИИ, ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ МЫШЛЕНИЯ	5
--	---

РАЗДЕЛ I. ПСИХОЛОГИЯ УСТАНОВКИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УСТАНОВКА	16
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВКА СТАБИЛИЗАТОРОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	16

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И УСТАНОВКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	23
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ПОСТУЛАТА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ»	24
В ПОИСКАХ «ОПОСРЕДУЮЩЕГО» ЗВЕНА	28
НЕКОТОРЫЕ ПАРАДОКСЫ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВИЧНОЙ УСТАНОВКИ	36
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЕРВИЧНОЙ УСТАНОВКИ	46
УСТАНОВКА И ЕЕ СВЯЗЬ С ПОВЕДЕНИЕМ. ПОПЫТКИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ УСТАНОВОК В ШКОЛЕ Д.Н.УЗНАДЗЕ	53

ГЛАВА II. О МЕСТЕ И ФУНКЦИИ УСТАНОВОЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	69
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	70
УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ УСТАНОВКИ	76
УРОВЕНЬ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ	90
УРОВЕНЬ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ	98
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ — РЕАЛИЗАТОРЫ УСТАНОВКИ	110
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УСТАНОВКАМИ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ	115

ГЛАВА III. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ УСТАНОВКИ И ГИПОТЕЗА ОБ

ИЕРАРХИЧЕСКОЙ УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЕ УСТАНОВКИ	130
---	-----

ОТ УСТАНОВКИ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПРИНЦИПА

В ПСИХОЛОГИИ — К УСТАНОВКЕ КАК ПРЕДМЕТУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)	155
---	-----

РАЗДЕЛ II. УСТАНОВКА И ПОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМА УСТАНОВКИ В НЕОБИХЕВИОРИЗМЕ И КОГНИТИВНОЙ

ПСИХОЛОГИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	167
«КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕНОМЕНОВ УСТАНОВКИ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ» ДЖЕЙМСА ГИБСОНА	167
«НОВЫЙ ВЗГЛЯД» В НОВОМ СВЕТЕ	182
«ВЕРОЯТНОСТНОЕ ОЖИДАНИЕ» ЭГОНА БРУНСВИКА	184
УСТАНОВКА КАК АКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО ОПЫТА (СХЕМА) ..	190
КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ГИПОТЕЗ ДЖЕРОМА БРУНЕРА И ЛЕО ПОСТМАНА ...	194
ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ФЛОЙДА ОЛПОРТА	197
ТЕОРИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ ДЖЕРОМА БРУНЕРА	200
УРОВНЕВАЯ ПРИРОДА УСТАНОВОК	214

РАЗДЕЛ III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП В ПСИХОЛОГИИ

Принципы психологического анализа	
в теории деятельности	224
Динамический подход в психологии деятельности	252

РАЗДЕЛ IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПОЗНАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ

От психофизики «чистых ощущений» — к психофизике «сенсорных задач»	271
Образ мира и психология памяти	281
Перспективы исследования смысловых образований личности	291
Личность: психологическая стратегия воспитания	310
Динамика установок личности в ситуации деловой игры	325
Установки личности и противоправное поведение	342
Роль смены социальной позиции в перестройке мотивационно-смысловой сферы личности (на материале клинической психологии)	352
Невербальная коммуникация и восстановительное воспитание личности	365
За порогом рациональности: лингвоцентризм и парадоксы невербальной коммуникации	377

РАЗДЕЛ V. КАК НЕРАЦИОНАЛЬНЫМ ОБЪЯТЬ РАЦИОНАЛЬНОЕ

По ту сторону сознания:	
бессознательное, установка, деятельность	394
Выготский, Гамлет, Спиноза и неклассическая психология	420
Мир Александра Лурии и культурно-историческая психология	428
Истоки неклассической психологии	433
Психология XXI века: пророчества и прогнозы	455
XXI век: психология в век психологии	459

«Из густо отработавших кино,
Выходят толпы. До чего они венозны,
И до чего им нужен кислород.»

Осип Мандельштам

НЕИЗБЕЖНОСТЬ МЕТАПСИХОЛОГИИ, ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ

С момента первого издания в 1979 году монографии «Деятельность и установка», открывающей эту книгу, в мире произошли разительные изменения. Страну, казавшуюся ее жителям столь же вечной и неизблемой, как некогда казалась жителям Рима великая Римская империя, постигла судьба мифической Атлантиды. Историческая поверхность планеты разверзлась и Советский Союз, драматически лишая осмысленности жизнь старшего поколения и предоставляя шанс найти смысл жизни новому поколению, погрузился в океан времени. Не по учебникам истории, а на своих судьбах мы почувствовали и продолжаем чувствовать тяжелую точность недоброго пожелания: «Чтоб ты жил в эпоху перемен».

В эпоху перемен рушатся одни идолы, уступая место другим, и приходят в столкновение разные идеалы мышления.

В эпоху перемен по каким-то неизвестным небесно-историческим правилам решается вопрос, какие культуры, имена и идеи сотрутся из памяти и окажутся лишь быстротечной модой, а какие приподнимутся над конкретным временем и поселятся, говоря словами мастера методологии гуманитарного познания мира Михаила Михайловича Бахтина, в «большом времени», в том времени, где живут Аристотель и Шекспир, Бах и Спиноза, Эйнштейн и Ньютон, Маркс и Достоевский, Чайковский и Фрейд, Выготский и Моцарт, Узнадзе и Бергсон. Так в эпоху перемен выясняется, над КЕМ и над ЧЕМ перемены не властны.

Человек, над которым перемены не властны, основатель культурно-исторической психологии Лев Семенович Выготский однажды заметил, что строение человеческой личности, как и геологическое строение Земли, обладает

пластами разной древности. Во время землетрясения геологические породы обнажаются и глазу открываются ранее скрытые слои истории разной древности.

Нечто подобное происходит в эпоху перемен и с обыденной психологией, и с классической академической психологией. На наших глазах в сознании и в бессознательном у жителей СССР, ставшего Россией, обнажились пласты разной древности. Мы одновременно существуем в таком обширном потоке изменений, что об арифметически простом «раздвоении» личности, «раздвоении» культур, «раздвоении» политических систем, «раздвоении» социальных, гуманитарных и даже естественных наук говорить не приходится. И в этой ситуации геополитического сдвига эпох мысль о том, что *существует много психологий, но не существует единой психологии, столь часто повторяемая психологами, приобретает особый смысл. Она перестает быть диагнозом незрелости нашей науки, а становится спокойной констатацией реального положения дел.*

Пришла пора прозреть: *психологий действительно много.* Психологий не меньше, чем культур и исторических эпох, которые проживают отдельные личности и целые народы. И эти разные психологии произрастают из разных стилей мышления и разных вкусов. И к этим разным психологиям как к явлениям разных культур и нормальным проявлениям разных научных школ мышления вполне приложимы слова убитого тоталитарным режимом и ставшего бессмертным поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, сказанные о литературных школах: «Литературные школы живут не идеями, а вкусами: принести за собой ворох новых идей, но не принести новых вкусов, значит не сделать новой школы. Благодаря тому, что в России в начале столетия возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин снялись с места и двинулись к нам в гости». (*Мандельштам О. Слово и культура, 1987, с.66—67*).

И существование разных вкусов и разных психологий в эпоху перемен только заостряют стоящий перед каждым психологом вопрос о свободном выборе среди разных психологий психологии, близкой ему по духу, пони-

манию мира и, наконец, по любви к людям, эту психологию творившим. Этот вопрос — особый знак поиска и обретения «*точки опоры*» в избранной психологом личной жизни и профессии.

Вопрос о «*точке опоры*», о выборе изобретаемых в истории человечества культурах мышления и способах организации человеком своей жизни, как об этом рассказывал философ, по праву именуемый философом, Мераб Мамардашвили, представляет собой мета-вопрос, вопрос метафизики в ее современном понимании. Способность решать «*метафизические вопросы*», искать «*точку опоры*», прежде всего, предполагает необходимую во все эпохи, и особо востребованную в эпоху перемен возможность «*выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением. Это и есть так называемые личностные основания* (выделено мной. — А.А.). А если их нет, как это случилось в XX веке? Как вы знаете, одна из драматических историй (в смысле наглядно видимого разрушения нравственности и распада человека, распада человеческой личности) — это ситуация, когда по одну сторону стола сидит коммунист, а по другую, тот, кто его допрашивает — тоже коммунист. То есть представители одного и того же дела, одной и той же идеологии, одних и тех же ценностей, одной и той же нравственности. И если у того, кого допрашивают, нет независимой позиции — в смысле невыразимой в терминах конкретной морали, то положение ужасно. Можно выдержать физические мучения, а вот человеческий распад — неминуем, если ты целиком находишься внутри идеологии, и ее представляет твой же палач или следователь.

— Но он может считать, что заблуждается?

— Ну, вот это заблуждение как раз и разрушает личность. Потому что когда ты слышишь свои же собственные слова из других уст, которым не веришь и которые являются причиной совершенно непонятных для тебя фантазмагорических событий, то и стать некуда. Нет точки опо-

ры вне этого. *А метафизика предполагает такую точку* (выделено мной. — А.А.). И в этом смысле она — залог и условие не-распада личности. Конкретная история лагерей в разных странах показала, какую духовную стойкость проявляли люди, имеющие точку опоры (те, кто были «ходячие метафизики», скажем так). Тем самым я хочу сказать, что метафизика всегда имеет будущее» (*Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию, 1996, с.114*).

Я решился привести столь обширный фрагмент из этой книги Мераба Мамардашвили не только потому, что он трагично передает необходимость постановки метафизических вопросов и раскрывает лежащее в основании этой книги понимание *метапсихологии*. Психологу нечего прятаться от своих личностных смыслов. И поэтому я считаю нужным сказать, что именно благодаря Мерабу Константиновичу Мамардашвили, которого в самом начале семидесятых годов один из лидеров современной психологии декан факультета психологии МГУ Алексей Николаевич Леонтьев, пригласил читать курс «Методологические проблемы психологии» в МГУ, немало психологов моего поколения ощутили «необходимость себя». Этот поступок А.Н.Леонтьева, говорю об этом без преувеличения, во многом определил и мою собственную судьбу. Лицом к лицу лица не увидать. И вряд ли в те годы я с достаточной полнотой понимал, что встреча с философом Мерабом Мамардашвили помогла некоторым из нас стать психологами, почувствовать пьянящее, вполне неклассическое и нерациональное чувство свободы мышления. Чувство, дающее точку опоры и побудившее среди многих психологий избрать психологии, принесшие культуру неклассического релятивистского независимого понимания множественности мира.

Великое видится на расстоянии. В социальной биографии науки, как и в собственной личной биографии, порой срабатывает эффект обратной перспективы: чем дальше отодвигается во времени событие, тем более отчетливо, объемно проступают значение и личностный смысл этого события.

К числу событий, которое без оговорок можно назвать историческим для судеб психологии, относится рождение двух близких по духу культур мышления в двадцатых годах XX века, прорвавшихся по ту сторону сознания и ограничивающего мысль прошлых столетий *классического идеала рациональности* (М.К.Мамардашвили) — культур мышления Л.С.Выготского и Д.Н.Узнадзе. Попыткой приоткрыть значение этих событий является предлагаемая вниманию читателей книга «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Само название этой книги явно отсылает читателя к жанру метапсихологии и перекликается с такими вошедшими в золотой фонд человеческой культуры трудами, как труды Ф.Ницше «По ту сторону добра и зла», З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», Б.Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства». Лейтмотивом, проходящим через всю эту книгу, являются идеи М.К.Мамардашвили о соотношении классического и неклассического идеала рациональности в философии и научном познании мира.

В этой книге представлены как бы три витка общения сознаний школ Л.С.Выготского и Д.Н.Узнадзе, три взаимопроникающих пласта мышления. Метками этих трех пластов выступают как бы три фокуса внимания: психология установки, психология деятельности и как нерациональным объять рациональное. Названия этих разделов являются символическими и условными по многим обстоятельствам.

Они условны, прежде всего потому, что и Д.Н.Узнадзе, и Л.С.Выготский, и А.Н.Леонтьев, и яркий исследователь, без которого немислима «Психология деятельности» — Сергей Леонидович Рубинштейн, не идентифицировали себя только как авторов и представителей отдельных школ и теорий. Они всегда выступали как носители общей психологии, методологии психологии, а тем самым, обладали вполне обоснованной претензией на то, что их идеи и методы анализа покрывают все поле психологической науки. К примеру, А.Н.Леонтьев практически не характеризовал свое направление как «общепсихологическая теория деятельности», «деятельностный подход в психологии», или, тем паче, не именовал его «психологией деятельности». Да и метаморфо-

зы культурно-исторической психологии и так называемой «психологии деятельности» в значительной степени напоминают метаморфозы превращения гусеницы в бабочку, в которых присутствуют и разные жизни, и разные обличья одного существа. Что же касается Д.Н.Узнадзе, то и его гений творил именно общую психологию, инструментом конструирования которой служили представления об установке. И, тем не менее, я считаю разумным уплатить дань устоявшейся традиции и, что не менее важно, обыденному сознанию профессиональных психологов, облегчающему узнаваемость людей, идей и событий. Этой данью и стали два смысловых центра книги — психология установки и психология деятельности.

Второе обстоятельство, заставляющее акцентировать внимание на условности устоявшихся характеристик двух различных направлений психологии — «психология установки» и «психология деятельности» — имеет более глубинное основание. Оно приоткрывается тогда, когда происходит переход от психологии — к метапсихологии, к тому, что (в буквальном значении приставки «мета») стоит «за» психологией.

Чтобы понять психологию школы Д.Н.Узнадзе, необходимо постичь мета-психологию психологии установки, открыть то, что стоит «за» ней, погрузиться в ту культуру мышления, из которой школа Д.Н.Узнадзе произрастает. Вряд ли бы школа психологии установки столь органично вписалась в историю ведущих психологических школ XX века, если бы «за» психологией установки не проступали как ее исходные основания учение о монадах Готфрида Лейбница и «философия жизни», идеи о «жизненном порыве» как источнике творческой эволюции неутомимого французского философа Анри Бергсона. Д.Н.Узнадзе не раз писал и о том, что «душа проникла всюду». За этими словами угадывается связь мировоззрения Д.Н.Узнадзе с философской культурой Бенедикта Спинозы. С философией Спинозы Д.Н.Узнадзе роднит мысль *о человеке как причине самого себя*, то есть идея о человеке как самопричинном и, тем самым, свободном существе. Эта мысль достигает своего апогея в таком парадоксальном и убийст-

венном для традиционных подходов к пониманию причинности в философии тезисе школы Д.Н.Узнадзе, как положение о том, что *человек приходит в свое настоящее не прямо из прошлого, а конструирует свое настоящее, как претворение эскиза будущих действий*, как воплощение установок, то есть готовностей к будущим действиям.

Любимым ученым, которые рисковали говорить о роли будущего в целенаправленном поведении живых систем, был уготовлен костер. Их обзывали еретиками, мистиками и теологами. Но именно они, и среди них Дмитрий Николаевич Узнадзе, открыли путь в страну неклассического мышления, в мир неклассической психологии, в такую теорию относительности человеческих сознаний и бессознательного, которая подстать теории относительности Эйнштейна.

Теория установки по своей мировоззренческо-ценностной функции и в психологии, и в культуре изначально представляла протест против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира существа и марионетки. Мераб Мамардашвили не раз замечал, что для понимания культуры мышления того или иного философа необходимо восстановить ту ЗАДАЧУ, РАДИ которой воздвигаются мировоззрения, системы, теории. Иначе мыслитель будет укоризненно смотреть на нас из прошлого и повторять: «Простите, я не о том говорил». «Задачей» Д.Н.Узнадзе было порождение и исследование «человека свободного» как активного творца биосферы. Отсюда метапсихологии Д.Н.Узнадзе с самого начала при-сущи системно-исторический подход к человеку, положения о целевой детерминации жизнедеятельности и самодетерминации посредством функциональных тенденций поведения личности. Идеи Узнадзе, его вдохновенная *критика экспериментального рационального разума* помогли создать неповторимый Мир Дмитрия Узнадзе, в котором люди владеют не только прошлым и настоящим, но и будущим.

Когда проникаешь «за» психологию установки в метапсихологию, то открывается возможность диалога между «психологией установки» и «психологией деятельности».

И Д.Н.Узнадзе, и Л.С.Выготский (иногда явно, иногда косвенно) включились в еще не осмысленный с достаточной полнотой поединок за культуру неклассического мышления, поединок, до сих пор совершающийся между Спинозой и Декартом. В этом поединке сторону Спинозы решительно занимает Л.С.Выготский. В своей работе «Учение об эмоциях: историко-психологическое исследование»¹, написанной незадолго до смерти, Л.С.Выготский характеризует философию Спинозы как *одну из величайших революций духа, катастрофический переворот в прежней системе мышления*. Именно этот переворот в прежней системе мышления стал исходной точкой кристаллизации классической рациональной культуры мышления, изобретенной Рене Декартом, и неклассической релятивистской культуры мышления, изобретателем которой был Бенедикт Спиноза. Дело будущих историков психологии проследить «линию Декарта» (из культуры мышления которого выросли и продолжают расти учение о рефлексах И.М.Сеченова и И.П.Павлова, бихевиоризм Дж.Уотсона, когнитивная психология и многие другие направления классической объяснительной психологии) и «линию Спинозы» (культура которого проступает за описательной психологией В. Дильтея, интенциональной психологией Ф.Брентано, учением о преднамеренной деятельности и теорией поля К.Левина, экзистенциальной психологией В.Франкла и другими направлениями неклассического релятивистского мышления). В этом ряду — и «психология установки», и «психология деятельности».

Порой казусы, случайности, неожиданные жизненные эпизоды, подобно «ошибкам» и «оговоркам» в психоанализе, позволяют уловить близость казавшихся ранее несовместимых концепций. Так, как-то А.Н.Леонтьев, с некоторым удивлением и весьма понятным для семидесятих годов опасением, поделился со мной содержанием письма от одного из известных западногерманских филосо-

¹ В одном из вариантов эта рукопись, датируемая 1931—33 гг, носила название «Спиноза», в другом — «Учение Декарта и Спинозы о страстях...».

фов, полученного им после выхода в свет на немецком языке монографии «Деятельность. Сознание. Личность.» Западногерманский ученый в восторженных тонах писал, что он воспринимает идеи этой монографии как яркое продолжение традиций интенциональной психологии Франца Brentano и поздней «феноменологии» — «феноменологии жизненного мира» одного из самых загадочных философов XX века Эдмунда Гуссерля. И сегодня, когда проживаешь логику последних исследований А.Н. Леонтьева о «полях значений» и «образе мира», подобное восприятие метапсихологии, стоящей за монографией «Деятельность. Сознание. Личность», вовсе не кажется заблуждением познакомившегося с идеями А.Н. Леонтьева западногерманского философа.

Из песни слова не выкинешь. И поэтому, рассказывая о метапсихологии «психологии деятельности», исторически неверно и этически постыдно не сказать о философии Карла Маркса, в идеологической упаковке которой «психология деятельности» прожила многие годы в Советском Союзе.

Чтобы выразить свое отношение к этой философии, вновь приведу еще один жизненный эпизод, на этот раз уже из своей биографии. Недавно во время беседы с одним английским экономистом я услышал следующий вопрос: «Почему в России с такой яростью критикуют Маркса? Его исследования достаточно полемичны и глубоки». Действительно, почему в России те, кто вчера выплясывал ритуальные танцы поклонения марксизму, ныне закружились вокруг марксизма в неистовой каннибальской пляске? Причина подобных перевертышей банальна и поэтому верна: «Марксизм был религией». А раз один государственный бог умер, то да здравствует другой бог, или, по лучшим языческим канонам, другие боги. Не пора ли очнуться и, как английский экономист, с невозмутимостью отнестись к той культуре мышления, которая без сомнения связана с философией Маркса, и с разработкой в контексте этой философии категории «предметной деятельности». Маркс настолько же виновен в том, что его возвели в сан бога Ленин и Сталин, как Фридрих Ницше

повинен в том, что его именем божился Гитлер. Поэтому я испытываю боль и горечь, когда в философии и психологии третируют «психологию деятельности» и, прежде всего, Сергея Леонидовича Рубинштейна и Алексея Николаевича Леонтьева за то, что они развивали психологию в СССР, окрестив ее знаменем марксистской психологии. Куда ближе мне позиция М.К. Мамардашвили, который в самом начале семидесятых годов с невозмутимостью и уравновешенным гражданским героизмом повествовал изумленным студентам о том, что при анализе сознания и бессознательного такие исследователи (исследователи, а не небожители!), как Карл Маркс и Зигмунд Фрейд разными способами искали пути решения одной задачи — задачи происхождения сознания, искали путь «по ту сторону сознания».

Несмотря на то, что любые прогнозы, а тем более пророчества, дело неблагоприятное и опасное, в заключение рискну сказать, что у XXI века существует шанс войти в историю и методологию науки под именем века «неклассической рациональности». На наших глазах емкая и яркая сравнительная характеристика классического и неклассического идеалов рациональности, выстраданная жизнью Мераба Константиновича Мамардашвили, становится духом нашего времени и символом неклассического мышления. Обученные Мамардашвили, мы узнаем близких по стилю мышления ему людей в исследованиях Гастона Башляра «Новый рационализм» (2000), страстных критических атаках на рациональные реконструкции науки Пола Фейерабенда (см. его книгу «Против методологического принуждения. Очерк анархической теории познания», 1998) и ряда других методологов науки.

Мы осваиваем новые школы, новые вкусы, новые культуры мышления.

Мы живем в пространствах многих психологий, без страха воспринимая полифонию этой жизни как норму, а не патологию. И в этих пространствах, как в любых ситуациях выбора, нас подстерегает самая опустошающая опасность — опасность остаться никем, утратить «необходимость себя» и как личности, и как профессиональных

психологов. Необходимо осознать, что можно выбирать разные психологии и стоящие за ними культуры. Можно избрать культуру психоанализа, гуманистической психологии, когнитивной психологии, бихевиоризма, гештальтпсихологии и т.п. Можно, увы, избрать и индустрию массовой культуры, в которой спешащая за модой психология редуцируется в «массовый товар», становится обезличенной, стереотипной, стандартной и действует по конформистской формуле самодовольного практицизма «чего изволите». Избрав индустрию стандартизированной массовой культуры и вырастающую из нее «товарную психологию», психолог, говоря словами Эриха Фромма, может быть и сумеет «обладать многим», но вряд ли сможет «быть многим». Он совершит выбор в пользу «иметь», а не «быть».

Книга «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии» — книга для тех, кто ищет «точку опоры». Соавторами ряда глав этой книги являются Блюма Вульфовна Зейгарник, Марта Борисовна Михалевская, Любовь Семеновна Цветкова, Борис Сергеевич Братусь, Вадим Артурович Петровский, Евгений Васильевич Субботский, Адольф Ульянович Хараш, Евгения Иосифовна Фейгенберг, Аида Меликовна Айламазьян, Татьяна Юрьевна Марилова, Сергей Николаевич Ениколопов, Владимир Николаевич Иванченко. Надежным соратником, соавтором и преданным спутником любых поисков, описанных в этой книге, всегда была и остается Евгения Фейгенберг. Ценными советами при подготовке издания этой книги со мной безвозмездно делился мой друг и ученик Дмитрий Алексеевич Леонтьев.

Уверен, что все мои коллеги, принадлежащие к «Кругу Выготского, Леонтьева и Лурия» и к «Кругу Узнадзе», и прежде всего внесшие весомую лепту в становление автора книги ее соавторы, были бы счастливы, если бы психологи новых поколений обрели «точку опоры» в культурах, возвращающих конкретную психологию свободного человека, в культурах, стремящихся «быть», а не «иметь», в культурах достоинства, а не культурах полезности.

РАЗДЕЛ I. ПСИХОЛОГИЯ УСТАНОВКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УСТАНОВКА*

Памяти моего учителя

Алексея Николаевича ЛЕОНТЬЕВА

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВКА СТАБИЛИЗАТОРОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Есть теории, внутренняя логика развития которых приводит как к постановке ранее неизвестных проблем, так и к рождению нового взгляда на традиционные вопросы той или иной области научного знания. К числу таких теорий относится общепсихологическая теория деятельности. Контуры этой теории были намечены в исследованиях Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии в те дни, когда молодая советская психология, пройдя между Сциллой психологии сознания и Харибдой бихевиоризма, встала на путь самостоятельного развития. С тех пор прошло немало лет. Чем дальше развивалась теория деятельности, тем большее число различных психологических проблем — таких, как проблемы строения деятельности, взаимоотношения между психическим отражением и деятельностью, возникновения и развития психики, структуры сознания, становления личности и т.д. — находили в ней свое отражение. Для теории деятельности нет чужих проблем, так как ее последовательное развертывание приводит к постановке вопросов, охватывающих важнейшие достижения научной психологии. Одним из таких до сих пор не исследованных вопросов является вопрос о факторах, придающих предметной деятельности устойчивый характер, о стабилизаторах деятельности. Этот вопрос встанет в ходе психологического анализа деятельности, как только мы переходим от статического рассмотрения дея-

* Впервые опубликовано в 1979 г.

тельности к изучению ее динамики и пытаемся понять причины относительной устойчивости, стабильности деятельности в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих движение деятельности, вытекает из представлений о природе движения. Если рассматривать движение предметной деятельности как одну из форм движения вообще, то вполне естественно допустить, что в нем, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению направленности движения, в своеобразной инерции деятельности. Без них деятельность не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение. Она была бы подобна флюгеру и каждое мгновение изменяла бы свою направленность под влиянием любых воздействий, обрушивающихся на субъекта. Обычно стабилизаторы деятельности не проявляют никаких признаков существования до тех пор, пока движение не встречает на своем пути те или иные препятствия. Но стоит какому-либо препятствию появиться на пути деятельности, и тенденция к сохранению движения в определенном направлении тотчас даст о себе знать. Различные по природе проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Приведем некоторые из них. Бегун, столкнувшийся в ходе состязаний с неожиданным препятствием, при попытке остановиться падает или резко наклоняется вперед. Человек, читающий набранный латинским шрифтом текст, прочитывает слово «чепуха» как «реникса». Легендарный царь Крез, одерживающий одну победу за другой, воспринимает двусмысленное высказывание дельфийского оракула «если будет перейдена река Галис, то рухнет могучее царство» соответственно своим ожиданиям и нападает на персов. Его войска переходят реку, и могучее царство действительно гибнет, только им оказывается... царство самого Креза. Один из крупнейших физиков прошлого столетия Э.Мах так и не принимает до конца своей жизни теорию относительности А.Эйнштейна, резко противоречащую усвоенным им пред-

ставлениям о времени и пространстве. Чеховский герой, оберегая свой душевный покой, словно отталкивает от себя представление о существовании пятен на солнце, заявляя, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Из всех этих примеров явственно следует, что тенденция к сохранению движения в определенном направлении присуща самым различным формам движения и имеет две стороны. С одной стороны, она является необходимым внутренним моментом процесса деятельности, обеспечивающим его стабильность. С другой стороны, тенденция к сохранению движения в определенном направлении проявляется в том, что субъект деятельности становится «слепым» по отношению к разнообразным воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции. Подобного рода последствия существования тенденции к сохранению направленности движения в поведении человека с большой выразительностью были переданы выдающимся советским физиологом А.А.Ухтомским: «Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слушать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, то есть если наша деятельность и поведение направлены в другие стороны» (1973, с.254).

Итак, приведенные факты свидетельствуют о существовании тенденции к сохранению движения в определенном направлении на самых разных уровнях движения, в том числе и на уровне предметной деятельности. Однако между абстрактным положением, констатирующим наличие подобной тенденции в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того, чтобы через эту пропасть перебросить мост, следует рассмотреть, как представления о тенденции к сохранению направленности деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях проявления этой тенденции предстали перед исследователями.

В психологии наиболее адекватное и устоявшееся описание тенденции к движению в определенном направлении или готовности действовать определенным образом

выражено в термине «установка» и его многочисленных аналогах. Является ли установка стабилизатором деятельности? Поможет ли рассмотрение установочных явлений в деятельности субъекта глубже понять природу самих этих явлений? Приведет ли исследование этих двух вопросов к взаимному обогащению таких центральных психологических категорий, как «деятельность» и «установка»? Анализ поставленных вопросов и составляет основное содержание этой небольшой монографии. Этот анализ предполагает обращение к тем разнородным феноменам и концепциям установки, которые существуют в экспериментальной психологии, и прежде всего к разрабатываемой в течение многих лет в советской психологии теории установки Д.Н.Узнадзе.

При решении вопросов о месте и функции установки в деятельности субъекта открываются два возможных пути исследования. Один путь — это путь подробного рассмотрения представлений о природе установки и ее роли в регуляции поведения, накопленных в истории экспериментальной психологии. Встав на него, мы сразу же обретаем под ногами твердую почву в виде хронологической оси, придерживаясь которой и последовательно отвечая на вопросы «что? когда? кто?» можно добраться из глубокой истории до современных представлений о природе установки. Но в данном случае при таком, казалось бы, надежном подходе возникают серьезные трудности, так как значение, вкладываемое различными исследователями в понятие «установка», очень широко варьирует по своему содержанию, и термин «установка», взятый сам по себе, не может служить надежным ориентиром при анализе истории проблемы установки. Для того чтобы показать эластичность и чрезмерную перегруженность понятия «установка», достаточно привести длинную вереницу терминов, нередко рассматриваемых в качестве синонимов этого понятия и отражающих в концептуальном аппарате различных направлений многообразные проявления установки как состояния готовности к реагированию: установка (*Einstellung* или *set*), поза, ожидание, намерение, нервная установка, подготовительная установка, мотор-

ная установка, сенсорная установка, установка сознания (Bewusstseinslage или conscious attitude), predisпозиция, детерминирующая тенденция, целевая установка (goal set), заданная установка (Aufgabe или task-set), квазипотребность, информационная модель, вероятностное прогнозирование, антиципация, гипотеза, схема, валентность, вектор, функциональная фиксированность, доминанта, акцептор действия, ригидная установка, социальная установка (attitude), ценностная ориентация, черта, установка личности и т.д. Этот и без того внушительный ряд терминов, связываемых с проявлениями установки, продолжает расти, но обилие терминов не должно заслонить два противоположных полюса понимания природы установки, сложившихся в современной психологии. На одном полюсе — сведение установки к феноменам иллюзий, обусловленных фиксированной установкой. На другом полюсе — рассмотрение установки в качестве одного из центральных психологических понятий. Среди сторонников второго, расширенного понимания установки мы видим, например, некоторых социальных психологов, которые одно время определяли предмет своей науки как изучение социальных установок (см. об этом: *Allport G.*, 1935; *Ostrom*, 1968; *Rokeach*, 1968). Расширенного понимания установки придерживаются также исследователи, сближающие понятие установки с такими понятиями, как «образ потребного будущего» и «акцептор действия» (см., например, *Бжалава*, 1966, 1971), информационная модель (*Пушкин*, 1967), схема (*Moscovici*, 1962; *Fraisse*, 1961), гипотеза (*Bruner*, 1957), черта личности (*Allport G.*, 1935). Эти термины высвечивают разные стороны психической реальности, обозначаемой понятием «установка». Но в каком соотношении находятся фиксируемые этими терминами разные аспекты установочных явлений? Какая из двух полярных интерпретаций явления установки отвечает действительности? Эти вопросы представляют самостоятельную задачу исследования, решать которую можно только в том случае, если уже выработан свой взгляд на природу установочных явлений. Эта задача должна решаться не до решения проблемы о месте установки в структу-

ре деятельности, а после такого решения. Тем не менее, именно с ней в первую очередь встречается исследователь, избравший исторический путь анализа. В связи с этим мы вынуждены отказаться от чисто исторического хода анализа проблемы о месте и функциях установочных явлений в деятельности субъекта.

Второй путь решения проблемы о месте и функции установки в деятельности субъекта — это путь анализа современного состояния представлений о явлении установки. Пойдя по этому пути, мы попытаемся с позиций теории деятельности проанализировать основные положения теории установки Д.Н.Узнадзе и через этот анализ прийти к разработке представлений о конкретных психологических механизмах тенденции к сохранению направленности движения деятельности. Этот путь и определил в конечном итоге общую композицию нашего исследования.

В первой главе с позиций общепсихологической теории деятельности ведется анализ проблемы соотношения деятельности и установки в советской психологии. Главное внимание уделяется вопросу о взаимоотношениях между деятельностью и первичной унитарной установкой, и исследуются различные варианты решения этого вопроса. Показываются те противоречия, которые возникают при рассмотрении проблемы установки «в себе», т.е. вне деятельности. Существование этих противоречий доказывает необходимость отказа на современном этапе развития психологии от изолированного вне-деятельностного изучения явлений установки. Эти противоречия и разработанные в школе Д.Н.Узнадзе представления об установке позволяют наметить то русло, по которому в теорию деятельности может быть введено опускавшееся пока звено — явления установки.

Во второй главе предлагается решение вопроса о месте и функции установки в деятельности субъекта. Будучи рассмотренными в контексте теории деятельности, известные факты проявления установки предстают в новом свете. Они приводят к разработке гипотезы об иерархической уровневой природе установки как механизма, стабилизирующего процессы деятельности. Согласно этой гипотезе,

содержание и функции установок зависят от того, на каком уровне деятельности функционируют эти установки. В соответствии с основными структурными единицами, которые образуют психологическое строение деятельности, выделяются установки различных уровней и раскрываются их специфические особенности, а также анализируются отношения между этими установками и их вклад в регуляцию деятельности.

И, наконец, в третьей, заключительной главе предпринимается попытка, опираясь на представления об иерархической уровневой природе установки, дать систематизацию некоторых разрозненных фактов проявления установки, накопленных в ряде направлений зарубежной экспериментальной психологии.

Автор приносит глубокую благодарность своему учителю Алексею Николаевичу Леонтьеву, в постоянном общении с которым проводилось это исследование. Он искренне благодарен Александру Романовичу Лурия, в лаборатории которого была впервые изложена и нашла поддержку идея об уровневой природе установки, а также Ф.В.Бассину, А.В.Запорожцу, Ш.А.Надирашвили, А.Е.Шерозия и М.Б.Михалевской, каждый из которых оказал значительную помощь в ходе работы.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УСТАНОВКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблема соотношения деятельности и установки не раз вставала в отечественной психологии. И в этом нет ничего удивительного, так как в настоящее время теория деятельности и теория установки представляют собой наиболее четко выделившиеся и обладающие своим лицом направления, которые трудно спутать с любыми другими течениями отечественной психологии. Каждая из этих концепций, бесспорно, может являться предметом самостоятельного анализа, но нас в свете стоящей перед нами задачи исследования места установочных явлений в деятельности прежде всего интересует то, как в этих концепциях решается вопрос о взаимоотношениях между деятельностью и установкой. В решении этого вопроса существуют две прямо противоположные позиции. Представители школы Д.Н.Узнадзе в течение многих лет последовательно отстаивают идею о существовании первичной установки, предваряющей и определяющей развертывание любых форм психической активности (*Прангишвили*, 1967, 1972; *Чхартушвили*, 1971; *Надирашвили*, 1974; *Шерозия*, 1969, 1973 и др.). Исследователи, стоящие на позициях теории деятельности, не менее последовательно отстаивают альтернативную позицию, которая может быть лаконично передана формулой: «Вначале было дело» (*Леонтьев*, 1955, 1975; *Запорожец*, 1960; *Лурия*, 1945; *Эльконин*, 1957 и др.). В этой главе мы попытаемся с позиций теории деятельности во-первых, проанализировать разные варианты решения проблемы взаимоотношений между деятельностью и установкой и выявить причины, приводящие к противопоставлению деятельности и установки, во-вторых, на примере вопроса о связи поведения и установки показать последствия противопоставления деятель-

ности и установки, с которыми сталкиваются представители школы Д.Н.Узнадзе, и, наконец, в-третьих, самое главное, — наметить путь решения задачи о месте установки в структуре деятельности.

Естественно, что подобный анализ требует рассмотрения некоторых основных положений теории установки выдающегося советского психолога Д.Н.Узнадзе, и в первую очередь понятия, выражающего стержневую идею этой теории — понятия первичной унитарной установки.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ПОСТУЛАТА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ»

Без понимания той задачи, которая стояла перед Д.Н.Узнадзе, вряд ли удастся должным образом осознать стержневую идею теории установки. Если задача, ради разрешения которой родилась теория классика отечественной психологии Д.Н.Узнадзе, окажется близкой к той задаче, которую ставили перед собой создатели теории деятельности, то появится право сравнивать различные попытки ее решения и обнажится причина, приведшая к сорокалетнему противостоянию теорий установки и деятельности. Далее, если эта причина окажется устранимой, то откроется путь для сопоставления этих теорий, поиска точек соприкосновения и различий. Для того чтобы адекватно понять интересующее нас событие — появление задачи, ради разрешения которой была создана теория установки, — нужно восстановить исторический фон, выступивший в качестве условия этой задачи.

На заре экспериментальной психологии факт существования установки (готовности к действию) проявлялся в самых разных областях психической реальности, оставаясь неуловимым для исследователей. В психофизике и в исследованиях времени реакции он доставлял экспериментаторам массу хлопот, так как, будучи неким неконтролируемым фактором, искажал результаты измерений и порождал ошибки типа ошибок «ожидания» (изменения ответа испытуемого, вызванного предвосхищением изменения ощущения) и «привыкания» (тенденции испытуе-

мого реагировать на появление нового стимула тем же способом, которым он реагировал на предшествующее предъявление стимула), «личной» ошибки наблюдателя (ошибки запаздывания или упреждения при локализации движущегося объекта). В другой линии исследования — при изучении иллюзии веса и объемно-весовой иллюзии — понятия установки или ожидания привлекались для описания тех состояний испытуемого, которые как бы опережали проявление этих иллюзий.

В начале XX в. проблема установки стала разрабатываться в Вюрцбургской школе. Не останавливаясь здесь на подробном анализе представлений об установке в школе «безобразного мышления», обратим внимание лишь на ряд основных особенностей, которые характеризуют вюрцбургское понимание установки. Во-первых, в Вюрцбурге понятие установки прочно срослось с понятием активности. Активность же рассматривалась вюрцбуржцами в отвлечении от своего реального носителя, от субъекта. Отсюда и понимание различных психических процессов как суверенных образований. У Кюльпе мышление мыслило, у Титченера ощущение ощущало, а установка упрямо проявлялась и в восприятии и в мышлении, словно напоминая о необходимости целостного подхода к изучению психических явлений. Во-вторых, установка (детерминирующая тенденция) впервые получила свое функциональное определение как фактор, направляющий и организующий протекание психических процессов, т.е. была предпринята попытка указать те реальные функции, которые установка выполняет в психических процессах. Однако этими крайне важными для понимания проблемы установки моментами и ограничилась в основном разработка этой проблемы в Вюрцбургской школе. Понятие установки резко выпадало из строя понятий атомарной интроспективной психологии, внутренняя логика которой толкала психологов на поиски некоторой субстанции «установки» в психической реальности. Следуя традиционной психологии, вюрцбуржцы должны были бы найти и описать некий новый «атом», подобно тому, как они, ориентируясь на данные интроспективных отчетов, описывали ощущения,

образы, чувства и т.д. Но испытуемые «отказывались» отнести установку к какому-либо из известных состояний сознания. Поэтому, например, К.Марбе, столкнувшись с проявлениями установки при исследовании суждения, вынужден был добросовестно перечислить все психические процессы, заверяя, что установка есть «нечто», что не может быть отнесено ни к одному из этих процессов. Собственно говоря, К.Марбе тем самым негативно определил установку и зафиксировал это определение в концептуальном аппарате, введя термин «установка сознания».

Таковы в самой краткой обрисовке некоторые исторические события, обусловившие возникновение «задачи» Д.Н.Узнадзе. Мы говорим *некоторые* события, потому что с не меньшим успехом в качестве условий «задачи» могла выступить предыстория проблемы высших чувствований или высших психических функций, так как и в этих проблемах, как и в проблеме установки, со всей очевидностью проявлялась необходимость коренной перестройки самого фундамента здания психологической науки. Во всех этих областях с особой остротой проявлялись симптомы кризиса, разразившегося в 1920 годах в психологии. Уроки истории науки свидетельствуют о том, что в условиях кризиса необходимы выход из круга идей в какой-то определенной замкнутой области и обращение к более общим идеям, к тем постулатам, на которых строится мышление исследователей. В качестве индикатора кризиса может выступить наличие феноменов, не укладывающихся в сложившуюся концептуальную сетку. Поскольку реальность неоднократно наблюдаемых феноменов установки не вызывала сомнения, то это могло сыграть роль толчка, побудившего исследователей приступить к поиску постулата, на котором было воздвигнуто здание атомарной интроспективной психологии. Что же представляет собой идея, обусловившая тот факт, что представитель традиционной психологии «...застывает в беспомощном состоянии перед единичными результатами эмпирических исследований до тех пор, пока не раскроются принципы, которые он сможет сделать основой для дедуктивных построений» (Эйнштейн, 1965, с.6).

Базовой идеей, молчаливо или явно признаваемой представителями традиционной психологии, была идея о том, что «объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность» (Узнадзе, 1966, с.158). Д.Н.Узнадзе назвал эту идею «постулатом непосредственности».

Если мы вспомним слова Н.Н.Ланге, сравнивающего психолога конца XIX века с Приамом, сидящим на развалинах Трои, то уместно будет напомнить и о подарке коварных греков, который троянцы на собственных руках внесли в город. Таким троянским конем — «подарком» от мышления физиков и физиологов XIX столетия мышлению психологов — и был постулат непосредственности, приведший к развалинам «психологической Трои». Принимая осознанно или неосознанно этот постулат как исходную предпосылку экспериментального исследования, психолог оставался один на один с непреодолимыми трудностями, которые были обусловлены признанием постулата непосредственности и проявлялись в ошибках «ожидания» и «привыкания», иллюзиях установки, в таинственной неуловимости установки посредством интроспекции и, наконец, в беспомощности попыток поместить установку в арсенал устоявшихся категорий традиционной психологии.

Не менее рельефно признание постулата непосредственности сказывалось и в области высших чувствований, поскольку за тезисом представителей «понимающей» психологии о принципиальной невозможности причинного объяснения высших форм чувствования стояло все то же молчаливое признание механической причинности. «Описательная психология целиком и полностью принимает основную идею объяснительной психологии, заключающуюся в том, что причинное объяснение не может быть ничем иным, кроме механического сведения сложных и высших процессов к атомистически разрозненным элементам душевной жизни», — писал Л.С.Выготский (1970, с.125).

Признание схемы механистического детерминизма — постулата непосредственности — определило то, что пред-

ставители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида, резко обособили сферу психической реальности от действительности и оказались в замкнутом круге сознания. Только пересмотр самого фундамента психологии мог устранить препятствия, которые встали на ее пути, а такой пересмотр возможен лишь при выходе за сферу эмпирических фактов и специальных частных проблем типа проблемы установки или высших чувствований и обращения к методологическому анализу оснований психологической науки.

Этот шаг был сделан Д.Н.Узнадзе, который, проделав методологический анализ фундамента атомарной интроспективной психологии, выделил постулат непосредственности, являющийся исходной предпосылкой всей традиционной психологии. Искусственность конструкций, вынуждающих мысль исследователя двигаться в замкнутом круге сознания, неадекватность рассмотрения психики, обусловленная принятием постулата непосредственности, привели Д.Н.Узнадзе к постановке задачи о необходимости преодоления этого постулата, к идее о невозможности анализа сознания изнутри и, следовательно, к поиску такого посредующего двучленную схему анализа звена, которое само бы *не принадлежало к категории явлений сознания*. В процессе решения этой задачи была создана теория установки.

Быть может, некоторые другие идеи Д.Н.Узнадзе подвергнутся пересмотру, ибо это нормальная судьба всех живых теорий, но анализ постулата непосредственности и его роковых для психологии последствий, венчающая этот анализ идея опосредования двучленной схемы анализа через «подпсихическое» останутся непреходящей ценностью психологической науки, ее фундаментальной идеей.

В ПОИСКАХ «ОПОСРЕДУЮЩЕГО» ЗВЕНА

Постановка задачи о необходимости преодоления «постулата непосредственности» определила весь дальнейший ход развития мысли Д.Н.Узнадзе. Примерно с 1910 г. он

начинает поиски «опосредующего» звена, захватывающая картина которых открывается перед нами благодаря работам А.Е.Шерозия (*Шерозия*, 1969, 1973). В ходе этих поисков постепенно формируется понятие, которое в начале 1920 годов укрепляется в отечественной психологии под термином «установка».

Поиски «опосредующего» звена — среднего члена между физическим и психическим миром — вплоть до середины 1920 годов шли чисто в философском плане. Усилия Д.Н.Узнадзе были направлены на построение представлений о субстанции, порождающей психические явления и расположенной вне замкнутого круга сознания. Для дальнейшего понимания всего хода идей Д.Н.Узнадзе крайне важно осознать то, что логическое конструирование понятия, предназначенного для преодоления постулата непосредственности, постоянно опережало попытки подыскать «нечто», соответствующее этому понятию в реальном мире. Сначала были сформулированы признаки, которыми с точки зрения Д.Н.Узнадзе должна была обладать искомая субстанция. Попытаемся, ориентируясь на исследование А.Е.Шерозия, перечислить эти признаки.

1. Эта субстанция должна быть «посредником» и «принципом связи» как между физическим и психическим, так и между двумя психическими рядами. Только при этом условии она может быть предложена для преодоления постулата непосредственности.

2. Она должна быть не исключительно психическим, но и не исключительно физическим или физиологическим явлением. Подобный признак вводится потому, что введение чисто физического или психического звена не снимает постулата непосредственности.

3. В этой субстанции как в единстве должны быть представлены оба вида детерминации: физическая и психическая. Она должна быть чувствительной как к влияниям со стороны субъекта, так и со стороны объекта.

4. Она должна быть таким «переводчиком» событий, происходящих во внешнем мире, в психические явления,

который сохранял бы адекватность физических воздействий.

5. Ее отличительным признаком должна быть целостность, неразложимость на отдельные элементы.

6. Через нее должно осуществляться воздействие на субъективные психические явления. Психические же явления, в свою очередь, могут только через нее оказывать влияние на физический мир.

7. Эта субстанция — необходимое условие поддержания жизни субъекта.

8. Она должна *предшествовать* психическим сознательным процессам и существовать до появления сознательной психики, так как сама сознательная психика необходимо развивается из этой субстанции.

Таков перечень признаков, которыми должна обладать «опосредующая» субстанция. Введение такой субстанции даст, по мнению Д.Н.Узнадзе, возможность преодолеть постулат непосредственности в любой его форме, будь то принцип «замкнутой каузальности природы» В.Вундта, гласящий, как известно, что психические следствия имеют в своей основе только психические причины, или принцип «психофизического взаимодействия» Г.Фехнера.

В развитии идеи Д.Н.Узнадзе об опосредующем звене можно вычленить два периода: период разработки представлений о «нейтральном состоянии сознания» и период разработки представлений об общей унитарной первичной установке.

Первым концептом, призванным выполнить функции «среднего» звена, было «нейтральное состояние сознания». Д.Н.Узнадзе постоянно пытался найти в действительности феномен, отвечающий сформулированным выше признакам «опосредующей» субстанции — прообраз первичной общей установки. В этом феномене субъективное и объективное, сливаясь, должны как бы гасить друг друга.

В поисках этого феномена Д.Н.Узнадзе останавливается на таком состоянии сознания, в котором как бы исчезает индивидуальность субъекта и которое было бы лучше

всего охарактеризовать как «надындивидуальное видение мира»¹. Д.Н.Узнадзе, обращаясь к самонаблюдению, дает описание этого феномена: «Вспомните такой момент, когда перед сном ваши чувства и думы, меняясь, теряют определенность и индивидуальность, но при этом с какой-то механической силой сохраняют все же свое различие» (Узнадзе, 1910 — цит. по Шерозия, 1969, с.241). Легко увидеть, что за подобными поисками отчетливо проступает количественная концепция сознания Ледда, и описываемое Д.Н.Узнадзе нейтральное состояние сознания — это не что иное, как «минимум» сознания, не имеющий принципиальных качественных отличий от других состояний сознания. Следовательно, понятие нейтрального состояния сознания не может быть использовано в качестве «среднего термина» для преодоления постулата непосредственности.

Более чем через десять лет, в 1923 г., Д.Н.Узнадзе были сделаны первые наброски теории установки в исследовании под названием «Impersonalia». В этом исследовании Д.Н.Узнадзе решительно отмежевывается от существующего в то время и лишено положительных характеристик понятия «бессознательное» и выдвигает идею о субстанции, расположенной вне круга сознания — о «подпсихическом».

Под подпсихическим он понимает некоторое пограничное состояние, которое «...является все еще неведомой сферой, для которого совершенно чужды полюсы

¹ Яркое описание подобного «нейтрального состояния сознания» мы встречаем у М.Пруста. «Стоило мне заснуть в моей постели глубоким сном, во время которого для моего сознания наступал полный отдых, — и сознание теряло представление о плане комнаты, в которой я уснул: проснувшись ночью, я не мог понять, где я, в первую секунду я даже не мог сообразить, кто я такой; меня не покидало лишь первобытно простое ощущение того, что я существую, — подобное ощущение может биться и в груди у животного; я был беднее пещерного человека; но тут, словно помощь свыше, ко мне приходило воспоминание...» (Пруст М. По направлению к Свану. М., 1973, с.35—36).

субъективного и объективного...». И далее: «Мы вынуждены признать, что влияние объективного на живое существо в этой подпсихической сфере вызывает соответствующее себе “изменение”, являющееся адекватным выражением объективного, поскольку, оно лишено субъективной природы. Но так как оно лишено и объективной природы, то в нашем сознании переводится на “язык” психики в виде психических процессов и, следовательно, становится основой этих синтезов» (Узнадзе, 1923 — цит. по Шерозия, 1969, с.161). Функция этой неведомой сферы проявляется и в том, что «...интенция к объекту, заложенная в переживании всякого восприятия, возможно *опирается только на эту неведомую подпсихическую сферу*» ([курсив мой. — А.А.]; Узнадзе, 1923 — цит. по Шерозия, 1969, с.355). Неведомая подпсихическая сфера — область абстракции, лишенная конкретного психологического наполнения. Это остро чувствует сам Д.Н.Узнадзе и в дальнейшем непрерывно пытается найти конкретную почву для этой неведомой субстанции. Он предпринимает шаги в этом направлении, вводя понятия «ситуации» и «биосферы».

При разработке гипотезы «ситуации», поясняющей содержание подпсихического, неведомая сфера начинает приобретать конкретные психологические черты. Прежде всего, чтобы не возникло недоразумений, Д.Н.Узнадзе проводит резкое разграничение между «ситуацией» и внешней действительностью. В понимании Д.Н.Узнадзе ситуация — это не чисто внешний раздражитель или комплекс раздражителей, т.е. не объективное обстоятельство. С его точки зрения объективное обстоятельство лишь тогда может стать причиной поведения живого существа, когда оно отвечает сиюминутному состоянию, «расположению» этого существа. Тем самым Д.Н.Узнадзе вводит внутреннюю детерминацию в форме сиюминутного состояния, «расположения» или потребности субъекта, обогащая двучленную схему анализа, за которой скрывается «постулат непосредственности». Он замечает, что в зависимости от потребности меняется и ситуация — единство этой потребности и соответствующего ей внешнего раздражителя (Узнадзе, 1925). Но как потребность и соответствующий

ей раздражитель, субъективное и объективное, могут выступить в единстве? Каким образом происходит превращение внешнего агента в ситуацию? Относится ли ситуация к числу психических моментов? Откуда берется интенция к объекту, опирающаяся на неведомую подпсихическую сферу? Все эти вопросы повисают в воздухе. И тут Д.Н.Узнадзе прибегает к понятию «биосфера», которое он отождествляет с «принципом жизни» или «жизнедеятельностью» (Шерозия, 1969). Понятие «биосфера» фиксирует несколько моментов. Первый заключается в том, что подпсихическое — это ни в коей мере не психическая, но и не чисто физическая реальность. Второй момент подчеркивает то, что подпсихическое представляет собой необходимую ступень развития, предшествующую сознательной психике. И третий момент олицетворяет интерес создателя теории установки к вопросу о связи между «жизнедеятельностью», «принципом жизни» и «ситуацией». Д.Н.Узнадзе отмечает: «Если в основе целесообразности лежит только *расположение объединенного в одно целое объективного и субъективного*, то выходит, что оно и есть *принцип жизни*. Поэтому, думаем, мы в полном праве признать, что в его лице мы имеем дело с до сих пор *неведомой сферой действительности*, которую можно назвать биосферой. Все то, что подразумевается под названием “*ситуации*” или *объединенного в одно целое расположения*, надо думать, есть вызванное в биосфере положение. Неудивительно поэтому, что *задача разрешается прежде, чем живое существо осуществит ее в виде разных действий*. Неудивительно и то, что наглядное поведение живого существа должно происходить под руководством биосферы...» (Узнадзе, 1925 — цит. по Шерозия, 1969, с.261). Приведенный выше отрывок из работы Д.Н.Узнадзе не оставляет сомнений в том, что «состояние ситуации», в котором вставшая перед субъектом задача дана как одно целое расположение, признается фактором, лежащим в основе целесообразности и соответственно направленности поведения. Несомненно и другое: задача, представленная в ситуации и содержащая в перспективе поступки живого существа, отождествляется с жизнедеятельностью. Но си-

туация, которая на следующем этапе развития теории Д.Н.Узнадзе превратится в «установку», получив еще более конкретное выражение, есть фактор и условие жизнедеятельности, но никак не сама жизнедеятельность!

В дальнейшем Д.Н.Узнадзе никогда больше не возвращался к феномену «биосферы», к «биосферному» варианту преодоления постулата непосредственности. Однако именно на этом этапе развития представлений об установке впервые пересеклись категории деятельности и установки, и категория установки, если так можно выразиться, «поглотила» категорию деятельности. К последствиям этого события нам еще неоднократно предстоит вернуться.

Анализ понятия «ситуация» в теории Д.Н.Узнадзе показывает, что этим понятием обозначена вставшая перед субъектом, но не данная ему в сознании задача. Эта задача уже решена в том смысле, что она в потенции содержит свое решение и тем самым является основой свободного выбора дальнейших поступков и реакций живого существа, основой целенаправленного избирательного поведения. «Все, к чему сознание стремится, все, что оно в конце концов нам дает, по существу уже представлено в подпсихическом. Разница только в том, что там оно представлено *in puse...*» (Узнадзе, 1925 — цит. по Шерозия, 1969, с.261). В 1920 годы мысль о том, что то, к чему сознание стремится, т.е. цель действия, представлена до наступления этого действия в подпсихическом, причина позднее следствия, могла показаться кощунственной и противоречащей материалистическому пониманию психики. Однако в наше время после появления работ Н.Винера, Н.А.Бернштейна и П.К.Анохина представления о цели как ключевом моменте регулирования, определяющем относительную устойчивость и направленность поведения в непрерывно меняющемся потоке воздействий различных раздражителей на организм, прочно заняли свое место в науке о поведении. В связи с этим есть все основания назвать Д.Н.Узнадзе одним из предвестников этих представлений в психологии.

В поисках «опосредующего звена» формируются представления об установке. Весь ход этих поисков, а также

«задача» Узнадзе позволяют сделать следующие заключения: постановка задачи о преодолении постулата непосредственности и рассмотрение различных способов ее решения в исследованиях Д.Н.Узнадзе, предшествовавших экспериментальному анализу установки, позволяют резко противопоставить в методологическом плане концепцию Д.Н.Узнадзе всем вариантам понимания установки, существующим в психологии. В этом плане попытки вычертить прямую линию развития проблемы установки, скажем, от психофизической теории установки К.Марбе, детерминирующей тенденции Н.Аха, когнитивного ожидания Э.Толмена или установки Д.Хебба до теории установки Д.Н.Узнадзе (Колбановский, 1955; Бжсалава, 1966) являются неоправданными в принципе. Ограниченность подобных попыток состоит прежде всего в том, что содержание опосредующей субстанции, фиксируемой Д.Н.Узнадзе в 1920 годы термином «установка», не имеет ничего общего с содержанием, стоящим за этим термином, например, у К.Марбе, относящего установку к субъективным явлениям. В отличие же от Э.Толмена и Д.Хебба, направляющих свои усилия на анализ «центрального процесса» (установки, когнитивного ожидания и т.д.) — промежуточной переменной и пытающихся, по выражению У.Рейтмана, «выманить зверя из укрытия» (Рейтман, 1968), Д.Н.Узнадзе уже самой постановкой «задачи» и формулировкой признаков «опосредующей» субстанции показывает, что попытки искать этого «зверя» внутри замкнутого круга сознания или в физиологических механизмах мозга обречены на неудачу, так как постулат непосредственности не может быть преодолен изнутри.

Д.Н.Узнадзе и ведущие представители теории деятельности (см., например, Выготский, 1960; Леонтьев А.Н., 1975) решали общую задачу — задачу преодоления постулата непосредственности и вытекающей из него двучленной схемы анализа психических процессов: воздействие объекта — изменение текущих состояний субъекта. В одном случае в качестве среднего звена — субстанции, порождающей психические явления, — предлагается «подпсихичес-

кое» — первичная установка, в другом — предметная деятельность. Общность задачи, а также признаков опосредующей субстанции дают право на сопоставление этих вариантов ее решения.

В том случае, если понятие первичной установки наделяется признаками опосредующей субстанции, оно альтернативно категории деятельности, т.е. Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьев предлагают прямо противоположные варианты решения задачи о преодолении постулата непосредственности.

В ходе поисков «опосредующей» субстанций возникает разрыв между абстрактным содержанием, вкладываемым Д.Н.Узнадзе в понятие «установка», и конкретно-психологическим наполнением этого понятия. Вследствие этого в понятие «первичная установка» вкладываются два относительно самостоятельных значения: некоторое абстрактное содержание, которым должно обладать это понятие, чтобы выполнить функцию «опосредующего» звена, и конкретно-психологическое содержание первичной установки как фактора целенаправленной деятельности. Разрыв между абстрактным и конкретно-психологическим содержанием понятия «первичная установка» по мере экспериментальной разработки самой теории установки все углубляется и приводит к ряду парадоксов, которые, как будет показано далее, могут быть преодолены лишь ценой отказа от понимания первичной установки как опосредующего звена.

НЕКОТОРЫЕ ПАРАДОКСЫ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВИЧНОЙ УСТАНОВКИ

Вопрос о «первичности» установки, установочного отражения до сих пор остается дискуссионным, так как он является камнем преткновения на пути разрешения проблемы отношений между установкой и деятельностью. Дискуссия о «первичности» установки — это, по существу, дискуссия о категории, лежащей в основе психических явлений. С нашей точки зрения обсуждение альтернативы «первичная установка» или «деятельность»,

прозвучавшей во всех выступлениях на совещании по проблеме установки в 1955 г. и в несколько более смягченных формах продолжающей звучать и по сей день, выиграет, если будет переведено на почву исторического анализа содержания понятия «первичная установка».

В 1941 г. в исследовании «Основные положения теории установки» Д.Н.Узнадзе дает определение первичной установки. Он пишет, что установка — это «...своего рода целостное отражение, на почве которого может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в своеобразном налаживании, настройке субъекта, его готовности... к тому, чтобы в нем проявились именно те психические или моторные акты, которые обеспечат адекватное ситуации созерцательное или действенное отражение. Оно является, так сказать, “установочным отражением”. Содержание психики субъекта и вообще всего его поведения следует признать реализацией этой установки и, следовательно, вторичным явлением» (цит. по *Бжалава*, 1966). Это определение, будучи взято само по себе, оставляет возможность для свободы интерпретации. Какой смысл, например, вкладывает Д.Н.Узнадзе в термин «психическое», которое всегда вторично по отношению к установке? Что он имеет в виду, говоря о первичности установки? Чтобы ответить на эти вопросы и устранить излишние степени свободы в интерпретации этого определения, достаточно восстановить исторический контекст. Д.Н.Узнадзе, анализируя представления традиционной психологии, неоднократно подчеркивал, что ее представители отождествляли сознание и психику. В сознании современного психолога мысль о том, что психика не сводится к сознанию, укрепились столь прочно, что он автоматически подставляет иной смысл в термин «психическое» в определении Д.Н.Узнадзе, забывая порой, что в начале века такое понимание вовсе не относилось к классу банальных. Тогда «...для большинства философски образованных людей идея психического, которое одновременно не было бы сознательным, до такой степени непонятна, что представляется им абсурдной и несовместимой с простой логикой» (*Фрейд*, 1925, с.5). Правда,

Д.Н.Узнадзе упоминает о существовании направления, которое обращается к проблеме бессознательного — о психоанализе З.Фрейда. Но, по справедливому мнению Узнадзе, концепция Фрейда ни в коей мере не меняет действительного положения вещей в картине представлений традиционной психологии, поскольку «бессознательное» у Фрейда — это негативно определенное сознательное. И только. Рационализовав таким способом «бессознательное» в психоаналитической теории, Узнадзе устраняет любые возражения против своего тезиса, согласно которому в традиционной психологии «...все психическое сознательно, и то, что сознательно, является по необходимости и психическим» (Узнадзе, 1966). Все это наталкивает на мысль, что, по-видимому, говоря о первичности установки по отношению к психике, Д.Н.Узнадзе подразумевал психику в смысле традиционной психологии, т.е. психику как явление сознания. Более того, в своих ранних работах он неоднократно акцентировал внимание на том, что признак сознания является основным признаком психического: «...какое мы имеем право называть психическим нечто такое, что совершенно лишено основного качества психического — сознания» (1925; цит. по *Бочоришвили*, 1966, с.153). «Первичность» установки и мыслилась Д.Н.Узнадзе как прямая противоположность первичной данности явлений сознания, которые считались основными и единственными объектами изучения в традиционной психологии. В этом и вся методологическая нагрузка «первичности» установки в исследованиях Д.Н.Узнадзе, стоящего не перед альтернативой «установка или деятельность», а перед другим исторически совершенно оправданным вопросом: либо первичность, непосредственная данность субъективных переживаний и, как следствие признания этой «первичности» единственным объектом исследования, бесконечные странствия внутри круга сознания; либо попытка прорвать обычные границы психики и «...констатировать наличие чего-нибудь *принципиально отличного* [курсив мой. — А.А.] от всего того, что традиционно было установлено в ней» (Узнадзе, 1961, с.170). Таким образом, «первичность» в смысле Д.Н.Узнадзе и следует понимать

как оппозиционное понятие по отношению к «первичности» в смысле непосредственной данности явлений сознания. При таком содержании «первичности» становится понятной та страстность, с которой Д.Н.Узнадзе настаивал на положении о «первичности» и бессознательности установки. Ведь если бы установка была вторична по отношению к психическому, то ее введение ничего бы не дало для решения задачи преодоления постулата непосредственности. До этого момента анализировался лишь один из аспектов понятия «первичная установка», а именно то содержание, которому должно удовлетворять это понятие, чтобы выступить в функции «среднего термина». Из сказанного выше вытекает, что под «первичностью» в теории установки Д.Н.Узнадзе прежде всего имеется в виду «первичность» по отношению к сознательной психике.

Если же мы тем не менее вслед за некоторыми авторами предположим (см., например, *Бжалава*, 1971), что установка первична по отношению к любым формам поведения вообще, появляется до поведения и, следовательно, любые уровни деятельности являются производными от установки, ее реализацией, то при переходе к конкретно-психологическому содержанию понятия установки как тенденции, готовности к определенному действию столкнемся с серьезными трудностями.

Во-первых, признание примата установки над деятельностью не только в функциональном, но и в генетическом аспекте приводит к нивелированию всякого отличия установки от «либидо» З.Фрейда, «стремления к власти» А.Адлера или тенденции, влечения иррационалистической философии, согласно которой человеческая деятельность и есть лишь реализация некоей человеческой «самости». «Мы знаем об этой “самости” лишь... по тем следам, которые она оставляет в реальных эмпирических поступках человека. Теоретически ее можно представить как тенденцию к чему-то, возможность чего-то. Практически же она существует только в своих символических облачениях — в действиях и поступках человека» (*Кузьмина*, 1969, с.288). Признание установки первичной в этом смысле означало бы сведение ее исключительно к внут-

ренной детерминации и противоречило бы аксиоматическим положениям Д.Н.Узнадзе о необходимости для возникновения установки ситуации удовлетворения потребности и об установке как единстве двух видов детерминации. И не случайно Д.Н.Узнадзе, словно предвидя попытки неоправданного сближения его теории установки с некоторыми идеалистическими концепциями (Колбановский, 1955; Рудик, 1955), парирует их: «...Установка является соответствующей объективному положению вещей модификацией живого существа, отражением в нем как в целом объективного положения вещей. Для понятия же установки именно это и имеет существенное значение, и без этого указанное понятие не имело бы никакой ценности для психологии» (1940; цит. по Шерозия, 1969, с.191). Эта мысль Д.Н.Узнадзе заставляет усомниться в приписываемом установке примате над деятельностью и превращении ее в некоторую внутреннюю силу, напор, импульс, порождающий деятельность.

Во-вторых, при таком понимании «первичности» установки исследователь, решая вопрос об отношениях между восприятием и установкой, неминуемо попадает в заколдованный круг.

Парадокс состоит в следующем: необходимыми условиями возникновения установки являются потребность и ситуация удовлетворения потребности. Ситуация удовлетворения потребности только в том случае выступает как условие возникновения установки, если она воспринята субъектом, но любой акт восприятия, согласно теории Д.Н.Узнадзе, предполагает существование установки. Иными словами, для того чтобы возникла установка, должна быть отражена ситуация удовлетворения потребности, но ситуация не может быть отражена без установки.

Рассмотрим несколько попыток преодоления этого парадокса. Первая попытка — это попросту откровенный отказ от решения вопроса об отношениях между восприятием и установкой, выступивший, по мнению Ф.В.Бассина, в исследовании Д.Миллера, Ю.Галантера и К.Прибрама, в форме вопроса об отношении между Планами и поведением (Бассин, 1966). Упомянутые авторы отделява-

ются от решения этого вопроса изящным замечанием: «Наше отношение к вопросу, откуда берутся Планы, напоминает отношение бостонских дам к своим шляпам: “Моя дорогая, мы не получаем наши шляпы, у нас они есть”» (Миллер, Галантер, Прибрам, 1966, с.194). Подобная нейтральность к проблеме взаимоотношения между планом и поведением не проходит даром. Она не замедляет проявиться в том, что для объяснения иерархии компонентов деятельности авторы ссылаются на иерархию Т—О—Т—Е². «Операциональные компоненты схемы Т—О—Т—Е сами могут быть элементами этой схемы. Иначе говоря, схема Т—О—Т—Е включает как стратегические, так и тактические элементы поведения. Таким образом, операциональная фаза системы Т—О—Т—Е более высокого порядка может сама состоять из цепи других подобных же систем, а каждая из последних, в свою очередь, может содержать ряды таких же подчиненных единиц и т.д.» (Там же, с.48). Такого рода объяснение иерархической структуры поведения через иерархическую систему Т—О—Т—Е представляет, по справедливому замечанию Ф.В.Бассина, логическое соскальзывание, очень напоминающее ошибку типа *petitio principii*: «Если фактом, который подлежит объяснению, является иерархическая структура поведения, а каждый из компонентов этой структуры организован по схеме ТОТЕ, то разве не очевидно, что существование иерархии ТОТЕ заранее предрешается объясняемым фактом и что оно поэтому является лишь оборотной стороной этого факта, его отражением, следствием, но никак не может служить его объяснением!» (1966, с.10). Но дело не исчерпывается только одной этой логической ошибкой. Попытка объяснить иерархию деятельности через иерархию лежащих в ее основе регуляционных механизмов вступает в противоречие с ходом развития регуляционных механизмов и поведения в фи-

² Т—О—Т—Е — система «test—operation—test—exit» («проба—операция—проба—результат»), предложенная Д.Миллером, Ю.Галантером и К.Прибрамом в качестве единицы анализа поведения.

логенезе, поскольку поведение постоянно опережает в филогенезе формирование этих механизмов. Так, например, Н.А.Бернштейн, анализируя филогенез движений, обрисовывает те отношения, которые складываются в ходе филогенеза между центральными замыкательными системами и эффекторикой. Тщательно прослеживая эволюцию движения, он показывает, что исторически центральные замыкательные системы служили «подсобными для подсобных» и руководящая роль досталась им сравнительно недавно. В эволюции организм, вынужденный постоянно решать все новые классы задач, возникающие в изменяющейся среде, развивает свою эффекторику, и когда старый уровень управления оказывается не в силах справиться с эволюционирующим эффекторным аппаратом, происходит качественный скачок, рождается новый уровень управления движениями (Бернштейн, 1947). Следовательно, в филогенезе мы видим нечто противоположное тому, что предлагают Д.Миллер, Ю.Галантер и К.Прибрам: не иерархия регулирующих механизмов задает иерархию деятельности, а, наоборот, в филогенезе деятельность «строит для себя» иерархический аппарат управления. Тут мы должны оговориться во избежание возможных недоразумений. При исследовании вопроса об отношениях между деятельностью и установкой всегда необходимо четко различать два аспекта рассмотрения: *генетический и функциональный*. Сказанное выше целиком и полностью относится к генетическому аспекту рассмотрения, но отсюда ни в коем случае не вытекает, что и в функциональном аспекте наблюдается аналогичная картина взаимоотношений между установкой и деятельностью. Напротив, в функциональном аспекте установка, сформировавшаяся в предшествующей деятельности, может вести деятельность и определять ее устойчивость.

Вторая попытка преодоления парадокса принадлежит Ш.Н.Чхартишвили. Для выхода из создавшегося в теории установки затруднительного положения он обращается к теории отражения. Если рассмотреть живое существо только как вещь, как физический предмет, то оно, как и любой физический предмет, отражает воздействия из внешней

среды. В виде физического отражения, присущего всем уровням организации материи, в установку и входит объективный фактор — ситуация удовлетворения потребности, — оставляя след в организме наряду с другими физическими воздействиями. При появлении в организме потребности он становится чувствительным именно по отношению к тем физическим воздействиям, которые связаны с этой потребностью. «Когда в динамическое состояние живого существа, созданное определенной потребностью, попадает физическое отражение того предмета или той ситуации, которые могут удовлетворить эту потребность, то тогда оно, так сказать, “оживает”, теряет характер простого физического отражения и вместе с потребностью переходит в состояние установки, восходит, возвышается до установочного состояния» (Чхартишвили, 1971, с.147). Ш.Н.Чхартишвили приходит к выводу, что материальным базисом установочного отражения везде и всюду является физическое отражение и, следовательно, нет надобности для допущения какого бы то ни было восприятия, предшествовавшего возникновению установки. Положение о том, что в основе установочного отражения лежит физическое отражение, представляется правильным, но... и оно не дает выхода из парадоксальной ситуации, поскольку физическое отражение в снятом виде содержится во всех уровнях отражения. Бесспорно, что оно является, в том числе, и базисом установочного отражения. Однако из этого бесспорного положения никак не следует, что указанная выше особенность установочного отражения по отношению к физическому есть особенность, специфичная именно для установочного отражения.

И, наконец, третья попытка выхода из заколдованного круга взаимоотношений между восприятием и установкой. Ее автор — Д.Н.Узнадзе. Для того чтобы выйти из парадоксальной ситуации, Д.Н.Узнадзе вводит третий фактор возникновения первичной установки, помимо двух основных: потребности и ситуации удовлетворения потребности. «Мы должны признать, — пишет Д.Н.Узнадзе, — что в случаях актуальности какой-нибудь потребности и наличия объекта как условия ее удовлетворения субъект в

первую очередь, должен заметить, должен “воспринять” этот объект, чтобы затем, получив установку, быть в состоянии обратиться к соответствующим актам деятельности, рассчитанной на удовлетворение потребности. Словом, получается, что “восприятие” объектов, касающихся поведения, возникает раньше, чем установка на это поведение» (Узнадзе, 1961, с.172). Таким образом, третьим фактором возникновения первичной установки является «особое восприятие», которое Д.Н.Узнадзе, чтобы отличить его от восприятия, направляемого установкой, называет *замечанием*. По мнению Д.Н.Узнадзе, существуют три ступени развития восприятия: ступень замечания, ступень восприятия и ступень объективации, присущая исключительно человеку. Ступень замечания — самая примитивная ступень восприятия, представляющая по своему содержанию раздражение не субъекта как целого, а лишь его чувственных органов. Но вопрос в данном случае не столько в том, что конкретно Д.Н.Узнадзе понимал под «замечанием». Суть дела прежде всего заключается в том, что возникновению первичной установки всегда должна предшествовать какая-то, пусть самая примитивная, но *работа* — говоря словами А.Н.Леонтьева, *работа* всегда должна быть (1965, с.29).

Таким образом, Д.Н.Узнадзе находит выход из создавшегося парадоксального положения в отношениях между установкой и восприятием. Он допускает существование некоторой предварительной активности, некоторой работы, предшествующей возникновению первичной установки. Подобное допущение, введенное Д.Н.Узнадзе, имеет принципиальное значение, поскольку доказывает, что сам создатель теории установки не исключал возможности существования активности, предшествовавшей возникновению первичной установки.

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

— При исследовании первичной установки следует различать два плана анализа этого понятия: методологический и онтологический. При рассмотрении первичной установки в методологическом плане в поле зрения попадают те свойства первичной установки, которыми она

наделяется, чтобы выступить в качестве опосредующего звена, необходимого для разрешения задачи преодоления постулата непосредственности. Говоря об онтологическом плане рассмотрения, мы имеем в виду те реальные признаки, которыми обладает явление, названное первичной установкой.

— В методологическом плане «первичность» установки в момент возникновения этого понятия означала прежде всего «первичность» по отношению к психике, отождествляемой в традиционной психологии с сознанием. Лишь в более поздний период в понимание «первичности» установки был вложен иной смысл: «первичность» по отношению к деятельности. Такой перенос не является случайным, а закономерно вытекает из абстрактного понимания первичной установки как опосредующей субстанции.

— Подчеркивание Д.Н.Узнадзе принципиальной бессознательности установки было обусловлено задачей преодоления постулата непосредственности. Принципиальная бессознательность как характеристика установки в системе Д.Н.Узнадзе — это не что иное, как иносказание требования выйти за пределы замкнутого круга сознания.

— В онтологическом плане попытки считать установку первичной по отношению к деятельности приводят к парадоксам, подобным разобранному выше парадоксу, возникающему между установкой и восприятием: установка возникает до любой деятельности, в том числе и до восприятия, но для возникновения установки необходимо восприятие ситуации удовлетворения потребности. В поисках выхода из заколдованного круга «установка—восприятие» Д.Н.Узнадзе оказывается вынужденным допустить наличие некоторой активности, «предварительного замечания», и тем самым деятельности, предшествующей возникновению установки. Но это допущение, углубляющее представления о реальных условиях возникновения готовности к определенным образом направленной деятельности, рассогласуется с пониманием установки как опосредующей субстанции.

— Допущение активности, «предварительного замечания», в качестве третьего фактора возникновения установки приводит к введению деятельности в схему возникновения установки, но деятельности только как одного из условий, рядоположенного с двумя другими условиями — потребностью и ситуацией удовлетворения потребности.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЕРВИЧНОЙ УСТАНОВКИ

Вопрос о том, какое реальное психологическое явление стоит за понятием «первичная установка», нуждается в специальном анализе, так как конкретно-психологическое содержание первичной установки завуалировано абстрактным содержанием этого понятия. Некоторые авторы, имея в виду абстрактное содержание понятия «первичная установка», склонны полагать, что оно вообще не поддается непосредственному экспериментальному исследованию. Так, например, А.Е.Шерозия, совершенно справедливо отмечая, что через понятие первичной установки проходит линия водораздела между исследованиями установки в школе Д.Н.Узнадзе и в зарубежной психологии, отстаивает точку зрения о принципиальной невозможности прямого экспериментального изучения первичной установки. По мнению А.Е.Шерозии (1969, 1973), о свойствах первичной установки, являющейся объяснительным принципом психологической науки, возможно судить лишь опосредованно, через данные, полученные при изучении вторичной фиксированной установки. Так что же такое *первичная установка — универсальный абстрактный принцип, неведомая подпсихическая сфера или же конкретно-психологическое явление, играющее вполне определенную роль в деятельности субъекта?* Уход от ответа на этот вопрос не только возведет альтернативу «деятельность или установка» в ранг вечных проблем, но и даст широкие возможности для превращения первичной установки то в динамический стереотип, то в информационную модель, то в акцептор действия. Отмечая факт существования подобных превращений, противоречащих представлениям о первичной установке как об опосредующей субстанции, мы вов-

се не считаем их случайностью или недоразумением. Напротив, мы полагаем, что у таких авторов, как А.С.Прангишвили и И.Т.Бжалава, принимающих указанные понятия в качестве синонимов установки, были на то реальные основания. Но это никак не снимает поставленных выше вопросов, а лишь заостряет их, побуждая отыскивать эти основания. И одним из неизбежных шагов на пути этих поисков является исследование конкретно-психологического содержания, вкладываемого в понятие «первичная установка».

В исследованиях Д.Н.Узнадзе встречается описание явления, стоящего за первичной установкой. Обращаясь к хорошо знакомой каждому из нас ситуации, он приводит следующий пример. «Скажем, я чувствую сильную жажду, и в этом состоянии я прохожу мимо места продажи прохладительных напитков, мимо которого, впрочем, мне приходилось проходить ежедневно по несколько раз. На этот раз я чувствую, что вид напитков привлекает, как бы тянет меня к себе. Подчиняясь этому влечению, я останавливаюсь и заказываю себе воду, которая кажется сейчас мне наиболее привлекательной. Лишь только я удовлетворяю жажду, вода сейчас же теряет для меня привлекательную силу, и если я в таком состоянии прохожу около того места, оно остается вне моего интереса, или же бывает, что я его не замечаю вовсе» (Узнадзе, 1961, с.169).

Явление притяжения со стороны предметов, «побуждающего характера» предметов неоднократно описывалось в художественной литературе. Оно вовсе не обязательно сопровождается осознанием, как в приведенном выше примере. Иногда и потребность и сам ее предмет не выступают в сознании человека, но тем не менее властно определяют его поступки, «притягивают» человека к себе. Так, герой романа «Преступление и наказание» Раскольников, намеревающийся пойти в полицейскую контору, вдруг находит себя у того места, где им было совершено убийство старухи-ростовщицы. «В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была уже в двух шагах. Но, дойдя до первого поворота, он остано-

вился, подумал, поворотил в переулок и пошел обходом через две улицы, — может быть, без всякой цели, а может быть, чтобы хоть минуту еще потянуть и выиграть время. Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у *того* дома, у самых ворот. С *того* вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его» (*Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание). Мы видим, как какая-то непонятная сила влечет Раскольникова к месту преступления, и она, эта сила, словно действует помимо него. Два описанных случая глубоко отличны, но в них есть одна общая особенность, которая и становится центром интереса Д.Н.Узнадзе. При наличии некоторой потребности вещь, могущая удовлетворить субъекта, влечет его к себе и побуждает совершить акт, «требуемый» этой вещью и приводящий к удовлетворению потребности. Пусть в одном случае эта вещь — самый банальный стакан воды, а в другом — место преступления; пусть в одном случае состояние, вызванное потребностью и ее предметом, осознается, а в другом скрыто от человека, — все эти различия не должны укрывать общей особенности этих ситуаций. В обоих случаях специфическое состояние, возникшее у субъекта при наличии потребности и ее предмета, выражается в направленности, готовности к совершению определенного акта, отвечающего потребности, т.е. в установке.

На явление, описываемое понятием «установка», психологи не раз обращали внимание. В частности К.Левин исследовал «побуждающий характер» предметов (*Aufforderungscharakter*). Однако, как отмечает Д.Н.Узнадзе, это явление не было понято и использовано в науке в должной мере, несмотря на то, что оно имеет первостепенное значение для понимания поведения. В исследовании этого явления Д.Н.Узнадзе видит основную проблему психологии: «...Анализ психической деятельности должен начинаться в первую очередь с изучения модификации активного субъекта как целого, с изучения его установки» (1961, с.171).

Последуем за Д.Н.Узнадзе и попытаемся разобраться, как возникает установка, какую роль она играет в психической деятельности. При этом постоянно будем иметь в виду не абстрактное содержание первичной установки как неведомой подпсихической сферы, посредующей психические и физические явления, а тот конкретный феномен готовности, вызываемой потребностью, нашедшей свой предмет, который только что был описан. Вопрос о возникновении первичной установки, в свою очередь, разбивается на два более частных вопроса: о связи потребности и установки и о связи установки с ситуацией удовлетворения потребности.

Рассмотрим вопрос о связи потребности и установки. Потребность определяется Д.Н.Узнадзе (1966) как психофизическое состояние организма, выражающее нужду в чем-то, лежащем вне его. Если бы у организма не возникало потребностей, то он бы оставался недвижим. Потребность дает импульсы к активности, вносит в установку тенденцию перехода к активности, тем самым обуславливая одну из основных особенностей первичной установки — ее *динамичность*.

При самой разнообразной трактовке потребностей в психологии динамическая, побуждающая функция потребностей является общепризнанной. Д.Н.Узнадзе, описывая вклад потребности в возникновение установки, отмечает: «Среда сама по себе не дает субъекту никакого стимула действия, если он совершенно лишен потребности, удовлетворение которой стало бы возможно в условиях этой среды. Среда превращается в ситуацию того или иного нашего действия лишь сообразно тому, какой мы обладаем потребностью, устанавливая с ней взаимоотношения» (1940, с.74 — цит. по Шерозия, 1973). Взаимоотношения со средой, в ходе которых происходит превращение этой среды в ситуацию удовлетворения потребности, осуществляются в процессе активности, побуждаемой потребностью. Эта активность понимается Д.Н.Узнадзе не только как прием, гарантирующий организму средства удовлетворения потребности, но и как источник, благодаря которому появляется возможность непосредственного

удовлетворения потребности. До тех пор, пока в среде не найдены средства удовлетворения потребности, потребность «неиндивидуализирована», не наполнена, у субъекта нет установки. А это значит, что первично субъект никогда не подступает к действительности с уже готовой, сложившейся установкой! «Установка возникает у него в самом процессе воздействия этой действительности и дает возможность переживать и осуществлять поведение соответственно ей» (Узнадзе, 1940, с.74 — цит. по Шерозия, 1973). Допустим, что субъект впервые в своей жизни испытывает какую-либо потребность, и у него нет возможности опереться на прошлый опыт. Первое, что он должен предпринять, — это начать поиск тех средств, которые бы позволили ему удовлетворить потребность. Пока не найдены эти средства, пока среда не превратилась в ситуацию удовлетворения потребности, нет никаких оснований говорить о наличии у субъекта установки. Мы особо акцентируем внимание на этих положениях, чтобы оттенить кардинальный и, к сожалению, часто забываемый факт: до того, как в процессе активности не будут найдены средства удовлетворения потребности, до поведения установки не возникает! Мысль Д.Н.Узнадзе об активности — источнике средств удовлетворения потребности, — будучи доведена до своего логического завершения, принимает следующую форму: активность — источник возникновения установки. Активность и есть та субстанция, в которой происходит «встреча» субъективного и объективного видов детерминации, потребности и ситуации ее удовлетворения и, следовательно, рождается установка.

«Установку создает не только потребность и не только объективная ситуация. Для того чтобы возникла установка, необходима встреча потребности с объективной ситуацией, содержащей условия ее удовлетворения» [курсив мой. — А.А.] (Узнадзе, 1940 — цит. по Шерозия, 1973). В современных исследованиях, в частности в искусных экспериментах этологов, тщательно изучен процесс изменения активности, происходящей после «встречи» потребности с ее предметом (Лоренц, 1970; Тинберген, 1969). До «встречи» с потребностью активность носит разлитой ненап-

равленный характер; после «встречи» она приобретает устойчивую направленность, которая порой, особенно у животных, стоящих на низких уровнях биологической эволюции, оборачивается инертностью.

Подобная устойчивая направленность поведения является, по мнению Н.Ю.Войтониса, первым шагом к освобождению организмов от обязательного подчинения факторам среды данного момента и составляет необходимую психологическую предпосылку биологической эволюции (*Войтонис*, 1949).

В теории деятельности акт встречи потребности с ее предметом рассматривается как один из самых важных моментов в становлении поведения. «В психологии потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различия: различия потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности, и потребности как того, что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде... Лишь в результате “встречи” потребности с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность.

Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный, акт опредмечивания потребности — “наполнения” ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно психологический уровень» (*Леонтьев А.Н.*, 1975, с.88).

Мы считаем, что различение потребности как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует деятельность, нашло свое отражение в теории Д.Н.Узнадзе. Однако представление о первичной установке как об опосредующей субстанции помешало создателю теории установки с достаточной определенностью эксплицировать реально заложенное в его концепции различение потребности до «встречи» с предметом и потребности после «встречи» с предметом. Ведь в действительности Д.Н.Узнадзе показывает, что о психологическом содержании потребности может идти речь лишь тогда случае, когда она «встречается» в ходе

активности со «своим» предметом и вводит особое психологическое понятие, указывающее на состояние субъекта как целого после «встречи» потребности с ее предметом, выражающее готовность к деятельности, направленной на этот предмет. Он обозначает это состояние термином «установка».

До этого момента анализировались отношения между потребностью и установкой. Далее нам следует рассмотреть вопрос о вкладе в установку ее объективного фактора — ситуации удовлетворения потребности. Однако этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой взаимоотношения поведения и установки в концепции Д.Н.Узнадзе, и поэтому он будет рассмотрен в контексте этой проблемы.

Анализ онтологического статуса понятия первичной установки привел нас к следующим выводам.

— За понятием «первичная установка» в концепции Д.Н.Узнадзе стоит конкретно-психологическое явление, известное в психологии под именем феномена «побуждающего характера» предметов.

— В процессе возникновения первичной установки можно выделить три момента: потребность (предпосылка возникновения деятельности), активность и ситуация удовлетворения потребности. Первый и третий моменты образуют некоторое единство лишь в процессе активности, которая и является основным источником возникновения установки. Отсюда следует, что первичная установка представляет собой не что иное, как момент деятельности субъекта.

— В концептуальном аппарате теории установки представляется возможным выделить по отношению к деятельности две формы потребностей:

а) потребность до «встречи» с предметом ее удовлетворения — условие и предпосылка возникновения деятельности;

б) потребность после «встречи» со своим предметом — установка, направляющая процесс деятельности.

УСТАНОВКА И ЕЕ СВЯЗЬ С ПОВЕДЕНИЕМ. ПОПЫТКИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ УСТАНОВОК В ШКОЛЕ Д.Н.УЗНАДЗЕ

Несмотря на то что вопрос о связи объективного фактора, вызывающего установку, поведения и установки прямо не вставал в школе Д.Н.Узнадзе, попытки анализа самой установки, ее различных форм, взаимоотношений между первичной и фиксированной установками приводили к нему исследователей. Логика исследования явлений установки сталкивалась с логикой исследования установки как опосредующей субстанции, окольными путями выводя на деятельность, в которой только и существует установка. Анализ исследований по установке, приводящих к вопросу о связи объективного фактора, вызывающего установку, поведения и установки, позволяет, как будет показано далее, наметить перспективы решения задачи о месте установки в деятельности субъекта.

Наиболее ярко этот вопрос выступил в теоретическом исследовании Д.Н.Узнадзе, посвященном проблеме роли мотива в волевом поведении. Д.Н.Узнадзе проводит анализ этой проблемы на примере ситуации, хорошо известной каждому человеку. Представьте себе, что вы возвращаетесь после загруженного дня домой и собираетесь в соответствии с заранее намеченным планом приняться за работу. В это мгновение раздается телефонный звонок. Ваш знакомый сообщает, что ему удалось раздобыть пару билетов на редкий концерт. И тут начинается... В вас рождаются две противоборствующие тенденции: пойти на концерт или остаться поработать дома. Вам хочется пойти на концерт, вы мысленно взвешиваете все «за» и «против», представляете тот груз работы, который навалится на вас, если вы отважитесь на этот поступок, и в конце концов принимаете решение остаться дома. Вы остаетесь дома, так как в свете чего-то (?) ваша работа приобретает для вас гораздо большую ценность (Узнадзе, 1966).

Именно осознание этой ценности и есть мотив вашего поведения. Так или примерно так сказал бы представитель традиционной психологии. Фактически понимание

мотива как оценки последствий того или иного поступка означает, что мотив приравнивается к соображению, заставившему человека совершить определенное действие. Подобное понимание мотива было подвергнуто критике со стороны Д.Н.Узнадзе. По его мнению, оно является неприемлемым для психологии, поскольку неизбежно приводит к созданию резкой границы между мотивом и поведением, к их противопоставлению. При сведении мотива к оценке последствий поведения получается, что есть мотивы «за» и «против» поведения, а поведение существует само по себе. Если мотив — оторванная от процесса поведения оценка его последствий, то никого не должно удивить существование поведения с двумя противоположными мотивами. Тогда все зависит от точки зрения. За посещением концерта могут стоять тогда два противоположных мотива: «пустая трата времени» и «получение эстетического удовольствия». Д.Н.Узнадзе вполне допускает такое понимание мотива с позиций этики или криминалистики. Представителям этих областей важно расщепить поведение как объективно данный комплекс движений и достоинства или недостатки этого поведения. Поведение интересует их преимущественно как *физическое* поведение. Одно дело — поступок, другое — мотив этого поступка.

В психологии мотивы поведения и процесс поведения не могут, с точки зрения Д.Н.Узнадзе, изучаться изолированно друг от друга. Поведение — это не только комплекс физических движений. «Психически этот комплекс может считаться поведением только в том случае, когда он переживается как носитель определенного смысла, значения, ценности» (Узнадзе, 1966, с.402). Смысл и весь характер поведения определяются мотивом. Продолжая анализ ситуации с приглашением на концерт, Д.Н.Узнадзе вводит в нее еще одно условие: человек, отказавшийся пойти на концерт, внезапно узнает, что там будет его знакомый, встреча с которым для него необыкновенно значима. Тогда он меняет свое старое решение и отправляется на концерт. Но разве психологически посещения концерта при разных мотивах тождественны? Конечно,

нет. Они лишь внешне могут казаться тождественными, лишь «физически» могут быть приняты за совершенно идентичное поведение. Психологически же они глубоко различны, поскольку побуждаются и направляются разными мотивами. «Есть столько же поведений, сколько и мотивов, дающих им смысл и значение», — заканчивает Д.Н.Узнадзе свой анализ соотношения мотива и поведения (Узнадзе, 1966 с.403).

Мы видим, что при анализе соотношения мотива и поведения создатель теории установки, во-первых, решительно отказывается от сведения мотива к внутренней побудительной оценке и помещает его вне субъекта. «Встреча со знакомым», «потеря времени» — это примеры разных мотивов. К сожалению, Д.Н.Узнадзе не дает обобщающего определения мотива, и вследствие этого выделенное им отличие мотива от внутренней побудительной оценки утрачивается в последующих исследованиях по психологии установки. Между тем отнесение мотива к числу объективных факторов, определяющих поведение, весьма символично. Оно свидетельствует о том, что при решении вопроса о роли мотива в волевом поведении автор теории установки остается верен задаче «преодоления постулата непосредственности» — помещает мотив не в сферу переживаний, а в ситуацию удовлетворения потребности, т.е. относит мотив к числу объективных факторов, определяющих установку на поведение.

Во-вторых, Д.Н.Узнадзе подчеркивает неотъемлемость мотива от поведения. У него мотив — это основание для выделения поведения как такового. Это положение является общим не только для случая волевого поведения, о котором шла речь, но и для представлений Д.Н.Узнадзе о любом виде поведения вообще. Правда, при анализе поведения вообще Д.Н.Узнадзе не употребляет термин «мотив», а предпочитает говорить о цели в самом широком смысле слова или о предмете, «нужном» субъекту. Критикуя бихевиористское молекулярное понимание поведения, Д.Н.Узнадзе отмечает, что целостное поведение всегда соотносимо с понятием цели, и по меньшей мере естественно говорить о смысле и значении поведения, не

учитывая цели, которой оно служит. В этом контексте цель понимается автором теории установки как предмет, «нужный» субъекту. Он пишет: «То, какие силы приведет субъект в действие, зависит от нужного субъекту предмета, на который он направляет свои силы: особенности действия, активности, поведения определяются предметом» (Узнадзе, 1966, с.132), Таким образом, из объективных факторов, входящих в состав ситуации разрешения задачи, Д.Н.Узнадзе выделяет как доминирующий предмет, необходимый субъекту.

Однако, естественно, характер протекания поведения определяется не только вызвавшим его предметом. Автор теории установки учитывает этот факт и предполагает существование в целостной картине поведения относительно независимых частей. «Его [поведения. — А.А.] отдельные части, отдельные действия, служат одной цели и постольку составляют одно целое поведение, в котором каждое из них занимает определенное место» (Узнадзе, 1966, с.381). И продолжает, развивая свою мысль о структуре волевого поведения: «Плановое поведение является единым целостным, но сложным поведением. Намечена основная цель, определены средства, с помощью которых должна быть достигнута эта цель, и эти средства подготавливают и обуславливают друг друга, находятся в некотором иерархическом отношении друг с другом и, таким образом, объединяются в одно сложное единое целое» (Там же, с.381—382). Казалось бы, представление Д.Н.Узнадзе о существовании в общем потоке деятельности «отдельных» частей должно было повлечь за собой поиск содержательной характеристики этих «частей» и критерия их вычленения, а также привести к попытке их соотнесения с установкой. И такое соотнесение действительно производится, но только по отношению к самой важной детерминанте поведения — по отношению к предмету, «нужному» для субъекта, или мотиву. Предмет, «нужный» для субъекта, или мотив приводит к возникновению поведения и порождает у субъекта установку на выполнение этого поведения. Что же касается остальных, относительно независимых «частей» в целостной структуре поведения, то,

несмотря на оброненное Д.Н.Узнадзе замечание об их существовании, соотношение этих «частей» с «установками» на объективные условия ситуации, детерминирующие эти «части», остается долгое время без внимания. Между тем, по Д.Н.Узнадзе, *для установки основополагающим является именно содержательный или объективный фактор*, или, иными словами, то, *на что* направлена установка. Это положение об основополагающем значении содержательного или объективного фактора для понимания природы установки буквально требует соотнесения установки с объективными детерминантами ситуации, обуславливающими структуру поведения.

Д.Н.Узнадзе следует этому требованию при выявлении двух планов работы психики. За этим вычленением довольно отчетливо, по нашему мнению, просматривается различное отношение предмета, «нужного» для субъекта, т.е. одного из объективных факторов ситуации разрешения задачи, к установке. В зависимости от того, *непосредственно* или *опосредованно* предмет, «нужный» субъекту, вызывает установку на целостное поведение, Д.Н.Узнадзе выделяет план установки и план объективации.

В плане установки разворачивается импульсивное поведение. Для импульсивного поведения характерна непосредственная включенность субъекта в поведенческий акт. Оно осуществляется под влиянием актуального импульса сиюминутной потребности и отвечающего ей предмета, диктующего, в буквальном смысле этого слова, что нужно делать. *Стакан воды, стоящий на кафедре, «диктует» лектору, почувствовавшему жажду, взять и выпить его, не прерывая хода своих рассуждений; любая женщина, занятая многочисленными домашними делами, в момент появления недостаточно знакомого человека машинально поправляет волосы, направляясь навстречу гостю; заядлый курильщик, увлеченный каким-то разговором, механически разминает сигарету — все это примеры импульсивного и привычного поведения.* Хотелось бы особо подчеркнуть, что импульсивное поведение разворачивается у человека в русле актуальной установки лишь в простых, *стандартных* ситуациях, т.е. в тех ситуациях, где

ориентировочно-исследовательская деятельность уже сыграла свою роль — роль наполнителя установки содержанием. Поэтому-то при анализе установок, вызывающих поведение в простых стандартных условиях, порой возникает впечатление изначальной данности этих установок. Безраздельное господство в поведении человека установок, непосредственно вызываемых «нужным» предметом, кончается, когда перед человеком возникает задача, которую нельзя решить, опираясь на арсенал уже готовых форм поведения.

Если на пути поведения появляется препятствие, то возникает *задержка, остановка*, прерывающая реализацию установки импульсивного, или, как его еще иногда называют, практического, поведения. В этой задержке, остановке при столкновении с затруднением Д.Н.Узнадзе видит проявление специфического только для человека механизма *объективации*, благодаря действию которого человек выделяет себя из окружающего мира и начинает относиться к нему как к существующему объективно и независимо от него. Действие психологического механизма этой задержки проявляется в том, что человек видит, по выражению Д.Н.Узнадзе, что существует мир и он в этом мире.

Развивая мысль об объективации, Д.Н.Узнадзе заостряет внимание на социальной обусловленности этого акта, а следовательно, и всех процессов, происходящих на базе объективации. Резкие изменения при переходе к человеческой ступени развития претерпевает и установка. Она уже не непосредственно, как это было на уровне практического поведения, детерминирует любые действия субъекта, а сама формируется в процессе деятельности, развертывающейся на базе объективации. Иными словами, основная отличительная особенность установки в плане объективации заключается в том, что она является продуктом деятельности субъекта. На страницах, завершающих во времени все то, что было написано создателем теории установки, эта особенность установок выдвигается на первый план. Исследуя волевое поведение, Д.Н.Узнадзе решительно заявляет, что волевая активность предшествует уста-

новке и вызывает ее актуализацию. Эта опосредованность установки поведением, побуждаемым и направляемым мотивом представляет собой первую и наиболее существенную ее особенность в плане объективации вообще и в волевом поведении в частности. «Волевое поведение не опирается на импульс актуальной потребности», — замечает Д.Н.Узнадзе (Узнадзе, 1966, с.377).

Описывая новые свойства установок в плане объективации, автор теории установки рисует картину происхождения различных форм установки, которая представляет скорее эскиз будущей концепции о роли разных видов установки в поведении, чем законченное произведение. В этой картине неявно проступают черты нескольких видов установок, различных по своему происхождению.

Первое и самое очевидное расчленение установок — это разделение их на два класса по критерию отношения к «нужному» предмету: «непосредственные» и «опосредованные».

К «непосредственным» установкам относятся установки практического поведения. В классе «опосредованных» установок, формирующихся в процессе сознательной психической деятельности, выделяются, в свою очередь, два вида:

— индивидуальные установки, т.е. возникшие в процессе собственной деятельности человека в плане объективации. Так, например, человек, спешащий на работу, не находит на привычном месте своей авторучки. Происходит «задержка», данный практический акт «выключается» из цепи других поведенческих актов и объективируются обстоятельства, мешающие дальнейшему протеканию практического поведения. «Покопавшись» в своей памяти, человек вспоминает, что авторучка осталась в другом костюме, и, следовательно, перед ним встает весьма конкретная задача, вызывающая установку на ее выполнение. Это и есть индивидуальная установка, опосредованная актом объективации.

— установки, опосредованные чужой объективацией. К этому виду принадлежат установки, возникшие в прошлом у богато одаренных личностей и перешедшие затем

«...в достояние людей в виде *готовых формул*, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Источником, откуда черпаются такого рода формулы, является воспитание и обучение...» (Узнадзе, 1961, с.203). По сути, говоря об этом виде установок, Д.Н.Узнадзе впервые в русле теории установки предпринимает попытку перекинуть мост между разными поколениями и ставит проблему усвоения индивидом общественно-исторического опыта.

Итак, Д.Н.Узнадзе выделяет несколько форм или видов установок по их отношению к «нужному» предмету и по их происхождению. При этом логика систематизации разных форм установок — это логика движения от объективного содержательного фактора к пониманию специфической природы установки. Первая попытка систематизации установок (а не их свойств или функций!), предпринятая Д.Н.Узнадзе, порождает целый ряд вопросов, которые фиксируют «точки роста» его теории и служат надежным залогом ее дальнейшего развития. Д.Н.Узнадзе говорит о возникновении установок в ходе усвоения «готовых формул» и о разных формах установок в деятельности человека. Но как происходит усвоение этих «готовых формул»? Что они собой представляют? И, наконец, какие отношения складываются между различными видами установок?

Вопрос об отношениях, складывающихся между разными формами установок, является критическим при анализе проблемы связи поведения и установки, так как при решении этого вопроса со всей остротой проявляются последствия как вычленения разных форм установок по критерию их отношения к предмету, «нужному» для субъекта, так и аморфного рассмотрения структуры поведения. Разберем вначале те трудности, с которыми сталкиваются исследователи при вычленении установок только по их отношению к «нужному» предмету, на примере отношений, складывающихся между установками практического и теоретического поведения, а затем коснемся некоторых попыток систематизации установок. По Д.Н.Узнадзе, появление установки на базе объективации воз-

можно только при наличии теоретической потребности. При этом практическое поведение, развертывающееся под влиянием соответствующей ему установки, «выключается» и уступает место совершенно другому поведению, ведомому теоретической установкой. По-иному и не может быть, поскольку у Д.Н.Узнадзе за установкой и реализующим ее поведением всегда стоит мотив или предмет, «нужный» субъекту, и, следовательно, смена предмета равносильна смене установок и появлению совершенно нового поведения. Если это так, то из положения Д.Н.Узнадзе о появлении установки в плане объективации только при наличии теоретической потребности неизбежно вытекает своего рода «запараллеливание» между установками практического и теоретического поведения. Этот момент не ускользает от внимания Ш.Н.Чхартишвили (1971), который справедливо отмечает, что при принятии положения о появлении установки только при наличии теоретической потребности остается непонятным, на какой почве возникли первые акты объективации и первые процессы мышления. Стоит нам довести этот вопрос до логического завершения, и он станет критическим для представлений об объективации в целом, обретая следующую форму: «На какой почве появилась психика человека»? Ш.Н.Чхартишвили возражает против резкого разрыва между практическими и теоретическими установками. Он приводит пример, иллюстрирующий возникновение теоретической установки. Этот пример выглядит примерно так. У молодого человека, собирающегося на свидание с любимой девушкой, никак не одеваются ботинок, и все его усилия оказываются тщетными. Тогда, порядком разнервничавшись, он начинает разбираться, в чем дело, и с досадой обнаруживает, что, увлекшись мечтой о встрече с любимой девушкой, он упорно пытался натянуть ботинок своего брата.

Д.Н.Узнадзе, вероятно, проинтерпретировал бы эту ситуацию таким образом: препятствие, возникшее при одевании ботинка, парализует установку, направленную на встречу с девушкой; возникает теоретическая потребность в выявлении причины задержки, оформляющаяся

под воздействием ситуации в установку, которая, в свою очередь, направляет мышление и в конце концов приводит к решению задачи. Затем вновь происходит переключение из плана объективации в план актуального практического поведения.

Почти полное отсутствие зависимости установок от структуры поведения со всей очевидностью проступает в подобной интерпретации. Поскольку все перечисленные выше виды установок могут быть выделены применительно к поведению только по одному критерию — предмету, «нужному» для субъекта, или, в случаях волевого поведения, по мотиву, то у Д.Н.Узнадзе не остается другого выхода, как приостановить поведение, реализующее одну установку, и «включить» совершенно обособленное, независимое от первого поведение. Согласно теории Д.Н.Узнадзе, одно поведение не может развертываться на базе двух или нескольких актуальных установок, и соответственно появление теоретической установки равнозначно появлению независимого поведения. Приняв интерпретацию описанного случая, которую надлежало бы дать, следуя положению о возникновении теоретической установки лишь на основе теоретической потребности, мы должны будем предположить, что оказались свидетелями двух независимых, обособленных друг от друга типов поведения, протекающих у юноши: практического и теоретического. Тогда, например, становится странным и непонятным бурное волнение, охватившее юношу из-за такого пустяка, как задержка при одевании ботинка. Этот факт трудно объяснить, если под влиянием теоретической установки «включается» поведение, обособленное от поведения, реализующего установку на встречу с любимой девушкой. Ш.Н.Чхартишвили пытается выйти из этого противоречия, предполагая возможность возникновения внутри поведения, реализующего установку на встречу с любимой девушкой, установки на препятствие. Тем самым Ш.Н.Чхартишвили фактически отходит от позиции Д.Н.Узнадзе, следуя которой установку можно выделять только по отношению к предмету, «нужному» для субъекта.

В исследованиях Ш.Н.Чхартишвили, развивающего концепцию Д.Н.Узнадзе, особенно сильна тенденция рассмотрения поведения в связи с установкой. Он пытается, в частности, соотнести установки с отдельными моментами поведения при обсуждении проблемы взаимоотношений между первичными и фиксированными установками. Напомним, что под фиксированной установкой понимается готовность к повторной актуализации определенного способа действия, реализующаяся при столкновении субъекта с теми условиями, на которые эта установка ранее была выработана. Анализируя взаимоотношения между первичными и фиксированными установками, Ш.Н.Чхартишвили показывает глубокое различие между ними. Это различие, с его точки зрения, столь велико, что для обозначения фактора, обуславливающего различные установочные иллюзии, вообще нужно подыскать какой-нибудь другой термин. Отстаивая свою точку зрения, Ш.Н.Чхартишвили перечисляет признаки первичной и фиксированной установок, показывая, сколь велико различие между этими понятиями. Так, первичная установка — это всегда состояние субъекта, его модус, в котором заранее отражен общий характер всего поведения. Во-вторых, первичная установка — явление динамического порядка. В-третьих, первичная установка «сама снимает себя» после того, как совершены акты поведения, приведшие к удовлетворению потребности, т.е. первичная установка — это переходящее состояние. Ей присуща целостная природа. И, наконец, она определяет ход течения явлений сознания, никогда не вступая в пределы сознания.

В отличие от первичной установки, фиксированная вторичная установка принадлежит к «состояниям хронического порядка», которые иногда сохраняются в течение всей жизни. Вторичная установка существует в инактивном виде до тех пор, пока не попадает в те условия, на которые она выработана. После появления этих условий на базе фиксированной установки развивается именно то действие, в котором она ранее была зафиксирована, независимо от того, адекватно это действие ситуации или нет. И далее, у индивида одновременно может быть неограниченное ко-

личество фиксированных установок. Перечислив все эти признаки первичной и фиксированной установок, Ш.Н.Чхартишвили делает вывод, что фиксированная установка — традиционный объект исследований в школе Д.Н.Узнадзе — вообще не может быть признана установкой! Приводя дальнейшую аргументацию в пользу этого положения, он особо останавливается на различном отношении первичной и фиксированной установок к поведению. Первичная установка соответствует поведению как целому, и в ней с самого начала предусмотрена структура ситуации того поведения, которое должно осуществиться на ее основе. По-иному связаны между собой поведение и фиксированная установка. Опираясь на тот факт, что фиксированная установка приводит к возникновению иллюзии, Ш.Н.Чхартишвили указывает на соотношенность иллюзии фиксированной установки с отдельными фрагментами поведения. Он пишет: «Обычно иллюзии и ошибки фиксированной установки могут касаться *только отдельных структурных моментов — отдельных действий и операций* [курсив мой. — А.А.], а не основной структуры поведения, его основного каркаса» (Чхартишвили, 1971, с.26). Интересный теоретический анализ, проделанный Ш.Н.Чхартишвили, позволяет глубже понять специфику разных форм установки — первичной и фиксированной. Особенно ценной в этом анализе является попытка соотношения различных форм установок со структурными моментами поведения. Однако вывод о том, что фиксированная установка вообще не является установкой, звучит неожиданно. Чтобы лучше ощутить всю неожиданность этого вывода, мы вынуждены будем сделать отступление и напомнить о той роли, которую сыграли в развитии школы Д.Н.Узнадзе исследования фиксированной установки.

О проявлениях фиксированной установки судят по тем искажениям, которые она вносит в процесс поведения. Эти ошибки и искажения говорят о том, что в ряде случаев фиксированная установка может приобрести относительную самостоятельность и независимость от задачи, поставленной перед субъектом. В этой относительной независимости от задачи заключается фундаментальная осо-

бенность фиксированной установки, которая наложила неизгладимый отпечаток на весь ход исследования проблемы установки в экспериментальной психологии. Благодаря ей психологи узнали о существовании установки. Из-за нее в умах многих исследователей установка устойчиво ассоциируется с фактором, вносящим искажение в разные виды деятельности. В исследовании этой особенности Д.Н.Узнадзе увидел путь к изучению многообразных свойств установки. Он искусственно создал ситуацию, в которой установка открывалась перед исследователем *в кажущейся независимости от деятельности*, и превратил эту ситуацию в метод исследования установки. Такой шаг был необходим, и Д.Н.Узнадзе сделал его в поисках подхода к решению главной проблемы — проблемы исследования первичной установки. Так появился метод «фиксации установки», с помощью которого Д.Н.Узнадзе и его ученикам удалось изучить саму сущность фиксированной установки по той роли, которую она играет в возникновении, развитии и угасании различных иллюзий и «нарушений» в процессах психической активности. В мировой психологии ни одна школа не сделала в этом направлении большего, чем школа Д.Н.Узнадзе. Последователи Д.Н.Узнадзе, вдохновленные своим учителем, открыли и детальнейшим образом исследовали характеристики фиксированной установки: динамичность (статичность), пластичность (грубость), лабильность (стабильность), генерализацию, иррадиацию, фазовый характер и т.д. Идя по пути Д.Н.Узнадзе, они создали целый ряд тонких методов исследования фиксированной установки: метод «нейтрального шрифта» З.И.Ходжавы, метод «субсенсорных раздражителей» Б.И.Хачапуридзе, исследование фиксированной установки на материале послеобразов (И.Т.Бжалава) и т.д. Без этих исследований нельзя было бы подойти к главной проблеме — к изучению первичных установок. Однако в ходе исследований фиксированной установки незаметно произошел «сдвиг мотива на цель», т.е. мотив «изучение первичной установки» временно сместился на цель «изучение фиксированной установки», которая приобрела вполне самостоятельное значение и оставалась основной

целью исследования в течение последних сорока лет. Поэтому вывод Ш.Н.Чхартишвили о том, что явления фиксированной установки вообще не относятся к классу установочных явлений, звучит столь неожиданно.

С этим выводом трудно согласиться, несмотря на то, что выделенные Ш.Н.Чхартишвили специфические признаки первичной и фиксированной установок со всей ясностью показывают их различие. Однако набор специфических признаков первичной и фиксированной установок не должен заслонить общего и основного признака, объединяющего эти две различные формы установочной регуляции деятельности. Ведь в обоих случаях мы имеем дело с тенденцией к реагированию в определенном направлении, с готовностью к действию. И эта характеристика установочных явлений является главной как в исследованиях школы Д.Н.Узнадзе, так и в зарубежной психологии. Конечно, ею никак нельзя ограничиться, и под нее попадают самые разные установки, начиная от нервно-мышечных и моторных установок и кончая мировоззренческими установками. Но это означает лишь то, что необходимо установить связь между этими формами установок, а не изгонять наиболее изученную в настоящий момент форму установки — фиксированную установку — из класса установок вообще. Именно то, что общего указания на готовность как на основную особенность установки явно недостаточно, что нельзя разные проявления установки подводить под одну универсальную безликую установку, и доказывает кропотливый сравнительный анализ свойств первичной и фиксированной установок, проделанный Ш.Н.Чхартишвили. Этот анализ еще раз убеждает в том, что нельзя бесконечно двигаться путем возведения к общему. Этот путь как показал Л.С.Выготский, неизбежно приводит к полной утрате конкретного многообразия и специфики изучаемого явления. Однако не следует впадать и в другую крайность — не видеть за многочисленными специфическими свойствами установок объединяющей их общей особенности. На наш взгляд, из исследования Ш.Н.Чхартишвили вытекает не вывод о том, что фиксированная установка вообще не относится

к установочным явлениям (вывод, противоречащий представлениям об установке как готовности к действию), а только то, что различные по своей природе установки не могут быть приведены к одному общему знаменателю — единой всепоглощающей установке. Такое сведение будет тем не менее происходить, пока во всей полноте не будет поставлен вопрос о содержании, которое та или иная форма готовности выражает в деятельности и от которого зависит ее специфика. Согласно Д.Н.Узнадзе, содержание установки зависит от объективного фактора, вызывающего установку. Следовательно, при исследовании содержания установки каждый раз необходимо найти тот предмет в ситуации разрешения задачи, на который направлена установка, и то, какую роль выполняет этот предмет в детерминации деятельности. Поэтому, чтобы найти действительные причины различия разных форм установок — первичной и фиксированной, — следует выявить место вызывающего их объективного фактора в поведении и исследовать, каким образом этот фактор отражается субъектом, т.е. дать его содержательную характеристику. К сожалению, в ходе этих поисков само обозначение различных форм установок как первичных и фиксированных может повлечь за собой ложное предположение, будто термины «первичность» и «фиксированность» означают только различные моменты, которые установка при формировании проходит во времени. В экспериментальном исследовании «первичность» имеет исключительно операциональный смысл, т.е. она является лишь указанием на то, что еще не произошел процесс фиксации посредством установочных опытов. И только. Тогда остается совершенно непонятным, почему свойства первичной установки столь резко отличаются от свойств фиксированной установки. Термины же «первичность» и «фиксированность» не несут указаний на содержание разных форм установок и затушевывают существующее между ними различие.

Итак, исследования установки и поведения, выделение разных видов поведения и лежащих в основе этого поведения установок по отношению к одному из объек-

тивных факторов ситуации разрешения задачи — предмету, «нужному» для субъекта, поиски причин различия между первичными и фиксированными установками, попытки систематизации различных по природе установок приводят Д.Н.Узнадзе и некоторых его последователей к вопросу о связи различных установок с разными структурными моментами поведения. Но что собой представляют эти структурные моменты поведения? Как они связаны между собой и соответствующими им установками? Как эти моменты соотносятся с объективными содержательными факторами ситуации разрешения задачи, обуславливающими эти моменты и определяющими специфическое содержание различных установок? Что собой представляет то содержание, которое выражают в деятельности так называемые первичные и фиксированные установки? Большинство из этих вопросов восходит, как мы пытались показать, к одному общему корню. Этот корень — обособленность установки от деятельности. Такая обособленность возникла из-за понимания первичной установки как порождающей психические процессы, что привело в конечном счете к выпадению анализа деятельности из теории установки. Однако именно развитие теории классика советской психологии Д.Н.Узнадзе привело к постепенному вызреванию и постановке этих вопросов, ответ на которые даст возможность решить задачу о месте и функции установки в предметной деятельности. Для того чтобы это сделать, необходимо как бы изменить систему отсчета и перевернуть исходную формулу, определявшую долгое время ход исследований проблемы установки: *не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности.*

ГЛАВА II. О МЕСТЕ И ФУНКЦИИ УСТАНОВОЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эта глава посвящена центральной задаче нашей работы — анализу места и функции установки в деятельности человека. Прделанный выше анализ проблемы взаимоотношений деятельности и установки в отечественной психологии позволяет преобразовать эту общую задачу и поставить ее в более конкретной форме в виде ряда вопросов. При преобразовании задачи мы опираемся на положения о существовании различных форм установок и о связи этих форм установок с объективными содержательными факторами ситуации деятельности, обуславливающими отдельные структурные моменты деятельности и вызывающими различные по своей природе установки. Последовательное развертывание этих положений приводит, как было показано выше, во-первых, к изменению формулы, определявшей ход исследования установки — «не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности»; и, во-вторых, к постановке следующих вопросов: Что собой представляют те объективные факторы, которые вызывают различные установки? Каковы те структурные моменты деятельности, в которых проявляются различные установки? Каково то содержание, которое различные формы установок выражают в разных структурных моментах деятельности? Какие специфические особенности приобретают разные формы установок в зависимости от их места в структуре деятельности и какие функции в регуляции деятельности они выполняют? эти вопросы и являются ключом к решению задачи о месте установки в деятельности.

Вначале будет рассмотрено психологическое строение деятельности. Рассмотрение психологического строения деятельности позволяет ответить на первые три вопроса и

приводит к гипотезе об иерархической уровневой природе установки как психологического механизма стабилизации деятельности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Первые три из поставленных нами выше вопросов определяют те стороны в теории деятельности, которые необходимо рассмотреть прежде всего. Деятельность, порождающая разные формы психического отражения, имеет уровневую иерархическую структуру. В деятельности вычлняются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живого потока «единицы» — действия и операции. Подчеркивая, что в деятельности выделяются «единицы», а не «части» или «элементы», А.Н.Леонтьев акцентирует внимание на том, что деятельность не является аддитивным процессом, и указывает на применяемый им метод анализа деятельности «по единицам». Метод анализа «по единицам», введенный в психологию Л.С.Выготским, требует разложения исследуемого объекта на «единицы» — образования, сохраняющие специфику целого и получающие существование только в потоке конкретной деятельности, а не на «элементы» — образования, утрачивающие по своему содержанию свойства анализируемого целого. Мы подчеркиваем специфику метода анализа, применяемого А.Н.Леонтьевым, в связи с тем, что эта специфика иногда упускается из виду и приводит к неадекватному пониманию теории деятельности. Так, например, З.И.Ходжава, описывая теорию деятельности, обнаруживает в ней совершенно независимые и обособленные друг от друга виды поведения, которые равноценны между собой, — деятельности и действия. На недопустимости такого рассечения поведения он строит свою критику теории А.Н.Леонтьева, дискутируя с вымышленным тезисом о наличии двух независимых видов поведения (Ходжава, 1960). С вымышленным тезисом, говорим мы, так как действие не противостоит деятельности, а является ее «единицей». А.Н.Леонтьев специально указывает, что структурные моменты деятельности не имеют своего «отдельного»

существования, что процесс, рассмотренный со стороны мотива (предмета потребности), получает свою характеристику в качестве особенной деятельности, со стороны цели — в качестве действия, со стороны условий осуществления действия — в качестве операции. Таким образом, в теории деятельности структурные моменты деятельности получают свою специфическую характеристику при соотнесении их с мотивами, целями и условиями осуществления действия. Конкретные виды деятельности выделяются по критерию побуждающих их *мотивов*. Под мотивом в теории деятельности понимается материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в мысленном плане предмет потребности. В свою очередь, внутри деятельности вычленяются действия — процессы, направленные на достижение осознаваемого предвидимого результата, т.е. *цели*. Действия всегда соотносимы с целями, с тем, что должно быть достигнуто. Но достижение цели, т.е. действие, происходит не в пустоте, а осуществляется в определенных условиях. В действиях вычленяются операции — способы осуществления действия, которые соотносимы с *условиями выполнения действия*. Введение операции в качестве «единицы» действия позволяет учесть то, как, каким способом может быть достигнута цель действия. Действие и входящие в него операции образуют некоторую целостность по отношению к задаче — цели, данной в определенных условиях. И, наконец, четвертым необходимым моментом психологического строения деятельности являются «исполнительные» психофизиологические механизмы — реализаторы действий и операций. Эти механизмы выступают в виде формирующихся в процессе онтогенеза «функциональных систем», представления о которых разработаны П.К.Анохиным (см., например, *Анохин*, 1975). Если бросить взгляд на строение деятельности со стороны, то в ней просматриваются два аспекта: мотивационный и операционально-технический. При исследовании мотивационного аспекта открываются причины, обуславливающие общую направленность и динамику деятельности в целом, а при ис-

следовании операционально-технического аспекта — конкретные пути и способы ее выполнения.

Системный анализ деятельности необходимо приводит к изучению психического отражения действительности, порождаемого в процессе деятельности и регулирующего этот процесс. В сложном движении от деятельности к сознанию можно выделить, ориентируясь на мотивационный и операционально-технический аспекты деятельности, две системы отношений, в которые вовлекаются условия деятельности. Первая система отношений — это отношения социально-предметных условий деятельности друг к другу. В этой системе отношений обнаруживается объективное значение этих условий для протекания деятельности. Общественно выработанные значения «...несут в себе способности, предметные условия и результаты действий независимо от субъективной мотивации деятельности людей, в которой они формируются» (Леонтьев А.Н., 1975, с.144—145). Они усваиваются в ходе деятельности и становятся достоянием индивидуального сознания в виде обобщенного отражения действительности. Содержание значений может быть зафиксировано в сфере понятий, знаний, обобщенных образов действия, предметных и социальных норм, ценностей и т.д. Значения, носителем которых является язык, представляют одну из основных «единиц» сознания. Другая «единица» сознания — *личностный смысл*. Эта единица раскрывается при изучении второй системы отношений — отношений субъекта к предметно-социальным условиям действительности. В системе отношений субъекта к предметно-социальным условиям действительности создается пристрастность человеческого сознания. Действительность открывается в этой системе отношений, выступающих при исследовании мотивационного аспекта деятельности, со стороны жизненного значения знаний, обобщенных образов действия, предметных и социальных норм для самого человека, а не только со стороны объективного значения этих знаний. Иными словами, за системой отношений субъекта к миру открывается смысл приобретаемых им знаний об этом мире. Этот смысл отражает в сознании содержание реальных отношений че-

ловека к миру и определяет пристрастность сознания. Выделение в сознании в качестве основных единиц значения и смысла имеет, как справедливо отмечает А.В. Запорожец (1960), важное значение для понимания содержания установки. Без понимания взаимоотношений различных форм установки с единицами сознания не удастся выявить вклад этих форм в регуляцию деятельности. Поэтому необходимо несколько подробнее рассмотреть единицы сознания и их связь со структурой деятельности.

За проблемой соотношения значения и смысла стоит старая психологическая проблема связи познавательной и аффективно-потребностной сферы. Многочисленные попытки ее решения приводили, как правило, или к гипертрофии глубинных влечений, или к переоценке когнитивных факторов. Подобные крайности проявлялись, например, в интеллектуалистической трактовке сознания и подмене его со-знанием, т.е. совокупностью знаний. Эта небольшая историческая справка вызвана тем, что последнее время получила распространение упрощенная интерпретация «смысла» как преимущественно когнитивного рационального образования. Между тем уже обращение к истории возникновения представлений о «значении» и «смысле» заставляет усомниться в правомерности такой интерпретации. Дело в том, что представления о значении и смысле выкристаллизовались в процессе борьбы с интеллектуалистической, чисто когнитивной трактовкой сознания, т.е. той самой интерпретацией, которая иногда вкладывается в понятие смысла. Вводя понятие «личный смысл», А.Н.Леонтьев обозначил особую сферу явлений сознания и показал недопустимость сведения сознания к сумме частных познавательных процессов. С точки зрения А.Н.Леонтьева сознание должно быть раскрыто в своей смысловой, собственно психологической характеристике как отношение человека к миру, как направленность. Но понять действительное содержание той или иной единицы сознания — это прежде всего значит раскрыть порождение этой единицы и ее движение в системе деятельности. Поэтому верная, но общая мысль о сознании как отношении субъекта к миру обретает в теории деятельности

свою конкретную форму. При исследовании генезиса психики обнаруживается связь возникновения этой единицы, сознания с вычленением на определенном этапе развития деятельности — действия. Возникновение в деятельности действия является исторически прямым следствием перехода человека к жизни в обществе и, следовательно, появления у людей в процессе труда общественных отношений. В своем генезисе выделение действия изначально связано с отношением индивида к другим людям, к участникам совместно выполняемой деятельности. Будучи рассмотрена в контексте деятельности, проблема связи значения и смысла раскрывается как проблема отношения мотива деятельности к цели действия. Чтобы понять эту трансформацию, необходимо восстановить несколько положений теории деятельности. Во-первых, действие всегда направлено на цель, открывающуюся в сознании в своем значении; во-вторых, действие побуждается мотивом, в большинстве случаев не совпадающим с целью действия; в-третьих, мотив определяет отношение субъекта к миру, которое в контексте деятельности проявляется как отношение субъекта к стоящей перед ним цели действия. Это отношение и характеризуется А.Н.Леонтьевым как личностный смысл. «Конкретно-психологически такой сознательный смысл создается отражающимся в голове человека *объективным отношением* [курсив мой. — А.А.] того, что побуждает его действовать, к тому, на что действие направлено как на свой непосредственный результат» (Леонтьев А.Н., 1965, с.290). Таким образом, мы вновь встречаемся с отношением аффективно-потребностной и познавательной сфер, с проблемой связи «знаний» и «отношения субъекта к знаниям». Эта проблема теперь выступает в плане деятельности в форме проблемы отношения мотива к цели; в плане сознания — в форме взаимоотношений между смыслом и значением. Итак, личностный смысл отражает в сознании отношение мотива к цели, т.е. реальное жизненное отношение субъекта к тому, на что направлено его действие.

Рассмотрение психологического строения деятельности дает возможность выделить объективные факторы, обуслов-

ливающие единицы деятельности и единицы сознания, и тем самым ответить на вопрос об объективных факторах, вызывающих различные установки, о структурных моментах, в которых проявляются эти установки, и о содержании, которое разные установки выражают в деятельности. Объективными факторами являются мотив (предмет потребности), цель и условия осуществления действия. Эти факторы обуславливают такие единицы деятельности, как особенная деятельность, действие и операция, иерархически связанные между собой, и вызывают проявляющиеся в этих структурных моментах деятельности установки, тенденции к сохранению направленности каждого из этих структурных моментов на соответствующий ему объективный фактор. Содержание установок зависит от того, какое место в структуре деятельности они занимают. Если установки вызываются мотивом деятельности, то они выражают в деятельности личностный смысл, поскольку эта единица сознания обусловлена именно мотивационным аспектом деятельности. Если установки вызываются целями и условиями осуществления действия, то они выражают в действиях и операциях значение, поскольку эта единица сознания обусловлена операционально-техническим аспектом деятельности. Соотнесение различных форм установок с объективными факторами и структурными моментами деятельности позволяет предположить, что различные формы установок образуют иерархическую уровневую структуру. Соответственно объективным факторам в ситуации деятельности и тому содержанию, которое открывается при изучении деятельности в плане сознания, нами выделяются четыре уровня установочной регуляции деятельности человека: уровни смысловой, целевой и операциональной установок и уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установки в деятельности.

Высказанные выше положения представляют собой основной каркас гипотезы об *иерархической уровневой природе установки как психологического механизма стабилизации деятельности*. Далее нами будут рассмотрены уровни установочной регуляции деятельности и взаимоотношения между ними.

УРОВЕНЬ СМЫСЛОВОЙ УСТАНОВКИ

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень *смысловых установок*¹. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности.

Чтобы объемнее представить характеристику смысловой установки, приведем вначале несколько эпизодов из истории становления представлений об установке и смысле, а затем, опираясь на экспериментальные факты, попытаемся показать вклад этого ведущего уровня установочной регуляции в деятельность и его функции в деятельности.

Пути «установки» и «смысла» не раз пересекались в истории психологии. Так, А.Бинэ, чье представление о смысле было одним из самых пронизательных и тонких во всей традиционной психологии, понимал под смыслом зачаточное действие. Исследуя процессы мышления, он пришел к заключению, что распространенные концепции о мышлении как совокупности образов представляют сенсуалистический предрассудок, так как в этих представлениях игнорируется существование некоего нечувственного психического процесса, некой интенции, относящей ассоциации к действительности. Эта интенция мысли на объекты действительности, находящиеся вне мысли, и составляет, по А.Бинэ, смысл различных ассоциаций. Раскрывая содержание смысла, А.Бинэ видит в нем готовность, позу, attitude. «Умственная готовность, — говорит он, — кажется мне вполне подобной физической готовности; это — подготовка к акту, эскиз действия, оставшийся внутри нас и сознаваемый через те субъективные ощущения, которые его сопровождают. Предположим, что мы готовы к нападению; нападение не состоит только в действительных движениях и ударах, в его состав

¹ Идеи понимания личности как «мира сопряженных смысловых человеческих установок» впервые высказаны в работе М.М.Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». М., 1963.

входят также известные нервные действия, определяющие ряд актов нападения и производящие их; устраним теперь внешние мускульные эффекты, останется готовность, останутся все нервные и психические предрасположения к нападению, в действительности не осуществившемуся; такой готовый наступательный жест и есть готовность (attitude). Она есть двигательный факт, следовательно, центробежный <...>. Можно сказать с некоторым преувеличением, что вся психическая жизнь зависит от этой установки реальных движений, действительные действия заменяются тогда действиями в возможности, готовностями» (цит. по Ланге, 1914, с.61). А.Бинэ был первым психологом, увидевшим тесную связь между смыслом и attitude. Сейчас приходится только поражаться точной и выразительной характеристике установки, «эскиза действия», данной А.Бинэ в самом начале XX в. В сближении установки и смысла, понимании смысла как готовности к действию отчетливо выступил материалистический мотив этого исследователя, но при анализе связи установки и смысла этот мотив в конце концов привел А.Бинэ к полному растворению смысла в моторном приспособлении. За отправную точку исследования А.Бинэ, как и большинство психологов его времени, взял явления, принадлежащие к сфере сознания. В результате ему не удалось избежать роковой альтернативы — либо явления в сфере сознания, либо физиологические процессы. Смысл был превращен в «двигательный факт». Тем не менее мы еще раз отмечаем, что постановка А.Бинэ проблемы соотношения установки и смысла и попытка ее решения, предпринятая на перекрестке двух веков, были кульминационным моментом исследования этой проблемы в традиционной психологии.

Пути, принципиально отличными от выбранных любым представителем традиционной психологии, подходят к анализу проблемы смысла и установки А.Н.Леонтьев и Д.Н.Узнадзе. Они, как уже отмечалось выше, отказываются от всяческих попыток построения психологической науки на основе постулата непосредственности. Таким образом, между их теориями нет той преграды,

которая отделяет эти теории вообще и представления о факторе, определяющем пристрастность психического отражения, в частности, от любых других теорий и представлений об установке и смысле в традиционной психологии. Близость идеи Д.Н.Узнадзе об установке и идеи А.Н.Леонтьева о личностном смысле неоднократно отмечалась в отечественной литературе. Об этом говорил А.С.Прангишвили (1973), замечая, что представления об установке как о психологическом выражении отношений между потребностью и ситуацией удовлетворения потребности перекликаются с концепцией А.Н.Леонтьева о «личностном смысле». На родственность этих понятий обращал внимание Ф.В.Бассин (1975), показывая, что неосознаваемость личностного смысла и неосознаваемость установки — разные стороны одного и того же явления. Вопрос о возможности рассмотрения личностного смысла как диспозиции социального поведения личности недавно анализировался В.А.Ядовым (1975). Не раз затрагивали этот вопрос и исследователи, стоящие на позициях теории деятельности. Напомним, например, что один из ведущих представителей деятельностного подхода П.Я.Гальперин (1940, 1945) пришел к необходимости введения понятия «смысла» — отношения субъекта к знаниям — при изучении роли установок в мышлении и смысловых схем поведения. Глубокий анализ вопроса о связи установки и смысла дан А.В.Запорожцем при исследовании роли установки в регуляции человеческих движений. В этих исследованиях впервые была проведена грань между содержанием установки и самой установкой. «Содержание установки не есть еще сама установка. О наличии последней можно говорить лишь в том случае, — писал А.В.Запорожец, — когда смысловой опыт, опыт отношения субъекта к определенному роду предметов, приобретенный в предшествующих действиях, в чем-то фиксируется, приобретает своего материального носителя и вследствие этого получает возможность актуализироваться до нового действия, предвосхищая его характер и направление» (Запорожец, 1960, с.387). Список исследований, в которых поднимается вопрос о связи личностного смысла и установки, можно было бы

продолжить, но и этого уже достаточно, чтобы показать, что наши представления о личностном смысле как отражении в сознании отношения мотива к цели и о первичной установке как форме выражения этого отраженного в сознании отношения в регуляции деятельности вырастают не на пустом месте, а имеют свою предысторию. Эта предыстория, даже будучи взята сама по себе, могла бы привести к предположению о том, что понятия «общая первичная установка личности» и «личностный смысл» описывают стороны какого-то одного общего механизма регуляции деятельности человека. Сопоставление же некоторых стержневых положений теорий Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьева, а также анализ ряда эмпирических фактов позволяют привести аргументы, говорящие в пользу этого предположения.

Остановимся еще на одном из теоретических положений, сближающих теории Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьева. Речь идет об отношении этих авторов к формуле эмпирической психологии личности как о продукте прошлого опыта. Для эмпирического психолога свята формула о том, что прошлый опыт, будь он дан в осознаваемой форме или в виде вытесненных влечений, определяет любые движения человеческого поведения. Эта традиционная формула, получившая надежную поддержку со стороны здравого смысла, вызывает серьезные возражения как у Д.Н.Узнадзе, так и у А.Н.Леонтьева. С самого момента рождения теории установки Д.Н.Узнадзе настойчиво проводит мысль о том, что опыт не может непосредственно влиять на поведение субъекта, а оказывает влияние только через установку. Особенно отчетливо проявляется эта мысль в работе Д.Н.Узнадзе о сновидениях. Он высказывает точку зрения, согласно которой протекание сновидений не зависит непосредственно от прошлых нереализованных душевных переживаний, а, наоборот то, какие нереализованные переживания предстанут перед спящим человеком, зависит от общей установки личности.

В свою очередь, А.Н.Леонтьев выдвигает тезис, противопоставляющий развиваемую им концепцию другим современным подходам к изучению личности. Вклады

прошлого опыта, говорит он, становятся на определенном этапе развития человека функцией самой личности, т.е. прошлый опыт превращается в предмет отношения личности и, следовательно, не непосредственно, а опосредованно, через личностный смысл, оказывает воздействие на поведение. «В условиях происходящей иерархизации мотивов она [формула о личности как о продукте прошлого опыта. — А.А.] все более и более утрачивает свое значение, а на уровне личности как бы переворачивается.

Дело в том, что на этом уровне прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта не выступают для него как покоящиеся пласты прошлого опыта. Они становятся предметом его отношений, его действий и поэтому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности, умения, стереотипы поведения; другое открывается в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное значение...» (Леонтьев А.Н., 1975, с.216).

Вглядевшись внимательно в то, как А.Н.Леонтьев и Д.Н.Узнадзе критикуют традиционную формулу эмпирической психологии, и на мгновение абстрагируясь от содержательного наполнения ими общей схемы «прошлый опыт есть функция личности», мы увидим, что А.Н.Леонтьев и Д.Н.Узнадзе придерживаются при решении вопроса о роли прошлого опыта в поведении личности сходных позиций. И в этом отношении развиваемые ими теории бесконечно далеки от биологических теорий поведения типа теории функциональных систем П.К.Анохина. В теории П.К.Анохина, разрабатываемой исключительно в рамках адаптивной схемы «организм—среда», исследуется именно индивид как продукт прошлого опыта и механизмы прошлого опыта. Об этом различии приходится говорить в связи с тем, что очень часто встречаются сопоставления биологически ориентированных теорий с теорией установки Д.Н.Узнадзе. Эти сопоставления, выступающие порой в виде нивелирования всякой разницы между установкой и акцептором действия (Бжалава, 1966), противоречат формуле Д.Н.Узнадзе об опосредующем выражении отдельных психических процессов через

общую первичную установку личности. Сказанное ни в коем случае не означает, что разработанные в концепциях, основывающихся на адаптивной схеме «организм—среда», представления о механизмах формирования опыта индивида не могут быть привлечены для интерпретации целого ряда феноменов установки и ее физиологических механизмов. Например, безусловно оправдано, на наш взгляд, обращение А.С.Прангишвили при анализе проявлений установки в различных иллюзиях восприятия к представлениям о вероятностном прогнозировании (Прангишвили, 1973). При этом нужно только отчетливо осознавать, что речь идет об одном из частных механизмов, действующем на уровне операциональной установки, а не о более высоких уровнях установочной регуляции. При рассмотрении уровня операциональной установки мы еще коснемся этого вопроса. Здесь он затронут лишь для того, чтобы проиллюстрировать взаимоотношение теорий Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьева с биологически ориентированными концепциями поведения. Итак, теории А.Н.Леонтьева и Д.Н.Узнадзе схожи по той функции, которая возлагается в этих теориях на образование, опосредующее отношение личности к прошлому опыту. Выделение этого образования (в одном случае — личностного смысла, в другом — общей первичной установки личности) резко ограничивает эти теории от концепций, работающих в рамках адаптивной схемы «организм—среда».

И, наконец, самым важным аргументом, доказывающим необходимость выделения уровня смысловой установки, понимаемой как форма выражения личностного смысла в регуляции деятельности человека, являются те экспериментальные факты, которые демонстрируют вклад смысловой установки в регуляцию деятельности. Экспериментальных исследований, показывающих существование смысловой установки, пока очень немного. Среди них выделяется исследование А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца, посвященное восстановлению функций руки после ранения, которое было проведено в годы Великой Отечественной войны. В этом исследовании были получены факты, показывающие влияние смысловой установки на восстановление функций руки после ранения, а также затронуты вопросы о функции смысловых

установок, о проявлении смысловых установок в движении, об особенностях смысловых установок и путях их изменения. Влияние смысловой установки, или, как ее называют авторы, «личностной установки», особенно наглядно выступило в тех случаях, когда тот предмет, на который экспериментатор направлял действие больного, и действительный предмет отношений больного резко расходились между собой. Это расхождение, с точки зрения авторов, было обусловлено установкой щадить больной орган — «личностной установкой» испытуемого. Так, например, перед испытуемым ставилась задача «поднять руку». Испытуемый принимал эту задачу и производил требуемое движение, но при этом он был внутренне направлен не на само движение, а на щажение больной руки, т.е. общий характер выполняемого движения определялся установкой на щажение больной руки. Эта установка давала о себе знать, проявляясь в различных выразительных движениях больного, его позе, настороженности и т.д., которые сопровождали действие. В отличие от большинства физиологов, видящих в этих «сопровождениях» только не несущий никакой нагрузки «моторный аккомпанемент», А.Н.Леонтьев и А.В.Запорожец пришли к выводу, что эти нереализуемые двигательные возможности имеют решающее значение для протекания «исполняющего движения». Во «внутренней моторике», по мнению авторов, выражается пристрастное отношение человека к тому, что он делает, выражается, как бы мы сказали, смысловая установка. «По самой своей природе внутренняя моторика содержит в себе лишь такие внешние компоненты, которые образуют не определяющиеся техническими условиями задачи “сопровождающие” или “выразительные” движения; зато внутренняя моторика интимно связана с личностными установками человека, с мотивами, определяющими его отношение к ситуации» (Леонтьев, Запорожец, 1945, с.163). При наблюдении за больными было установлено, что внутренняя моторика отражает не направленность на цель действия, а направленность на оберегание больной руки. Из всех этих наблюдений можно сделать следующий вывод об особенностях смысловой установки: смысловая установка непосредственно проявляется в различных действиях челове-

ка, выражая в них тенденцию к сохранению общей направленности деятельности в целом. Эта тенденция «проступает на поверхность» различных действий и создает их неповторимую субъективную «окраску». Эта смысловая окраска не всегда так заметна, как в описанном исследовании, но она всегда есть, всегда пронизывает деятельность человека в целом. Общаясь друг с другом, люди часто осознанно или неосознанно улавливают эту окраску² по позе, ошибочным действиям, «лишним» движениям, обмолвкам и оговоркам.

Но любые ли обмолвки и оговорки относятся к проявлениям смысловой установки? Нет, не любые. По-видимому, существуют два отчетливо отличающихся друг от друга типа обмолвок и оговорок: обмолвки как проявления смысловой установки и обмолвки как проявления операциональной установки. К обмолвкам, вызываемым операциональной установкой, относятся обмолвки типа «чепуха — реникса». Эти обмолвки основаны на предвосхищении, опирающемся на предшествующий опыт и на внешнее сходство тех или иных знаков. Совсем иной характер носят обмолвки, через которые приоткрывается смысловая установка и выражаемый ею в деятельности личностный смысл. Для возникновения этих обмолвок вовсе не необходимо какое-либо внешнее сходство знаков, которое обязательно для операциональных обмолвок. Приведем некоторые примеры смысловых обмолвок. Так, З.Фрейд в одном из своих исследований рассказывает о председателе, который открывает не предвещающее ему ничего хорошего заседание словами «объявляю заседание закрытым» (вместо «открытым»), не замечая при этом обмолвки (Фрейд, 1925). Эта обмолвка приоткрывает то значение, которое собрание имеет для председателя. И еще один

² В последнее время стали появляться экспериментальные работы по эмоциональной идентификации, в которых намечаются подходы к изучению «смысловой окраски» (Петровский В.А., 1973). К числу этих работ также относится исследование Е.Е.Насиновской и Е.З.Басиной, посвященное анализу идентификации и ее роли в формировании смысловых альтруистических установок личности (Басина, Насиновская, 1977).

пример. Юноша, расставшийся с любимой девушкой, начинает встречаться с другой. Оживленно беседуя с ней о чем-то, он несколько раз называет ее именем той девушки, с которой встречался раньше. Его новая знакомая вспыхивает и заявляет: «Ты вовсе не меня любишь». И сколько бы ни оправдывался юноша, утверждая, что просто оговорился, она упорно стоит на своем. За обмолвкой девушка проницательно увидела то реальное значение, которое она имеет для юноши, «увидела» ту смысловую установку, тенденцию к сохранению определенной направленности деятельности, которая прорвалась на поверхность в виде обмолвки. Итак, смысловая установка, тенденция к сохранению общей направленности деятельности в целом может быть распознана по смысловой окраске, выступающей в виде определенного типа обмолвок — смысловых обмолвок.

Другая важная особенность, или, точнее, функция смысловых установок, обнаружилась при исследовании у больных взаимоотношения между личностными (смысловыми) и моторными (операциональными) установками (Леонтьев А.Н., *Запорожец*, 1945; *Запорожец*, 1945). Моторная установка рассматривалась авторами как готовность двигательного аппарата, возникающая при наличии двигательной задачи. Авторы исследовали проявление фиксированной моторной установки на материале иллюзии веса, возникающей при сравнении тяжестей. Было установлено, что у большинства больных не возникает иллюзии веса, а следовательно, не проявлялось моторной фиксированной установки в том случае, если они сравнивали тяжести больной рукой. Из этого факта можно было сделать два прямо противоположных вывода: либо причиной нарушения процессов образования установки является поражение опорно-двигательного аппарата и, следовательно, моторная установка по своей природе относится к числу локальных периферических явлений; либо актуализации моторной фиксированной установки препятствует характерная для этих больных установка на щажение больной руки. Первое предположение отпало, так как выяснилось, что установочные опыты, проведенные на больной руке, приводят к возникновению установки на здоровой

руке. А это означает, что в ходе установочных опытов не только образовалась моторная установка, но и имел место перенос моторной установки на здоровую руку. Авторы пришли к заключению, что проявлению моторной фиксированной установки препятствует личностная установка на щажение больной руки. По-видимому, именно такого рода факты впоследствии привели А.В.Запорожца к мысли о существовании ситуационно-действенных предметных и личностных установок, воплощающих основные отношения личности к действительности, которые находятся в соподчиненной иерархической связи друг с другом (Запорожец, 1960). При выделении же уровней установки по критерию объективного содержательного фактора, обуславливающего отдельные структурные моменты деятельности и соответствующие им установки, ситуационно-действенные и предметные установки попадают в одну категорию — операциональных установок, и поэтому будут рассмотрены в разделе, посвященном операциональным установкам. Возвращаясь к полученным в исследовании А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца фактам взаимоотношения личностной и моторной установок, отметим, что в свете гипотезы об уровневой природе установочной регуляции деятельности эти данные свидетельствуют о наличии влияния смысловой установки на установки более низких иерархических уровней, в частности на операциональные моторные установки. Исходя из этих данных, можно также предположить, что смысловая установка обладает фильтрующей функцией по отношению к установкам нижележащих уровней: смысловая установка блокирует проявление не соответствующих ей операциональных установок и извлекает из прошлого опыта релевантные ей установки и стереотипы поведения³.

Анализируя личностную установку, авторы отмечают еще одну ее особенность. Выяснилось, что в большинстве

³ Убедительные факты, показывающие «фильтрующую» функцию личностного смысла по отношению к вербальному и реальному поведению, были получены в исследовании Е.В.Субботского (1976), проведенном на дошкольниках.

случаев установка на шажение больной руки не осознавалась больными. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что некоторые больные даже были не в силах вспомнить, какой рукой они выполняли задание. Следовательно, смысловая установка может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой.

При исследовании функции смысловой установки в регуляции деятельности недостаточно ограничиться указанием на то, что смысловые установки могут осознаваться. Более значимым для понимания природы смысловой установки становится вопрос, достаточно ли «означения» смысловой установки для ее изменения, сдвига. Может ли произойти изменение смысловой установки под непосредственным влиянием вербальных воздействий? Отвечая на эти вопросы, мы должны указать третью, важную особенность смысловых установок. Она заключается в том, что сдвиг смысловых установок всегда обусловлен изменением отражаемых в личностном смысле реальных жизненных отношений личности к действительности, которые выражают в деятельности смысловые установки. Эта особенность смысловых установок позволяет резко отделить их от таких субъективных образований, как «отношение» в смысле В.Н.Мясищева (см., например, *Мясищев*, 1971), и от фиксированных социальных установок⁴, справедливо сближаемых В.А.Ядовым (1975) с «отношениями» в концепции В.Н.Мясищева. Сдвиг фиксированных социальных установок — субъективных образований — происходит, как правило, под воздействием новой вербальной информации об объекте этих установок. Смысловая установка — это, скорее, субъектное, чем субъективное, образование. Для ее сдвига такого условия, как осознание привлекательности (или непривлекательности) объекта

³ Существует огромное количество определений социальных установок (см. об этом *Ковальчук*, 1975). Однако в большинстве этих определений фигурирует понимание социальной установки как отношения личности к ценности, как predispositions оценивать объект или символ определенным способом.

установки, явно недостаточно. Для того чтобы показать эту особенность смысловых установок, обратимся к ряду примеров. В исследовании А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца описана ситуация, приведшая к сдвигу личностной установки: одного больного с поражением руки никак не удавалось ввести в трудовой процесс и заставить при работе пользоваться больной рукой. «Убеждения и уговоры в необходимости трудотерапии легко принимались больным, — замечают авторы, — но практически действовали слабо, и процесс восстановления, вопреки нашим ожиданиям, продвигался у него с досадной медлительностью» (Леонтьев А.Н., Запорожец, 1945, с.102—103). Однажды этот больной попал в бригаду, которая должна была быстро переправить материал для мастерских через реку. По ряду причин бригада, выполнявшая эту работу, столкнулась с серьезными препятствиями. В этой ситуации больной вдруг взял всю инициативу в свои руки и стал фактическим руководителем работы. Выяснилось, что часть своей жизни он жил и работал на реке. После случая на реке радикально изменилось отношение больного к работе. Установка на щажение больной руки была «сдвинута», и восстановление пошло быстрыми темпами. Сдвиг смысловой установки произошел из-за изменения места больного в системе общественной деятельности и из-за возникновения нового мотива.

На наш взгляд, яркие примеры того, что изменение личностного смысла и его выражения в деятельности — смысловой установки — всегда опосредованы изменением деятельности человека и не подвержены влиянию прямого произвольного контроля, приведены в «Педагогической поэме» А.С.Макаренко. Автор рассказывает, что первые «морально-дефективные» воспитанники выслушали его речь о том, что необходимо решительно переменить образ жизни, с ехидными улыбками и презрением. Позднее, вспоминая об этом печальном опыте А.С.Макаренко писал: «Не столько моральные убеждения и гнев, сколько вот эта интересная и настоящая деловая борьба дала первые ростки хорошего коллективного тона» (Макаренко А.С. Педагогическая поэма. 1948, с.42). Только в деловой борьбе произошло у воспитанников А.С.Макаренко измене-

ние личностного смысла. Деловая борьба, деятельность сыграли решающую роль там, где оказались бессильны угрозы, речи и убеждения. Еще раз отметим, что содержание смысловой установки может открыться сознанию в форме «значения для меня», но этого недостаточно для сдвига смысловых установок. Вообразите на мгновение, что вы, руководствуясь благими намерениями, пришли к Аккакию Аккакиевичу и объясняете ему, что не годится, мол, придавать столь огромное значение переписыванию каллиграфическим почерком холодных административных бумаг, видеть в этом деле смысл жизни. Маленький чиновник из гоголевской «Шинели» почти наверняка побоялся не согласиться с вами и покорно кивнет головой, а быть может, и подивится вашей правоте. Однако от одного лишь осознания содержания смысловой установки, от того, что даже эмоции — эти глаза, видящие смысл ситуации, — приоткроют этот смысл, не произойдет ее изменения. Будут меняться «отношения» в смысле В.Н.Мясищева и выражающие их фиксированные социальные установки. Будут скользить на поверхности сознания и сигнализировать о неблагополучии переживания, а перемены смысловой установки и переосмысления личностного смысла не произойдет до тех пор, пока не изменится содержание реальных жизненных отношений, лежащих в его основе. Из всех этих случаев вытекает, что изменение смысловых установок — это всегда следствие изменения реальных отношений человека к действительности. Кардинальное отличие личностного смысла и выражающей его в деятельности смысловой установки от частных субъективных образований, замкнутых в круге сознания, типа «отношений» (В.Н.Мясищев), социальных фиксированных установок, «значащих переживаний» (Ф.В.Бассин), и т.д. и состоит в том, что изменение смысловой установки всегда опосредовано изменением деятельности и мотива деятельности, так как личностный смысл и смысловая установка неотделимы от порождающей их системы отношений человека к миру. Только при условии перестройки мотивов деятельности происходит перестройка общих смысловых установок.

Описанную особенность смысловых установок необходимо учитывать при анализе такой практической и жизненно важной проблемы, как проблема воспитания личности. *Психологическим объектом воспитания является смысловая сфера личности, система личностных смыслов и реализующих их в деятельности смысловых установок.* Из подобного понимания психологического объекта воспитания вытекает, что перевоспитание личности всегда идет через изменение деятельности, а тем самым и через изменение смысловых установок и в принципе не может осуществляться посредством воздействий чисто вербального характера. Только установки целевого и операционального уровней подвержены прямому влиянию различных инструкций. Пути изменения установок смыслового уровня и установок нижележащих уровней коренным образом отличаются друг от друга: смысловые установки личности *перевоспитываются*, а целевые и операциональные установки *переучиваются*.

Анализ приведенных выше фактов и некоторых теоретических положений позволяет сделать ряд выводов об особенностях и функциях смысловой установки:

— Смысловая установка, представляющая собой выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизирует процесс деятельности в целом, придает деятельности устойчивый характер. Эта функция может непосредственно проявляться в общей смысловой окраске различных действий, входящих в состав деятельности, выступая в виде «лишних» движений, смысловых обмолвок и оговорок.

— Смысловые установки могут быть как осознаваемые, так и неосознаваемые.

— Сдвиг смысловых установок всегда опосредован изменением деятельности субъекта. В этом заключается кардинальное отличие смысловой установки и выражаемого ею в деятельности личностного смысла от различных субъективных образований типа «отношений» (В.Н.Мясищев), фиксированных социальных установок, «значащих переживаний» (Ф.В.Бассин) и т.д., которые изменяются непосредственно под влиянием вербальной информации.

— Смысловая установка выступает в роли фильтра по отношению к установкам нижележащих уровней — целевой и операциональной установкам.

Из перечисленных особенностей смысловой установки основная особенность — это «цементирование» общей направленности деятельности в целом, придание всей деятельности устойчивого стабильного характера. Эта функция прежде всего проявляется в выборе тех или иных целей, соответствующих мотиву деятельности. В том случае, если осуществляется процесс целеобразования (причем неважно, проходит ли он в форме выбора целей в ходе деятельности субъекта или в форме принятия «готовых», заданных через инструкцию целей), этот процесс приводит к возникновению целевой установки.

УРОВЕНЬ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ

Критерием для выделения следующего уровня установочной регуляции деятельности является наличие цели действия. Цель, будучи представлена в форме образа осознаваемого предвидимого результата, актуализирует готовность субъекта к ее достижению и тем самым определяет направленность данного действия. Под *целевой установкой* и понимается готовность субъекта совершить прежде всего то, что сообразно стоящей перед ним цели, которая возникает после принятия определенной задачи.

Вопрос о целевой установке, ее природе и функциях разработан в психологии намного детальнее, чем вопрос о смысловой установке. В различных психологических школах и направлениях, а особенно в Вюрцбургской школе и динамической теории личности К.Левина, исследование целевой установки занимало одно из центральных мест. В этом отделе мы приведем лишь несколько примеров и экспериментальных фактов, свидетельствующих о существовании целевой установки, а затем остановимся на вопросе о ее природе и роли в протекании деятельности.

До сих пор одним из наиболее впечатляющих примеров силы действия целевой установки остается случай с охотником, описанный К.Марбе. Суть этого трагического случая состоит в следующем. В поздний вечерний час охот-

ник с нетерпением подстерегал в засаде кабана. И вот, наконец, долгожданное событие произошло, листья кустарника качнулись, и... грянул выстрел. Охотник кинулся к подстреленному «кабану», но вместо кабана он увидел девочку. Сила целевой установки, готовности увидеть именно то, что он ожидал и хотел увидеть, была столь велика, что сенсорное содержание, возникшее в процессе восприятия объекта (девочки), преобразовалось в иллюзорный образ кабана (*Намадзе*, 1972).

Первое экспериментальное исследование влияния установки, вызванной инструкцией, на восприятие было проведено также ведущим представителем Вюрцбургской школы О.Кюльпе. В 1902 г. в экспериментах Кюльпе и его ассистента Брауна был обнаружен факт, от которого берет свое начало длинный цикл исследований, посвященных влиянию целевой установки на избирательность восприятия. Кюльпе и Браун, проводя эксперименты по изучению абстракции, тахистоскопически предъявляли испытуемым бессмысленные слоги, отличающиеся по цвету, форме и пространственному расположению. Перед предъявлением стимульного материала испытуемым предлагалась инструкция, в которой их просили сообщить после экспозиции о каком-либо одном из признаков предъявленных объектов. Было установлено, что испытуемые наиболее точно воспроизводили признаки, оговариваемые в инструкции, и порой ничего не могли сказать о других признаках стимульного материала. Кюльпе увидел в этом факте еще один аргумент в пользу существования «безобразного мышления». Кроме того, он выдвинул гипотезу, что предварительно заданная инструкция повышает четкость восприятия. Спустя много лет, выступая на симпозиуме по установке в г. Бордо, П.Фресс (*Fraisse*, 1961) начал свой доклад «Роль установки в восприятии» с изложения экспериментального исследования О.Кюльпе. Он отметил, что хотя в наши дни эксперимент О.Кюльпе может показаться банальным и не выдержит строгой критики, все же именно в исследованиях О.Кюльпе отчетливо выступил факт, свидетельствующий о влиянии установки, вызванной инструкцией, на избирательность восприятия. Инте-

ресные результаты, проливающие свет на особенности целевой установки, были получены в исследованиях Сиполы (1935). В этих экспериментах у испытуемых одной группы с помощью инструкции вызывалась установка на восприятие слов из категории «корабли», а у испытуемых другой группы — установка на восприятие слов из категории «животные». Среди тахистоскопически предъявляемых слов были бессмысленные слова типа «sael». Типичной ошибкой испытуемых, настроенных воспринимать слова из категории «животные», было прочтение бессмысленного слова «sael» как «seal» (тюлень), а для испытуемых, настроенных на восприятие слов из категории «корабли», типичной ошибкой было прочтение слова «sael» как «sail» (парус). Затем испытуемым обеих групп предъявлялись слова с пропущенными буквами, которые следовало заполнить. Выяснилось, что все испытуемые заполняют пропуски в словах в соответствии с установками, вызванными инструкцией в прошлых экспериментах, не осознавая этого факта. Следовательно, установка, вызванная инструкцией, во-первых, может привести к искажению материала и тем самым к сохранению направленности действия в заданном направлении, и, во-вторых, целевая установка не исчезает после выполнения задания, продолжая влиять на следующее решение сходных задач. В экспериментах Сиполы также ярко проявилась, на наш взгляд, характерная черта любых экспериментов на установку: нужно каким-то образом «нарушить» протекание действия, преградить ему путь, и тогда тенденция к сохранению направленности действия даст о себе знать, ассимилировав воздействия, преграждающие путь заданному протеканию действия.

По сути, тот же прием «нарушения» деятельности использован в исследовании И.А.Тоидзе (1974). Изучая влияние установки на формирование зрительного образа, И.А.Тоидзе применила следующий методический прием: она предъявляла испытуемым различный стимульный материал, расположенный в подпороговом диапазоне. Так, например, в одной из серий испытуемого просили решить арифметическую задачу. Текст задачи высвечивался

на экране, перед которым сидел испытуемый. Одновременно на тот же экран проецировались «подсказка» и «ответ» при яркости, которая по величине была ниже, чем предварительно установленная пороговая яркость. Иными словами, испытуемый не видел на экране ни подсказки, ни ответа на задачу. Выяснилось что ответ воспринимался на экране только в том случае, если в процессе решения задачи у испытуемого актуализировался зрительный образ, релевантный ответу. Если же образ ответа не актуализировался, то ответ так и оставался под порогом восприятия. Интересно, что изображение ответа на подпороговом уровне, которое проецировалось на экране одновременно в нескольких различных формах (цифры, графическое изображение и т.д.), воспринималось именно в форме, соответствующей образу полученного испытуемым результата. В экспериментах И.А.Тоидзе, таким образом, было показано влияние целевой установки, возникшей после получения в ходе решения задачи определенного результата, на избирательность восприятия. В них также выяснилось, что целевая установка относится к числу факторов, обуславливающих сенсбилизацию чувствительности.

Приведенные примеры помогают очертить круг явлений, обозначаемых понятием «целевая установка». Но тут может возникнуть вопрос: «Во всех этих примерах о наличии установки судят лишь по ее конечному эффекту — избирательности, проявляющейся в процессе восприятия. Нельзя ли с таким же успехом предположить, что эффекты избирательности и направленности поведения вызываются непосредственно представлением о цели?». Игнорирование этого вопроса приводит, на наш взгляд, к двум противоположным позициям. Представители одной позиции не делают допущения о существовании «промежуточного» процесса, опосредующего влияние цели на поведение, а следовательно, прекрасно обходятся без понятия, обозначающего эти процессы. В истории психологии эта позиция наиболее ярко выражена во взглядах У.Джеймса. Развивая представления об идеомоторике, У.Джеймс утверждал, что идея может непосредственно

вызвать соответствующее ей движение. Произойдут ли при наличии идеи ожидаемые движения или нет, зависит, по мнению У.Джеймса (Джемс, 1912), от простой физиологической случайности. Вечный соперник У.Джеймса Э.Титченер довольно язвительно писал по поводу представлений У.Джеймса об идеомоторике, что признание этих представлений равносильно признанию за мыслью «полить траву» силы, способной непосредственно привести фонтан в действие. Несколько более мягко отнеслись к гипотезе У.Джеймса об идеомоторике Д.Миллер, Ю.Галантер и К.Прибрам (1965). Они заявили, что У.Джеймс решает проблему взаимоотношений между образом и действием, поставив дефис между словами идея и моторика.

Сторонники второй позиции склонны к полному отождествлению установки и цели. Так, А.С.Прангишвили пишет: «Установка (закодированная модель конечного результата реакции) [курсив мой. — А.А.], предвосхищая эту реакцию во времени, является совершенно неотъемлемым компонентом структуры целенаправленной деятельности» (Прангишвили, 1972, с.6). Полностью соглашаясь с А.С.Прангишвили в том, что установка — неотъемлемый компонент целенаправленной деятельности, мы не можем поставить знак равенства между установкой и закодированной моделью конечного результата реакции и тем самым упразднить ту психологическую реальность, которая стоит за целью. Вслед за Ф.В.Бассиным (1966) мы считаем, что установка — это не синоним модели будущего результата, а скорее обозначение специфической роли осознаваемого предвидимого образа цели. Эта роль состоит в стабилизирующем организующем влиянии со стороны предвосхищаемой цели на протекание процесса. Как и при анализе смысловой установки, мы различаем отражение того или иного объективного фактора, вызывающего установку, в данном случае — целевого объекта и саму целевую установку — форму выражения этого отраженного в сознании фактора в регуляции деятельности. Целевая установка неотрывна от антиципируемого результата действия, но она не растворяется в нем. Эта спаянность целевой установки и цели вызывает трудности при

анализе целевой установки и отчасти является причиной пренебрежения целевой установкой во многих исследованиях. Трудности выделения целевой установки в качестве относительно самостоятельного момента осуществления действия связаны прежде всего с тем, что в условиях нормального функционирования действия она практически спрятана в нем и никак феноменологически не проявляет себя. Ситуация, однако, разительно меняется, если смена целевых установок не поспевает за резким изменением действия, сменой одного действия другим. Тогда целевые установки обнаруживают себя, подобно тому, как мгновенно обнаруживается инерция движения быстро бегущего человека при резкой остановке. Приобретшая самостоятельность целевая установка — это форма, вырвавшаяся из-под власти содержания. Выпадая из общей системы активного целенаправленного действия, она начинает выступать в своем собственном движении, которое в ряде случаев носит извращенный характер, проявляясь, например, в системных персеверациях⁵. В других случаях, не принимая патологической окраски, целевые установки выступают как сила, ушедшая из-под контроля субъекта, и проявляются в тенденциях типа тенденции к завершению прерванного действия (Б.В.Зейгарник).

Анализ различных форм патологии установки в связи со структурой человеческого действия дан в исследовании А.Р.Лурии (1945). В случае поражения конвексительной поверхности лобных долей у больных обнаруживается выпадение целевой, или, как ее называет А.Р.Лурия, предметной интенциональной, установки из общей системы действия. Больные с поражением конвексительной поверхности лобных долей могут выполнять действия, задаваемые

⁵ А.Р.Лурия (1966) выделяет два типа персевераций: системные и двигательные. Системные персеверации выражаются в повторении всего действия в целом. Их причина — «инертность раз возникшей программы». Двигательные персеверации — нарушение реализации нужного движения. Этот тип персеверации выражается в стереотипном повторении одного и того же движения.

мые отдельными инструкциями, но оказываются не в силах подчинить поведение цепи инструкций, сменяющих друг друга. Новая инструкция приводит лишь к выявлению предварительно созданной установки. А.Р.Лурия, характеризуя деструкцию поведения, возникающую при нарушении установки на уровне действия, пишет: «Раз вызванная предметная установка оказывается обладающей столь резко выраженной инертностью, что после выполнения нужного действия она не исчезает, но продолжает оставаться и подменять собою все последующие намерения, в то время как адекватные новым инструкциям установки не возникают вовсе» (Лурия, 1945, с.251). При извращении целевой установки нормальное протекание поведения подменяется персевераторными штампами. Так, больной, которого просят нарисовать то круг, то крест, начинает стереотипно рисовать фигуру креста, не замечая, что выполняет неадекватное действие. Позднее А.Р.Лурия (1966) назвал персеверации такого типа системными персеверациями.

В обычной жизни часто встречаются случаи «самостоятельного» проявления целевой установки в форме тенденции к завершению прерванных действий. Этим феноменом интуитивно пользуются писатели и хорошие лекторы. Писатель, желающий, чтобы его читатель захотел прочесть вторую, еще не опубликованную часть книги, старается «оборвать» изложение на самом интересном месте. Лектор, стремящийся, чтобы его слушатели глубже поняли проблему, не «разжевывает» ее до конца, а прерывает лекцию, вынуждая тем самым слушателей самих попытаться решить или, по крайней мере, обдумать эту проблему. Если слушатель выходит с лекции в состоянии прерванного действия и имеет установку на поиск решения поставленной проблемы, то, значит, лекция удалась. Подобные проявления целевой установки были открыты и исследованы Б.В.Зейгарник на материале запоминания прерванных и законченных действий. Испытуемым предлагали в беспорядке совершать различные действия, причем одни действия им давали довести до конца, а другие прерывали. Выяснилось, что прерванные действия запо-

минаются примерно в два раза лучше, чем законченные. В классических экспериментах Б.В.Зейгарник, таким образом, был установлен тот фундаментальный факт, что превосхищаемая субъектом цель действия продолжает оказывать влияние и после того, как действие прервано, выступая в виде устойчивой тенденции к завершению прерванных действий.

Анализ особенностей и функций установок на уровне действия или целевых установок позволяет сделать следующие выводы:

— Целевая установка, представляющая собой готовность, которая вызвана превосхищаемым осознаваемым образом результата действия, выполняет функцию стабилизации действия.

— В том случае, когда протекание действия не встречает на своем пути никаких препятствий, стабилизирующая функция целевой установки никак феноменологически не проявляет себя. Поэтому возникают затруднения при анализе целевой установки, и, как правило, этой форме установки приписывается только роль фактора, определяющего избирательность психических процессов (см., например, эксперимент О.Кюльпе). Отсутствие феноменологических признаков и опознание проявлений целевой установки исключительно по ее конечному эффекту — избирательности психических процессов — приводят некоторых исследователей либо к полному игнорированию установочного момента в регуляции действия, либо к отождествлению между собой цели и вызываемой этой целью установки.

— Целевая установка феноменологически проявляет себя в тех случаях, когда на пути протекания действия возникают те или иные препятствия. Такими «препятствиями» могут быть неопределенность предъявляемой стимуляции (эксперименты Сиполы, Тоидзе) и резкое нарушение или изменение протекания действия. При резком нарушении действия или изменении ситуации, в которой разворачивается действие, целевая установка выступает в виде системных персевераций, ошибок («sail» вместо «sael» и т.д.) и тенденции к завершению прерванного действия

(феномен Зейгарник). Подобные проявления «самостоятельной» жизни целевой установки наглядно подтверждают факт существования тенденции к сохранению действия в определенном направлении как момента регуляции действия.

УРОВЕНЬ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ

Под *операциональной установкой* понимается возникающая в ситуации разрешения задачи на основе учета условий наличной ситуации и предвосхищения этих условий готовность к осуществлению определенного способа действия, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от содержания предвосхищаемого условия. Говоря о «содержании условия», мы имеем в виду представление А.Н.Леонтьева о том, что человек не просто находит в обществе внешние условия, к которым он принаравливает свою деятельность — сами эти условия несут в себе средства, общественно выработанные способы деятельности, ценности, предметные и социальные нормы. Условия деятельности обладают этим присущим только миру человеческих предметов свойством, так как в них объективированы «значения». Именно в «значениях» содержатся те схемы действия — готовые формулы, образцы поведения, о которых писал Д.Н.Узнадзе и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться «связи времен». Эти «значения», будучи представлены в образе предвосхищаемого условия, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим условием ситуации разрешения задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции, посредством которой может быть достигнута цель действия. Таковы в самых общих чертах содержание и механизм возникновения операциональной установки.

В повседневной жизни операциональные установки действуют в привычных стандартных ситуациях, целиком определяя работу «привычного», по выражению Д.Н.Уз-

надзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установка, а актуализируется ранее выработанная установка на эти условия (*Узнадзе*, 1961). Воспользуемся образным примером П.Фресса (*Fraisse*, 1961), чтобы проиллюстрировать эту мысль: контролер на станции метро после многократного предъявления билетов ожидает вновь увидеть билет, а не стакан с аперитивом, т.е. при встрече с пассажиром у него каждый раз на основе прошлых воздействий актуализируется готовность действовать именно по отношению к билету. Если вы рискнете в часы пик предъявить контролеру похожую на билет бумажку, то убедитесь в том, что установка, вылившаяся в операцию, будет по своему содержанию соотнесена именно с билетом, а не с бумажкой. Иными словами, выражение операциональной установки будет обусловлено «образом действия», принятым в данной ситуации.

Не покидая станции метро, вы можете увидеть и второе, несколько отличное от ситуации с контролером проявление операциональной установки. Стоит движущейся вниз ленте эскалатора, на которой вы стоите, остановиться, как у вас возникает на какое-то мгновение отчетливое впечатление движения лестницы вверх. «Движение» появляется в результате вмешательства специфической установки, связанной с вашим прошлым опытом в отношении эскалатора», — отмечает К.Прибрам, приводя подобный пример в качестве иллюстрации действия тестирующего механизма в схеме Т—О—Т—Е (*Прибрам*, 1975, с.110).

Разнообразные фиксированные социальные установки также могут по своему месту в деятельности выступить как операциональные установки. Очень удачный пример действия социальных фиксированных установок, актуализирующихся в стандартных ситуациях, использует Я.Л.Коломинский (1972), обращаясь к произведению Л.Н.Толстого «Анна Каренина»: «Жизнь Вронского тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определявших все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг усло-

вий, но зато правила были несомненны, и Бронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти несомненно определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, что лгать не надо мужчинам, а женщинам можно, что обмануть нельзя никого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т.д. Все эти правила могли быть неразумны, но они были несомненны, и, исполняя их, Бронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову» (Толстой Л.Н. Анна Каренина). Эти правила, нормы оценок и отношений внедряются в сознание человека и, выступая в форме отвечающих стандартному кругу условий операциональных установок, руководят человеком в повседневной жизни и избавляют от необходимости всякий раз заново решать, как надлежит действовать в той или иной уже встречавшейся ситуации. Достаточно, опираясь на прошлый опыт, отнести встретившуюся ситуацию к определенному классу, и «срабатывают» соответствующие установки. Эти установки будут операциональными — по их месту в деятельности и отвечающими усвоенным социальным нормам (пример с Бронским) — по их содержанию. Операциональные установки обычно осознаются лишь в тех случаях, когда они нарушаются. Так, главный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот» князь Мышкин, вместо того чтобы небрежно бросить свой узелок швейцару, заводит с ним обстоятельную беседу в «людской», чем сначала приводит в недоумение самого швейцара, а затем и княгиню Мышкину. Нарушение принятых норм мешает швейцару, «человеку с намеком на мысль», решить, как себя вести с князем. Подобное нарушение правил и вытекающих из них установок на определенное поведение в данной ситуации расцениваются и швейцаром и княгиней как событие из ряда вон выходящее, о чем недвусмысленно дается понять князю Мышкину. Княгиня Мышкина «узнает» о существовании установки по неадекватному проявлению поведения в стандартной ситуации, а в экспериментальной психологии более сотни лет о про-

явлениях операциональной установки судят по тем нарушениям, искажениям и ошибкам, которые она приносит в различные процессы человеческого поведения.

Традиционным объектом исследования в экспериментальной психологии являются феномены операциональной установки, обнаруживающиеся в ситуациях типа описанных выше ситуаций с контролером и с «движущейся» лестницей. Наиболее тщательно операциональные установки такого содержания и их свойства исследованы в школе Д.Н.Узнадзе. На наш взгляд, фиксированная установка, полученная методом «фиксации установки», служит типичным образцом операциональной установки. Для того чтобы доказать это утверждение, обратимся к анализу фиксированной установки и попытаемся выяснить то, с каким объективным фактором в ситуации разрешения задачи она соотносится, т.е. чему релевантна фиксированная установка — мотивам, целям или условиям осуществления действия.

Рассмотрим схему классического метода выработки установки — метода «фиксации установки» Д.Н.Узнадзе на примере иллюзии величины. В этих опытах экспериментатор, предварительно удостоверившись в том, что испытуемый способен оценить равенство предъявляемых объектов, предлагает ему инструкцию типа: «Сравните эти два шара по величине». Затем испытуемому предъявляются два отличающихся по величине шара. При этом предполагается, что при предъявлении шаров у испытуемого возникает установка на оценку «больше—меньше», которая определяет восприятие объектов. Эта установка фиксируется посредством повторного предъявления шаров (10—16 раз) в так называемой установочной серии. На 16 раз испытуемому предъявляют равные по величине шары. Инструкция остается прежней. В этом критическом опыте испытуемый оценивает один из равных по величине шаров как «большой» или «меньший». Если испытуемый говорит, что там, где в установочных опытах находился «меньший» шар, сейчас предъявлен «большой», то такая иллюзия называется контрастной. Если же он говорит, что там, где раньше находился «мень-

ший» шар, сейчас вновь находится «меньший», то такая иллюзия называется ассимилятивной.

Интерпретируя подобные результаты, Д.Н.Узнадзе считает, что в ходе установочных опытов у испытуемого фиксируется состояние, которое приводит к иллюзорному восприятию объектов. Это состояние определяется им как готовность к привычному способу реагирования, т.е. как установка. Известно, что установки «ни на что» не бывает и, следовательно, необходимо установить, на какой момент в ситуации разрешения задачи выработана фиксированная установка. При проведении классических опытов на выработку установки инструкция в течение всего эксперимента остается неизменной.

Значит, в течение эксперимента испытуемый действует на основе одной целевой установки, вызванной с помощью инструкции. Этот факт подчеркивает Ш.Н.Чхартишвили (1971), говоря, что на протяжении всего опыта у испытуемого одна установка — выполнить требования руководителя опыта в соответствии с полученной инструкцией. На основе этой установки испытуемый совершает самые разные акты: он ждет своей очереди, знакомится с экспериментальной ситуацией с большим или меньшим вниманием, в зависимости от значения для него этих экспериментов, слушает конкретное задание экспериментатора и т.д. В ходе установочных и критических опытов повторяется только одно условие, а именно: регулярное предъявление шаров разного веса в разные руки. Так, например, вес шара в правой руке всегда больше, а в левой руке — меньше. Это условие служит ориентиром для испытуемого независимо от того, отдает он себе в этом отчет или нет, и на это условие вырабатывается установка. Ориентируясь на выбранный нами критерий, т.е. на место объективного фактора, вызывающего установку, в структуре деятельности, мы относим установку, выработанную любым вариантом метода фиксации установки, к «фоновому», операциональному уровню установочной регуляции. Фиксированные установки, приводящие в классических экспериментах Д.Н.Узнадзе к возникновению иллюзий или искажений различного поведения, соотносимы с условиями

разрешения задачи, а не с целями или мотивами и, следовательно, по своему месту в структуре деятельности являются операциональными установками.

Какие механизмы лежат в основе фиксированной установки? Какие детерминанты определяют эту форму готовности? Дж.Брунер (*Bruner, 1957*), автор теории перцептивной готовности считает, что одной из важнейших детерминант, определяющих готовность восприятия того или иного объекта, является вероятность появления объекта определенного класса в данной ситуации. Показывая роль этой детерминанты в возникновении перцептивной установки, он провел следующий эксперимент. Испытуемым тахистоскопически предъявлялся знак «13», вертикальный компонент которого не соприкасался с изогнутым. Этот знак можно было принять либо за букву «В», либо за число «13». При общей инструкции на опознание знак подавался в разном контексте. В одной из серий он предъявлялся среди цифр, а в другой — среди букв. Оказалось, что опознание полностью зависит от контекста, в котором предъявляется этот двусмысленный знак. На основании этих экспериментов Дж.Брунер пришел к выводу, что из двух следов, с которыми может вступить в контакт наличная информация и которые в равной степени сходны, берет верх тот, который имеет большую вероятность появления в данных условиях (*Bruner, Minturn, 1955; Bruner, 1957*). Эта экспериментальная ситуация близка к описанному ранее примеру П.Фресса с контролером в метро. В обоих случаях перед нами ассимилирующее действие операциональной установки, опирающейся на вероятность появления объекта данной категории и наличную ситуацию. На роль фактора вероятности появления сигнала в возникновении установки неоднократно указывали многие представители зарубежной психологии, среди которых следует упомянуть таких исследователей, как автор теории вероятностного функционализма Э.Брунsvик, П.Фресс, а также авторы психофизической теории обнаружения сигнала Свете, Таннер и Грин. Свете, Таннер и Грин рассматривают «знание» вероятности появления сигнала как один из наиболее значимых факторов, обуслов-

ливающих предрасположенность испытуемого в условиях дефицита сенсорной информации (Энгел, 1974). В отечественной психологии некоторые представители школы Д.Н.Узнадзе, например А.С.Прангишвили, пытаются ответить на вопрос о механизмах, лежащих в основе фиксированной установки, обращаются к концепции вероятностного прогнозирования (Фейгенберг, 1963, 1977). Основное положение концепции вероятностного прогнозирования заключается в том, что субъект, опираясь на вероятностно организованный прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, или (пользуясь удачным выражением А.А.Леонтьева — 1969) на «память ситуации» и непосредственную стимуляцию, выдвигает гипотезы о наступлении будущих событий с приписыванием каждой из гипотез определенной вероятности. В соответствии с таким прогнозом осуществляется преднастройка — подготовка к определенным способам действия, приводящая с наибольшей вероятностью к достижению некоторой цели. С точки зрения А.С.Прангишвили, многократное предъявление установочных экспозиций является фактором, приводящим к образованию установки. Он полагает, что на основе информации, например о величине шаров, и регулярного повторения одной и той же ситуации у испытуемого формируется вероятностный прогноз того, какое событие произойдет в следующей ситуации, и соответственно осуществляется подготовка к этому событию. Так, если с правой стороны в n случаях предъявлялся большой шар, то испытуемый, опираясь на прошлый опыт поведения в подобной ситуации, прогнозирует, что в $n + 1$ случае ему будет вновь предъявлен справа шар большей величины. Если разница, существующая между вероятностным прогнозом наступающей ситуации и характером фактически наступившей ситуации велика, то возникает контрастная иллюзия. Если же она незначительна, то гипотеза о наиболее вероятном событии приводит к возникновению ассимилятивной иллюзии. Предлагая это объяснение возникновения фиксированной установки, А.С.Прангишвили практически ставит знак равенства между установкой и вероятностным прогнозированием, го-

воря об установке как о «состоянии вероятностного прогнозирования» (Прангишвили, 1967, 1973). Такой вывод нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что представления о вероятностном прогнозировании адекватны только для объяснения возникновения установки в стандартных, привычных условиях, т.е. механизм вероятностного прогнозирования работает на уровне операциональных установок. Не случайно поэтому объект анализа А.С.Прангишвили — фиксированная установка, обуславливающая иллюзии восприятия, а не первичная установка. Однако существующие в настоящее время представления о вероятностном прогнозировании не могут полностью объяснить и механизм образования операциональной фиксированной установки, так как в них не учитывается такой конституирующий момент в образовании фиксированной установки, как предметное содержание предвосхищаемого условия. Вероятностный прогноз выступает в деятельности на фазе ориентировки и участвует, как справедливо отмечает О.К.Тихомиров (1969), в регуляции степени развернутости поискового процесса. То же, какой конкретный характер будет иметь осуществляющаяся операция, зависит от «значения» предвосхищаемого условия. Именно «значение», предметное содержание условия обуславливает конкретное выражение способа осуществления действия. Тот фундаментальный факт, что «значение», кристаллизованное в том или ином продукте общественной деятельности, как бы «требует» совершить то или иное действие, актуализирует готовность к совершению определенного способа действия, нашел свое, правда, искаженное отражение в представлениях К.Дункера об установке как о «функциональной фиксированности» (1965, с.200). К.Дункер провел детальное исследование фиксации функционального значения за различными объектами. В типовых задачах испытуемый должен был преодолеть фиксацию функции, закрепленной за объектом, и употребить объект, ранее применявшийся в той же ситуации в обычной функции, в другой, непривычной функции. Например, после того как плоскогубцы использовались для вынимания гвоздя, применить их в качестве «подставки для цветов» и т.д.

Было установлено, что фиксация какой-либо функции за объектом впоследствии приводит к тому, что у испытуемого возникает ригидная установка на применение объекта в той функции, в которой он использовался ранее. О наличии этой установки судят по тому, что она препятствует, мешает употребить объект в новой непривычной функции. Далее мы остановимся на той интерпретации этого факта, которую предлагает К.Дункер, и ее месте в развитии представлений о природе установки. Здесь же нам важен сам полученный К.Дункером факт фиксированности «значения» за тем или иным объектом и решающей роли этого «значения» по отношению к конкретному выражению способа осуществления действия. Факт «функциональной фиксированности» показывает, что «значение», фиксированное в объектах, в том, *на что* направлена установка, полностью определяет выражаемое этой установкой в деятельности содержание и в то же время отражает стабилизирующую функцию установки. И опять мы видим, что для того, чтобы проявился сам факт существования установки, нужно создать ситуацию, нарушающую обычное протекание деятельности. И только тогда установка феноменологически проявит себя, в данном случае в виде «барьера», препятствующего решению задачи.

В отечественной психологии мысль о необходимости учета того содержания, которое различные установки выражают в деятельности человека, особенно рельефно выделена в исследованиях А.В.Запорожца. В зависимости от содержания, лежащего в основе установок, А.В.Запорожец вычленяет два вида установок: ситуационно-действенные и предметные (*Запорожец, 1960*). *Ситуационно-действенные установки* отражают физические отношения между субъектом и объектом, складывающиеся в данной конкретной ситуации действия. Например, в ситуации с иллюзией величины — это отражение связи определенной руки с признаком величины шара. В предметных установках отражены более устойчивые и независимые от преходящих особенностей действия отношения между признаками самого предмета. В качестве примера проявления предметных установок А.В.Запорожец приводит иллюзию Шар-

пантье, в основе которой лежит связь, соответствующая устойчивым отношениям признаков предмета — отношениям между объемом и весом. Можно предположить, что взаимоотношения между двумя моментами механизма операциональной установки — вероятностным прогнозом и «содержанием связи» — в ситуационно-действенных и предметных операциональных установках различны. В ситуационно-действенных установках именно частота появления определенной связи на относительно небольшом временном интервале является основным признаком, на который опирается испытуемый и который приводит к возникновению установки. За рамками экспериментальной ситуации частота появления данной связи резко падает, и фиксированная установка, обуславливающая иллюзию величины, через некоторое время разрушается. В предметных установках типа установки, обнаруживающейся в иллюзии Шарпантье, на первых порах ее возникновения человек вновь ориентируется на признак частоты — предметы большего объема чаще всего оказываются большими по весу. Но так как в этом случае частота выступает как один из признаков, свидетельствующих о существовании устойчивого реального отношения между объемом и весом, то она возрастает при каждом новом столкновении субъекта с этим отношением. Как только у субъекта сформируется определенное «знание» о содержании связи между объемом и весом, частота встречаемости этой связи, сыграв роль указывающего на ее существование признака, уходит на задний план. Субъект начинает ориентироваться на «знание» закономерности связи между объемом и весом. По-видимому, в своем формировании предметные установки минуют этап ситуационно-действенных установок.

Итак, мы видим, что в исследованиях А.В.Запорожца, как и в работах К.Дункера, выступил факт зависимости установки от предметного содержания, от «значений», кристаллизованных на объектах установки. Этот факт доказывает, что действие механизма операциональной установки не сводится к вероятностному прогнозированию и что необходимо учитывать то «значение» предмета, на

который возникла установка и от которого зависит конкретное выражение способа осуществления действия.

Нам представляется, что помимо двух типов операциональной установки (ситуационно-действенной и предметной) необходимо выделить еще один третий тип — *импульсивные* установки. По своему механизму импульсивные установки резко отличны от предметных и ситуационно-действенных установок, но тем не менее они соотносимы с побочными условиями ситуации, в которой человеку приходится решать самые различные типы задач. Примеры действия импульсивных установок встречаются буквально на каждом шагу. Вы пишете статью, а рядом стоит тарелка с яблоками или лежит пачка сигарет. Время от времени вы, не отрываясь от работы, машинально протягиваете руку и берете яблоко или закуриваете сигарету. Прогуливаясь по улице и оживленно беседуя со своим знакомым, вы проходите мимо автомата с газированной водой. Продолжая о чем-то спорить, вы, почувствовав жажду, бросаете в автомат три копейки и выпиваете стакан воды. В том случае, если условие, способное удовлетворить потребность, находится перед нами в стандартной ситуации, мы почти никогда специально не задумываемся, что предпринять: «Сами условия ситуации диктуют нам, что надо делать» (Узнадзе, 1966, с.373). Факторы, приводящие к возникновению импульсивных установок, внешне те же, что и у смысловых установок: потребность и побуждающий предмет. Однако легкодоступный побуждающий предмет, вызывающий импульсивную установку в стандартной обстановке, не относится к числу мотивов деятельности и имеет ситуационное значение. Это предмет — побудитель в «ситуации потребности момента». Только в ней он обладает побудительной силой. В другой ситуации тот же самый предмет, например вода для путника, заблудившегося в пустыне, может возвыситься до уровня смыслообразующего мотива деятельности, ради достижения которого отчаявшийся человек готов пойти на что угодно. Но в обычной стандартной обстановке предмет-побудитель типа воды занимает структурное место побочного условия деятельности. По мере

развития общества целый ряд мотивов неизбежно переходит в ранг предметов-побудителей, и для их достижения оказывается достаточно срабатывания операциональных установок. «Предметно-вещественные “потребности для себя” насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня *условий* жизни, — замечает А.Н.Леонтьев, — которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся» (1975, с.226). Изменение места побуждающего предмета в структуре деятельности и соответственно изменение уровня установки — это лишь одно из проявлений возможности взаимопереходов установки одного уровня на другой, в данном случае с ведущего уровня на «черновой» операциональный уровень установочной регуляции деятельности.

Итак, нами были рассмотрены установки, лежащие в основе «привычного» поведения — операциональные установки. Было показано, что фиксированные установки, вырабатываемые посредством классического метода «фиксации установки» Д.Н.Узнадзе, относятся к уровню операциональных установок, так как они соотносятся с условиями протекания действия. Эти установки проявляют себя в хорошо известных феноменах иллюзий типа иллюзии веса, иллюзии Шарпантье и т.д. В качестве механизма для объяснения действия такого рода установок некоторыми исследователями привлекаются представления о вероятностном прогнозировании. Однако механизм действия операциональных установок не сводится к вероятностному прогнозированию. Необходимым и определяющим содержание операциональной установки моментом является «значение» предмета, на который возникла установка и от которого всецело зависит конкретное выражение способа осуществления действия. По характеру предметного содержания следует различать такие виды операциональных установок, как ситуационно-действенные и предметные (А.В.Запорожец). Особое место в ряду операциональных установок занимают операциональные импульсивные установки, которые актуализируются на условия ситуации, отвечающие той или иной «потребности момента».

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ — РЕАЛИЗАТОРЫ УСТАНОВКИ

Физиологическое объяснение явления установки, или, точнее, сведение явления установки к определенным физиологическим процессам, появилось задолго до того, как встал вопрос о собственно психологической природе установки и ее роли в регуляции деятельности. Это объяснение родилось в рамках физиологической психологии в школе В.Вундта. Факты проявления установки в экспериментах на ВР (время реакции) были обнаружены психологами Лейпцигской лаборатории. Вначале С.Экснер, а затем Л.Ланге (1886) обращают внимание на влияние предварительной подготовки испытуемого на ВР. Л.Ланге приходит к выводу, что в зависимости от того, на что направлено внимание реагента, необходимо различать две формы реакции: моторную и сенсорную. Если испытуемый предварительно настраивается на двигательный ответ, то проявляется более короткая моторная реакция; если же он предварительно настроен на стимул, то обнаруживается сенсорная реакция. Таким образом, в исследованиях Лейпцигской лаборатории происходят два немаловажных для истории проблемы установки события. Первое событие — это возникновение представлений о сенсорной установке (настройке на ожидаемый раздражитель) и моторной установке (настройке на ответное движение). Второе событие — попытка интерпретации установки. Так, Л.Ланге видит в моторной установке предварительное иннервационное напряжение, связанное с «молниеносностью» мускульной реакции (см. об этом *Ланге Н.Н.*, 1893; *Корнилов*, 1922; *Woodworth, Schlosberg*, 1958). Говоря о моторной установке как о предварительном мышечном напряжении, Л.Ланге тем самым подчеркивал, что установка представляет собой явление периферической природы. В работах Л.Ланге был верно подчеркнут факт участия тонуса, тонической настройки в реализации установки. Однако сведение установки к чисто периферическим процессам еще в XIX веке встретило серьезные возражения.

Такое объяснение не удовлетворило исследователя, с именем которого связана первая теория установки в ис-

тории экспериментальной психологии. «После того как психологи отошли от исключительно менталистской точки зрения, стало популярным представление о моторных установках (*motor attitudes*). В 1888 г., например, Н.Н.Ланге развил моторную теорию, в которой процессы восприятия рассматривались большей частью как следствие мышечной подготовки или «установки» (*set*)», — пишет Г.Олпорт (*Allport, 1935, с.799*). Данная Г.Олпортом характеристика теории Н.Н.Ланге как теории моторной установки лишь частично отражает истинное положение вещей. Дело в том, что теория Н.Н.Ланге, продолжателя лучших традиций Г.Гельмгольца и И.М.Сеченова, гораздо богаче представлений о моторной установке Мюллера и многочисленных концепций о природе моторных установок, получивших затем широкое хождение в американской психологии, особенно в раннем необихевиоризме (см., например, *Dashiell, 1940; Freeman, 1939*). Во всех этих представлениях отстаивается взгляд на установку как на явление чисто периферической природы, практически лишенное связи с различными психическими состояниями. В отличие от этих вариантов теорий моторной установки Н.Н.Ланге рассматривает установку в контексте разработанной им теории волевого внимания.

В его представлениях о природе установки всегда присутствуют два момента: предварительное знание об объекте внимания и возникающее при наличии этого предзнания мышечное напряжение, которое предшествует движению. Вводя предварительное знание об объектах внимания как один из моментов возникновения установки, Н.Н.Ланге тем самым указывает на центральный характер этого явления. Спор о «локусе» установки, о том, имеет ли установка центральную или периферическую природу, начавшийся в Лейпцигской лаборатории между Л.Ланге и Н.Н.Ланге, достигает особого накала в русле необихевиоризма (см. об этом *Асмолов, 1977*). Здесь мы не будем останавливаться на этой дискуссии. Отметим лишь вслед за В.П.Зинченко, что сама постановка проблемы «периферия или центр» представляется ложной, так как в реализации установки задействованы как центральные, так и периферические

процессы (Зинченко, Вергилес, Стрелков, 1970). Сама постановка проблемы «центр или периферия» вызвана тем, что как исследователями Лейпцигской лаборатории, так и необихевиористами установка представлялась как чисто физиологическое явление. Полностью игнорировался тот факт, что физиологические процессы являются только реализаторами, своего рода «технологией», которая зависит от задачи, стоящей перед субъектом. В зависимости от того, какая задача стоит перед субъектом, возникает смещение акцента либо на моторную, либо на сенсорную сферу. Факты, подтверждающие смещение акцента установки с моторной на сенсорную сферу при изменении задания, были получены в исследованиях К.Прибрама. В них было показано, что место изменения отрицательного электрического потенциала («волны ожидания» Г.Уолтера), вызываемого с помощью разнообразных подготовительных состояний ожидания, зависит от типа задания, требующего этого подготовительного состояния. Так, «если обезьяна или человек готовится, ничего не делая, к выполнению ответа, максимальная CNV (контингентная негативная вариация) появляется в лобной коре; если требуется подготовиться к моторному ответу, отрицательный потенциал появляется прежде всего в моторной коре и предшествует осуществлению движения; если требуется выполнить длительное ответное действие, <...> максимальный отрицательный потенциал возникает в соматосенсорной коре» (Прибрам, 1975, с.311). Эти факты окончательно доказывают, что то, какая установка появится — сенсорная или моторная, — полностью определяется задачей, поставленной перед субъектом.

В отечественной физиологии существует целый ряд направлений, в которых анализируются вопросы о физиологической природе готовности к действию. Среди них прежде всего нужно упомянуть исследования ученика Н.Е.Введенского замечательного советского исследователя А.А.Ухтомского, развившего представления об «оперативном покое» — особом состоянии нервных механизмов, осуществляющих функцию управления движениями, а также идеи о доминанте и ее роли в организации направленного поведения

(Ухтомский, 1950). Большое внимание анализу установочных явлений уделял классик отечественной науки Н.А.Бернштейн (1947). Он подчеркивал, что процессам афферентации помимо пусковой роли принадлежит еще очень важная инициативная установочная роль. С его точки зрения установочные явления принадлежат к широкому классу процессов, основанных на «заглядывании в будущее». Говоря о собственно физиологических процессах, лежащих в основе этих явлений, Н.А.Бернштейн особо выделял тоническое состояние нервно-мышечной периферии. «Тонус, — писал он, — как текущая физиологическая настройка и организация периферии к позе или движению есть не состояние упругости, а состояние готовности» (Бернштейн, 1966, с.219). Сходные идеи о функции тонуса высказывает также К.Прибрам. Он также отмечает, что тонус — это не величина спастичности или вялости сократительной ткани, а состояние готовности всего нервно-мышечного аппарата к действию, предварительное условие любого действия. Только при условии наличия состояния готовности к ответу, только на этом фоне, отмечает К.Прибрам (1975), может начаться дискретное действие. Следует отметить, что в исследованиях К.Прибрама дается подробный анализ нейрофизиологических механизмов так называемой нервной установки. Он пишет: «В результате прошлого опыта внутри организма формируется набор установок, нервных моделей, пережитых в прошлом. До недавнего времени такой термин, как “установка” или “ожидание”, не имел достаточного числа неопровержимых неврологических подтверждений. Это положение радикально изменилось после классических опытов Е.Н.Соколова. Он показал, что всякий раз, когда изменяется конфигурация стимула, повторно воздействующего на сенсорный вход, по какому-либо из его параметров, происходит растормаживание и возникает ориентировочная реакция» (Прибрам, 1975, с.225—226). Отсюда, как мы видим, следует, что К.Прибрам расценивает «нервную модель стимула» (Соколов, 1960) как физиологическое выражение установки.

Не обошел своим вниманием явление установки и такой известный советский физиолог, как П.К.Анохин. Им были развиты представления об «акцепторе действия» как

о заготовленном комплексе возбуждений. Автор теории функциональной системы П.К.Анохин сближает понятия «акцептор действия» и «установка». «Психологи разработали специальную форму эксперимента, — пишет П.К.Анохин, — в котором они обнаруживают наличие этого акцептора действия. Можно указать на давно известное в психологии явление «иллюзии Шарпантье», которое в точности соответствует физиологическим явлениям, разобранными нами выше. К этому же роду физиологических явлений относится и установка в психических процессах, разрабатываемая в настоящее время лабораторией Д.Н.Узнадзе» (Анохин, 1975, с.181).

Но понимают ли установку как физиологическое явление в психических процессах представители школы Д.Н.Узнадзе? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Дело в том, что сам Д.Н.Узнадзе неоднократно подчеркивал, что установка не является ни исключительно физиологическим, ни исключительно психологическим процессом. Тем самым он недвусмысленно говорил, что недопустимо сведение установки к физиологическим явлениям. Со временем ряд представителей школы Д.Н.Узнадзе, в частности И.Т.Бжалава и З.И.Ходжава, отошли от точки зрения Д.Н.Узнадзе и начали рассматривать установку как динамический стереотип. «В последнее время некоторые ученики Д.Н.Узнадзе полагают, — пишет И.С.Беритов, констатируя различие между пониманием установки самим Д.Н.Узнадзе и его учениками, — что установка как первичная форма психического отражения ситуации в целом и, значит, как состояние готовности субъекта к соответствующему этой ситуации действию должна иметь свою физиологию. Они находят, что физиология установки заключается, согласно учению Павлова о высшей нервной деятельности, в системности корковой деятельности, в том положении этого учения, что соответственно стереотипу, раздражений в коре головного мозга возникает определенное функциональное объединение следов возбуждения и торможения, после чего каждое из этих раздражений способно активировать всю эту функционально объединенную систему. Следовательно, течение ответной реакции в основном обуславливается вот этим

внутренне установленным стереотипом нервной деятельности, а не спецификой раздражения. При этом предполагается, что фиксированная установка является психической формой той физиологической деятельности, которая именуется системностью» (Беритов, 1969, с.405). Расхождение между Д.Н.Узнадзе и его учениками в вопросе о «физиологичности» установки становится понятным, если вспомнить, что Д.Н.Узнадзе распространял требование «нефизиологизации» установки только на первичную унитарную установку — абстрактное понятие, введенное ради преодоления постулата непосредственности. При исследовании же установки как конкретно-психологического явления и тем более фиксированной установки, с которой постоянно имеет дело И.Т.Бжалава (1971), представляется бесспорно оправданным анализ физиологических механизмов, реализующих эту форму установки. Сведение же установки к тем или иным физиологическим механизмам представляется совершенно непонятным и неоправданным, если под установкой имеется в виду некоторая всеобъясняющая единая установка. Однако такое «сведение» становится вполне законным, если мы соответственно единицам деятельности выделяем различные уровни установок и анализируем в качестве одного из этих уровней психофизиологические механизмы, реализующие установки.

Итак, в самых общих чертах мы отметили некоторые существующие подходы к психофизиологическим механизмам установки. Еще раз подчеркиваем, что целью этого раздела являлся не анализ подобных подходов (см. об этом Асмолов, 1977), а перечисление некоторых фактов (сенсорные и моторные установки) и представлений, свидетельствующих о необходимости выделения уровня психофизиологических реализаторов установки.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УСТАНОВКАМИ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

Выделенные уровни смысловой, целевой и операциональной установок ни в коем случае не следует представлять как этажи, механически надстроенные друг над другом

и лишены каких бы то ни было отношений между собой. Точно так же, как деятельность при определенных условиях может превратиться в действие, а действие — в операцию, смысловая установка может понизиться в ранге и начать выполнять функцию целевой установки, а целевая установка после реализации перейти на уровень операциональной установки. В свете представлений о существовании подвижных взаимопереходов между различными уровнями установок можно по-новому взглянуть на разгоревшуюся еще в 1930 годы и продолжающуюся в наши дни дискуссию вокруг вопроса: обладают ли установки одновременно и побуждающей и направляющей функцией? (Allport G., 1935; Katz, Stotland, 1957; Прангишвили, 1975). Одни исследователи, например А.С.Прангишвили, считают, что установка одновременно и направляет и побуждает поведение. Другие, в частности Г.Олпорт, придерживались мнения, что установка не может одновременно оказывать побудительное и направляющее влияние на поведение. Г.Олпорт подчеркивает, что «без направляющего действия установок индивид был бы растерян и сбит с толку», и в то же время настаивает на разведении побуждающей и направляющей функции установок. Аргументируя свою точку зрения, Г.Олпорт приводит следующую ситуацию. Когда испытуемый приходит в психологическую лабораторию, он мотивируется любопытством, чувством покорности или еще чем-либо. Однако он может усвоить дополнительные установки применительно к конкретному случаю. Например, задача (Aufgabe), пишет Г.Олпорт, которой подчиняется испытуемый, сама по себе не является в данной ситуации мотивом. Задача «нажимать на ключ, когда появится свет», вызывает скорее установку, чем мотив. Эта установка направляет поведение, мотивом которого было нечто другое. На основе подобного анализа Г.Олпорт приходит к мысли о необходимости выделения двух типов установок (attitudes): одни побуждают (drive) поведение, а другие — направляют (direct) его. Первые Г.Олпорт назвал мотивационными установками, а вторые (возникающие при наличии Aufgabe) — инструментальными установками. Эта клас-

сификация типов установок внешне созвучна предложенному нами делению установок на смысловые, с одной стороны, и целевые и операциональные — с другой. Более того, мы признаем за смысловой установкой, поскольку она актуализируется мотивом, побуждающую и общую направляющую функцию по отношению к деятельности, а за целевой установкой — направляющую функцию по отношению к действию, и в этом наша точка зрения, скорее, ближе к Г.Олпорту. Но Г.Олпорт практически ничего не говорит об отношениях между этими типами установок. Он рассматривает их как отдельные независимые типы, упоминая лишь, что в некоторых ситуациях направляющие, инструментальные установки могут быть мотивационными, а мотивационные, побуждающие — дегенерировать и превратиться в направляющие установки (*Allport G., 1935*). В этом некоторые исследователи, например С.Московичи (*Moscovici, 1962*), видят слабость и нечеткость систематизации Г.Олпорта. Однако если принять гипотезу об иерархической структуре установки, ответ на возражение С.Московичи не представляет особых затруднений. Чтобы ответить на эти возражения, напомним о механизме «сдвига мотива на цель», описанном А.Н.Леонтьевым. Суть этого преобразования заключается в том, что мотив при определенных условиях может утратить свою побуждающую функцию и превратиться в цель действия.

Если мы учтем механизм «сдвига мотива на цель», то увидим, что мысль Г.Олпорта о переходе мотивационных установок в инструментальные является в принципе верной и лишь подтверждает возможность изменения уровня установки при изменении места вызывающего эту установку объективного фактора в структуре деятельности, подтверждает существование подвижных отношений между установками разных уровней.

Особое место среди уровней установочной регуляции деятельности занимает уровень целевой установки.

С нашей точки зрения целевая установка играет в системе установочной регуляции деятельности роль *интегратора* установок смыслового и операционального уровней. Представление о подобной роли целевой установки по

отношению к установкам других уровней базируется на трех следующих положениях, развитых в советской психологии. К этим положениям относятся, во-первых, положение А.Н.Леонтьева о действии как об основной единице деятельности, в которой находят свое воплощение как мотивы, так и операции. Вторым положением является положение Н.А.Бернштейна (1947) о том, что осознаваемая афферентация всегда занимает ведущий уровень в управлении движениями и выступает, пользуясь образным сравнением Н.А.Бернштейна, в роли дирижера, вовлекающего в игру черновые уровни управления. Третье положение — это представление А.С.Прангишвили об установке как об «общем конечном пути». «Установка, — пишет А.С.Прангишвили, — это «общий конечный путь», вбирающий в себя системы перманентных диспозиций и определяющий, в конечном счете, ориентацию выявляющейся активности» (Прангишвили, 1972, с.5). Учитывая эти три положения, можно сказать, что целевая установка всегда является актуальной установкой, и в ней как бы сфокусированы установки других уровней. Проиллюстрируем это положение на простом примере. Увидев на улице симпатичную незнакомую девушку, молодой человек хочет подойти и познакомиться, но в его круге такой поступок будет расценен как неприличный. В этой ситуации действует несколько установок, между которыми складываются определенные отношения. Прежде всего это целевая установка, проявляющаяся во вполне осознанном намерении молодого человека познакомиться с девушкой. Она актуализирует, с одной стороны, различные операциональные социальные установки, усвоенные в прошлом в виде социальных норм поведения в подобных ситуациях, с другой стороны, она приводит в действие смысловую установку, выражающую реальное отношение молодого человека к вставшей перед ним цели. В зависимости от смысловой установки фиксированные социальные установки могут либо блокироваться, и тогда молодой человек решится подойти к девушке, либо реализоваться в действии, и тогда он пройдет мимо. Описанная ситуация, конечно, упрощена, но благодаря такому упроще-

нию в ней удастся увидеть, как установки других уровней под влиянием целевой установки вплетаются в контекст действия и определяют его ориентацию. Интересно отметить, что еще Л.С.Выготский указывал на вовлеченность моральных установок в процесс образования намерений. Критикуя К.Левина за недооценку роли различных установок человека в образовании намерений, он писал: «Мы, взрослые, тоже не можем образовывать любые, произвольные бессмысленные намерения, такие, которые противоречат нашим основным установкам и моральным взглядам. Если же взять широкую группу тех действий, которые не вступают в конфликт с нашими установками, то лишь в их отношении мы образуем любое намерение» (Выготский, 1960, с.360).

Заговорив о «фокусирующей» функции целевых установок по отношению к установкам других уровней, мы неминуемо наталкиваемся на вопрос о связи целевых и операциональных установок. Целевые установки относятся к числу актуальных нефиксированных установок. Они возникают при наличии цели в определенной ситуации и уступают свое место другой целевой установке, когда вызвавшая их цель достигнута. Реализуясь в действии, целевые установки не исчезают бесследно, а претерпевают ряд изменений и продолжают существовать как готовности к повторной актуализации, пробуждающиеся при повторении тех условий, в которых они возникли. Описывая судьбу актуальных нефиксированных установок, Д.Н.Узнадзе отмечал: «Старая установка продолжает свое существование в определенной качественности установок настоящего» (Узнадзе, 1940 — цит. по Чхартишвили, 1971, с.21). Эта глубокая мысль создателя теории установки закономерно приводит к постановке следующих вопросов. Какого рода изменения происходят при переходе актуальной установки в хроническое состояние? Какие отношения складываются между актуальными нефиксированными установками, или, как их называют иногда в школе Д.Н.Узнадзе, «установками на будущее», и реализовавшимися установками — «установками на прошлое»? Исследование этих отношений представляется особенно актуальным в связи

с тем, что указание на существование отношений между «установками на будущее» и «установками на прошлое» принимается рядом исследователей за одно из основных отличий понимания установки в школе Д.Н.Узнадзе от концепций установки в зарубежной психологии (см., например, *Шерозия*, 1973). В западных концепциях установки вообще нет вопроса об отношениях между «установками на будущее» и «установками на прошлое».

Между тем Д.Н.Узнадзе и его последователи ставят этот вопрос в форме проблемы о взаимоотношении первичных и фиксированных установок, и в этом одно из несомненных достоинств теории Д.Н.Узнадзе в сравнении с разными представлениями об установке в западной психологии. Последователи Д.Н.Узнадзе утверждают, что «установка на прошлое» (фиксированная установка) функционирует не иначе, как через «установку на будущее» (первичную установку). В этой мысли, на наш взгляд, в скрытом виде заключена идея об иерархическом подчинении установок друг другу, а тем самым и об иерархической природе установки. Но отсутствие представлений о структуре деятельности и исследование установки фактически независимо от деятельности помешали этой потенциально заложенной в теории Д.Н.Узнадзе идее развернуться и приобрести более конкретный характер. От того и описание изменений «установок на будущее» при переходе в хроническое состояние осталось в ряде пунктов незавершенным. Так, последователи Д.Н.Узнадзе утверждают, что, реализуясь, «установки на будущее» утрачивают свою побудительную и направляющую силу, т.е. не несут больше функций организующего начала поведения. Но почему «установка на будущее» теряет свою регулирующую функцию, проявляющуюся в форме направленности на решение определенной задачи? С нашей точки зрения ответ на этот вопрос следует искать в тех изменениях, которые претерпевает действие в процессе своего формирования, так как судьба превращений целевой установки неразрывно связана с судьбой действия. В процессе формирования действия его цель, т.е. то, что в конечном счете определяет направляющую функцию целевой установки,

занимает в строении другого, более сложного действия структурное место условия его выполнения. При этом цель утрачивает направляющую функцию, а действие преобразуется в операцию. Понизившись в деятельностном ранге, действие и его цель уже не прямо «презентируются» в сознании (Леонтьев А.Н., 1965). Таков один из путей возникновения операций. Он объясняет утрату целевой установкой ее направляющей функции, показывает то, во что она превращается после реализации действия, и приводит нас к «фоновому» уровню установочной регуляции — уровню операциональных установок.

Подобная подвижность уровней установочной регуляции невольно оказалась, на наш взгляд, одной из причин полемики между Н.Ахом и К.Левиним. В 1920 годах Н.Ах провел эксперименты, направленные на изучение твердости воли (см. Узнадзе, 1966). В этих исследованиях Н.Ах как бы попытался «столкнуть» между собой детерминирующую и ассоциативную тенденции и измерить «силу» детерминирующей тенденции. Вначале испытуемому предлагали несколько пар бессмысленных слогов (дус—дор и т.п.) и заставляли его выучить их наизусть. В результате образовывалась ассоциативная тенденция при предъявлении слога «дус» тут же отвечать слогом «дор». Затем испытуемому предъявлялся новый список слов-индукторов, среди которых были бессмысленные слоги из первого списка. Однако при этом испытуемому давалось другое задание: при предъявлении слова-индуктора ответить словом-инверсией (руд—дур). Предполагалось, что это задание вызовет волевую тенденцию, которая, если слово-индуктор было в первом списке, вступит в конфликт с ассоциативной тенденцией. В качестве показателя силы ассоциативной связи между членами каждой пары первого списка использовалась частота повторения этой пары. Число повторений слогов, после которого ассоциативная тенденция брала верх над волевой (испытуемый отвечал выученным в первой серии слогом, а не инверсией), Н.Ах назвал ассоциативным эквивалентом детерминирующей, или волевой, тенденции. Обычно испытуемый ошибался, если ассоциативный эквивалент был равен 120 повторе-

ниям. Такая логика построения эксперимента свидетельствует о том, что хотя Н.Ах и вводит понятие «детерминирующая тенденция» для объяснения направленности мышления, различие между детерминирующей и ассоциативной тенденциями носит у него чисто количественный характер. Детерминирующая тенденция у него — только самая сильная среди ассоциативных тенденций. Она выступает в ряду ассоциативных тенденций в качестве «первой среди равных». Этот эксперимент наглядно показывает цепкость ассоцианистского строя мышления: Н.Ах вводит принципиально новое понятие, но тут же, словно устранившись своего поступка, пытается наполнить его старым содержанием, приравнять его к ассоциативным тенденциям. Попробуем разобраться, что же действительно является причиной ошибок испытуемых? В первой серии испытуемым дают задание, которое также вызывает детерминирующую тенденцию. После многократных повторений эта тенденция становится неосознаваемой и, если опираться на выводы сходных экспериментов Ватта, более эффективной. Она мгновенно приводит к ответу на предъявленное слово-индуктор. Описывая этот процесс с точки зрения гипотезы об иерархической структуре установки, следует заключить, что целевая установка утрачивает свою основную направляющую функцию и превращается в операциональную установку — готовность к определенному способу осуществления действия. Теперь перейдем ко второму заданию, предлагаемому Н.Ахом. Что в нем изменилось по сравнению с первым? По сути, общая задача «отвечайте на слог А слогом В» не изменилась, а изменилось лишь указание на способ реагирования. В первом случае испытуемый при появлении слога А должен был реагировать слогом В, во втором случае — слогом С. В обоих вариантах, следовательно, общая задача остается неизменной, а варьирует лишь способ реагирования испытуемого. И в том и в другом случае вырабатываются установки, лежащие в основе операции, т.е. сходные по своему деятельностному рангу. Следовательно, реально исследуются отношения между двумя операциональными установками внутри одного действия. Если

устранить общую цель, то операциональные установки поднимутся вновь до уровня целевых установок, и испытуемые перестанут ошибаться. Фактически это и увидел К.Левин при проверке экспериментов Н.Аха. Он отметил, что причина ошибочных ответов — общая установка испытуемого на воспроизведение, так как такие ошибки не наблюдаются в опытах, в которых у испытуемого отсутствует установка на воспроизведение.

Таким образом, в своих экспериментах Н.Ах столкнулся с фактом перехода целевой установки на уровень операциональных установок, возникшего после многократных выполнений предлагаемого испытуемым задания.

Тот факт, что операциональная установка приводит к возникновению ошибок и приобретает известную самостоятельность от цели действия и целевой установки, может привести к мнению, что операциональные установки вообще не зависят от установок других уровней. Именно такого мнения придерживается А.С.Прангишвили, рассматривая вопрос о взаимоотношении инструкции и фиксированной установки. Анализируя образование фиксированной установки в экспериментах, проведенных методом «фиксации установки», А.С.Прангишвили (1967) специально подчеркивает, что установка создается в них совершенно независимо от словесной инструкции. Такое утверждение основывается, как нам кажется, на нескольких особенностях фиксированной установки, которые мы сейчас разберем. Во-первых, в любом выполненном методом фиксированной установки эксперименте конечный результат, к которому приходит испытуемый, определяется фиксированной операциональной установкой, а не непосредственно целевой установкой. Особенно выразительно определяющее влияние установок «фонового» уровня на конечный результат проявилось в исследованиях З.И.Ходжавы. В его исследованиях с помощью метода «чтения нейтрального шрифта» изучались установки на качественное отношение (Ходжава, 1960). Вначале испытуемых просили читать бессмысленные слова, написанные на латинском языке. При этом у испытуемых вырабатывалась установка на чтение латинского шрифта. Затем испытуе-

мым предъявлялся текст, написанный нейтральным шрифтом на русском языке, т.е. написанный буквами, конфигурация которых одинакова как в кириллице, так и в латинском шрифте. В результате ассимилятивного действия фиксированной установки испытуемые прочитали русский текст как текст, составленный из бессмысленных латинских слов. Например, они прочитывали вместо «почва» — «норба». Особый интерес для нас представляет серия с так называемой «определенной» инструкцией, в которой испытуемого просят постараться прочитать слова на определенном языке и сознательно избежать ошибки. Несмотря на наличие такой жесткой инструкции и соответственно осознанного намерения прочитать слова на каком-нибудь одном языке, испытуемый не может освободиться от ассимилирующего действия ранее выработанной установки и читает нейтральный текст на латинском языке. В экспериментах З.И.Ходжавы проявилась важная особенность установок — их наполненность предметным содержанием. В них также установлен тот факт, что операциональные установки, приобретая самостоятельную силу, могут выходить из подчинения целевой установке и препятствовать достижению осознаваемой цели, стоящей перед субъектом. Опираясь на подобные факты, А.С.Прангишвили, по-видимому, и делает вывод о независимости установки от вербальной инструкции.

К такому выводу А.С.Прангишвили могло привести и то, что фиксированная установка в ряде случаев вырабатывается даже тогда, когда испытуемому специально дается инструкция, уводящая в сторону от непосредственной оценки величины и веса установочных объектов. Так, в исследовании Л.А.Венгера испытуемых просили сравнить и эстетически оценить изображения этикеток на папиросных коробках. Затем им многократно предъявлялись в руки две коробки с различным грузом. Оказалось, что у большинства испытуемых, несмотря на отсутствие прямой инструкции на оценку веса, образовалась установка на различие поднимаемых тяжестей. Но следует ли отсюда вывод, что инструкция вообще не влияет на образование установки? Нет. «Правильнее было бы сказать, — пишет

А.В.Запорожец, — что она сложилась под влиянием второстепенных побочных условий поставленной задачи, не нашедших отражения в даваемой экспериментатором инструкции» (Запорожец, 1960, с.345). Еще с большим основанием относится это предположение А.В.Запорожца к тем экспериментам, где круг условий задачи прямо определяется инструкцией. Таким образом, в экспериментах, проведенных методом фиксации установки, операциональная установка зависит от целевой установки. Между целевой и операциональной установками существует двустороннее взаимодействие: целевая установка определяет общую устойчивость действия и тем самым прямо или косвенно определяет круг условий, на которые вырабатываются операциональные установки; операциональные установки лежат в основе различных способов осуществления действия и оказывают влияние, иногда искажающее, на конечный результат действия. Существуют случаи превращения операциональных установок в целевые, возникающие при сдвиге условия на цель («целеобразование снизу»). Вспомним молодого человека, который, спеша на свидание с девушкой, никак не может надеть ботинок. Условие, которое привело к задержке реализации операциональной установки, превращается в результате объективации в цель действия, и соответственно изменяется установка на это условие. Она превращается из операциональной в целевую установку и начинает стабилизировать направленность действия.

Итак, между установками различных уровней складываются определенные взаимоотношения. Установки одного уровня могут переходить на другой уровень в том случае, если изменяется место вызывающего их объективного содержательного фактора в структуре деятельности. Смысловые установки принимают участие в выборе целей действия и тем самым в возникновении целевых установок. Они также выполняют функцию фильтрации по отношению к операциональным установкам. В свою очередь, цель действия и целевые установки «фокусируют» установки как смыслового, так и операционального уровней. Операциональные установки могут приобрести известную

самостоятельность от цели и целевой установки, но никогда не выступают в полной независимости от установок вышележащих уровней.

* * *

В этой главе мы попытались дать решение центральной задачи нашего исследования — показать место и функции установочных явлений в предметной деятельности. Опираясь на выделенные в ходе анализа проблемы взаимоотношений деятельности и установки аргументы о существовании различных форм установок и о связи этих форм установок с объективными содержательными факторами ситуации деятельности, обуславливающими отдельные структурные моменты деятельности и вызывающими различные по своей природе установки, мы рассмотрели представления об установке в контексте общепсихологической теории деятельности. Будучи соотнесена с объективными факторами деятельности (мотив, цель и условия осуществления действия) и структурными моментами процесса деятельности (деятельность, действие, операция, психофизиологические реализаторы деятельности), установка выступает как иерархическая уровневая структура. Выделение установок различных уровней зависит как от объективного фактора, вызывающего установки, так и от того содержания сознания («значения» или «личностного смысла»), которое установки выражают в деятельности. Отрыв установки от выражаемого ею в деятельности содержания приводит к полному нивелированию своеобразия установок разных уровней, закрывает дорогу к изучению их специфических функций и поэтому является недопустимым. Готовность, лишенная выражаемого ею в деятельности содержания, точно так же пуста, как слово без значения, а «слово без значения есть не слово, а звук пустой» (Л.С.Выготский)! И точно так же, как звук без значения сливается со всеми остальными звуками, существующими в природе, готовность без содержания может слиться с многочисленными формами готовности к реагированию, проявляющимися в самых различных типах движения в виде тенденций к сохранению движения. ▽

определенном направлении. Только если рассматривать «готовность без содержания», личностная установка и сенсорная установка могут быть уравнены между собой и оказаться в одном ряду, так как они действительно обладают набором общих формальных характеристик, присущих любой форме готовности к реагированию, начиная от готовности нейрона и кончая готовностью личности (возбудимость, динамичность, инертность, константность, лабильность, грубость и т.д.). Без соотнесения установок с объективными факторами и соответствующими структурными единицами деятельности, а также без учета содержания, зависящего от места объективного фактора, вызывающего установку, в структуре деятельности все установки будут на одно лицо. Но стоит соотнести установки с объективными факторами, определяющими структурные моменты деятельности и вызывающими соответствующие установки, и положение разительно меняется. Перед нами предстают различные уровни установок — уровни смысловой, целевой и операциональной установок, каждая из которых вносит свой вклад в регуляцию предметной деятельности. Функциональное значение установки в деятельности состоит в том, что установка стабилизирует движение деятельности, обеспечивает сохранение направленности этого движения. О том, что установка является стабилизатором движения деятельности, свидетельствуют следующие особенности функционирования установки. Во-первых, точно так же, как описанная выше тенденция к сохранению направленности деятельности, установка феноменально не проявляет себя в условиях нормального протекания деятельности. Во-вторых, точно так же, как тенденция к сохранению направленности движения, установка феноменологически проявляет себя лишь в тех случаях, когда разворачивающаяся деятельность встречает на своем пути препятствие в виде неопределенности воздействующей на субъекта стимуляции или в виде резкого изменения деятельности. Тогда и только тогда установки разных уровней как бы прорываются на поверхность в виде тех или иных феноменов. Эта особенность функционирования установок и обусловила то, что в роли ос-

новного методического принципа, явно или неявно используемого в экспериментальных исследованиях установочных явлений, выступил методический принцип искусственного прерывания, «сбоя» деятельности. Например, прерывание деятельности при помощи создания неопределенности предъявляемой стимуляции вроде дефицита сенсорной информации в психофизических экспериментах или пятен Роршаха. Этот общеметодический прием экспериментального исследования установочных явлений служит еще одним операционалистическим подтверждением правомерности понимания установок как стабилизаторов движения деятельности. И, наконец, четкое выделение особой функции установки в деятельности, функции поддержания и сохранения направленности движения деятельности, позволяет избежать растворения установки в других механизмах регуляции деятельности. Чрезмерное расширение функционального значения установки в деятельности, выражающееся в представлениях об установке как регуляторе деятельности вообще, неизбежно приводит к появлению таких двойников установки, как цель, мотив и задача. Иными словами, возведение установки в ранг общего регулятора деятельности лишь внешне выглядит как обогащение функций установки, так как за это обогащение приходится расплачиваться утратой специфической реальной функции установки в деятельности субъекта.

Каждый уровень установок проявляется специфичным образом. Смысловые установки, выражающие в деятельности личностный смысл и стабилизирующие общую направленность деятельности в целом, феноменологически выступают в виде «лишних» движений, смысловых обмолвок и оговорок. Установки этого уровня не могут измениться непосредственно под влиянием вербальной информации. Их перестройка всегда опосредована изменением деятельности субъекта. Установки уровня действий, или целевые установки, стабилизируют действие и определяют его конкретную направленность. Они феноменологически проявляются в виде системных персевераций, тенденции к завершению прерванных действий (феномен

Зейгарник), различных «ошибок» восприятия и т.д. Установки уровня операций, или операциональные установки, лежат в основе привычного стандартного поведения. К ним относятся фиксированные установки, детальнейшим образом исследованные в школе Д.Н.Узнадзе. При анализе механизма операциональных установок необходимо учитывать как представления о вероятностном прогнозировании, так и то «значение» предмета, на который направлены эти установки и от которого зависит конкретное выражение способа осуществления действия. Операциональные установки феноменологически проявляются в различных иллюзиях типа иллюзии веса Фехнера, объемно-весовой иллюзии Шарпантье, феномена «функциональной фиксированности» и т.д. И, наконец, выделяется уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установки. Для объяснения механизмов — реализаторов установки, таких ее физиологических проявлений, как сенсорные и моторные установки, некоторые исследователи привлекают представления об «оперативном покое» и доминанте (А.А.Ухтомский), «образе потребного будущего» (Н.А.Бернштейн), «акцепторе действия» (П.К.Анохин), «нервной модели стимула» (Е.Н.Соколов). Выделение уровня психофизиологических реализаторов установки позволяет понять реальные причины, побуждающие некоторых представителей школы Д.Н.Узнадзе осуществлять «сведение» установки к физиологическим механизмам, например к динамическому стереотипу. За кажущейся возможностью сведения установки к тем или иным физиологическим механизмам кроется не что иное, как возможность и даже необходимость исследования установочных явлений на уровне психофизиологических механизмов, которые их реализуют.

Предложенная гипотеза об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности позволяет ответить на вопрос о месте и функции установки в деятельности субъекта, а также выявить содержание и специфику установок различных уровней.

ГЛАВА III. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ УСТАНОВКИ И ГИПОТЕЗА ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЕ УСТАНОВКИ

Пробным камнем при проверке любой гипотезы о природе установки является то, удастся ли на основе этой гипотезы систематизировать разрозненные факты и представления, которыми обогатилась психология установки за историю своего многолетнего развития. Таинственное сочетание чрезмерной неопределенности представлений об установке со всевозрастающей популярностью этого понятия в зарубежной психологии вызвало у целого ряда исследователей законное желание разобраться в калейдоскопе терминов и явлений, связываемых с понятием «установка». В результате было создано несколько фундаментальных критических обзоров (*Allport G.*, 1935; *Dashiell*, 1940; *Allport F.*, 1955; *Moscovici*, 1962; *McGuire*, 1969; *Rokeach*, 1968), авторы которых, стремясь выявить общее ядро понятия «установка», проанализировали огромное количество экспериментальных исследований, теорий и фактов, накопленных в истории развития проблемы установки за рубежом. Во всех этих обобщающих исследованиях одним из центральных вопросов был вопрос о систематизации многоликих проявлений установки. Поэтому в данной главе мы попытаемся, опираясь на гипотезу об иерархической структуре установки как механизма стабилизации деятельности, систематизировать факты проявления установки в ряде направлений зарубежной экспериментальной психологии.

* * *

Почва для исследований психофизиологических механизмов — реализаторов установки подготавливается в работах Лейпцигской лаборатории, в которой, как уже упомина-

лось выше, при изучении скорости протекания психических процессов были получены факты проявления сенсорной и моторной установки. Спор между Л.Ланге и Н.Н.Ланге о том, является ли установка феноменом центральной или периферической природы, продолжается в различных течениях современной психологии. Линия развития этой дискуссии в значительной степени отражает линию развития представлений о психофизиологических механизмах установки (*Dashiell, 1940; Freeman, 1940; Mowrer, Rayman, Bliss, 1940; Davis, 1946; Bruner, 1957*). К наиболее разработанным физиологически ориентированным теориям установки следует отнести прежде всего концепции Дж.Фримена и Ф.Олпорта. Непосредственным толчком к появлению этого типа теорий моторной установки послужила необходимость найти объективную замену изгнанному из поведенческой психологии менталистскому понятию внимания. Понятие «внимание», обычно привлекавшееся для объяснения избирательности психических процессов, было фактически замещено понятием «установка». Этим отчасти и объясняется тот факт, что в необихевиоризме проблема установки пережила столь бурный взлет. Остановимся вкратце на представлениях об установке Дж.Фримена и его последователя Ф.Олпорта, а затем опишем гипотетические механизмы, опосредующие перцептивную готовность, которые были введены Дж.Брунером.

Хотя Дж.Фримен, а затем Ф.Олпорт полагали, что объектом их анализа является установка вообще, реально они занимались исследованием физиологических процессов, лежащих в основе установки. По мнению Фримена (*Freeman, 1939*), установка является фактором, организующим и поддерживающим поведение. Он выделяет две функции установки по отношению к поведению — избирательность и обеспечение согласованного протекания поведенческих актов. Выделив функции установки, Фримен пытается ответить на вопрос: «Что собой представляет установка?». Попробуем восстановить фрименовскую логику поиска сущности установки. Установка — общее состояние организма. Любая физическая активность разыгрывается на тоническом фундаменте.

Тоника опережает фазические реакции, поддерживает их, участвует в переключении с одной фазической реакции на другую, т.е. осуществляет функции избирательности и согласованности в протекании поведенческих актов. Проведя подобный анализ, Фримен приходит к заключению, что установка состоит как из скрытых напряжений скелетных мышц, которые предшествуют и сопровождают редуцированные реакции этих мышц, так и из эффектов обратной связи в центральной нервной системе от проприоцептивной стимуляции, сопровождающей эти напряжения. Он также отмечает, что напряжение мышц содержит два момента: диффузный (фоновый) и специфический. Общая диффузная настройка организма может посредством обучения или инструкции сконцентрироваться в специфической установке, представляющей непосредственную подготовку и поддержку последующей реакции. С описанием проявлений установки, которые приводит Фримен, можно согласиться лишь с одной оговоркой. Фримен достаточно точно описывает физиологические проявления установки. Чувствительность тоники к вставшей перед субъектом задаче и ее участие в реализации эффекторного процесса — неоспоримый факт. Но все дело в том, что проявления установки для Фримена испытываются тоническими процессами.

Ф.Олпорт (*Allport F.*, 1955), так же как Дж.Фримен, пытается выразить содержание понятия установки на языке физиологии. Кроме того, он привлекает для анализа феноменов установки некоторые положения теории информации. С точки зрения Олпорта установка — это физиологический агрегат или структура, которая представляет собой зарождающуюся стадию любого поведенческого акта. Эта незавершенная структура постоянно «стремится» достичь состояния равновесия. В качестве физиологического аналога подобных структур Ф.Олпорт приводит ревербераторные круги, т.е. агрегат, который он отождествляет с установкой, понимается им как самозакрывающаяся структура. Далее Ф.Олпорт сравнивает физиологический агрегат с активным следом некоторой ситуации. Он полагает, что восприятие и установка — это

те две стадии, которые единый физиологический агрегат «восприятие—установка» проходит во времени. Переход агрегата из стадии «установка» в стадию «восприятие» включает: а) дополнение соответствующей структуры «стимульной» информацией и завершение структуры; б) увеличение энергии в структуре при поступлении стимульной информации. Как только энергетический порог агрегата достигнет определенного уровня, агрегат перейдет из стадии «установка» в стадию «восприятие». Однако энергия агрегата может как возрастать, так и понижаться под влиянием стимульной информации. Идея Олпорта об установке как о зарождающейся стадии поведения, выступающей в виде физиологического агрегата, во многом схожа с представлениями П.К.Анохина о «заготовленном комплексе возбуждений», возникающем до того, как оформился сам рефлекторный акт. Подытоживая взгляды Олпорта на установку, можно свести их к следующим положениям: установка — зарождающаяся стадия любого поведенческого акта; она подготавливает и поддерживает протекание поведения, активизирует одни реакции и затормаживает другие; установка — это динамический агрегат, регулирующий как восприятие, так и действие. Стремление Олпорта сблизить восприятие и действие является наиболее позитивным моментом в его концепции. Однако попытка перевести анализ проблемы установки в русло информационного подхода приводит в конечном счете к чрезмерной универсализации установки, в результате которой она обесценивается как научное психологическое понятие. Говоря о Олпорте и его вкладе в развитие проблемы установки, ни в коем случае не следует забывать то, что без работ этого замечательного критика вряд ли появилась бы теория перцептивной готовности Дж.Брунера.

Теория перцептивной готовности Дж.Брунера (*Bruner, 1957*) представляет собой кульминационную точку развития проблемы установки в зарубежной экспериментальной психологии. Не останавливаясь здесь подробно на анализе этой теории (см. об этом *Асмолов, 1977*), мы упомянем лишь о выделенных Дж.Брунером гипотетических механизмах, опосредующих перцептивную готовность.

Дж.Брунер предлагает четыре следующих механизма: группировка и интеграция, упорядочивание готовности, отбор соответствия и фильтрация. Механизм группировки и интеграции лежит в основе формирования категорий — классов событий, закодированных в мозгу субъекта.

Для объяснения функционирования этого механизма на физиологическом уровне Брунер привлекает представления о «клеточных ансамблях» Д.Хебба. Характеризуя анатомо-физиологическую теорию Д.Хебба, Брунер отмечает следующее: «По существу, это ассоцианистическая теория восприятия, или теория “обогащения” на нервном уровне, предполагающая, что образующиеся нервные связи облегчают восприятие тех явлений, которые раньше происходили одновременно. Ожидание — центральная готовность, предваряющая сенсорный вход, является образованным в ходе научения ожиданием, основанным на действии интегратора частот. Такие интеграторы могут быть нейроанатомическими образованиями типа синаптических бляшек или какими-нибудь процессами, которые, возбуждая один участок мозга, тем самым увеличивают или уменьшают вероятность возбуждения другого участка» (Bruner, 1957). Другой механизм — механизм упорядочивания готовности — вводится Брунером для того, чтобы объяснить отношения, складывающиеся между различными категориями. Этот механизм определяет число категорий, находящихся в состоянии готовности к моменту действия стимула, основываясь на учете субъективной вероятности появления того или иного стимула. Третий механизм — механизм «отбора соответствия» — ответствен за преобразование стимульной информации, поступившей на вход той или иной сенсорной системы. Как только сенсорные данные поступают на вход сенсорной системы, начинается процесс выделения информативных признаков, соответствующих актуализированной категории. Механизм «отбора соответствия» должен выдавать сведения о том, насколько сигнал близок к категории и какие акции следует предпринять в процессе приема информации. Такими акциями могут быть следующие: а) увеличение чувствительности, если сигнал предварительно категоризован; б) уменьшение чувствительности, если рассогласование меж-

ду сигналом и категорией настолько велико, что сигнал не может быть отнесен к категории; в) прекращение активности, если сигнал отнесен к категории. Четвертым механизмом, опосредующим перцептивную готовность, является механизм «фильтрации». Этот механизм сортирует входные сигналы, относя их к соответствующим клеточным ансамблям различной степени готовности. Основываясь на ряде нейрофизиологических данных, Брунер приходит к выводу, что процесс фильтрации происходит не только на уровне коры, но протекает и на периферических уровнях. Иными словами, селекция поступающей информации происходит на протяжении всего канала переработки информации.

Конечно, очерченные Дж. Брунером механизмы, опосредующие перцептивную готовность, носят гипотетический характер. Однако мы сочли нужным остановиться на этих механизмах в разделе, посвященном развитию представлений о психофизиологических реализаторах установки, поскольку выделение этих механизмов во многом определило дальнейшие поиски в этом направлении исследований установки (Прибрам, 1975).

* * *

Вряд ли мы допустим преувеличение, если скажем, что история исследования первых проявлений операциональной установки была историей исследования различных «ошибок» типа «личной ошибки» наблюдателя, временной ошибки, «ошибок» привыкания и ожидания в психофизических экспериментах. С этими проявлениями операциональной установки исследователи столкнулись задолго до того, как Мюллер и Шуман (1889) ввели понятие «моторная установка» (*motorische Einstellung*) в психологический лексикон. Давайте разберемся, насколько справедливо утверждение о том, что за различными «ошибками» скрывается готовность наблюдателя к осуществлению определенного способа реагирования. Для этого рассмотрим феномен, известный в психологии под названием «личной ошибки» наблюдателя. Не пересказывая вошедший во все хрестоматии случай с ассистентом, уволенным в 1795 г. за нерадивость из Гринвической observa-

тории, напомним, что его задача заключалась в оценке времени прохождения звезды через визирную линию. Решая такую задачу, опытный наблюдатель всегда работает с некоторым опережением, т.е. он предвосхищает момент прохождения звезды, чтобы успеть вовремя зарегистрировать ее координаты. В процессе работы у наблюдателя вырабатывается готовность к определенному способу реагирования, так как он на основе прошлого опыта и учета событий в данной ситуации способен предвосхищать момент прохождения звезды через визирную линию. Это предвосхищение, индивидуальное для каждого наблюдателя, вкрадывается в результаты измерений и приводит к возникновению «личной ошибки».

С целой гроздью подобных «ошибок» столкнулся Г.Т.Фехнер (1860). К его многочисленным достижениям следует прибавить открытие временной «ошибки», а также «ошибок» привыкания и антиципации. В психофизике, когда говорят об «ошибке» привыкания, имеют в виду устойчивую тенденцию испытуемого сохранять ответ «да» (произошло изменение ощущения) в нисходящих рядах предъявляемых стимулов и ответ «нет» в восходящих рядах при измерении порогов чувствительности. За «ошибкой» привыкания стоит инерция суждения испытуемого, его готовность отвечать на разные стимулы одним и тем же способом. «Ошибка» антиципации связана с предвосхищением перемены раздражителя. Следствием этого предвосхищения является преждевременное реагирование испытуемого. Временная «ошибка» представляет собой ошибку, обусловленную последовательностью предъявления стимулов во времени. Обычно она проявляется, как отмечает Р.Вудвортс, в тенденции переоценивать последующий стимул при сравнении его с предыдущим стимулом (*Woodworth, 1958*). Чтобы получить этот эффект в чистом виде, необходимо наличие двух стимулов, причем оцениваемый стимул должен предъявляться вслед за стимулом-стандартом и быть объективно равен ему по величине. Этот эффект был обнаружен Г.Т.Фехнером (1860) в экспериментах на оценку веса. В отличие от «ошибок» антиципации и привыкания эффект временной «ошиб-

ки», полученный в экспериментах по оценке веса, уже в прошлом веке начинает расцениваться как проявление установки. Причину временной «ошибки» видят в том, что испытуемый не просто пассивно воспринимает предъявляемые ему стимулы, а подготавливается к определенной оценке сравниваемого стимула. На этот факт обращают внимание авторы теории моторной установки Мюллер и Шуман. Они, так же как и Фехнер, исследуют этот эффект в экспериментах на оценку веса. В этом цикле исследований впервые дается анализ феномена, вошедшего в историю психологии под названием иллюзии веса Фехнера.

Все эти «ошибки» — проявления операциональной установки, выработанной в ходе эксперимента на регулярно повторяющиеся условия задачи, — навязываются испытуемым самой организацией эксперимента (порядком предъявления стимулов, временной позицией стимула). Подобного рода факты проявления операциональной установки, расцениваемые в XIX в. как «ошибки», оказали на развитие экспериментальной психологии не меньшее влияние, чем разработка пороговых методов и исследования времени реакции.

Чтобы аргументировать это утверждение, мы сделаем небольшое отступление и попытаемся показать, что «ошибки» ожидания и привыкания в конечном счете изменили лицо современной психофизики, приведя к сдвигу интереса психофизиков от анализа стимульной ситуации к анализу вклада центральных внесенсорных факторов в результирующую реакцию (Асмолов, Михалевская, 1974). Дело в том, что представители классической психофизики были склонны расценивать назойливо вторгающиеся в сферу экспериментального исследования искажения при измерениях чувствительности как «ошибки» именно потому, что эти факты, связанные с предвосхищением субъекта, не укладывались в прокрустово ложе схемы «воздействие на рецепирующие системы — ответное субъективное явление». Различные «ошибки», свидетельствующие о неадекватности двучленной схемы анализа реальному объекту исследования, постоянно напоминали о существовании субъекта и, следовательно, о том, что в реальной

ситуации раздражитель сам по себе никогда полностью не определяет реакцию, а «...воздействует на элементы прошлого, настоящего и будущего, спаянные единством стоящей перед человеком задачи и складывающейся в данный момент обстановки. Раздражитель в собственном смысле этого слова оказывается условным понятием. В каждую единицу времени внешнее воздействие вступает в связь со следами, казалось бы, отзвучавших процессов и, главное, с “зародышами” тех действий, которые как бы заготавливаются для еще не наступивших, но ожидаемых событий» (Геллерштейн, 1966, с.153). Раздражитель в психофизическом эксперименте не составляет исключения, так как и в этом эксперименте испытуемый должен решить вполне определенную задачу на обнаружение или различение сигнала — сенсорную задачу. Преодолевая специфическую трудность эксперимента по измерению чувствительности — дефицит сенсорной информации, — испытуемый, овладевая вероятностной структурой последовательности предъявляемых ему стимулов и учитывая значимость стоящей перед ним задачи, прогнозирует появления сигнала и в соответствии с этим прогнозом реагирует, дает правильный или неправильный ответ. Все эти факторы, определяющие установку испытуемого при оценке сигнала, в ситуации дефицита сенсорной информации выдвигаются на передний план и начинают определять ответ испытуемого. Проявляющиеся при этом «ошибки» ожидания, привыкания и т.д. — симптом предвосхищения испытуемого, основанного на вероятностной структуре ряда и наличной неопределенной информации. Предвосхищение и возникающая на его основе готовность к определенному способу реагирования уменьшают эту неопределенность. Мысль о том, что за ошибками «скрывается» активность субъекта, лишь спустя сто лет проникла в сознание исследователей. Так, в послевоенной Америке исследователи восприятия неожиданно обнаружили, что из их поля зрения выпала одна немаловажная деталь — субъект. Это событие нашло свое отражение в названии статьи Дж.Клейна «А где воспринимающий?» (1949). Обнаружив пропажу, исследователи, как нередко бывает в

таких случаях, стали искать виновника. И он нашелся. Им оказался Г.Т.Фехнер. Ведь именно Фехнер, говорили критики психофизического подхода к восприятию, возвел в догму положение о необходимости элиминирования различных ошибок для исследования истинного состояния восприятия. «В будущем исследовании, по-моему, мы должны максимизировать эти константные ошибки и прекратить называть их в старой манере ошибками. Это — *наша* ошибка [курсив мой. — А.А.], а не ошибка испытуемого», — выразил этот новый взгляд на «ошибки» Дж.Брунер (*Bruner*, 1951, с.122). Однако еще немало времени потребовалось психофизике на то, чтобы разглядеть за этими «ошибками» установку. В психофизике необходимость разделения сенсорной и внесенсорной информации в психофизическом эксперименте была окончательно осознана лишь в 1950 годах Светсом, Танкером, Бирдсалом и Грином. В развиваемой ими теории обнаружения сигнала был выделен критерий, на основе которого наблюдатель принимает решение о том, был сигнал или нет, и d — «чистая» мера чувствительности. Но что стоит за «критерием»? Ответ на этот вопрос подготавливался в исследованиях Д.Бродбента (*Broadbent*, 1970), Дж.Маквортс (*Mackworth*, 1971) и был дан в работе Д.Кенемана. Д.Кенеман, проделав сравнительный анализ современных теорий внимания и теории обнаружения сигнала, пришел к выводу, что критерий представляет собой перцептивную готовность в смысле Дж.Брунера (*Kahneman*, 1973), История «ошибок» еще не закончилась. С нашей точки зрения возможная перспектива исследования операциональной установки субъекта в зависимости от деятельности вырастает из классических исследований по субъектной психофизике К.В.Бардина. В этом цикле исследований показана зависимость порога от задачи и способа действия испытуемого (*Бардин*, 1976).

Более чем столетие потребовалось для того, чтобы исследователи сенсорных процессов осознали значение фактов проявления операциональной установки. Гораздо раньше эти факты стали предметом специального исследования в работах М.Вертхаймера (1923), выделившего «объективную установку» как один из факторов перцептивной организации.

Этим фактам посвящен обширный цикл экспериментов А.Лачинса (*Luchins A.*, 1941; *Luchins A., Luchins E.*, 1957, 1973), изучавшего влияние стереотипных установок — готовности к переносу ранее выработанных способов действия на решение новых задач. С проявлениями операциональной установки имели дело, как будет показано далее, Н.Майер (1930), исследовавший «привычную направленность» мышления, и К.Дункер, посвятивший целый ряд своих экспериментов изучению феномена «функциональной фиксированности».

В своих исследованиях М.Вертхаймер наряду с другими факторами перцептивной организации выделяет два вида «моментальных установок» — субъективную и объективную. Так, наблюдатель может субъективно установить себя на определенную группировку стимулов, например настроиться на видение креста на доске Шумана. Эта установка была охарактеризована М.Вертхаймером как субъективная установка. Под объективной установкой он понимает готовность субъекта под влиянием предшествующих группировок упорядочивать последующие предъявления. Объективная установка навязывается предшествующими условиями ситуации и носит персевераторный характер. Она мешает субъекту увидеть определенную неоднозначную конфигурацию по-другому, сковывает его видение. С проявлением такого рода установки в экспериментах на свободные ассоциации столкнулся К.Коффка (*Koffka*, 1911). Он отметил, что у испытуемого в экспериментах на свободные ассоциации может образоваться тенденция отвечать на стимульные слова синонимами. Эта устойчивая тенденция к привычному способу реагирования, названная К.Коффкой «скрытой установкой», переносится с одной задачи на другую и препятствует возникновению нового, более адекватного последующей задаче способа реагирования. Н.Майер подчеркивает, что введенное К.Коффкой понятие «скрытая установка» соответствует введенному им понятию «направленности» мышления (*Майер*, 1965 а, б). В своих экспериментах Н.Майер доказывает, что «привычная направленность» — готовность к выработанному в ходе опыта решению задачи — препятствует правильному решению задачи. «Человек не может

решить задачу не потому, — пишет Н.Майер, — что он не в состоянии найти решение, а потому, что привычный способ действия тормозит выработку правильного решения» (Майер, 1965, с.312). Не останавливаясь здесь на экспериментах самого Н.Майера, мы опишем исследования А.Лачинса, в которых мысль Н.Майера о готовности к привычному способу реагирования как о факторе, препятствующем решению задач, нашла выразительное воплощение. А.Лачинс исследовал влияние стереотипных установок на решение задач. «Задача с сосудами воды» («jar problem») А.Лачинса хорошо известна, и поэтому мы очень коротко опишем процедуру, на основе которой А.Лачинс вырабатывал *Einstellung* — эффект, или, как его еще иногда называют, «ослепляющий эффект устойчивой установки». Испытуемому предлагается мысленно решить серию задач. В каждой задаче он должен отмерить определенное количество воды с помощью двух или трех сосудов. Допустим, ему предлагают два сосуда, в одном из которых 29 литров воды, а в другом — три литра, и просят отмерить точно двадцать литров. Такая задача может быть решена по правилу $A-3B$, где A — сосуд, вмещающий 29 л, а B — сосуд, вмещающий 3 л воды. После небольшой тренировки испытуемому дается установочная серия задач, которые можно решить, например, только по правилу $B-A-2C$. Установочная серия включает шесть задач. Затем следуют две критические задачи, которые можно решить как по правилу $B-A-2C$, так и более прямым способом — по правилу $A-B$ или $A+B$. За критическими задачами следует задача на «угашение», которая решается только с помощью способа $A-B$, т.е. имеет только одно решение. И, наконец, в заключение даются две задачи типа критических для того, чтобы испытуемый освободился от закрепощающего влияния выработанной в установочной серии стереотипной установки¹. Этот метод позволил А.Лачинсу изучить процесс механизации установки, а также исследовать факторы, предотвращающие воз-

¹ Метод А.Лачинса и метод «фиксации установки» Д.Н.Узнадзе имеют ряд сходных особенностей. Сопоставительный анализ этих двух методов проведен канадским исследователем Дж.Грицюком (Hritzuk, Jansen, 1973),

никновение подобных стереотипных установок.. Определяя установку, А.Лачинс писал: «Einstellung — привыкание — создает механизированное состояние сознания, слепое отношение к задачам: оно мешает взглянуть на собственные особенности задачи и приводит к механическому употреблению уже использованного способа» (Luchins, 1941, с.15). По мнению А.Лачинса, в основе Einstellung-эффекта могут лежать различные психические процессы. Прежде всего испытуемый может обнаружить правило, по которому решается первая задача, и перенести это правило на другие задачи. В основном же стереотипная установка представляет собой механическую персеверацию найденного вначале способа решения задачи. В результате, после того как установка механизирована, испытуемые начинают ориентироваться не на всю совокупность данных задач, а только на данные, схожие с уже употреблявшимся способом реагирования. Особенно рельефно это свойство стереотипной установки проявляется в попытках решения девятой задачи, задачи на «угашение», которая может быть решена только прямым способом. Испытуемые, не видя принципиального отличия этой задачи, пытаются решить ее косвенным способом и терпят неудачу. По своему месту в деятельности стереотипные установки — готовности к зафиксированному способу решения задачи — относятся к числу операциональных установок. Обычно они действуют только в ходе эксперимента и, следовательно, по своему содержанию являются ситуационно-действенными установками. Но такого рода стереотипные установки могут упрочиться и перейти в класс предметных операциональных установок. Так, А.Лачинс высказывает мнение, что обычные методы решения типовых задач, применяемые в школе, приводят к появлению долговременных ригидных установок. Во всех описанных выше исследованиях изучался прежде всего субъективный момент операциональной установки, а именно готовность решать задачу определенным способом или воспринимать стимул определенным способом, выработанным в ходе предшествующего опыта. Напомним, что конкретное выражение готовности к определенному способу реагирования зависит от предметного объективного момента операциональной уста-

новки — функционального значения, фиксированного в предвосхищаемом условии задачи. На связь Einstellung-эффекта, исследуемого А.Лачинсом, и феномена функциональной фиксированности, проанализированного в экспериментах К.Дункера, указывает голландский исследователь Ван де Гир. «Функциональная фиксированность» также связана с эффектом установки, отмечает Ван де Гир. Было бы верно сказать, что «функциональная фиксированность» представляет собой характеристику объекта, в то время как Einstellung относится, скорее, к характеристике испытуемого. Но здесь нет особого различия, так как можно сказать, что человек с сильной установкой при решении задач с соудами склонен воспринимать задачи как «задачи, решаемые только этим способом» (*Van de Geer, 1957, с.69*). Действительно, субъективный момент операциональной установки, т.е. готовность на основе прошлого опыта решать задачу определенным способом, и ее объективный момент, открывающийся в значении «задача, решаемая только этим способом», неразрывно связаны между собой.

Итак, мы видим, что различного рода «ошибки», обнаруженные при изучении сенсорных и перцептивных процессов, тенденции отвечать синонимами в экспериментах на свободные ассоциации, готовность к переносу ранее выработанных способов решения задачи на новую задачу, феномен «функциональной фиксированности» — все эти ранее не связываемые факты представляют собой факты проявления операциональной установки.

* * *

Факты, которые могут быть отнесены к фактам проявления *целевой установки*, были впервые получены независимо от воли и желания исследователей при изучении скорости протекания психических процессов и запоминания. Уже отмечалось, что последователи В.Вундта, занимающиеся исследованием времени реакции, натолкнулись на факты, побудившие их выделить два типа установок — сенсорную и моторную, — обуславливающих различное время реакции. При обсуждении возможных причин различия времени сенсорной и моторной реакции в тени

остался вопрос о влиянии на скорость реагирования инструкции, которая и обуславливает возникновение разных форм установки. Суть этой дискуссии, продолжающейся и в XX в. в русле необихевиоризма, может быть выражена в форме вопроса: что скрывается за подготовительным периодом — ожидание (предвосхищение сигнала) или намерение (предвосхищение ответа)? (см. об этом *Gibson*, 1941; *Davis*, 1946). Одна из причин этой дискуссии — это игнорирование в исследовании влияния инструкции на скорость и характер протекания психических процессов. Обрисовывая создавшееся в XIX веке положение на примере исследования времени реакции, Л.С.Выготский отмечал, что экспериментатор посредством инструкции создавал разные установки, а «...затем наивно полагал, что процесс протекает совершенно так же, как если бы он возник сам собой, без инструкции. Это ни с чем не сравнимое своеобразие психологического эксперимента не учитывалось вовсе» (*Выготский*, 1960, с.77). В меньшей степени пренебрежительное отношение к влиянию предвосхищаемого конечного результата на направленность поведения господствовало в физиологии. Незамеченным оставался тот факт, что «...механизмы интересны исследователю-физиологу, в то время как животному организму интересны лишь результаты» (*Анохин*, 1969, с.201). Сейчас может показаться беспрецедентным и странным, что вопросы о влиянии инструкции и вызванной ею установки на психические процессы даже не вставали перед исследователями, ищущими причины различной скорости времени реакции, и лишь в 1893 г. О.Кюльпе выдвинул предположение, подчеркиваем, предположение, что реакции в экспериментах на время реакции различны в зависимости от подготовки испытуемого. Позднее это утверждение фактически слово в слово было повторено Х.Ваттом: «Сенсорная и моторная реакции определяются не характером эксперимента, после которого она осуществилась, а характером проводимой *подготовки*. Здесь наблюдается различие того, что мы называем задачей [task-set — А.А.] и простой тенденцией к воспроизведению» (Ватт, 1906, с.262 — цит. по *Humphrey*, 1963, с.68). Мысль

О.Кюльпе, развитая затем Х.Ваттом, Н.Ахом и другими представителями Aufgabe-Psychologie, была открытием влияния задачи и вызванной ею установки на психические процессы. С большим опозданием было воспринято это положение о влиянии установки, вызванной инструкцией на психические процессы, в частности на запоминание, представителями ассоциативной психологии. Подобно тому, как представители классической психофизики стремились исследовать «чистые ощущения», исследователи памяти, и прежде всего Эббингауз, направляли свои усилия на поиск «чистых» законов памяти. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и в экспериментальных исследованиях памяти проявления целевой установки вначале либо не учитывались, либо воспринимались как артефакты. Между тем, как это отмечает С.Л.Рубинштейн, «классический ассоциативный эксперимент Эббингауза и его продолжателей фактически всегда опирался не только на ассоциативные связи, но и на установки, хотя сами авторы не отдавали себе отчета в этом. Экспериментатор создавал эту установку, давая испытуемому инструкцию запомнить» (Рубинштейн, 1946, с.296). Факты проявления целевой установки в мнемических процессах, так же как и при исследованиях времени реакции, были обнаружены случайно. В истории экспериментальной психологии уже стал классическим случай, описанный П.Родославовичем (1907). Суть этого случая состоит в том, что один из испытуемых ничего не запомнил из ряда слогов, предъявлявшихся ему 46 раз, только потому, что он не знал, что их нужно запомнить. Когда же испытуемый понял инструкцию экспериментатора, он запомнил ряд слогов после шестикратного предъявления. Позднее факт влияния целевой установки на избирательность запоминания проявился в исследованиях Е.Меймана (1912) и Н.Рида (1918) (см. об этом Смирнов, 1945). В этих исследованиях испытуемых заранее предупреждали, что в дальнейшем им нужно будет воспроизводить только вторые слоги каждой предъявляемой пары. Подобная инструкция привела к тому, что испытуемые не запоминали первые члены пар слогов, т.е. инструкция вызвала неосознаваем-

мую установку на запоминание только вторых членов каждой пары слогов. Эти эксперименты сходны с описанными в предыдущей главе экспериментами О.Кюльпе, в которых проявился факт влияния целевой установки на избирательность восприятия. В подобного рода экспериментах о целевой установке судят только по конечному эффекту, оказываемому ею на психические процессы. К такого же рода экспериментам относятся и работы Э.Брунсвика по константности восприятия, в которых показывается, что если установка, вызванная инструкцией, направлена на восприятие реальных характеристик объекта, то эти характеристики воспринимаются константно. Если же она направлена на «проекционные» характеристики объекта, т.е. если перед субъектом ставится цель воспринять «проекционную» величину или форму объекта, то восприятие менее константно (*Brunswick*, 1956). Все эти эксперименты «...дальше развили понятие установки и показали ее влияние на действия индивида, но они главным образом добавили к нашему знанию о том, как она действует на индивида, чем к нашему пониманию того, что это такое» (*Vinacke*, 1952 — цит. по *Прангишвили*, 1967, с.30).

Первыми исследованиями, прояснившими наше знание о том, что такое установка, были работы Х.Ватта (1905) и Н.Аха (1905). В этом цикле исследований была предпринята атака против основы основ ассоцианистской психологии — против принципа ассоциаций как механизма мышления. Выделение задачи (*Aufgabe* — нем. или *task-set* — англ.) как самостоятельной единицы психологического анализа принадлежит Х.Ватту. Предметом анализа Х.Ватта было описание эффекта *Aufgabe* (задачи), а методом исследования — использование способа контролируемых ассоциаций в сочетании с интроспективным отчетом и измерением времени реакции. При этом, как правило, давались разные задачи при одном и том же стимуле. Например, испытуемому предъявляли какое-нибудь написанное на картоне слово и просили ответить словом, находящимся в определенном отношении к слову-стимулу. Допустим, просили, чтобы он нашел к цело-

му — его часть и т.д. Ватт подчеркивал, что процесс мышления зависит главным образом от того, насколько адекватно испытуемым в подготовительный период принята задача. Состояние, возникшее у испытуемого после принятия задачи, Ватт назвал «установкой» (Einstellung). Принятая испытуемым задача и вызванная ею установка предваряют сознательный процесс. Эффект Aufgabe состоит в том, что она заранее избирательно действует на мыслительный процесс, предваряет его, ограничивая поле ответных ассоциаций. При этом сама «задача» может не осознаваться испытуемым. Дж.Хамфри, подводя итоги исследований Ватта, акцентирует внимание на трех его основных выводах: «а) Следовательно, мы должны отличать Ассоциацию, репродуктивную тенденцию от Мотива, задачи; б) задача обычно работает бессознательно; в) как задача, так и ассоциация необходимы для мышления» (Humphrey, 1963, с.66). Бросается в глаза, что мотив и задача не различаются Ваттом. Отметив этот момент, перейдем к работам Н.Аха.

После исследований Ватта отчетливо выступил тот факт, что задача, брошенная в поток ассоциаций, оказывает избирательное влияние на скорость репродукции, подавляет одни репродуктивные тенденции и усиливает другие. В 1905 г. вышла монография Н.Аха «Об активности воли и о мышлении», главной задачей которой является исследование проблемы воли на экспериментальной основе. В этом исследовании Н.Ах попытался уточнить связь между задачей и репродуктивной тенденцией. Он поставил вопрос: «Каким образом цель, принятая испытуемым, вызывает соответствующие ей акты?» Влияние, исходящее от представления цели, Н.Ах назвал *детерминирующей тенденцией*. Наличие детерминирующей тенденции особенно ярко проявляется тогда, когда испытуемому предъявляется неожиданный стимул и испытуемый реагирует на него как на ожидаемый стимул. Определяя детерминирующую тенденцию, Н.Ах писал: «Это установки, действующие в неосознаваемом, исходящие от представления цели, направленные на приходящие, соотносящиеся представления, которые влекут за собой спонтанное про-

явление детерминирующего представления» (*Ach*, 1905 — цит. по *Анцыферова*, 1966). Напомним, что до работ Н.Аха ассоцианисты пытались объяснить направленность психических процессов при помощи двух механизмов: репродуктивной и персевераторной тенденции. В отличие от них Н.Ах разработал представления о детерминирующей тенденции как об основном механизме психических процессов, определяющем направленность сознания. Согласно его теории, детерминирующие тенденции придают процессу мышления целенаправленный и упорядоченный характер. Идея Н.Аха о цели и ее роли в регуляции поведения не вписывалась в круг идей ассоцианистской психологии. Она была «лишней идеей», и ей был «уготовлен костер». Среди различных обвинений фигурировало обвинение в телеологизме. Это обвинение с завидной регулярностью выдвигалось против исследователей, пытавшихся рассмотреть цель как ключевой момент в регуляции поведения. Участники Н.Аха не избежали Э.Толмен, Н.Винер и Н.А.Бернштейн. Такое положение существовало «...до переворота во взглядах, сделавшего возможным использование телеологических понятий в качестве методологического ключа для открывания дверей, которые ранее были закрыты для науки» (*Акофф*, *Эмери*, 1974, с.9). Говоря это, мы ни в коей мере не выступаем против справедливой критики волюнтаристских взглядов Н.Аха, но для нас сейчас важнее всего выделить то, что реально сделал Н.Ах, чем то, в чем он ошибался. В свете этого для нас также важно выяснить отношение исследований Ватта и Аха к уже упоминавшейся дискуссии о том, обладают ли установки мотивационной или только направляющей силой. Есть все основания полагать, что эта дискуссия имеет в своем источнике понимание целевого фактора («задачи-установки» у Ватта и «детерминирующей тенденции» у Аха) в Вюрцбургской школе как фактора, обладающего одновременно и побудительной и направляющей силой. На первых порах, при введении целевого фактора в психологию эти два момента были слиты. Поэтому Ватт не проводит различия между задачей и мотивом, а Ах лишь оговаривается, что детерминирующая тенденция не явля-

ется проявлением воли, побуждающей силы только тогда, когда она высвобождается под действием приказа или внушения. Реально в экспериментах Н.Аха, как было показано выше, было обнаружено влияние именно целевой установки, а не более высоких уровней установочной детерминации. Aufgabe направляет процесс мышления, но не побуждает его. Слияние побуждающего и направляющего моментов установки было данью времени и произошло вследствие того, что Aufgabe и детерминирующая тенденция оказались единственными понятиями, которые отражали существование целевого фактора поведения в самом широком смысле слова. Слияние в целевом факторе одновременно побуждающего и направляющего моментов и послужило впоследствии причиной дискуссии о том, обладают ли установки мотивационной силой.

С работами Н.Аха тесно связаны исследования К.Левина, в которых, если взглянуть на них через призму представлений об уровневой природе установки, дается наиболее точное феноменальное описание целевой установки, подчеркивается значимость момента «встречи» квазипотребности с вещью, обладающей побуждающим характером, для возникновения готовности субъекта, а также описывается превращение целевой установки в операциональную установку. Теоретические представления К.Левина формируются в ходе экспериментальной критики исследований Н.Аха по изучению твердости воли и уточнения идеи Н.Аха о детерминирующей тенденции. В исследованиях, посвященных анализу проблемы установки, обращается внимание на то, что «...К.Левин (1939) сближает представление о детерминирующей тенденции с идеей установки. Объекты, связанные с удовлетворением потребности, могут вызвать детерминирующую тенденцию, которая затем направит активность на удовлетворение потребности» (*Herzog, Unruch, 1973, с.132*).

Сопоставляя эффекты влияния на поведение потребности и намерения, образующегося, после принятия субъектом задачи, К.Левин показывает их родственность и на этом основании вводит понятие квазипотребности (мнимой потребности) — определенного динамического

состояния, напряжения, возникающего после принятия задачи и стремящегося к реализации. Конкретное выражение, которое примет это вылившееся в поведение «напряжение», зависит от «побуждающего характера» или от «характера требования» вещи, отвечающей квазипотребности. По мнению К.Левина, окружающие нас и данные нам в представлении объекты обладают «побуждающим характером», который тотчас же проявляется, как только у субъекта возникает потребность или квазипотребность. «Характер требований» обнаруживает себя в том, что определенный круг объектов начинает притягивать или отталкивать субъекта, тем самым определяя направленность поведения. Так, кусок хлеба притягивает проголодавшегося человека и «требует», чтобы его съели; озеро «требует», чтобы в нем искупались, и т.д. «Побуждающий характер» ничуть не меньше является свойством вещей в психологической ситуации, чем, скажем, их физические характеристики. К.Левин подчеркивает, что существеннейшее свойство «характера требований» проявляется в том, что он побуждает к определенным более или менее узко очерченным действиям (Lewin, 1926). Говоря о побуждении к определенному кругу действий как о существеннейшем свойстве «побуждающего характера» вещей и о взаимодействии квазипотребности и конкретной ситуации как необходимом условии возникновения тенденции к определенной активности, К.Левин проливает свет на фундаментальный вопрос психологии установки. Он отмечает, что до того, как произошла встреча квазипотребности с вещью, обладающей «побуждающим характером», т.е. способностью побуждать к определенным действиям, неизвестно то, какое действие будет выполнено. Тем самым К.Левин ставит вопрос о возникновении и выражении готовности к действию в прямую зависимость от предметного содержательного фактора. Этот шаг сразу же отделяет К.Левина от его многочисленных предшественников, изучавших проблему установки. Если бы даже К.Левин ограничился только этим, то все равно мы могли бы рассматривать его исследование как новый этап развития проблемы установки в зарубежной психологии. Но К.Ле-

вин этим не ограничился. Взглянем под углом предложенной гипотезы об иерархической структуре установки на анализ отношений между намерением и «характером требования». Прежде всего К. Левин доказывает, что конституирующим моментом намерения является предвидение образа будущей ситуации. В том случае, если сама ситуация обладает вещами с «характером требования», в возникновении намерения нет нужды, поскольку при наличии потребности тут же возникает готовность к определенному действию и вызываются акты, ведущие к удовлетворению потребности. В этом описании мы узнаем проявление того вида операциональных установок, которые были названы импульсивными операциональными установками. Импульсивные операциональные установки и лежат в основе полевого поведения в смысле К. Левина. Намерение же, необходимо включающее предварительную подготовку к действию, рождается там, где нельзя «отдаться» действию поля, а следует подняться над ним и, поставив перед собой цель, создать такие обстоятельства, которые потом позволят подчинить свое поведение действию поля. В образе будущей ситуации, благодаря которому субъект готовится к действию, вовсе не обязательно однозначно заранее предустановлены определенный соответствующий случай и определенный способ выполнения деятельности. Человек может заранее поставить перед собой цель «отправить открытку», но от условий конкретной ситуации зависит, бросит ли он ее в почтовый ящик или отправит через отъезжающего знакомого. Случай и способ реагирования вырастают из условий конкретной ситуации. После того, как первая фиксация произошла, тот вид подходящего случая и тот способ реагирования, посредством которых была достигнута предвидимая цель, получают особое значение. Они устойчиво фиксируются за этим намерением. Таким путем, предполагает К. Левин, возникают скрытые латентные установки типа тенденций отвечать синонимами в экспериментах на свободные ассоциации, о которых уже упоминалось. При последующих повторениях подходящий способ выполнения действия становится все более консервативным. Окостенение спо-

соба реагирования и соответственно готовности к способу реагирования приводит к изменению отношений между мнимой потребностью и другими потребностями субъекта. Готовность к определенному способу реагирования приобретает известную самостоятельность от настоящей и мнимой потребности и выходит из-под их контроля. Доказывая это, К.Левин ссылается на уже описанные эксперименты Н.Аха по измерению воли, в которых ошибочные реакции зависят не от мнимой потребности, а от совершенно определенной готовности к реагированию, содержащей фиксированный способ выполнения. Однако источником этой окостеневшей готовности все равно остается мнимая потребность. Итак, мы видим, что К.Левин дает образное и точное описание превращения целевой установки, т.е. той установки, в которой заранее дана только предвидимая общая цель, в операциональную окостеневшую установку, в которой заранее определены случай и способ выполнения действия. Далее он показывает на примере экспериментов Н.Аха, что фиксированная операциональная установка, приобретя самостоятельность, оказывается причиной ошибочных реакций типа «ошибка» привыкания. Таким образом, в ранних работах К.Левина приводятся факты, свидетельствующие о существовании целевых и операциональных установок и о подвижных отношениях между целевыми и операциональными установками.

* * *

В этой главе мы привели некоторые дополнительные данные, полученные представителями ряда направлений зарубежной экспериментальной психологии, и попытались систематизировать их, опираясь на гипотезу об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности.

Линия разработки представлений о психофизиологических механизмах — реализаторах установки восходит к экспериментам Лейпцигской лаборатории, к работам Н.Н.Ланге и Л.Ланге, которые при исследовании временной реакции обнаружили проявления моторных и сенсор-

ных установок. Эта линия нашла свое выражение в русле молекулярного бихевиоризма, где в работах Д. Дашила и Дж. Фримена развивались представления о топической природе установки, о «предваряющих» и «поддерживающих» фазические движения установках. Далее эта линия привела к теории динамической установки Ф. Олпорта, в которой развивались представления об установке как о зарождающейся стадии любого поведенческого акта, выступающей в виде физиологического агрегата, по своим особенностям сходного с заготовленным комплексом возбуждений (П. К. Анохин). Наиболее полно представление о психофизиологических реализаторах установки отражены в теории перцептивной готовности Дж. Брунера, выделившего механизмы группировки и интеграции, упорядочивания готовности, блокировки, подбора соответствия.

Первые факты, отражающие проявления операциональной установки, были получены в исследованиях по психофизике. Психологи натолкнулись на такие проявления операциональной установки, как ошибки «ожидания» и «привыкания», временная ошибка, сыгравшие немалую роль на пути развития психофизики от психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач». Факты проявления операциональной установки становятся предметом специального анализа в работах А. Лачинса, изучавшего влияние стереотипных установок — готовности к переносу ранее выработанных способов действия на решение новых задач, а также в исследованиях «привычной направленности» (Н. Майер) и феномена «функциональной фиксированности» (К. Дункер).

Исследование мышления как действия привело психологов Вюрцбургской школы к обнаружению фактов проявления целевой установки. В работах Вюрцбургской школы складывается представление о задаче (Aufgabe — Х. Ватт) и о детерминирующей тенденции (Н. Ах) как о регулятивном механизме психических процессов, определяющем их направленность и организованность. Именно вюрцбургцы провели первые эксперименты, показывающие влияние установки, вызванной Aufgabe, на избирательность

восприятия. В исследованиях К. Левина дается описание механизма возникновения установки, вызванной поставленной перед человеком задачей, подчеркивается значимость момента «встречи» квазипотребности с вещью, обладающей побуждающим характером, для возникновения готовности действовать по отношению к принятой цели. В этом же цикле исследований было обнаружено такое проявление целевой установки, как тенденция к завершению прерванного действия.

Факты проявления смысловой установки не исследовались в зарубежной экспериментальной психологии и поэтому остались за рамками нашего анализа. Для того чтобы увидеть и исследовать эти факты, нужно выйти за пределы лабораторий и обратиться к изучению поведения личности в реальных жизненных ситуациях. Эти факты хорошо известны и широко привлекаются в клинической психологии для объяснения разного рода ошибочных действий. Факты же проявления установок более низких уровней получены, как правило, в чисто лабораторных исследованиях. Если на основе гипотезы об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности удастся экспериментально показать связь между этими двумя рядами фактов, то представления о фактах проявления смысловой установки станут более строгими, а представления о проявлениях установок нижележащих уровней — более жизненными, и тем самым наметится еще одна линия преодоления разрыва между лабораторной и жизненной психологией.

ОТ УСТАНОВКИ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПРИНЦИПА В ПСИХОЛОГИИ — К УСТАНОВКЕ КАК ПРЕДМЕТУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Идеи, как и люди, имеют свою судьбу. В судьбе идеи установки вырисовываются три различных этапа. В начале первого этапа лежит фактическое открытие явления установки, оказавшее значительное влияние на перестройку представлений обо всей области явлений в традиционной психологии. На втором этапе связь идеи установки с породившим ее фактическим материалом ослабевает, и она, повторяя в этом судьбу других фундаментальных идей современной психологии вроде гештальта или рефлекса (*Выготский*, 1926), получает отвлеченную формулировку, возвышается в работах классика отечественной психологии Д.Н.Узнадзе и его школы до уровня объяснительного принципа и завоевывает всю сферу психологического знания. Возвысившись до уровня объяснительного принципа, идея установки как бы замыкается на себе самой: через идею установки объясняются все психические явления, а сама же эта идея, получив статус постулата (постулат «первичности» установки), перестает нуждаться в объяснении. Однако на этом поступательное движение идеи установки не заканчивается. Противоречия, возникающие при анализе конкретного явления установки и установки как объяснительного принципа, закладывают основу для возникновения нового этапа развития идеи установки. Все отчетливее начинает осознаваться тот факт, что для объяснения природы установочных явлений необходимо выйти за их собственные границы и обратиться к анализу предметной деятельности, в которой эти явления и получают свое действительное психологическое содержание. Анализ взаимоотношений между установкой и деятельностью, проделанный в данной работе, показывает, что необхо-

димо перевернуть формулу, долгое время определявшую ход исследования явлений установки: не деятельность должна выводиться из анализа установки, а установка из анализа деятельности. Постулат при таком подходе исчезает, и ему на смену приходит проблема — проблема исследования места и функции установочных явлений в деятельности субъекта.

Это исследование привело к разработке гипотезы об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности. Согласно этой гипотезе, содержание, функция и феноменологические проявления установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. В соответствии с основными структурными единицами деятельности (особенная деятельность, действие, операция, психофизиологические механизмы — реализаторы деятельности) выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установки.

Установки каждого из этих уровней обладают рядом характерных особенностей. Смысловые установки, выражающие в деятельности личностный смысл, придают устойчивый характер деятельности в целом и феноменологически проявляются в ее субъективной окрашенности, «лишних» движениях и смысловых обмолвках. Они относятся к глубинным образованиям мотивационной сферы личности. Кардинальное отличие смысловых установок от таких образований на поверхности сознания, как «отношения» (В.Н.Мясищев) и «значащие переживания» (Ф.В.Бассин), изменяющихся непосредственно под влиянием вербальных воздействий, состоит в том, что изменение смысловых установок всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта. Целевые установки определяют устойчивость действия и проявляются в тенденциях к завершению прерванных действий (Б.В.Зейгарник), системных персеверациях и некоторых отклонениях познавательных процессов. Операциональные установки жестко определяют развертывание способов осуществления действия, проявляясь в установочных иллюзиях, ошибках

«ожидания» и «привыкания», феноменах «привычной направленности» (Н. Майер) и «функциональной фиксированности» при решении мыслительных задач. И, наконец, на уровне психофизиологических механизмов установка проявляется в сенсорной и моторной преднастройке, предшествующей развертыванию того или иного действия.

На каком бы уровне и в каких бы своеобразных формах ни проявлялась установка, ее основной функцией является стабилизация движения деятельности. Установочные моменты, за которыми стоят процессы стабилизации, «цементирования» деятельности, не совпадая с ее структурными моментами, образуют неотъемлемое условие реализации деятельности. Без учета этих моментов невозможно объяснить устойчивый характер протекания направленной деятельности субъекта. Установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные обивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», затрудняя приспособление к новым ситуациям и феноменально проявляясь при столкновении развертываемой деятельности с тем или иным препятствием. Последняя особенность и обусловила то, что в роли основного принципа, явно или неявно используемого в экспериментальных исследованиях установочных явлений, выступил методический принцип искусственного «прерывания» деятельности, например при помощи создания неопределенности предъявляемой стимуляции или резкого нарушения действия.

Именно то обстоятельство, что стабилизирующая функция установочных явлений и их иерархическая разноуровневая природа оказались вне поля зрения исследователей из-за изолированного внедеятельностного изучения установки, привело к тому, что понятие «установка», подобно сказочному Шалтаю-Болтаю, рассыпалось по различным ориентированным зарубежным психологическим концепциям, и ни представители клинической психологии, ни представители экспериментальной психологии, ни социальные психологи никак не могут его собрать. Развиваемые в данном исследовании представления об иерархической

уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности позволяют привести накопленные в русле разных направлений факты проявления установки в одну непротиворечивую систему и избавляют от терминологической путаницы, значительно затрудняющей исследование проблемы установки.

Исследования уровневой природы установочных явлений и их роли в регуляции деятельности находятся только в самом начале своего пути. Встают все новые и новые вопросы. Представление об установке как стабилизирующем моменте движения деятельности, сливаясь с исследованиями надситуативной активности субъекта, приводит к необходимости выделения особого раздела в исследовании психологии деятельности — исследования собственной динамики, движения деятельности (*Петровский, 1977; Асмолов, Петровский, 1978*). Начинаются поиски методов изменения смысловых установок личности. В работах *Е.Т.Соколовой* разрабатываются представления о личном стиле как системе смысловых установок личности (*Соколова, 1977*). Полностью открытыми остаются вопросы о связи установок с эмоциональной регуляцией поведения личности и характером. Все эти и подобные им вопросы и определяют судьбу дальнейшего развития представлений о разных уровнях установок, стабилизирующих нашу деятельность и позволяющих сохранять ее устойчивость в бесконечно разнообразном и постоянно изменяющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.
- Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1969.
- Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
- Анцыферова Л.И.* Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Вюрцбургской школе // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М., 1966.
- Анцыферова Л.И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
- Асмолов А.Г.* Ранние этапы развития понятия «установка». — «Психологические исследования», 1974, вып. 6.
- Асмолов А.Г.* Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.
- Асмолов А.Г.* Деятельность и уровни установок // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 1.
- Асмолов А.Г.* Об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности // Бессознательное: его природа, функции и методы исследования. Тбилиси, 1978.
- Асмолов А.Г., Ковальчук М.А.* К проблеме установки в общей и социальной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 4.
- Асмолов А.Г., Михалевская М.Б.* От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач // Проблемы и методы психофизики. М., 1974.
- Асмолов А.Г., Петровский В.А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1.
- Бардин К.В.* Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М., 1976.
- Бартлетт Ф.* Психика человека в труде и игре. М., 1959.
- Басина Е.З., Насиновская Е.Е.* Роль идентификации в возникновении смысловых альтруистических установок личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 4.
- Бассин Ф.В.* Предисловие к кн. И.Т.Бжалава «Психология установки и кибернетика». М., 1966.
- Бассин Ф.В.* Проблема «бессознательного». М., 1968.

- Бассин Ф.В.* К проблеме осознаваемости психологических установок // Психологические исследования. Тбилиси, 1973.
- Бассин Ф.В.* К развитию проблемы значения и смысла // Вопросы психологии. 1973. № 6.
- Бассин Ф.В., Рожнов В.Е.* О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного). // Вопросы философии. 1975. № 10.
- Беритов И.С.* Структура и функции коры большого мозга. М., 1969.
- Бернштейн Н.А.* О построении движений. М., 1947.
- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бжалава И.Т.* Психология установки и кибернетика. М., 1966.
- Бжалава И.Т.* К проблеме бессознательного в теории установки Д.Н.Узнадзе // Вопросы психологии. 1967. № 1.
- Бжалава И.Т.* Установка и поведение. М., 1968.
- Бжалава И.Т.* Установка и механизмы мозга. Тбилиси, 1971.
- Бочоришвили А.Т.* Проблема бессознательного в теории установки Д.Н.Узнадзе // Вопросы психологии. 1966. № 1.
- Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И.М.Фейгенберга и Г.Е. Журавлева. М.: «Наука», 1977.
- Войтонис Н.Ю.* Формы проявления установок у животных и особенно у обезьян // Психология. Тбилиси, 1945.
- Войтонис Н.Ю.* Предыстория интеллекта. М.—Л., 1949.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса (из архива Р.Н.Выготской). М., 1926.
- Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Выготский Л.С.* Спиноза и его учение об эмоциях в свете современной психоневрологии // Вопросы философии. 1970. № 6.
- Гальперин П.Я.* Об установке в мышлении // Труды Украинской конференции по педагогике и психологии. Киев, 1940.
- Гальперин П.Я.* Смысловые схемы поведения, лежащие в основе высшей нервной деятельности // Психология. Тбилиси, 1945.
- Геллерштейн С.Г.* Действия, основанные на предвосхищении и возможности их моделирования в эксперименте // Проблемы инженерной психологии, вып. 4. Л., 1966.
- Джемс У.* Психология. Спб., 1911.
- Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965.
- Запорожец А.В.* Изменение установок при периферических травмах верхней конечности // Психология. Тбилиси, 1945.

- Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.
- Зейгарник Б.В.* Личность и патология деятельности. М., 1971.
- Зинченко В.П., Вергулес Н.Ю., Стрелков Ю.К.* Модель сенсорного звена зрительной системы // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1970. № 1.
- Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание. М., 1961.
- Ковальчук М.А.* Проблема социальной установки и деятельность: Дипломная работа. М., 1975.
- Колбановский В.Н.* Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии 1—6 июля 1955 г. // Вопросы психологии. 1955. № 6.
- Коломинский Я.Л.* Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики» // Вопросы психологии. 1972. № 1.
- Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека. М., 1922.
- Кузьмина Т.А.* Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
- Кюльпе О.* Современная психология мышления // Новые идеи в философии. М., 1914.
- Ланге Н.Н.* Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса, 1893.
- Ланге Н.Н.* Психология. М., 1914.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порожденные речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев А.Н.* Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии 1—6 июля 1955 г. // Вопросы психологии. 1955. № 6.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.
- Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Восстановление движений. М., 1945.
- Лоренц К.З.* Кольцо царя Соломона. М., 1970.
- Лурия А.Р.* Нарушение установки и действия при мозговых поражениях // Психология. Тбилиси, 1945.
- Лурия А.Р.* О двух видах двигательных персевераций при поражении лобных долей мозга // Лобные доли и регуляция психических процессов. М., 1966.
- Лурия А.Р.* Нарушение зрительного восприятия при поражении лобных долей мозга // Мозг и психические процессы. М., 1963.
- Майер Н.* Мышление человека // Психология мышления. М., 1965 а.

Майер Н. Об одном аспекте мышления человека // Психология мышления. М., 1965 б.

Мальцман И. Мотивация и направленность мышления // Психология мышления. М., 1965.

Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.

Мясищев В.Н. О связи проблем психологии отношения и психологии установки // Понятия установки и отношения в медицинской психологии. Тбилиси, 1971.

Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.

Надирашвили Ш.А. О взаимосвязи психологии установки и психологии деятельности // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.

Натадзе Р.Г. К проблеме константности восприятия // Вопросы психологии. 1961. № 4.

Натадзе Р.Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.

Петровский А.В. История советской психологии. М., 1967.

Петровский В.А. Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973.

Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1977.

Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.

Прангишвили А.С. Установка и деятельность // Вопросы психологии. 1972. № 1.

Прангишвили А.С. Проблема установки на современном уровне разработки грузинской психологической школы // Психологические исследования. Тбилиси, 1973.

Прангишвили А.С. Психологические очерки. Тбилиси, 1975.

Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.

Пруст М. По направлению к Свану. М., 1973.

Пушкин В.Н. О некоторых принципиальных вопросах психологии и кибернетики // Вопросы психологии. 1967. № 1.

Рейтман У. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов. М., 1968.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

Рудик П. А. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии 1—6 июля 1955 г. // Вопросы психологии. 1955. № 6.

Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию // Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Смирнов А.А. О влиянии направленности и характера деятельности на запоминание // Психология. Тбилиси, 1945.

Соколов Е.Н. Нервная модель стимула и ориентировочный рефлекс // Вопросы психологии. 1960. № 4.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

Соколова Е.Т. О психологическом содержании понятия «когнитивный стиль» и его использовании в исследовании личности // Личность и деятельность (тез. докладов к V Всесоюзному съезду психологов). М., 1977.

Субботский Е.В. Психология отношений партнерства у дошкольников. М., 1976.

Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969.

Титченер Э. Учебник психологии. М., 1914.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. М., 1969.

Тоидзе И.А. Опыт экспериментального изучения первичной установки. Канд. дис. М., 1974.

Узнадзе Д.Н. Индивидуальность и ее генезис // Сахалхо газета. 1910. № 101, 102 (на груз. яз.).

Узнадзе Д.Н. «Impersonalia» // Чвени мецниереба. 1923. № 1 (на груз. яз.).

Узнадзе Д.Н. Основы экспериментальной психологии, т. 1, 2. Тбилиси, 1925 (на груз. яз.).

Узнадзе Д.Н. Общая психология. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.

Узнадзе Д.Н. Психология деятельности // Психологические исследования. М., 1966.

Узнадзе Д.Н. Формы поведения человека // Психологические исследования. М., 1966.

Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. М., 1966.

Ухтомский А.А. Собр. соч. Т. 1. Л., 1950.

Ухтомский А.А. Письма // Новый мир. 1973. № 1.

Фейгенберг И.М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопросы психологии. 1963. № 2.

Фрейд З. Я и Оно. М., 1924.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М., 1925.

Хачапуридзе Б.И. Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1962.

Ходжава З.И. Проблема навыка в психологии. Тбилиси, 1960.

Цинцадзе Г.И. К критике философских основ психологии установки (К. Марбе). Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

Чхартишвили Ш.Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.

Шерозия А.Е. К проблеме сознания и бессознательного психического, т. I. Тбилиси, 1969.

Шерозия А.Е. К проблеме сознания и бессознательного психического, т. II. Тбилиси, 1973.

Эйнштейн А. Принципы теоретической физики // Физика и реальность. М., 1965.

Эльконин Д.Б. Проблема установки, ее теория и факты // Вопросы психологии. 1957. № 3.

Энген Т. Психофизика. Различение и обнаружение // Проблемы и методы психофизики. М., 1974.

Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1974.

Allport F.H. Theories of perception and the concept of structure. N.Y., 1955.

Allport G.W. Attitudes // Murchison C. (Ed.). Handbook of social psychology. N.Y., 1935.

Boring E.G. A history of experimental psychology. N.Y., 1950.

Broadbent D.E. Stimulus set and response set: Two kinds of selective attention // Attention: Contemporary theory and analysis. N.Y., 1970.

Brown W.P. Conceptions of perceptual defence. Cambridge, 1961.

Bruner J.S. Personality dynamic and the process of perceiving // Blake & Ramsey (Eds.). Perception: An approach to personality. N.Y., 1951.

Bruner J.S. On perceptual readiness // Psychol. Rev. 1957. Vol. 64. № 2.

Bruner J.S., Minturn A.L. Perceptual identification and the perceptual organization // J. genet. Psychol. 1955. Vol. 55.

Brunswick E. Perception and the representative design of psychological experiments. Berkley — Los Angeles, 1956.

Dashiell J.F. A neglected fourth dimension to psychological research // Psychol. Rev. 1940. Vol. 47.

Davis R.C. The psychophysiology of set // Harriman (Ed.). Twentieth-century psychology. N.Y., 1946.

English H.B., English A.C. Psychological and psychoanalytical terms. N.Y., 1958.

Erdelyi M.H. A new look at the New Look: Perceptual defence and vigilance // Psychol. Rev. 1974. Vol. 81. № 1.

Fergus R.H. Perception. The basic process in cognitive behavior. N.Y., 1966.

- Fraisse P.* Le role des attitudes dans la perception // Les Attitudes. Paris, 1961.
- Freeman G.L.* The problem of set // Amer. J. Psychol. 1939. Vol. 52.
- Freeman G.L.* Discussion: «Central vs. peripheral» locus of set: a critique of the Mowrer, Raymon and Riss demonstration // J. exp. Psychol. 1940. Vol. 26.
- Gibson J.J.* A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology // Psychol. Bull. 1941. Vol. 38.
- Gibson J.J.* Perception of visual world. N.Y., 1930.
- Haber R.N.* Nature of the effect of set on perception // Psychol. Rev. 1966. Vol. 73. № 4.
- Hall C.S., Lindzey G.* Theories of personality. N.Y., 1970.
- Hebb D.O.* The organization of behavior. A. Neuropsychological theory. N.Y., 1949.
- Herzog R.L., Unruch W.R.* Toward a unification of Usnadze theory of set and Western theories of human functioning // Psychological Investigations. Tbilisi, 1973.
- Hritzuk J., Janzen H.A.* A comparison of Ustanovka and Einstellung: Usnadze und Luchins // Prangishvily A.S. (Ed.). Psychological Investigations. Tbilisi, 1973.
- Humphrey G.* Thinking. N.Y., 1963.
- Kahneman D.* Attention and effort. N.Y., 1973.
- Katz D., Stotland E.* A preliminary statement in to a theory of attitude structure and change // Koch S. (Ed.). Psychology: A study of science. N.Y., 1957.
- Koffka K.* Über Latente Einstellung. Bericht über den IV. Kongress für exper. Psychol. in Insbruck. 1911.
- Külpe O.* Versuche über Abstraktion // Ber. J. Kongr. Exp. Psychol. Berlin, 1904.
- Lewin K.* Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Berlin, 1926.
- Lewin K.* A dynamic theory of personality. N.Y., 1935.
- Luchins A.S.* Mechanisation in problem solving // Psychol. Monogr. 1941. Vol. 54.
- Luchins A.S., Luchins E.H.* Rigidity of behavior. A variational approach to the effect of Einstellung. Oregon, 1957.
- Luchins A.S., Luchins E.H.* The role of thinking and surveyability on Einstellung effect // Prangishvily A.S. (Ed.). Psychological Investigations. Tbilisi, 1973.
- Mackworth J.F.* Vigilance and Attention. Baltimore, 1971.
- McGuire W.J.* The nature of attitude and attitude change // Lindzey G. & Aronson E. (Eds). Handbook of social psychology. N.Y., 1969. Vol. 3.
- McGuire W.J.* Attitudes // Encyclopedia Britannica. L., 1974. Vol. 2.

Meumann E. Beobachtungen über differenzierte Einstellung bei Gedächtnisversuchen // Z.F.Pädag. Psychol. 1912. № 13.

Moscovici S. L'attitude: theories et recherches autour d'un concept et d'un phenomene // Bulletin du C. E. R. P. 1962—XI. Vol. 2, 3.

Mowrer O.R., Rayman N.N., Bliss E.L. Preparatory set (expectancy) and experimental demonstration of its «central» locus // J. exp. Psychol. 1940. Vol. 26.

Ostrom T.M. The emergence of attitude theory: 1930—1950 // Greenwald A.G., Brok T.C. and Ostrom T.M. (Ed.) Psychological foundations of attitudes. N.Y., 1968.

Pailhard J. Les attitudes dans la motricite // Les attitudes. Paris, 1961.

Postman L., Crutchfield B.S. The interaction of need, set and stimulus structure in cognitive task // Amer. J. Psychol. 1952. Vol. 65.

Rokeach M. The nature of attitudes // International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.

Siiipola E. M. A group study of some effects of preparatory set // Psychol. Monogr. 1935. Vol. 46.

Solley Ch.M., Murphy G. Development of the perceptual world. N.Y., 1960.

Toman E.C. Behavior and psychological man. Los Angeles, 1958.

Van de Geer J.P. A psychological study of problem solving. Netherlands, 1957.

Vinacke W.E. The psychology of thinking. N.Y., 1952.

Woodworth R.S., Schlosberg H. Experimental psychology. N.Y., 1958.

РАЗДЕЛ II. УСТАНОВКА И ПОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМА УСТАНОВКИ В НЕОБИХЕВИОРИЗМЕ И КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

«История психологии лишь начинает выясняться... Изучение этой истории во многих отношениях полезно для прогресса науки: устанавливая связь между современными теориями и прежними, история психологии предохраняет нас от бессознательного регресса, определяет отчасти направление для дальнейших исследований и ослабляет ту склонность придавать абсолютное значение последним по времени открытиям, которой примеры, к сожалению, так часто встречаются и которая так противна духу истинно научной свободы».

Н. Н. Ланге

«КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕНОМЕНОВ УСТАНОВКИ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ» ДЖЕЙМСА ГИБСОНА

В психологии понятие «вероятностное прогнозирование» появилось относительно недавно. Оно и молодое и старое. Ему немногим больше десяти лет, если ориентироваться на первое использование этого термина в отечественной литературе (см. *Фейгенберг, 1963*); его возраст измеряется столетием, если ориентироваться на пробле-

* Статья впервые опубликована в коллективной монографии под редакцией И. М. Фейгенберга, Г. Е. Журавлева «Вероятностное прогнозирование в деятельности человека». М.: «Наука», 1977.

му предвосхищения будущего, в русле которой развиваются представления о вероятностном прогнозировании. В связи с этим перед нами открываются два возможных пути анализа представлений о вероятностном прогнозировании. Либо путь исследования короткой жизни концепции вероятностного прогнозирования, и тогда работа превратится в пересказ тех событий, которые еще достаточно свежи в памяти специалистов в этой области. Либо путь исследования истории развития проблемы предвосхищения будущего, в «теле» которой как момент этого развития возникают представления о предвосхищении с опорой на вероятностную структуру прошлого опыта.

Мы выбираем второй путь исследования, так как, во-первых, он представляется более перспективным для анализа проблемы отношений между установкой и деятельностью, в контексте которой выступает и более частный вопрос — вопрос о вероятностном прогнозировании (см. *Асмолов, 1974; Асмолов, Михалевская, 1974*); во-вторых, по той причине, что этот путь надежно предохранит нас от распространенной ошибки, присущей некоторым экспериментальным исследованиям, «придавать абсолютное значение последним по времени открытиям» (*Ланге, 1893, с.VIII*). И наконец, потому, что, следуя по этому пути, мы сумеем увидеть, как представления о вероятностном прогнозировании повлияли на проблему отношений между установкой и деятельностью. Указанные соображения и определили задачу этой статьи — анализ генезиса проблемы установки в необихевиоризме¹.

¹ В психологии существует теория установки, детальнейшим образом разработанная классиком советской психологии Д.Н.Узнадзе и его школой. Эта теория с успехом продолжает развиваться в исследованиях А.С.Прангишвили, Р.Г.Натадзе, Ш.Н.Чхартишвили, Ш.А.Надирашвили, А.Е.Шерозия и других последователей Д.Н.Узнадзе. Фундаментальный вклад в развитие проблемы установки внесен Ф.В.Бассиным (1968). Исторически сложилось так, что западные психологи только в 1960 годах открыли для себя концепцию Д.Н.Узнадзе (*Cowper, Stewin, 1974; Herzog, Unruh, 1973; Hrizuk, Janzen, 1973; Park, 1974*). Это и дает нам право рассматривать линию исследований установки в необихевиоризме как совершенно самостоятельную.

В зарубежной психологии первая попытка классификации различных значений, вкладываемых в понятие «установка», принадлежит Дж.Гибсону (*Gibson*, 1941). Его классификация представляет собой как бы мгновенный снимок с пестрой картины феноменов, объясняемых через установку или ее аналоги (ожидание, намерение, схема, гипотеза...).

Мы воспользуемся схемой классификации Дж.Гибсона, оставляя за собой право некоторой свободы при подборе экспериментальных фактов, иллюстрирующих эту схему.

1. «Предварительно созданное ожидание объектов, качеств или отношений (эксперименты по восприятию)».

В 1902 г. О.Кюльпе и др., проводя эксперименты, направленные на изучение абстракции, столкнулись с любопытным фактом, значение которого было понято гораздо позже. Испытуемым тахистоскопически предъявляли бессмысленные слоги, предварительно обращая внимание на один из признаков стимульного материала (расположение букв, цвет, форма). Кюльпе обнаружил, что испытуемые наиболее точно воспроизводили признаки, оговариваемые в инструкции, и порой ничего не могли сказать о других признаках объекта. Основатель Вюрцбургской школы увидел в этих экспериментах лишь еще один аргумент в пользу существования безобразного мышления, но нас сегодня интересует другая сторона экспериментов Кюльпе. В них отчетливо вырисовывалась связь между установкой испытуемого, вызываемой инструкцией, и избирательностью восприятия. Кроме того, эксперименты Кюльпе послужили причиной для оживленной дискуссии о том, отфильтровываются ли нерелевантные задаче признаки в момент акта восприятия (гипотеза «настройки») или же происходит выборочное стирание следов в памяти при воспроизведении материала (гипотеза «ответа»). Ряд авторов и по сей день не могут отдать предпочтения ни одной из этих гипотез (*Haber*, 1966), но к этому вопросу мы еще вернемся.

2. «Концептуальная схема, не ожидаемая, а вызванная стимульным паттерном».

В экспериментах О.Л.Зангвилла (1937) установка еще с большей четкостью, чем у Кюльпе, выступила как детерминанта восприятия. В первой серии испытуемым предъяв-

лялись шесть чернильных пятен с инструкцией отыскать и нарисовать животных, а во второй серии — с инструкцией отыскать и нарисовать пейзаж. Во второй серии экспонировалось одно пятно из первой серии. 64% испытуемых идентифицировали «критическое» пятно в соответствии с установкой на пейзаж (см. *Gibson, 1941*). Таким образом, две различные установки могут вызвать совершенно разное восприятие одного и того же объекта. Зангвилл привлекает для обозначения фактора, определяющего восприятие объекта, понятие «схема», предложенное Ф.Бартлеттом. Бартлетт понимает под схемой активную организацию прошлого опыта, актуализирующегося при соприкосновении с внешней стимуляцией и регулирующего протекание любого целостного акта, будь то восприятие, память или мышление (*Bartlett, 1950*).

3. «Ожидание стимульных отношений... выработанное в условиях повторной стимуляции (эксперименты на обусловливание)».

Ряд американских психологов, в частности К.Халл, полагали, что установка может быть объяснена в рамках теории обусловливания и сводится к преднастройке при предъявлении условного раздражителя. Такого рода преднастройка — фундаментальная особенность условнорефлекторной реакции; можно называть эту особенность установкой, но от этого вряд ли станет яснее, что она собой представляет.

Низведение установки до периферической преднастройки и ограничение ее проявлений исключительно условными рефлексам вызвало справедливые возражения Э.Толмена, одного из сторонников «центральной» когнитивной теории установки. Толмен расценивал подготовительную реакцию как следствие «ожидания», развивающегося у животного, в процессе научения. Процесс научения, по Толмену, сводится к развитию «ожиданий», а условный рефлекс является одной из его форм, и было бы ошибкой считать, что любое научение идет по типу условных рефлексов (см. *Gibson, 1941*).

4. «Намерение реагировать специфическим движением... (эксперименты на время реакции)».

В экспериментах на ВР, проведенных еще в XIX веке подготовительная фаза испытуемого была скорее источником досадных искажений, чем предметом специального исследования. Такие искажения характеризовались как ошибки «ожидания» (преждевременное реагирование, т.е. испытуемый нажимает на ключ еще до появления сигнала) и как ошибки «адаптации» (испытуемые начинают отвечать на разные раздражители одной и той же реакцией). В связи с этими фактами встает вопрос: что скрывается за подготовительным периодом — «ожидание» (прогнозирование сигнала) или «намерение» (прогнозирование реакции)? Этот вопрос не утратил своей злободневности и в наше время (*Haber, 1966*).

5. «Намерение выполнять привычные психические операции (умножение, ответы антонимами и т.д.)».

К.Коффка (1912), проводя эксперименты на свободные ассоциации, отметил, что испытуемые, начавшие отвечать синонимами, сохраняют готовность отвечать таким образом в течение всего эксперимента. Эту готовность отвечать привычным способом, проявляющуюся в процессе опыта, Коффка назвал скрытой (латентной) установкой (см. *Dashiell, 1940*).

6. «Психическая операция или метод, не намеренные, но актуализированные в процессе научения или решения Задач (эксперименты на перенос, решение задач, интерференцию навыков)».

В опытах Сиполы у испытуемых наблюдалась тенденция к переносу установки с одной экспериментальной ситуации на другую. У испытуемых с помощью инструкции вызывалась установка на появление слов, относящихся к определенной категории. Одной группе испытуемых сообщалось, что им будут предъявлены слова из категории «животные», другой группе — слова из категории «корабли». Оказалось, что если испытуемые ожидали слова из категории «животные», то они воспринимали тахистоскопически предъявленное бессмысленное слово «sael» как «seal» (тюлень). Если же они ожидали слова из категории «корабли», то слово «sael» воспринималось как «sail» (парус). Затем испытуемым обеих групп предъявлялись слова

с пропущенными буквами. Выяснилось, что все испытуемые заполняют пропуски в словах в соответствии с установками, выработанными в прошлых экспериментах, не осознавая этого факта. Следовательно, вызванная инструкцией установка продолжает существовать и после выполнения задания, влияя на последующее решение сходных задач (*Siipola, 1935*).

Влияние установки при решении задач исследовалось в экспериментах А.Лачинса. Испытуемым показывали сосуды с водой и просили их распределить воду по сосудам так, чтобы, допустим, в 29-литровом сосуде осталось 20 л после переливания с помощью одного трехлитрового сосуда. Задачу можно было решить лишь по формуле $A - 3B$ (A — 29-литровый сосуд, B — 3-литровый сосуд). После шести установочных задач испытуемому предлагалась критическая задача, имеющая более прямой способ решения, чем установочные, но испытуемые обычно не замечали его, продолжая решать задачу стереотипным способом (*Luchins, 1942*). Подобный эффект был назван Бергстреймом в опытах на классификацию карточек интерференцией навыков (см. *Dashiell, 1940*).

7. «Тенденция к завершению прерванной активности (Левин)».

В исследовании Б.В.Зейгарник проводилось изучение запоминания прерванных и законченных действий. Испытуемому предлагали в беспорядке совершать различные действия, причем одни действия ему давали довести до конца, а другие прерывали. Выяснилось, что прерванные действия запоминаются в два раза лучше, чем законченные. В классических экспериментах Б.В.Зейгарник впервые в истории психологии памяти была поставлена проблема соотношения намерений, установок субъекта с когнитивными процессами и выявлен тот фундаментальный факт, что предвосхищаемый субъектом результат действия и, следовательно, готовность к выполнению прерванного действия в значительной степени обуславливают результат мнемической деятельности.

8. «Тенденция продолжать активность после устранения соответствующих условий (персеверация)».

Р.Мак-Фарланд (1937) наблюдал проявление эффектов установки на большой высоте над уровнем моря. Без каких бы то ни было установочных опытов горнолыжники демонстрировали косность переключения с одного способа подъема на другой. Такого же рода косность переключения наблюдалась и у летчиков. Вопрос о том, почему на большой высоте затруднена смена установок, остался нерешенным (см. *Dashiell*, 1940).

Перечисленные выше факты — сжатая выборка из экспериментальных работ по установке, подобранная нами для иллюстрации классификации Дж.Гибсона. Какой же вывод делает Гибсон? «Никакого общего значения не может быть выделено, кроме массы двусмысленностей и противоречий. Термин «установка» оказался связан с разными вещами» (*Gibson*, 1941, с.811). Перед нами итог обзора Гибсона — приговор проблеме установки. Гибсон, систематизировав всевозможные проявления установки, не увидел за обширным кругом этих проявлений общего ядра. Предлагая читателю свой обзор, первый критический обзор в истории проблемы установки, Гибсон как бы стремится подняться «над схваткой», встать «выше партий», но любые попытки такого рода заранее обречены на неудачу. Нельзя воссоздать развитие какой-либо проблемы вообще и проблемы установки в частности вне времени и пространства, игнорируя ее конкретную историю.

Как же складывалось развитие теоретических представлений об установке в русле раннего необихевиоризма?

Дж.Уотсон, отец бихевиоризма, призвал психологов изгнать из лексикона такие спекулятивные понятия, как «сознание», «образ», «внимание»... Любое поползновение прибегнуть при объяснении какого-либо явления к этим категориям расценивалось радикальными бихевиористами как соскальзывание с позиций объективной психологии, возврат к «ментализму». Но сторонники схемы S—R неминуемо должны были «споткнуться» о проблему избирательности, не вписывающуюся в столь жесткую схему поведения. Этим-то и объясняется отчасти тот факт, что в США проблема установки пережила столь бурный взлет. «Внимание», обычно привлекавшееся для объясне-

ния селективности поведения, было заменено понятием «установка».

Е.Хольт, отыскивая в поведении факторы, сопутствующие проявлениям внимания, находит их в процессе, «посредством которого тело принимает или возбуждает настройку или моторную установку так, что эти активности становятся функциями объекта, фокусируются на объекте» (см. *Paschal*, 1941, с.386). Для Хольта внимание выступает как процесс, опосредуемый моторной установкой, т.е. Хольт еще не решается избавиться от опосредующего процесса, отождествить внимание и установку. Этот шаг делает Р.Вудвортс. «Психологическая установка, или интенция на выполнение определенного действия, или решение определенной проблемы, есть побуждение (*drive*), усиливающее одни ассоциативные связи и тормозящее другие, оказывая, таким образом, селективное влияние» (*Woodworth*, 1918, с.217). В определении Вудвортса установке приписывается двойная роль — динамического побудителя и селектора поведения. Но и такое определение, с точки зрения радикальных бихевиористов, страдало двусмысленностью, поскольку предполагало наличие какого-то внутреннего фактора.

Дж.Кантор (1924) решил ликвидировать эти досадные двусмысленности. «Реакции внимания являются необходимыми предварительными реакциями всех поведенческих актов. Только после актуализации стимула субъект может осуществить реакции, вызванные этим специфическим стимулом. В этом смысле реакции внимания не только предварительные, но и наверняка подготовительные акты. Их роль состоит в подготовке индивидуума к тому действию, которое должно последовать. В более сложных случаях реакции внимания являются более чем подготовительными...» (см. *Paschal*, 1941, с.392). Итак, внимание (подготовка к действию или решению) определяется Кантором как реакция. Казалось бы, все недоразумения, отклонения от схемы S—R улажены. При этом предполагается, что представления В.Джемса о внимании благополучно переведены на язык этой схемы. В действительности у Джемса заимствованы лишь представления о внимании как о моторной настройке. Кантор не случайно обходит идею В.Джемса о преперцепции, туманно

намекнув, что внимание есть нечто большее, чем просто подготовительная реакция. Заговорить о преперцепции — значит уйти с позиций радикального бихевиоризма. Вот почему Кантор останавливается на полуслове, остается в состоянии прерванного действия.

К концу 1930 годов во взглядах, отождествляющих внимание и установку, намечается трещина. Х.Хосингтон предлагает считать вниманием настройку в сенсорной сфере (сенсорная установка), а установкой — настройку в моторной сфере. Ф.Пасчель рассматривает внимание как фазическую, а установку — как тоническую реакцию организма (*Paschal*, 1941). Во всех этих попытках вновь выступает перекрашенная старая дилемма «сенсорная или моторная установка», которая возникла в исследованиях ВР у психологов лейпцигской лаборатории в конце XIX в.

В середине 1940 годов наблюдается легкий крен в сторону интерпретации установки как феномена центральной природы. О.Мауер вслед за К.Халлом видит в установке промежуточную переменную, настаивает на центральном локусе установки. В качестве аргумента в пользу этого положения он приводит тот факт, что испытуемые, настроенные отвечать одним движением на стимулы двух модальностей, реагируют медленнее, чем испытуемые, ожидающие стимул одной модальности (см. *Gibson*, 1941). По мнению Гибсона, этот факт свидетельствует лишь о несводимости установки к предварительной настройке, а не о ее центральной природе.

Идея о несводимости установки к подготовительным реакциям развивается также Дж.Фрименом (*Freeman*, 1939), предложившим понятие «поддерживающая установка». Моторные теории Дашеля и Фримена, взявших курс на физиологический подход к установке, к 1940 году становятся «последним словом» в решении этой проблемы в физиологической психологии.

Дж.Дашель отождествляет установки и внимание с позой. «Когда человек принимает какую-то позу, облегчающую ответ на некоторый стимул или ряд стимулов, эта поза получает имя внимания» (*Dashiell*, 1928, с.285). Позднее, подчеркивая важность установки, Дашель характеризует ее как

«четвертое пренебрегаемое измерение». «...Факты, называемые нами установкой, распространены повсюду. Они выступают как факторы, с которыми приходится иметь дело при осуществлении экспериментального контроля почти в каждой ситуации. Они относятся к другому измерению, в котором в конечном счете должно быть дано описание человеческого поведения» (*Dashiell*, 1940, с. 293—294). Что представляет собой это «четвертое измерение?» С точки зрения Дашеля, бесспорен тот факт, что природу установки следует искать в мышечных напряжениях организма. Раз они всегда сопровождают эффекты установки, значит в них скрывается ее сущность. Как раскрыть ее? И тут Дашель делает любопытный и весьма характерный для американских психологов ход. Необходимо обрушить на установку батарею математических методов, в основном методов факторного анализа. Словно под мощным напором математических методов туман над проблемой установки рассеется, и перед всеми в виде аккуратной формулы предстанет сущность «четвертого измерения». Такое упование на математику не поддерживалось часто даже в той области науки, которая буквально пропитана духом математики. В своих воспоминаниях о Н.Боре В.Гейзенберг писал: «Он опасался, что формальная математическая структура скроет физическую сущность проблемы, и был убежден, что законченное физическое объяснение должно, безусловно, предшествовать математической формулировке» (*Гейзенберг*, 1967, с.10). Проект исследований установки для Дашеля — это лишь ранжирование изменений в условиях, вызывающих установку, а не исследование сущности «четвертого измерения».

Выделяя фазические и тонические аспекты установки, Дашель не говорит о том, где в общем рисунке моторной настройки начинается активность одного типа и кончается активность другого, каковы взаимоотношения между этими типами активности.

Вплотную к современному пониманию основных функций установки подходит Дж.Фримен (*Freeman*, 1939). Он отказывается от взгляда на поведение как на совокупность изолированных реакций. Установка обеспечивает согласованность поведения, плавные переходы от одной реакции к

другой (поддерживающая установка). Точку зрения Фримена можно проиллюстрировать на следующих примерах. Собака, поставленная в станок, застывает в выжидающей позе, начинает истекать слюной до предъявления условного стимула. Бегун срывается с места, не дождавшись пистолетного выстрела. Следовательно, существует внутренний фактор, опосредующий реакцию на внешний раздражитель, а в ряде случаев (фальстарт) выступающий как ее причина. Таким фактором, организующим и поддерживающим поведение, придающим ему избирательный характер, по мнению Фримена, является установка. Выявив основные функции установки, Фримен приступает к поискам ее материального субстрата, ее «физиологической подстилки». Попробуем восстановить фрименовскую логику поиска сущности установки. Ход этой логики примерно таков.

Установка — общее состояние организма. Любая физическая активность разыгрывается на тоническом фундаменте. Тоника опережает физические реакции, поддерживает их, участвует в переключении с одной физической реакции на другую. Основываясь на физиологических данных о тонике, в частности на работах Ч.Шеррингтона, Фримен формулирует представление об установке на языке физиологии: «Установка представляет собой центральное выражение ограничивающего влияния проприоцептивной тонической активности на экстероцептивную физическую активность» (*Freeman, 1939, с.30*). Сходную мысль о функциях тонуса мы находим и в работах замечательного советского психофизиолога Н.А.Бернштейна: «Тонус есть текучее состояние подготовленности нервномышечной периферии к избирательному принятию эффекторного процесса и его реализации» (*Бернштейн, 1947, с.54—55*). Чувствительность тоники к прогнозу будущего и ее участие в реализации эффекторного процесса — неоспоримый факт. Но все дело в том, что поведение для Фримена исчерпывается моторными процессами. Теория установки Фримена теряет главное — субъекта поведения.

Избирательность и управление — функции не тонуса, а субъекта, которые, в частности, проявляются в тонусе. Верно увидев в тонусе проявление установки, Фримен

отождествил ее с тонусом. Причина и следствие поменялись местами. Отсюда и легенды о периферической природе установки, о моторной установке, получившие решительную поддержку Дашеля и Фримена. Хотелось бы привести одну, только на первый взгляд тривиальную мысль И.М.Сеченова: «...В теле замечается непрерывный ряд движений... одни из них появляются как-то бесцельно, машинально, а между тем стоят в очевидной связи с душевными движениями» (Сеченов, 1947, с.253). В концепциях представителей моторных теорий установки подобная связь просто отсутствует, а раз ее нет, то и объяснение, с нашей точки зрения, обычно сводится к пониманию установки как позы, тонической настройки организма.

На этом можно было бы и закончить наш краткий обзор представлений об установке в американской психологии довоенного периода, но тогда бы остался без ответа отнюдь не праздный вопрос: почему Дж.Гибсон не обнаружил общего ядра установки? Обратим еще раз внимание на характер неразрешимых, по мнению Гибсона, дилемм, о которые разбиваются попытки психологов отыскать общее ядро понятия «установка». Ожидание или намерение? Сенсорная установка или моторная? Центральная или периферическая природа установки? Сторонники «растворения» установки в научении задают своим оппонентам (гештальтистам) «неразрешимый» вопрос: «Если установка не врожденна, то чем же она может быть, как не результатом научения? А если установка возникает в процессе научения, то как научение может зависеть от установки?» В свое время Л.С.Выготский писал, что метафизическая постановка вопроса «или ... или» должна быть заменена диалектической «и ... и» (Выготский, 1956). Споры необихевиористов как нельзя лучше иллюстрирует актуальность идеи Выготского. Основная причина разочарования Гибсона, по-видимому, не только в том, что он не увидел за различными проявлениями установки направленности поведения, как справедливо отмечает А.С.Прангишвили (Прангишвили, 1967). Гибсон не смог преодолеть «фиксированной установки» бихевиористского мышления, расчленяющего категории «образа» и «действия» и замы-

кающегося в плоскости одного только действия. Если вы примете категорию действия за единственную категорию, в которой должно быть дано описание поведения, то есть все основания полагать, что вы придете к пониманию «установки» в стиле необихевиоризма. Из-за гипертрофии категории «действия» и вырастают дилеммы, выделенные Гибсоном.

Расчленение моторных и сенсорных установок — мнимая дилемма. Нам кажется, что в зависимости от характера задач, стоящих перед субъектом, акцент смещается либо на моторную, либо на сенсорную сферу. Так, в экспериментах В.А.Иванникова на время реакции (см. *Фейгенберг, 1972*) при изменении задачи наблюдалось смещение акцента преднастройки с моторной на сенсорную сферу. Нет веских оснований, на наш взгляд, противопоставлять «центральные» теории установки периферическим, так как ключ к пониманию взаимоотношений между сенсорной и моторной установками следует искать в задаче, стоящей перед субъектом, в процесс решения которой вовлекаются различные физиологические уровни.

После 1940 годов все реже раздаются голоса психологов, отстаивающих моторные, физиологически ориентированные теории установки. Если радикальные бихевиористы изгнали образы из объективной психологии, то психологи 1950 годов, признав неадекватность реактологического подхода к поведению, все больше внимания уделяют исследованию активности субъекта. Начинается новый период развития проблемы установки.

Период, который переживала американская психология в послевоенные годы, ассоциируется с периодом Возрождения. Напомним еще раз, что бихевиористская революция привела к коренному пересмотру языка психологии. Дж.Уотсон провозгласил, что «необходимо изучать человека аналогично тому, как химик изучает органические соединения. Психологически человек все еще является комком непроанализированной протоплазмы» (*Уотсон, 1926, с.6*). С точки зрения Уотсона, при таком подходе психология сумела бы изжить затянувшийся пе-

риод знахарства, через который в своем развитии проходят все естественные науки, и ответить на любое «почему», касающееся человеческого поведения.

Большинство американских психологов стали под знамена бихевиоризма, предложившего для объяснения поведения лаконичную схему S—R, и начали крестовый поход против «менталистской» психологии, безжалостно выбросив на свалку истории такие «мистические» категории, как «образ», «внимание» и «сознание». Подобно средневековым рыцарям, уотсоновцы предали огню и мечу внешние атрибуты старой религии, не разрушив при этом основания храма. В роли такого основания выступал постулат «непосредственности», молчаливо признаваемый психологами разных школ, который был позаимствован у классической физики. Смысл постулата «непосредственности» заключается в том, что внешние воздействия полностью определяют ответные реакции субъекта поведения. Радикальный бихевиоризм не преодолел этого постулата, а, предложив схему S—R, возвел его в принцип, которому должно подчиняться объяснение поведения.

Интересно, что в то время, когда бихевиористы старательно приспособляли принцип механистического детерминизма к описанию поведения человека, зоопсихологи отвоевывали у представителей этого принципа поведение простейших. Русский зоопсихолог В. Вагнер, анализируя спор между Лёбом и Дженкинсом, писал, что внешний раздражитель связан с реакцией «Не так непосредственно, как это полагает Лёб. Более того <...> на первом плане стоят не столько внешние, сколько внутренние факторы, и так как эти последние бывают различными, в зависимости от различных “физиологических состояний”, то <...> и реакции их на один и тот же раздражитель могут быть различными» (Вагнер, 1915, с.225).

Первые факты, заставившие бихевиористов усомниться в непогрешимости схемы S—R, были получены в экспериментах В. Хантера (1915), обнаружившего, что животные способны реагировать на раздражитель спустя некоторое время после его предъявления. Такая реакция была названа «отсроченной» реакцией. Под напором фактов, не уме-

шавшихся в прокрустово ложе схемы S—R, в 1930 годах в США начинается период реставрации: на свет извлекаются старые категории в новой одежде. Э.Толмен, положивший начало этому периоду, «счел нужным обратить специальное внимание на те “промежуточные переменные”, которые лежат между стимулом и реакцией и которые играют решающую роль в организации поведения» (см. Леонтьев А.Н., Лурия, 1965, с.6).

Представители позднего необихевиоризма, воодушевленные идеями Толмена и ряда других психологов, вновь обратились к категориям «значение», «образ» и ...«установка». О том, что исследователи восприятия внезапно обнаружили исчезновение из их поля зрения субъекта, свидетельствуют резко прозвучавшие в те годы вопросы: где воспринимающий? Почему мы видим мир вещей, а не мир краев и контрастов? Как мир буквального восприятия трансформируется в мир значимого «предполагаемого восприятия»? Восприятие перестало считаться умозрительной сферой психической реальности. «Образы» постепенно начали «возвращаться из изгнания». Психологи вспомнили, что человек живет не только в мире физических объектов, а и в мире вещей, обладающих значениями. «Незначимый мир подобен миру, который Твиддлу описал Алисе, странствующей в Зазеркалье. Он объяснил Алисе, что ее существование просто одна из фантазий Красного Короля. “Если Король проснется — порыв ветра — и ты угаснешь как свеча”. Все люди мотивированы отыскивать значение, хотя лишь немногие, как Алиса, отваживаются пройти через Зазеркалье» (Solley, Murphy, 1960). В положении Алисы оказался и отряд психологов, полагавших, что скудных сенсорных данных недостаточно для формирования образа и необходимо еще что-то, а именно «бессознательные допущения», «гипотезы» и «установки», «вероятностные ожидания», связывающие прошлый опыт с поступающей сенсорной информацией и выступающие в роли фактора, лежащего в основе избирательности и организованности поведения. В каком же направлении шли поиски этой группы психологов и какое место отводилось в их концепциях проблеме установки?

«Новый взгляд» в Новом свете

«Новый взгляд» появился в середине прошлого столетия в Новом Свете. Как теория он оформился в конце 1950 годов. «New Look» объединял большую группу психологов, намеривающихся постигнуть личность через восприятие. Основателями «Нового взгляда» признают Дж. Брунера и Л. Постмана, а крестным отцом — Р. Креча. Экспериментальные работы в стиле «Нового взгляда» проводились и до возникновения этого направления (*Ansbacher, 1937; Stephens, 1936*). Однако до Брунера и Постмана они оставались на периферии психологии, если не считать нашумевшего эксперимента М. Шерифа о влиянии суждений группы на восприятие автокинетического эффекта. Последний состоит в иллюзорном перемещении светового пятна на однородном фоне. Впечатление о движении пятна у совместно наблюдающих его людей зависит от суждений группы. Анализируя результаты эксперимента, Шериф пришел к выводу, что в ходе опыта у испытуемого формируется «групповая норма» (*Sherif, 1935*). «Групповая норма», по предположению Шерифа, трансформирует сенсорные данные, т.е. оказывает непосредственное влияние на восприятие объекта. Если сам Шериф осторожно замечал, что результаты экспериментов приложимы лишь к теории суждений и различения, то некоторые дальновидные психологи усматривали в экспериментах Шерифа зарождение общей теории восприятия. На наш взгляд, весьма опрометчиво истолковывать эти экспериментальные факты как свидетельство прямого влияния группы на восприятие. Скорее, эти эксперименты подтверждают гётевскую формулу: «А ты куда? Туда, куда и люди». Эта формула емко отражает смысл конформизма.

Спустя десять лет Дж. Брунер и К. Гудмен оживили потухший было интерес к социальным проблемам восприятия, проведя известные опыты с оценкой размеров монет и картонных кружков детьми бедных и богатых родителей (*Bruner, Goodman, 1947*). Эти опыты вызвали целый каскад подобных экспериментов, в которых наблюдалось искажение или более быстрое опознание предъявляемых объектов под влиянием ценностей, потребностей, мотив-

вов, отношений. Особой популярностью пользовались эксперименты на «перцептивную защиту» и «бдительность». Выдвигалась гипотеза, что люди «отталкивают» от себя неприятные события, буквально стараются «закрывать глаза» на то, что «не хотят видеть. Восприятие стало рассматриваться как своего рода защитный процесс.

В этих идеях просматриваются отголоски фрейдовского «сверх-Я», «цензуры», не допускающей демонов подсознательного в сознание. «Бдительность» — это противоположный «перцептивной защите» процесс, облегчающий восприятие человека (Deese, 1955). В экспериментах на «перцептивную защиту» тахистоскопически в качестве стимульного материала предъявлялись, например, нецензурные и нейтральные слова. Порог опознания нецензурных слов был выше, чем нейтральных. Нам кажется, что, по сути дела, в США под именем «перцептивной защиты» в гиперболизированной форме всплыла проблема «значения» в поведении человека, влияния культуры на поведение.

Основу программы «Нового взгляда» составлял тезис: теория восприятия не может претендовать на то, чтобы ее именовали общей теорией восприятия, если она не учитывает творческой роли перцепиента. Установка же рассматривалась как функция ценностей, потребностей, мотивов... — динамических компонентов поведения. Функционирование восприятия осуществлялось на фоне и под воздействием превалирующего состояния (установки личности), которое, согласно Брунеру и Постману, составлено потребностями организма, его ценностями, его надеждами, его опытом — короче, его прошлой историей, которая делает его тем, что он есть (Bruner, Postman, 1948).

Из одной крайности, выразившейся в изучении только двигательных компонентов поведения, исследователи впали в другую, увлекшись изучением так называемых динамических компонентов поведения. Установка — преобладающее состояние индивида — стала рассматриваться как панацея от всех бед, сама оставаясь необъясненной. Тем не менее первый шаг был сделан. И этот шаг способствовал возрождению интереса психологов к проблеме установки. Эксперименты «Нового взгляда» побудили кри-

тиков взяться за перо и, проанализировав основные положения этой школы, высказать к ним свое отношение или по крайней мере напомнить представителям «Нового взгляда» о тех близких к установке категориях, которые вводились представителями других направлений.

«ВЕРОЯТНОСТНОЕ ОЖИДАНИЕ» ЭГОНА БРУНСВИКА

Это понятие было введено в психологию Э.Брунsvиком (*Brunswik, 1939*). С точки зрения Брунsvика, описание законов поведения должно носить вероятностный характер, так как между явлениями внешнего мира, безусловно, существует вероятностная связь. Во внешней стимуляции Э.Брунsvик выделяет три параметра.

1. Вероятность появления стимула.
2. Вероятностное распределение стимулов.
3. Значимость стимулов для организма.

Под значимостью Брунsvик понимает «экологический вес» стимула. Разные животные в соответствии с особенностями образа жизни отбирают различные виды стимульной информации. Условия образа жизни животных определяют «экологический вес» стимула. Брунsvик полагает, что научение сводится к развитию отношений вероятностного ожидания «между возможной формой стимуляции и возможной формой активности». В прошлом опыте организма отражена вероятностная структура среды: «...сигналы и средства выстроены в некоторую иерархию в соответствии со степенью вероятности, которой они связаны» (*Brunswik, 1943, с.257*).

Оценка будущего в самом примитивном случае происходит, по-видимому, по формуле: «Если произошло событие *A*, то увеличивается вероятность появления события *B*, на которое нужно прореагировать способом *C*». Нет нужды оговариваться, что такая схема чересчур проста, а оценка будущего идет по какой-то неизмеримо более сложной формуле. Важно то, что эта оценка носит вероятностный характер. Чем выше ступень организма на лестнице эволюции, тем выше чувствительность к вероятностной структуре среды, тем точнее он оценивает будущее. Крысы, например, не могут отличить вероятностное отношение 75 : 25 от равновероят-

ного 50 : 50 (*Brunswik, 1939*). По сравнению с крысами маленькие дети могут считаться «пророками».

С. Мессик и К. Соллей исследовали развитие вероятностного ожидания у детей от 3 до 8 лет. Детям предъявляли карточки с изображениями больших и маленьких животных и просили отгадывать, с какой очередностью большие изображения будут появляться в серии. Допустим, если первым показалось изображение большого кенгуру, то каким будет следующее изображение? Вероятности появления больших картинок варьировались от 0,90 до 0,60 в разных сериях. К 8 пробе начинали верно угадывать дети всех возрастов. Однако экспериментаторы были удивлены, узнав, что маленькие дети часто «понарошку» давали неверные ответы, так как все время правильно угадывать было просто скучно (*Messick, Solley, 1957*). Дети способны уловить вероятностную связь между событиями, но является ли вероятность единственной детерминантой «ожидания»? Если согласиться с этим, то ожидание должно полностью опираться на закономерность: чем больше частота появления события, тем больше ожидание этого события. Это не так. Поэтому Брунвик и вводит поправочный коэффициент на «экологический вес» события. К тому же человек склонен отыскивать зависимости между событиями, даже если они независимы.

Ошибочность представлений о прямой связи между частотой появления события и ожиданием была экспериментально доказана в работах М. Ярвика (*Jarvik, 1951*). В качестве испытуемых использовались студенты. Испытуемых предупреждали, что им покажут математические символы («+» и « $\sqrt{\quad}$ »), и просили после каждого предъявления сообщить, какой символ будет следующим, т.е. перед ними ставилась задача двухальтернативного выбора, причем оговаривалось, что стимулы будут предъявляться в случайном порядке. Тем не менее если испытуемым несколько раз подряд показывали «плюс», то они начинали упорно предсказывать «корень». С нашей точки зрения, и эксперименты Мессика и Соллея, и эксперименты Ярвика убедительно показывают, что человек в реальной обстановке часто действует не по вероятностным законам, а идет против них, хотя оценка на основе учета вероятностной структуры среды и, следовательно, ве-

роятностное научение, бесспорно, имеют место. Наш тезис можно было бы сформулировать так: человек, усваивая вероятностную структуру среды, борется с прогнозом, основанным только на вероятности появления событий. Итак, в концепции Э.Брунsvика придается большое значение «вероятностному ожиданию», детерминирующему до некоторой степени поведение субъекта.

Однако исчерпывается ли активность перцепиента односторонними заглядываниями в будущее? Возьмем пример из обычной жизни. Вы приходите в библиотеку, зная, что срок сдачи книги Божович давно истек. Библиотекарь показывает вам бланк, укоризненно поучая: «Стыдно так долго держать книгу». Вы, скользнув взглядом по бланку, раскаииваетесь: «Да, я задержал книгу Божович». Библиотекарь недоуменно смотрит на бланк: «При чем тут Божович?». На бланке черным по белому написано «Бжалава». Таким образом, нескольких схожих букв оказалось достаточно, чтобы ваше ложное, но сильно мотивированное укорами совести ожидание «подкрепилось». «Предвидение» сослужило плохую услугу. Теперь спросим: что происходит, когда вы во второй раз смотрите на бланк? как перестраивается ложный образ объекта? Ответ на этот вопрос дает Вудвортс: «Когда же совершается новый перцептивный акт — например, когда расшифровывается неясный стимульный комплекс или раскрывается значение признака или знака, — наблюдается элементарный двухфазный процесс: проба и контроль, проба и контроль. Фаза проб есть попытка прочесть сигнал, распутать неясное, попытка характеризовать объект, фаза же контроля есть принятие или отказ, позитивное или негативное подкрепление восприятия» (Woodworth, 1947, с.123—124)². В восприятии подкрепляется

² Далее мы будем использовать вместо терминов «проверка бессознательных предположений» (транзакционалисты) и «проверка гипотез» (Дж.Брунер и Л.Постман) введенное Вудвортсом понятие «пробы и контроль». Оно передает суть процесса, происходящего при проверке гипотез Р.Вудвортс, введя понятие «пробы и контроль», подчеркнул значимость обратной связи в поведении субъекта (Woodworth, 1947, с.123—124).

ожидание, именно подкрепление ожидания — функция ориентировочных реакций. Но если ожидание оказалось ложным, то оно перестраивается посредством описанного Вулвортсом процесса «проб и контроля». Н.А.Бернштейн подчеркивал принципиальную важность этого процесса: «Каждая проба уточняет <...> оптимальное направление, по которому может быть добыта наибольшая и самая ценная информация» (Бернштейн, 1966, с.292).

До сих пор мы касались фазы «ожидания», наблюдаемой до начала перцептивного акта. Брунsvик обрисовал именно эту первую фазу восприятия: ожидание будущего, основанное на учете вероятностной структуры среды, т.е. еще до встречи с объектом выдвигается «предположение» о вероятности появления объекта. Но если предположение оказалось ложным, то вновь разворачивается процесс проб и контроля, который столь долго игнорировался психологами как из-за трудности экспериментального исследования, так и из-за представлений о восприятии как пассивном процессе.

Как экспериментально исследовать фазу «проб и контроля предвидения»? Для этого — без преувеличения — нужно остановить мгновение. И не только остановить мгновение, но и развернуть его во времени, проследить динамику процесса «проб и контроля». По сути, исследователи «установки» столкнулись с проблемой, которая казалась по силам лишь писателям-фантастам. С этой сложной задачей справилась группа трансаkционалистов. Трансаkционалистов не случайно называют «племянниками» вероятностного функционализма Э.Брунsvика. Их теория восприятия стоит на двух китах: функционализме В.Джемса и доктрине о «бессознательных умозаклoчениях» Г.Гельмгольца. Правда, трансаkционалисты используют термин «бессознательные предположения», но вкладывают в него почти тот же смысл, что и Гельмголец. Функция «бессознательных предположений» — осуществление связи между сенсорными данными и прошлым опытом. Устройства, созданные трансаkционалистами для исследования восприятия (трапециевидное окно и комната Эймса, комната Кильпатрика), позволяют создавать при помощи различ-

ной по своим физическим характеристикам стимуляции идентичные изображения на сетчатке.

Примером может послужить комната Кильпатрика. Испытуемого сажают перед миниатюрной комнатой, представляющей перевернутую усеченную пирамиду. Когда испытуемый заглядывает одним глазом в окошко, то комната воспринимается как куб в полном соответствии с законом линейной перспективы. Испытуемый, основываясь на своем опыте, твердо убежден, что перед ним самая обычная комната. Но если испытуемый пытается попасть мячиком в пятно света, перемещаемое по комнате экспериментатором, он промахивается. После такой тренировки комната постепенно начинает трансформироваться под влиянием процесса «проб и контроля». Когда испытуемый осваивается и точно попадает в пятно света его переводят в миниатюрную кубическую комнату. Теперь уже испытуемый ожидает увидеть комнату в виде усеченной пирамиды. Он бросает мячик, исходя из этого предположения, и, конечно, опять не попадает в цель, т.е. в экспериментах транзакционалистов наблюдается перенос установки (ожидания). Их эксперименты позволили доказать наличие процесса «проб и контроля». Отсюда транзакционалисты делают вывод, что восприятие в большей степени детерминировано опытом, чем сенсорными данными. Ф.Кильпатрик пишет: «В нашем раннем определении, предложенном совместно с Альбертом Эймсом, утверждалось, что “образ” (перцепт) — это прогностическая директива для целенаправленной активности <...>. Мы убеждены, что перцептивная организация момента не может быть абсолютным обнаружением того, что есть, а, скорее, является чем-то вроде “наилучшей ставки”, основанной на прошлом опыте Эта “наилучшая ставка”, основанная на выводах из прошлых взаимоотношений со средой, выражается в осознанности воспринимаемого и служит в качестве директивы для дальнейших взаимоотношений “со средой”» (Kilpatrick, 1953, с.155).

Процесс «проб и контроля» локализуется транзакционалистами внутри субъекта, оставаясь почти независимым от внешней среды. Образ для них — это не построение реальности на основе прошлого опыта и сенсорных дан-

ных, а «наилучшая ставка» на основе одного прошлого опыта. Согласно теории установки Д.Н.Узнадзе установка не может быть актуализована, если отсутствуют внутренние факторы (потребность, мотив, прошлый опыт) и ситуация удовлетворения потребности, выступающие как необходимые условия актуализации установки (Узнадзе, 1966). Трансакционалисты возвышают внутренние факторы, оставляя почти без внимания факторы внешние. Опишем один воображаемый диалог, который мог бы произойти между П.Фрессом и В.Иттelsonом.

Фресс: Мы воспринимаем мир через призму нашего опыта (Fraisse, 1961). Иттelson: Вы правы. Мы воспринимаем мир нашего опыта. «Предполагаемый мир перципиента — это в самом реальном смысле только тот мир, который он знает» (Ittelson, 1951, с.290).

Только с первого взгляда можно отождествить мысли Фресса и Иттельсона. Человек Иттельсона живет в предполагаемом мире. Позиция Иттельсона по существу мало чем отличается от позиции Твидлду, объясняющего Алисе ее существование как одну из грез Красного Короля. Иттelson не только признает направляющую роль установки в активности перципиента. Он идет дальше и рассматривает образ как плод ожидания, основанный на прошлом опыте.

Итак, в работах Э. Брунсвика развивается идея о «вероятностном ожидании», т.е. об ожидании как результате обучения организма вероятностной структуре среды. Трансакционалисты не только рассматривают «предположения» как ключевую стадию в формировании образа, но, как правило, и отождествляют образ с «предположением». Их остроумные эксперименты позволяют изучить динамику фазы «проб и контроля». В русле вероятностного функционализма и трансакционализма оформляются представления о двух стадиях установки.

1. Стадия ожидания. Перед предъявлением стимула испытуемый ожидает определенный класс стимулов.

2. Стадия проверки ожидания. До появления образа (при ложном опознании и до, и после) в процессе информации разворачиваются фазы «проб и контроля». Таким обра-

зом, авторы, предложившие понятия «вероятностное ожидание» и «бессознательные допущения», особенно последнее, чрезмерно выделяют когнитивные факторы, определяющие поведение субъекта, в отличие от представителей «Нового взгляда», которые концентрируют внимание преимущественно на мотивационных факторах. Более трезвую и умеренную позицию в решении этого вопроса занимает группа авторов, наиболее ярким представителем которых является английский психолог Бартлетт.

УСТАНОВКА КАК АКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО ОПЫТА (СХЕМА)

К теоретикам, придерживающимся концепции Бартлетта, можно отнести П.Фресса, О.Зангвилла и М.Вернон.

В конце 1960 годов П.Фресс описал схему как определенный способ соприкосновения прошлого опыта со стимулом. Перечисляя синонимы понятия схемы, Фресс упоминает гипотезы, категории, системы кодирования, о которых мы еще будем говорить. Восприятие, по мнению Фресса, должно рассматриваться как процесс, в котором перцептивные схемы и внешние действия гармонируют друг с другом (*Fraisse, 1961*). Понятие схемы привлекает Фресса своей «деловитостью». Вспоминая Бергсона, определявшего опознание как «меру наших действий над вещами», Фресс говорит, что именно связь с действием делает понятие схемы столь жизненным при изучении внутренних механизмов поведения.

Развернутое определение схемы мы находим у Ф.Бартлетта: «Схема представляет собой активную организацию прошлых реакций или прошлого опыта, которая <...> всегда принимает участие в любой хорошо приспособленной органической реакции. Когда в поведении налицо последовательность или систематичность, отдельная реакция возможна только потому, что она связана с другими подобными реакциями, которые были серийно организованы, но которые действуют не просто как индивидуальные элементы, идущие один за другим, а как единое целое. Руководство посредством таких схем является наиболее

надежным из всех способов, с помощью которых на нас может воздействовать опыт, имевший место когда-нибудь в прошлом» (*Bartlett*, 1950, с.201). Бартлетт предполагает, что схема проявляется в мышлении, восприятии, памяти и поведении. Соприкасаясь со схемой, приходящие сенсорные данные наполняются значением. Схема включает классификации: а) сходных ситуаций и б) способов реагирования, соответствующих этим ситуациям. Не следует рассматривать схему как застывшую конструкцию прошлого опыта и низводить акты, осуществляемые при соприкосновении стимуляции со схемой, до уровня стереотипов.

Момент развития схем подчеркивается в определении, данном О.Зангвиллом и Р.Олдфилдом: «Вначале организм отвечает только «за непосредственно представленную внешнюю стимуляцию. Но нет таких случаев, в которых бы обусловливание ответа устанавливалось на языке узко изолированных стимулов. Ответ зависит от упорядочивания предшествующих реакций, которые уже были организованы. Имя, данное этим организованным ответам <...> есть схема» (*Oldfield, Zangwill*, 1942, с.50). Эти авторы полагают, что понятие схемы почти одновременно было предложено в конце 1920 годов физиологом Г.Хедом и психологом Г.Рево д'Аллоном. Из определения Зангвилла и Олдфилда видно, что схема возникает в процессе деятельности субъекта (организма). Однако, по их мнению, схема не оказывает непосредственного влияния на прием информации, а активизируется, отвечая на стимуляцию (гипотеза «ответа»).

Подробный анализ понятия схемы проведен в работах М.Вернон (*Vernon*, 1955, 1957). Рассматривая вопросы развития схем в восприятии, Вернон самым тщательным образом анализирует экспериментальные данные «Нового взгляда». «Можно придерживаться мнения, что образы конструируются из сенсорных данных, хотя и не являются целиком их функцией, и в то же время утверждать, что эта конструкция [построение образа. — А.А.] определяется познавательной активностью, так же как и индивидуальной потребностью и интересом» (*Vernon*, 1955, с.180). Наивно полагать, что опыт — это скопление мотивов, потребностей и интересов, не связанных со знанием субъекта.

Под знанием понимается, конечно, не только вербальное знание, но знание о том, что может появиться после ряда событий в ситуации и как следует прореагировать на эти события. Знание классифицировано в опыте организма (субъекта поведения) в виде схем. Несомненно, что в схемах отражены и индивидуальные особенности субъекта, которые влияют на когнитивные процессы: его культура, интересы, мотивация и потребности. «Основная критика экспериментальных методов, разработанных для изучения влияния мотивации на восприятие, заключается в том, что они не учитывают, что именно эта мотивация заставит субъекта ожидать увидеть» (*Vernon, 1955, с.190*).

Действительно, в ситуации лабораторного эксперимента ничто не информирует испытуемого о том, какой, если не любой, из схем будет соответствовать предъявляемый материал. Поэтому нет решительно никаких оснований утверждать, что, например, голодный испытуемый в лабораторной обстановке будет ожидать слова, связанные с пищей, и т.п. По-видимому, большее влияние на восприятие испытуемых оказывают инструкция и предъявляемая стимуляция. Встает вопрос: в каких отношениях находятся между собой установка, вызванная инструкцией, стимуляция и потребность испытуемого? В экспериментах Постмана и Крэтчфилда испытуемому предъявлялись слова с пропущенными буквами, среди которых были слова, связанные с пищевыми объектами. При различных уровнях пищевой депривации (0—1 час, 2—3 часа, 4—6 часов) количество ответов, связанных с пищевыми объектами, не возрастало. Авторы обнаружили, что потребность оказывает на восприятие меньшее влияние, чем установка (познавательная) и структура стимульного материала. «Интенсивность потребности — это лишь одна из переменных, модифицирующих влияние таких общих принципов познания, как избирательные установки, в пределах ограничений, определяемых структурой стимульного материала» (*Postman, Crutchfield, 1952, с.217*). Влияние познавательных установок на восприятие было также продемонстрировано в экспериментах Вернон. Она предъявляла летчикам серию необычных картинок, а в конце серии — картинку, на которой был изображен летчик, сидящий в

кабине самолета. Некоторые испытуемые не сумели воспринять последней картинки, так как в процессе эксперимента у них выработалась установка «воспринимать необычное» «Если бы этот тип ситуации бесконечно повторялся, то установка со временем должна была бы развиваться в схему, относящуюся к этой ситуации» (Vernon, 1955, с.187).

Критика Вернон экспериментальных работ «Нового взгляда» может быть сведена к ряду положений, которые сколь тривиальны, столь и неопровержимы.

1. Образ конструируется из сенсорных данных, но определяется не только этими данными.

2. В построении образа принимает непосредственное участие схема, отражающая классы ситуаций и содержащая знание о том, как вести себя (реагировать) в этих ситуациях.

3. Ожидания (установки) субъекта мобилизуют соответствующую схему, затормаживая другие схемы.

4. В экспериментах «Нового взгляда» испытуемые сталкиваются с ситуациями, с которыми им не приходилось иметь дело в повседневной жизни. Поэтому нет основания утверждать, что в этих ситуациях у испытуемого будут актуализированы схемы, связанные с потребностями.

5. В экспериментальных ситуациях испытуемые склонны развивать познавательные установки, определяемые инструкцией и условиями эксперимента. При длительной тренировке эти установки могут развиваться в схемы.

6. Схема — активная организация прошлого опыта индивида, в которой отражены индивидуальные особенности. В построении схемы участвуют потребности, мотивы и интересы индивида. Однако эксперименты «Нового взгляда» не предоставили веских аргументов, свидетельствующих о прямом влиянии органических состояний и культуры на восприятие.

В критике Вернон акцентируется внимание на когнитивной активности субъекта, приводящей к формированию схем. Схема — опосредующее звено между стимулом и реакцией. По словам Халла, только очень хитрый человек сможет отличить схему от установки.

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ГИПОТЕЗ ДЖЕРОМА БРУНЕРА И ЛЕО ПОСТМАНА

Под влиянием критики внутри «Нового взгляда» выделилась группа психологов, отошедшая от первоначальных позиций этого направления. Их не устраивали двусмысленность и противоречивость экспериментов, проведенных на раннем этапе развития «Нового взгляда», который впоследствии стал называться этапом теории направленных состояний (*directive states*). Многие зависимости, полученные теорией направленных состояний, характеризовали скорее индивидуальные различия, чем восприятие. Отсутствовали операциональные критерии перцептивной защиты. Было непонятно, как потребности, мотивы и интересы влияют на восприятие. Игнорировалась когнитивная фаза перцептивной активности. И, наконец, оставалось неясным, «что индивид воспринимал в прошлом и как опыт связан с готовностью воспринимать объект определенным способом?» (*Allport F.*, 1955, с.376). Все эти факты заставили Брунера и Постмана провести ревизию теории направленных состояний. Следствием этой ревизии было рождение новой теории — когнитивной теории гипотез.

Центральным понятием этой теории является «гипотеза». Характеризуя его, Дж.Брунер писал. «Понятие “гипотеза” теснее всего связано с такими терминами, как “детерминирующая тенденция”, “установка” (*set*), *Aufgabe*, “когнитивная диспозиция”. Она [гипотеза. — А.А.] может быть определена как генерализованное состояние готовности отвечать избирательно на классы событий в окружающей среде. Мы характеризуем ее как генерализованную, так как она форма *настройки* [курсив мой. — А.А.] организма, которая может управлять всей когнитивной активностью...» (*Bruner*, 1951, с.125).

Перейдем к изложению теории гипотез. В ней важным операциональным понятием, отражающим как отношение между гипотезами, так и отношение между гипотезой и стимульной информацией, является «стойкость гипотезы». «Стойкость гипотезы» имеет целый ряд детерминант. Одна из важнейших детерминант — количество стимульной информации. Брунер и Постман сформули-

ровали формальные теоремы, описывающие отношения между «стойкостью гипотез» и стимульной информацией.

1. Чем сильнее гипотеза, тем больше вероятность ее возбуждения и тем меньше релевантной и поддерживающей стимульной информации требуется, чтобы подкрепить гипотезу. Релевантная информация по отношению к гипотезе может быть как позитивной, так и негативной.

2. Чем слабее гипотеза, тем большее количество информации (релевантной и поддерживающей) необходимо, чтобы подкрепить гипотезу. Чем сильнее гипотеза, тем большее, а чем она слабее, тем меньшее количество противоречивой стимульной информации необходимо, чтобы опровергнуть ее.

Другие детерминанты «стойкости гипотез»:

— «частота подкреплений в прошлом». Чем больше организм встречался с событием в прошлом, тем меньше релевантной информации требуется, чтобы подкрепить гипотезу при появлении события;

— «число конкурирующих гипотез». Чем больше гипотез (соответствует) действует в ситуации, тем больше информации необходимо, чтобы подкрепить или опровергнуть гипотезу. Нам следует выделить два экстремума на воображаемой шкале: бесчисленный набор гипотез, соответствующих ситуации (чисто теоретическая возможность), и монополия гипотезы (одна доминирующая гипотеза);

— «мотивационная поддержка». В контексте теории гипотез под мотивацией понимается не столько направленность, сколько те последствия, которые актуализация той или иной гипотезы может повлечь за собой. Следовательно, понятие «мотивация» (потребности, эмоции, мотивы, ценности, интересы) имеет инструментальный оттенок;

— «когнитивная поддержка». Вводится понятие «когнитивная организация», под которой авторы понимают систему связанных гипотез, обладающую общим набором правил. Правила вырабатываются в процессе опыта. Чем больше связана гипотеза с когнитивной организацией (знанием об объекте, полученным в прошлом), тем меньше

релевантной информации потребуется, чтобы ее подкрепить;

— «согласие с группой». Если первые четыре детерминанты «стойкости гипотез» относятся к детерминантам, способным оказать непосредственное воздействие на восприятие, то, используя этот фактор, авторы вторгаются в другую сферу анализа, в сферу межличностных отношений. При обсуждении эксперимента Шерифа отмечалось, что в подобных случаях экспериментатор скорее сталкивается с конформизмом, чем с прямым влиянием группы на восприятие.

Как видим, в теории гипотез «согласие с группой» и «мотивационная поддержка» занимают скромное положение наряду с другими детерминантами «стойкости гипотез». На первый план выходят такие детерминанты, как «частота появления событий», «число конкурирующих гипотез», с помощью которых пытались объяснить феномены перцептивной защиты и бдительности (*Solomon, Howls, 1951*). Большое внимание в теории гипотез было уделено вопросу о монополии гипотез. Доминирующая гипотеза способна вызывать образы даже в условиях слабой подпороговой стимуляции (*Deese, 1955*). При сильном возбуждении доминирующая гипотеза также вызывает реакцию до появления сигнального раздражителя под влиянием обстановки. «Монопольная» (доминирующая) гипотеза часто деформирует приходящую информацию.

Теория гипотез сохранила оригинальную направленность «Нового взгляда». По-прежнему основной тезис — это тезис об активности субъекта. Все психические процессы рассматриваются как когнитивные, которым присуща следующая последовательность: гипотеза — прием информации — испытание гипотез — гипотеза. Слабое место этой теории — понятие гипотезы, которое, по выражению самого Постмана, определяется в самом общем смысле. Ниже будет дана справедливая критика этого понятия Ф.Олпортом. Олпорт полагает, что понятие «гипотеза» может быть наполнено значением, если авторы теории гипотез воспользуются богатым теоретическим и фактическим материалом, связанным с понятием «уста-

новка», в основном с теорией динамической моторной установки Фримена.

ТЕОРИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ФЛОЙДА ОЛПОРТА

Ф.Олпорт стремится свести теорию гипотез к законам биологической адаптации. Для него финалом истории установки, ее наивысшей точкой является теория физиологической установки Фримена (теория моторной установки). В теории гипотез сохраняются, по мнению Олпорта, феноменологические оттенки, от которых вполне можно избавиться. Олпорт оперирует понятиями двух реальностей: физической и физиологической. К тому же если восприятие, мышление, память и т.д. — когнитивные процессы, то для анализа этих процессов могут быть использованы общие принципы теории информации. Руководствуясь этими положениями, Ф.Олпорт модифицирует теорию гипотез. Установка — это физиологический агрегат или структура, которая представляет собой зарождающуюся стадию любого поведенческого акта. Физиологическая структура установки, как и всякая структура вообще, обладает качественными и количественными характеристиками. Соответственно Олпорт выделяет два аспекта структуры: кинематический и динамический.

В качестве физиологического аналога подобных структур Олпорт приводит ревербераторные круги, т.е. агрегат, который он отождествляет с установкой, понимается как самозамыкающаяся структура. Как следствие из этого вытекает относительная независимость агрегата от времени и внешней среды. Олпорт полагает, что восприятие и установка — это те две стадии, которые единый физиологический агрегат «восприятие — установка» проходит во времени. Переход агрегата из стадии «установка» в стадию «восприятие» включает:

- 1) дополнение к соответствующей структуре стимульной информации и завершение структуры;
- 2) увеличение энергии в структуре при поступлении стимульной информации.

Как только энергетический порог агрегата (структуры) достигает определенного уровня, агрегат из стадии установки переходит на стадию восприятия и возникает образ. Однако энергия агрегата может как возрастать, так и понижаться под влиянием стимульной информации. Олпорт перекладывает теоремы «Нового взгляда» на язык динамической теории установки. Допустим, испытуемый ожидает нечто и после экспозиции объекта говорит, что был предъявлен ожидаемый объект. Олпорт бы сказал, что гипотеза подкрепилась или, что тождественно, стимульный ввод оказался соответствующим агрегату установки. Давайте попробуем проинтерпретировать с точки зрения теории гипотез и теории Олпорта восприятие какого-либо события реальной ситуации. Вы идете по сосновому лесу и собираете грибы. Из-под трухлявого пня выглядывает шляпка гриба, и вы спешите его сорвать, но, зацепившись за корягу, падаете метрах в четырех от находки. Некоторое время вы лежите, не отрывая от гриба глаз. Вам мерещится, что перед вами «белый гриб». Но через несколько мгновений наступает разочарование: «белый» превращается в сыроежку. Как бы объяснили восприятие в подобной ситуации Постман и Олпорт?

Постман: грибник «установлен» на поиски гриба. Гипотеза «белый» пропускает позитивно релевантную и отсеивает негативно релевантную стимульную информацию, которая ее подкрепляет. Однако гипотеза «белый» — ложная гипотеза, и поэтому мы имеем дело с деформацией информации. В определенный момент времени релевантная стимульная информация начинает действовать против доминантной гипотезы. Доминантная гипотеза «раскрепляется», уступая место новой, истинной или ложной гипотезе об объекте. Происходит «смена гипотез».

Олпорт: гипотеза «белый» возбудила соответствующий физиологический агрегат. Информация, деформируясь под влиянием гипотезы, аккумулируется агрегатом. Но противоречия между установкой на «белый» и информацией, соответствующей реальности, возрастают, и в какой-то момент стимульная информация прекращает «поддерживать» своей энергией агрегат «белый», так как энергия стимульного входа

становится негативно релевантной этому агрегату. Она начинает питать более общий агрегат подобных ситуаций — агрегат «грибы», а агрегат «белый» опускается ниже порога, т.е. феноменологическая данность «белого» исчезает. Возбуждается более общий агрегат «гриб».

Ф.Олпорт предлагает целую систему уравнений, которые соответствуют различным теоремам теории гипотез. Агрегат Олпорта является аналогом того состояния, который П.К.Анохин именует «заготовленным возбуждением» результатов рефлекторного акта. Представляется целесообразным обратить внимание на то сходство, которое имеют между собой идея о «заготовленном комплексе возбуждений» П.К.Анохина и идея о физиологическом субстрате установки Ф.Олпорта.

Однако Ф.Олпорт, выдвигая интересную гипотезу о физиологическом субстрате установки, «по сути, отождествляет установку с этим субстратом. В этом Олпорт остается верным последователем Фримена, и в этом ограниченность взглядов Олпорта.

Пытаясь свести теорию гипотез к общим законам биологической адаптации, Олпорт рассматривает агрегат «установка—восприятие» как саморегулирующуюся самозамыкающуюся структуру. При этом он придерживается распространенной точки зрения, что процесс взаимодействия организма со средой есть процесс уравнивания. Уравнивание носит реактивный характер, т.е. саморегулирующаяся структура Олпорта — это реактивно реагирующая на выпадения среды структура. Вся саморегулировка сводится к тому, чтобы восстановить утерянное равновесие. В действительности же процесс жизни есть не «уравнивание с окружающей средой <...> а преодоление этой среды, направленное не на сохранение статуса или гомеостаза <...> Живые системы непрерывно создают условия нарушенного равновесия, связывая в нераздельном единстве внесение или углубление нарушений равновесия с окружающим миром и борьбу за их минимизацию» (см. Бернштейн, 1966).

Далее, что имеет в виду Олпорт, говоря о самозамыкающейся структуре? В теории информации рассматривает-

ся передача информации в замкнутой системе, так как, чтобы приложить ее к биологическим системам, их необходимо рассматривать как замкнутые системы. Это и делает Олпорт, не учитывая специфики живых систем, их постоянного стремления к негоэнтропии. Меньше всего нам бы хотелось упрекнуть Ф.Олпорта в физикализме, но попытка перевести все и вся на язык теории информации недаром была названа «кибернетическим бумом». Не избежал этого повального увлечения и Ф.Олпорт. При переводе психологических явлений на язык теории информации неизбежно утрачивается специфика изучаемой реальности.

Олпорт одним из первых воспользовался структурным анализом для исследования проблемы установки. Он сформулировал следующие положения.

1. Установка — бессознательная зарождающаяся стадия любого поведенческого акта.

2. Установка подготавливает и поддерживает протекание поведенческого акта.

3. Установка активизирует одни реакции и затормаживает другие.

4. Установка — это динамический агрегат, посредством которого проводится сличение полученных результатов с потребными (аналог «заготовленных возбуждений», по Анохину).

5. Установка — это общий агрегат, регулирующий как восприятие, так и действие.

Теория Олпорта — реконструкция довоенных теорий установки (теории Фримена) на современном этапе. Ф.Олпорт анализирует теорию гипотез и предлагает схему физиологического агрегата, опосредствующего процесс выдвижения и проверки гипотез. Без критических работ Ф.Олпорта вряд ли бы появилась теория перцептивной готовности Дж.Брунера.

ТЕОРИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ ДЖЕРОМА БРУНЕРА

Прошло около десяти лет со времени основания «Нового взгляда». Требовался серьезный пересмотр первоначаль-

ных теоретических позиций. В результате этого пересмотра появилась теория перцептивной готовности Дж.Брунера.

Начнем с постулата этой теории. «Весь перцептивный опыт является конечным продуктом процесса категоризации» (Bruner, 1957, с.124). Проанализируем акт восприятия. Вы смотрите на какой-то объект. Сенсорные данные объекта содержат набор признаков, из которых необходимо выделить информативные. По сути, вы ежеминутно *решаете задачи* на опознание, стараясь отобрать признаки, существенные для каждого объекта. При этом допускается, что информативные признаки объекта вам известны. Объекты организованы в прошлом опыте в системы категорий, образующихся в процессе обучения. Опознавая объект, вы совершаете операцию отнесения признака к категории — операцию умозаключения. Выводная активность такого рода присуща любому когнитивному процессу. Несомненно, умозаключения в восприятии отличаются от умозаключений в мышлении, но не к чему «...допускать, что законы, управляющие такими умозаключениями, резко отличаются при переходе от восприятия к уровню понятий» (Там же). С точки зрения Брунера, каждый акт восприятия — последовательная цепь решений, подчиняющихся общей стратегии: Выделяются три функции стратегии: максимизация информации о признаках, сохранение направленности решения, регулировка риска (Bruner, Goodman, 1947). Последняя определяется точностью решения, значимостью решения и временем, необходимым для принятия решения. Процесс принятия решения Брунер называет процессом категоризации. Перцептивный акт — акт категоризации. Выделяют четыре стадии процесса категоризации.

1. Первичная категоризация. Самая примитивная стадия выводной активности восприятия. Протекает как бессознательный процесс. В нем действует репертуар врожденных категорий: «звук», «свет», «объект», «движение».

2. Поиск признаков. Признаки, отличающие объект от других, должны *соответствовать* категории. Тогда объект сразу идентифицируется. Часто признаки могут в равной степени соответствовать ряду категорий. Поэтому следует

учитывать такую особенность категории, как ее готовность (доступность). Основными детерминантами готовности являются вероятности появления того или иного события в жизни субъекта и органическое состояние субъекта (потребности, мотивы и т.д.). Автор выделяет некоторые отношения между готовностью категорий и стимульным вводом: «Чем больше готовность категории, а) тем меньше информации необходимо для отнесения объекта к категории; б) шире набор характеристик сенсорного ввода, которые будут приняты как соответствующие этой категории; в) тем вероятнее, что другие категории, тоже соответствующие “вводу”, будут заторможены» (*Bruner, 1957, с.129—130*). Наиболее готовая категория «ловит» информативные признаки сенсорного ввода, т.е. происходит предварительная категоризация объекта.

3. Подтверждающая проверка. После предварительной категоризации поиск изменяется. Он ограничивается кругом признаков, которые могут подкрепить выдвинутую на основе предварительной категоризации гипотезу (категорию).

4. Завершение проверки. После того как объект отнесен к категории, акт решения или поиск признаков, релевантных категории, завершается. Открытость входа к дополнительным признакам почти исчезает. В случае ложной идентификации объекта пороги опознания поднимаются на несколько порядков.

Мы описали процесс категоризации, происходящий во время перцептивного акта и представляющий основное содержание этого акта. Брунер также называет процесс категоризации построением модели мира. «Обучаясь воспринимать, мы обучаемся тем отношениям, которые существуют между свойствами объектов и явлений, обучаемся соответствующим категориям и системам категорий. Обучаемся предсказывать и контролировать, что за чем идет, что с чем может появиться» (*Там же, с.126*). Предсказывать появление событий можно только в том случае, если модель, на основании которой производятся эти предсказания, репрезентативна, т.е. если она соответствует явлениям и событиям внешнего мира. По Брунеру,

отражать мир — значит конструировать мир из сенсорных данных.

Этот тезис Дж.Брунера удивительно созвучен с теми положениями, которые развивает классик отечественной физиологии Н.А.Бернштейн. Чтобы не быть голословными, приведем здесь некоторые из этих положений. «Мы можем с достаточной уверенностью утверждать, — пишет Н.А.Бернштейн, — что мозговое отражение (или отражения) мира строится по типу моделей» (*Бернштейн*, 1966, с.287). И далее: «Подобно тому, как мозг формирует отражение реального внешнего мира — фактической ситуации настоящего момента и пережитых, запечатленных памятью ситуаций прошедшего времени, он должен обладать в какой-то мере способностью “отражать” (т.е., по сути дела, конструировать) и не ставшую еще действительностью ситуацию непосредственно предстоящего, которую его биологические потребности побуждают его реализовывать» (*Бернштейн*, 1966, с.281). Трудно не заметить связи между этими идеями Н.А.Бернштейна и предложенным Дж.Брунером принципом «построения модели» мира. Именно на основе модели мира, соответствующей действительности, осуществляются акт заглядывания в будущее и регулирование деятельности субъекта. В модели отображены не только классы объектов внешнего мира. Работы Стивенса свидетельствуют о том, что сетка категории наложена и на громкость, яркость, высоту тона, т.е. даже элементарные свойства физических стимулов воспринимаются через призму категоризации.

Субъект, с точки зрения Брунера, никогда не воспринимает «сырой материал», «чистый стимульный процесс». Уже при рождении он обладает, по-видимому, набором врожденных категорий (фигура — фон, свет, звук и др.), как это предполагал еще И.Кант.

Особое значение автор придает категории «причина—следствие». Он считает, что для того, чтобы нечто определить как причину другого, требуются прежде всего такие категории, которые сохраняли бы тождественность «причины» и «следствия» (*Bruner*, 1957, с.125). Брунер не утверждает, что категория «причина—следствие» — врож-

ленная категория, но ему приходится, как и Гельмгольцу, принять существование такой категории «на веру», так как без нее нечего и говорить о восприятии как о процессе принятия решения, в основе которого лежит выводная активность. Только допустив существование категории «причина—следствие» как врожденной категории, Брунер может постулировать, что перцептивный опыт — продукт процесса категоризации. При таком рассмотрении природы восприятия снимается противопоставление между мирами «чистой стимуляции» и миром значений.

Мы разобрали ряд положений Брунера о природе восприятия и теперь коснемся механизмов, опосредующих формирование и функционирование систем категорий, т.е. механизмов, опосредующих перцептивную готовность.

Брунер предлагает четыре механизма: группировка и интеграция, упорядочение готовности, установление ответственности и фильтрация. Автор не претендует на то, чтобы эти формальные механизмы объясняли процессы восприятия. Логика, идущая от механизмов к объяснению поведения, скорее характерна для физиолога, чем для психолога. Мысль Брунера движется от особенностей природы восприятия к механизмам.

Группировка и интеграция. Категории — это классы событий, закодированные в мозге субъекта. Если это положение справедливо, то должен существовать механизм, опосредующий формирование категорий. Возможно, таким механизмом окажется что-то вроде «клеточных ансамблей» Д.Хебба. Каждый раз, когда организм попадает в знакомую ситуацию, сигналы, представляющие эту ситуацию в мозге, вызывают возбуждение определенных групп клеток, которые при повторных столкновениях организма с этой ситуацией организуются в «клеточные ансамбли». «Клеточные ансамбли» могли бы оказаться материальными представителями разных категорий. Механизм интеграции должен «учитывать» при формировании «клеточных ансамблей» вероятностную структуру среды. В жизни не так часто встречаются события, которые независимы друг от друга. Поэтому процесс научения следует понимать как процесс научения условным вероятностям.

С таким научением саморегулирующееся устройство возможно бы и справилось, но в процессе научения связи между классами событий постоянно меняются, а таких вариаций, по выражению Брунера, не допустил бы ни один уважающий себя компьютер. К тому же человек склонен отыскивать связи там, где их вовсе нет. С нашей точки зрения, в качестве примера можно привести суеверия. Попробуйте заставить армию фараона, встретившую священных скарабеев, продолжить путь.

Механизм вероятностей интеграции должен вводить поправочный коэффициент на субъективные переживания, так как люди часто завышают оценку желаемых событий и недооценивают вероятность неприятных событий (Marks, 1951). Так, в экспериментах Соллея и Хайга (Solley, Haigh, 1957) детей просили нарисовать Санта Клауса 5, 21 и 31 декабря. Чем ближе был праздник, тем больше места занимал на карточке Санта Клаус, тем больше набухал его мешок с подарками, т.е. не только вероятность появления событий переоценивается ребенком, но и образ трансформируется под влиянием мотивированного ожидания. Все перечисленные особенности должны быть совмещены и представлены в механизме субъективной вероятностной интеграции, или, иными словами, в механизме формирования перцептивной готовности (установки).

Упорядочение готовности. В процессе обучения образуются системы категорий. Какие отношения складываются между системами категорий? Мы уже говорили, что одной из детерминант, влияющих на ответную реакцию организма и на стойкость гипотезы, является «число конкурирующих гипотез». Одной ситуации может способствовать несколько систем категорий, причем внутри каждой системы — целая группа категорий. Поэтому основной акт, который приходится совершать организму при столкновении с ситуацией, — это акт выбора. Внутренний смысл акта выбора — принятие решения о действии. Этим актом заведует механизм упорядочения готовности. Чрезвычайное влияние на акт принятия решения о действии оказывает гипотеза, которую выдвигает организм. Гипотеза содержит как предсказания того, что через мгновение про-

и юдет, так и того, каким образом следует прореагировать на ситуацию. Важно учитывать оба указанных момента, так как без первого из них организм постоянно оказывался бы застигнутым врасплох, а без второго — превратился бы в пассивного созерцателя, гипотеза которого не соответствует реальности. Гипотеза должна вызывать, возбудить систему категории (схему — по Бартлетту, агрегат — по Олпорту, «клеточный ансамбль» — по Хеббу, очаг предпусковой интеграции — по Анохину, включить ведущий уровень движения — по Бернштейну и т.д.), которая в свою очередь реализовала бы поведенческий акт, обеспечивающий *максимум успеха и минимум неожиданности* в соответствующей ситуации.

В ряде случаев гипотеза может оказывать негативное, маскирующее влияние. Такие случаи имеют место при попадании в ситуацию, провоцирующую так называемое восприятие несоответствия. Если вам в темноте будут кратковременно высвечивать силуэт кентавра, то первоначально выдвинутая гипотеза «лошадь» приведет к резкому повышению порога опознания. (Инструкция: опознайте предъявленный объект.) Таких примеров можно придумать сколько угодно, но в жизни подобные ситуации встречаются довольно редко. Опытные наблюдатели (допустим, мастера спорта по стрельбе на полигоне) преодолевают гипотезы, которые приводят к такому негативному эффекту, как «шаблон поведения азартного игрока».

В эксперименте Брунера и Минтурна (*Bruner, Minturn, 1951*) исследовалось влияние на «степень преактивации» категории таких факторов, как инструкция и контекст. Испытуемому предъявлялся с помощью тахистоскопа знак 13, вертикальный компонент которого не соприкасался с изогнутым. Этот знак можно было принять за букву В или за цифру 13. Опознание зависело от предварительного контекста. Если испытуемому предъявлялась серия букв, а затем показывался этот знак, то испытуемый опознавал его как букву, а если предъявлялась серия цифр, то как цифру. Итак, знак в равной степени соответствовал двум разным категориям, но предварительные воздействия возбуждали одну категорию и притормаживали другую. «Ре-

зультаты экспериментов Брунера и Минтурна показывают, что из двух следов, с которыми может вступить в контакт стимульный ввод и которые в равной степени сходны, берет верх тот, который имеет большую вероятность в данных условиях» (Bruner, 1957, с.137).

Механизм «упорядочения готовности» координирует различные системы категорий. Преактивация тех или иных систем наступает после принятия решения, зависящего от субъективной условной вероятности актуализации данной системы категорий. В свою очередь субъективная условная вероятность актуализации именно данной системы категорий зависит от таких детерминант, как частота в прошлом, «мотивационная поддержка», когнитивная поддержка и число *альтернативных* гипотез (категорий), описанных нами в когнитивной теории гипотез. По-видимому, механизм «упорядочения готовности» было бы целесообразнее назвать механизмом выбора, подчеркивая его основное назначение.

Механизм «отбора соответствия» принимает активное участие в трансформации сенсорного ввода. Его можно также назвать механизмом контроля и сличения. Как только сенсорные данные поступают на вход анализатора, начинается выделение информативных признаков, соответствующих активированной категории. Механизм «отбора соответствия» должен выдавать сведения о том, насколько сигнал близок к «эталону» и какие акции следует предпринять после получения информации, точнее, в процессе приема информации. Такими акциями могут быть следующие.

1. Увеличение чувствительности, если сигнал предварительно категоризован. Идет подбор дополнительных признаков с целью более точного отнесения сигнала к категории.

2. Уменьшение чувствительности (уменьшение «открытости» входа), если рассогласование между сигналом и категорией (эталон) настолько велико, что сигнал не может быть отнесен к категории.

3. Прекращение активности, если сигнал отнесен к категории. Завершение поиска.

В ситуациях восприятия несоответствия наиболее ярко выражена функция механизма «отбора соответствия» — функция трансформации сенсорных данных посредством проб и контроля. Активность механизма «отбора соответствия» достигает оптимума на стадии «подкрепляющей проверки». Постман и Брунер создавали ситуации, провоцирующие восприятие несоответствия (*Bruner, Postman, 1949*). Испытуемым предъявлялись два набора игральных карт: нормальные карты и трюковые карты. На трюковых картах цвет карты не соответствовал цвету нормальных карт (черви черного цвета и т.д.). В I серии предъявлялась одна трюковая карта среди четырех нормальных, во II — одна нормальная среди четырех трюковых, в III — карты смешивались в соотношении 2 : 3. Результаты показали, что даже при экспозиции 1000 мсек. только 89,7% несоответствующих карт были опознаны правильно, тогда как 100% нормальных карт опознавались за 350 мсек. Чем обусловлена такая большая разница во времени опознания карт? Испытуемый ожидает увидеть игральные карты в соответствии с инструкцией. Следует учитывать, что у разных испытуемых разное отношение к предъявляемым картам. Если для человека, равнодушного к карточной игре, рассогласование ожидаемого с реальным воспринимается без особых эмоций, то карточный шулер воспримет это рассогласование как явное надругательство, уличив экспериментатора во лжи.

После предварительной категоризации начинается отбор дополнительных признаков, разворачивающийся в границах категории «карты». У некоторых людей эти границы довольно узки, т.е. они настроены на узкий диапазон альтернативных гипотез в этой ситуации. Такие люди быстро опознают нормальные карты, но при восприятии трюковой карты процесс категоризации замедляется. Информативные признаки типа цвета и формы карты приходят у этих людей в столкновение с гипотезой. У них наблюдаются две формы ответных реакций: компромиссная реакция и реакция разрушения. В первом случае испытуемые дают ответы типа «пурпурная шестерка пик», а во втором — «уходят» из ситуации. Эта форма реакции

напоминает реакцию чеховского героя, которому говорят, что на солнце есть пятна. Он отвечает: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Таких людей часто называют ригидными. Испытуемые с широкими границами приема предпочитают какой-либо один из информативных признаков. Такую реакцию называют доминантной реакцией. Механизм сличения словно довольствуется одним признаком, другие признаки отбрасываются, и наступает опознание. Посредством «проб и контроля», осуществляемых механизмом сличения, корректируется сенсорный ввод. Информация о признаках сравнивается с категорией, перерабатывается, а затем в форме корректирующей команды возвращается обратно, трансформируя сенсорный ввод. Без механизма «отбора соответствия» организм походил бы на начальника, щедро раздающего ценные указания, но совершенно не заинтересованного в их исполнении.

Механизм «фильтрации» лишь условно можно отделить от механизма «отбора соответствия», так как именно под влиянием корректирующих команд проводится отсев одних признаков и проведение других, регулируется степень «открытости» канала информации на разных уровнях нервной системы. Брунер, подчеркивая чувствительность канала информации к корректирующим командам, образно сравнивает его функционирование с ежесекундной сменой вывесок на дверях государственного учреждения. На них то надпись: «Добро пожаловать», то: «Посторонним вход воспрещен». Где вывешивается этот плакат: на периферии или в центре? Брунер склонен предположить существование закрывающихся и открывающихся «шлагбаумов» на самых различных уровнях нервной системы. Адекватность сигнала определяется не только набором его энергетических характеристик, но и командами, непрерывно подающимися из центра и более низких уровней нервной системы.

Пришло время еще раз вспомнить об эксперименте Кюльпе, прямо связанном с проблемой уровней избирательности восприятия. Напомним, что одни психологи придерживались гипотезы «ответа», т.е. полагали, что се-

лекция информации происходит при отчете испытуемого, а к центрам приходит вся информация о свойствах сигнала; другие, как и Кюльпе, считали, что информация селектируется в процессе восприятия сигнала. Фресс вновь обратился к этому нерешенному вопросу. В его экспериментах были три серии. В I серии испытуемого просили обращать внимание на все аспекты материала (цифры, буквы, знаки пунктуации), во II — на один из аспектов, в III — просили сообщить о том, на что обращалось внимание в последнюю очередь. В I серии выявился эффект порядка, т.е. испытуемые лучше всего отчитывались о тех аспектах материала, которые предъявлялись первыми. Во II серии лучше запоминался тот материал, на который указывалось в инструкции, а в III — перцептивная установка и порядок предъявления вступали в конфликтное отношение, нивелируя влияния друг друга.

Проливают ли эксперименты Фресса свет на старую дилемму «настройки» и «ответа»? В них мы находим соломоново решение вопроса. Фресс полагает, что в одних случаях (II серия) подтверждается гипотеза «настройки», а в других (I серия) — гипотеза «ответа». При этом он подразумевает, что во II серии установка обусловлена инструкцией. Однако то, что экспериментатор не дает инструкции, вовсе не гарантирует отсутствия бессознательной самоинструкции, как в свое время, анализируя эксперименты на ВР, указывал Э.Титченер (*Титченер*, 1914). Вряд ли эксперименты Фресса приблизили нас к решению проблемы.

Между тем существует целый ряд физиологических данных, подтверждающих справедливость, или, точнее, принципиальную возможность, «фильтрации» на разных уровнях нервной системы. Серьезные аргументы в пользу гипотезы «настройки» Брунер находит в экспериментах нейрофизиологов, в частности в опытах Р.Галамбоса (1956). У кошки от кохлеарных ядер отводили электрические потенциалы, вызванные тиканьем метронома. Если кошке показывали мыш, то вызванные потенциалы бесследно исчезали, несмотря на продолжающееся тиканье метро-

нома. Словно кто-то отводил звуки метронома от кошки. В этом и состоит специфика механизма «фильтрации». Он работает как калитка, пропускающая одну информацию и перекрывающая путь другой (gating). Гипотеза «ответа» опирается на классические декартовские представления о двучленной рефлекторной дуге, лежащей в основе схемы S—R. «Вместо представлений о рефлекторной дуге как о системе “стимул—реакция” необходимо уже на периферическом уровне представлять эффекторную часть дуги как обратно действующую на сенсорные рецепторы и изменяющую природу стимуляции, проходящей через них» (Bruner, 1957, с.140). Настройка и фильтрация в анализаторе происходят под влиянием гипотезы, которая селекционирует и организует через механизм «отбора соответствия» и механизм «фильтрации» сенсорные входные данные.

В более четкой форме идея об установочном влиянии обратных связей на периферию анализаторов и на разные уровни нервной системы была высказана Н.А.Бернштейном: «Афферентным системам, кроме вторично-проекционной, принадлежит еще очень важная <...> инициативная, установочная и пусковая роль» [курсив мой. — А.А.] (Бернштейн, 1947, с.28). Тем не менее гипотеза Брунера о механизмах «сличения» и «фильтрации», выросшая из психологического материала и пригнанная к нему, явилась новой как для психологов, так и для физиологов. Теория перцептивной готовности получила высокую оценку как отечественных, так и зарубежных психологов. К.Прибрам писал, что Брунер — это один из первых психологов, использовавших представление об обратных связях, которые столь обогатили психологию (Прибрам, 1961). При изложении теории перцептивной готовности мы неоднократно проводили сопоставление некоторых положений этой теории с созвучными идеями ведущих советских физиологов Н.А.Бернштейна и П.К.Анохина. Одним из неопровержимых доказательств современности теории Дж.Брунера, а следовательно, и необходимости критического анализа этого варианта разработки проблемы установки является также и то, что один из ведущих советских психологов, А.Р.Лурия, неоднократно обращается в своих

известных исследованиях к некоторым положениям этой концепции. Так, например, при исследовании агнозии у лобных больных он пишет: «Патология может проявляться в нарушении активных поисков нужных гипотез, в патологической инертности, в нарушении процесса выбора из ряда альтернатив и в дефекте сличения возникшей гипотезы с воспринимаемыми данными» (Лурия, 1963, с.385).

Итак, мы могли бы выделить ряд основных положений, которые вытекают из теории перцептивной готовности (установки) Дж.Брунера.

1. Центральный принцип теории установки — принцип «построения модели» внешнего мира.

2. Построение модели — продукт процесса категоризации. В процессе категоризации субъект строит модель событий и явлений внешнего мира.

3. Процесс категоризации — это процесс формирования категорий путем овладения вероятностной структурой внешней среды. Системы категорий отражают реальные события и явления внешнего мира.

4. Модель мира — репрезентативная модель, так как в системе категорий кодируются не только события и явления, но и способы действий, соответствующие этим событиям и явлениям.

5. Репрезентативная модель внешнего мира позволяет субъекту выходить за рамки непосредственного восприятия и выдвигать гипотезы о том, с какими событиями ему придется столкнуться в будущем. Эти же гипотезы необходимо включают способы действия, которыми субъект будет реагировать на эти события.

6. Гипотеза выдвигается под влиянием потребности субъекта и реальной ситуации. Состояние, возникшее в организме под влиянием потребности и ситуации, определяется как состояние готовности организма. Готовность модулируется потребностью в том или ином событии и частотой появления событий в прошлом при столкновении с данной ситуацией.

7. Одной ситуации могут соответствовать несколько систем категорий. Поэтому основной реакцией организма на ситуацию является не действие, а принятие решения о действии.

8. Восприятие — процесс решения. Процесс решения опосредуется механизмами группировки и интеграции, «упорядочения готовности», «отбора соответствия» и «фильтрации».

9. Процесс решения — это процесс поиска информативных признаков. В поиске признаков выделяются четыре стадии: первичная категоризация, предварительная категоризация, «подтверждающая проверка», завершение проверки. Процесс решения включает отнесение признака к категории (операция умозаключения).

10. Основные функции готовности — максимизация успеха и минимизация неожиданностей при встрече с событиями внешнего мира.

11. Репрезентативная модель, построенная субъектом, — основа любой поведенческой активности.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых уязвимых пунктах теории перцептивной готовности. Прежде всего, у Брунера, как и у подавляющего большинства американских психологов, остается в тени вопрос о предметности восприятия. Между тем, лишь выделив предметность как один из основных принципов восприятия, можно рассматривать восприятие как процесс обобщения и решения задач, как процесс категоризации. Далее, несмотря на то что Брунер рассматривает восприятие как процесс решения задач, само понятие «задача», анализ содержания этого понятия игнорируются автором, хотя именно в задаче содержится ключ к пониманию направленности и организованности поведения.

И, наконец, последнее замечание. Оценивая переворот во взглядах на восприятие, происшедший в послевоенной американской психологии, мы отмечали, что среди нео-бихевиористов родилась ярко выраженная тенденция «возвратить образы из изгнания». Но вернулись ли в результате многолетних усилий «Нового взгляда» образы в психологию? Нет, не вернулись, а были подменены гипотезами, моделями, процессами переработки информации, т.е. теми процессами, в которые при всем желании исследователей никак не удастся вместить одну из самых

существенных характеристик субъективного психического образа — его пристрастность.

«Понятие субъективности образа, — пишет ведущий советский психолог А.Н.Леонтьев, — включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, “что человеку нужно”, — от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно проникать в реальность» (Леонтьев А.Н., 1975, с.55—56).

В случае же анализа восприятия с позиций информационного подхода попытки показать зависимость восприятия от мотивационно-эмоциональной сферы приводят к тому, что проявления этой сферы в восприятии расцениваются как *искажения* восприятия. Ни одно другое направление исследований восприятия в необихевиоризме не пыталось с такой настойчивостью, как это делали представители «Нового взгляда», отразить влияние аттитюдов, потребностей и эмоций на восприятие, и ни одно другое направление столь выразительно не продемонстрировало невозможность решения в русле информационного подхода этой психологической проблемы.

УРОВНЕВАЯ ПРИРОДА УСТАНОВОК

Прослеживая эволюцию понятия «установка» в некоторых направлениях необихевиоризма, мы исходили из описательного определения установки как готовности субъекта к реагированию. Понимание установки как готовности никогда не отсутствовало в психологии. Различные исследователи на протяжении целого столетия пытались изолировать это целостное состояние (готовность) от других психических процессов (восприятие, действие, мышление...) и, выделив установку в «чистом виде», ответить на вопрос: какова сущность понятия «установка»? Однако подобные попытки оканчивались неудачей, и понятие «установка» не удавалось высвободить

из опутавших его связей с другими категориями психологии. В него, как в воронку, затягивались любые психологические процессы, в которых оно проявлялось, определяя их направленность и организованность.

В результате понятие «установка», подобно сказочному Шалтаю-Болтаю, рассыпалось по различно ориентированным зарубежным психологическим концепциям, и ни последователи молекулярного необихевиоризма, ни представители транзакционализма и «Нового взгляда», ни социальные психологи и т.д. никак не могут его собрать. Под установкой одновременно понимаются и состояние готовности, обусловленной потребностями и мотивами личности, и готовность, обусловленная вероятностной структурой ряда стимулов, и готовность, вызванная инструкцией экспериментатора, и установка избирателя по отношению к президенту, и тоническая настройка...

Какие выводы может для себя сделать исследователь, столкнувшийся с таким многоликим понятием? Он может впасть в крайность и ради обретения своего душевного покоя сделать вид, что понятие «установка» в столь расширенном его толковании вообще не существует, а объединение разнородных явлений под термином «установка» или его синонимами является просто недоразумением. Подобного рода незатейливое решение, во-первых, основывается на молчаливо предполагаемом мнении, что большинство психологов, относивших то или иное явление к классу установочных явлений, совершали ошибки, и, во-вторых, и это самое главное, на том, что термином «установка» или его синонимами не обозначается никакая психическая реальность. Но многочисленные факты, добытые в течение многолетней истории экспериментальной психологии в зарубежных исследованиях по установке, и особенно в исследованиях замечательного советского психолога Д.Н.Узнадзе и его школы, красноречиво свидетельствуют о необоснованности такого решения вопроса. Следовательно, это наиболее простое решение отпадает, а проблема объяснения вездесущности установки остается.

С нашей точки зрения, выход из создавшегося положения может быть найден лишь в том случае, если психо-

логи, осознав бесперспективность изолированного изучения установки — изучения установки, по выражению С.Московичи, «в себе», попытаются найти то реальное место, которое занимает установка в деятельности субъекта. Одной из возможных попыток решения вопроса в этом направлении представляется гипотеза об иерархической уровневой структуре установки, развившаяся автором этого критического обзора под руководством А.Н.Леонтьева (см. *Асмолов, 1975*). Здесь не представляется возможным сколько-либо подробно изложить представления об иерархической структуре установки, разрабатываемые в русле одного из стержневых направлений советской психологии — общепсихологической теории деятельности А.Н.Леонтьева. Вследствие этого мы только перечислим в тезисной форме некоторые положения, составляющие суть гипотезы об иерархической структуре установки как механизма стабилизации деятельности. Для этого вначале необходимо кратко остановиться на представлениях о сложном иерархическом строении деятельности, раскрытых в теории деятельности А.Н.Леонтьева.

В этой теории конкретные виды *деятельности* выделяются по критерию вызывающих их предметов потребности, или, используя термин А.Н.Леонтьева, мотивов деятельности. В деятельности вычленяются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живого потока «единицы» — действия и операции. Под *действиями* понимаются процессы, направленные на достижение осознаваемого предвидимого результата, т.е. цели. В действиях вычленяются *операции* — способы осуществления действия, которые соотносимы с условиями выполнения действия. И наконец, четвертым необходимым моментом психологического строения деятельности являются «исполнительные» *психофизиологические механизмы* — реализаторы действий и операций. Опираясь на представления А.Н.Леонтьева об иерархическом строении деятельности, а также на положение Д.Н.Узнадзе о роли объективного содержательного фактора в возникновении установки (*Узнадзе, 1966*), мы выбираем в качестве критерия для выделения разных уровней установки место объективного

содержательного фактора, вызывающего установку, в структуре деятельности. Соответственно объективным содержательным детерминантам в ситуации деятельности — мотиву (предмет потребности), цели (осознаваемый предвидимый результат) и условиям осуществления действия нами выделяются уровни *смысловой, целевой, операциональной установок* и уровень *психофизиологических механизмов — реализаторов установки*.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является *смысловая установка*. Она актуализируется мотивом и выступает в форме вызванного мотивом отношения субъекта к целям действия. В плане сознания содержание этого отношения, как показывает А.Н.Леонтьев, представлено личностным смыслом. Под личностным смыслом понимается единица сознания, отражающая пристрастность субъекта по отношению к событиям окружающего мира, оценка этих событий в процессе деятельности с точки зрения их значения для личности. В плане деятельности выражением личностного смысла является смысловая установка. Смысловая установка и есть не что иное, как форма выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенной деятельности.

В описанных выше экспериментах «Нового взгляда» смысловая установка особенно ярко проявляется при исследовании перцептивной защиты и бдительности. На наш взгляд, обращение к анализу смысловой установки и ее влияния на восприятие позволяет понять то, почему одни испытуемые реагируют на аффективно окрашенные стимулы по типу бдительности, а другие — по типу перцептивной защиты. В зависимости от того, как объект, который следует опознать, в данном случае аффективно окрашенный стимул, выступает для субъекта, т.е. в зависимости от того, какой личностный смысл приобрело отношение к угрозе в прошлой жизни субъекта, оно будет выражено либо в готовности избежать угрожающего события, и тогда это будет реакция по типу перцептивной защиты, либо, если человек при столкновении с опасностью склонен идти ей навстречу, в готовности на сближение с этим событием. Тогда будет наблюдаться реакция по типу бдительнос-

ти. Основная функция смысловой установки заключается в том, что она определяет общую устойчивость и динамику деятельности. Эта функция смысловой установки прежде всего проявляется в выборе тех или иных целей, соответствующих мотиву деятельности. В том случае, если осуществляется процесс целеобразования, он приводит к возникновению целевой установки.

Под *целевой установкой* понимается готовность к достижению осознаваемого предвидимого результата, определяющая избирательность и устойчивость данного конкретного действия. Проявления целевой установки наблюдались, как мы уже отмечали, в экспериментах Кюльпе, Сиполы, Постмана и Крэчфилда, Вернон и т. д. Все эти эксперименты позволяют сделать вывод, что целевая установка выполняет по отношению к деятельности избирательно регулирующую функцию.

На следующем, нижележащем уровне регуляции деятельности располагается *операциональная установка*. Под операциональной установкой понимается готовность субъекта к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации разрешения задачи на основе предвосхищения, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, и учета условий наличной ситуации. Конкретное выражение способа действия, или, если пользоваться термином Бартлетта, то, какая развернется схема, зависит от содержания предвосхищаемого события. Говоря о содержании события, мы имеем в виду представления А.Н.Леонтьева о том, что человек находит в обществе не просто внешние условия, а сами эти условия несут в себе общественно выработанные способы деятельности, ценности, предметные и социальные нормы. Условия деятельности обладают этим присущим только миру человеческих предметов свойством, так как в них объективированы «значения». Эти «значения», будучи представлены в образе предвосхищаемого события, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с происшедшим событием ситуации разрешения задачи установка приводит к осуществлению адекватной операции.

В повседневной жизни операциональные установки действуют в привычных стандартных ситуациях, целиком определяя работу «привычного», по выражению Д.Н.Узнадзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установка, а актуализируется уже ранее выработанная установка на эти условия (Узнадзе, 1966).

Воспользуемся образным примером П.Фресса, чтобы проиллюстрировать эту мысль: контролер на станции метро после многократного предъявления билетов ожидает вновь увидеть билет, а не стакан с аперитивом, т.е. при встрече с пассажиром у него на основе прошлых воздействий формируется вероятностный прогноз предстоящего события.

С предвосхищением, опирающимся на частоту появления того или иного события в прошлом, мы встречались в экспериментах Дж.Брунера (пример с «В» и «13»), М.Ярвика и т.д. Этот факт нашел свое отражение в идее Э.Брунсвика о вероятностном ожидании, а также в представлении Брунера и Постмана о субъективной вероятности появления события как одной из детерминант перцептивной готовности. На этом же факте основывается концепция вероятностного прогнозирования. Однако, и это следует особо подчеркнуть, с нашей точки зрения, представления о вероятностном прогнозировании адекватны только для объяснения возникновения установки в стандартных условиях, т.е. механизм вероятностного прогнозирования работает исключительно на уровне операциональных установок, не распространяя своего действия на уровни целевой и смысловой установок.

Самый низший уровень — это уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установки. Линия разработки представлений о психофизиологических механизмах установки нашла свое выражение в описанных нами концепциях Дж.Фримена, Ф.Олпорта, а также в представлениях Дж.Брунера о механизмах, опосредующих перцептивную готовность. В отечественных исследованиях наибольший вклад в дело разработки представлений о психофизиологических механизмах установки внесен Н.А.Бернштейном, показав-

шим роль тонической настройки и образа потребного будущего в регуляции движений, и П.К.Анохиным, сформулировавшим представление об акцепторе действия.

Предложенная нами гипотеза об иерархической уровневой структуре установки как механизма стабилизации деятельности позволяет привести накопленные в русле необихевиоризма и когнитивной психологии факты проявлений установки в одну непротиворечивую систему и избавляет от терминологической путаницы, мешающей исследованию проблемы установки. Эта гипотеза также позволяет понять, как и на каком уровне регуляции деятельности работает механизм вероятностного прогнозирования. Однако эта гипотеза пока еще скорее эскиз, чем законченное произведение. Она представляет собой лишь первый шаг на пути решения вопроса о месте установки в структуре деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968.
- Асмолов А. Г.* Ранние этапы развития понятия «установка» // Психологические исследования, вып. 6. М., 1974.
- Асмолов А. Г., Михалеvская М. Б.* От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач» // Проблемы и методы психофизики. М., 1974.
- Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., Яглом М. А.* Об иерархической структуре установки // Новое в психологии, вып. 1. М., 1975.
- Бассин Ф. В.* Проблема «бессознательного». М., 1968.
- Бернштейн Н. А.* О построении движений. М., 1947.
- Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Вагнер В. А.* Биологические основания сравнительной психологии. Т. 1. СПб., 1915.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Гейзенберг В.* Квантовая теория и ее интерпретация // Нильс Бор. М., 1967.
- Ланге Н. Н.* Психологические исследования. Одесса, 1893.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А. Н., Лурия А. Р.* Предисловие // *Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965.
- Лурия А. Р.* Мозг и психические процессы. Т. I. М., 1963.
- Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Прибрам К.* К теории физиологической психологии // Вопросы психологии. 1961. № 2.
- Сеченов И. М.* Кому и как разрабатывать психологию // Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
- Титченер Э. Б.* Учебник психологии. Т. 2. М., 1914.
- Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966.
- Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. М., 1926.
- Фейгенберг И. М.* Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопросы психологии. 1963. № 2.
- Фейгенберг И. М.* Мозг. Психика. Здоровье. М., 1972.

- Allport F.H.* Theories of perception and the concept of structure. N.Y., 1955.
- Ansbacher H.* Perception of number as effected by the monetary value of objects // Arch. Psychol. 1937. 215.
- Bartlett F.S.* Remembering. London, 1950.
- Bruner J.S.* Personality dynamic and the process of perceiving // Perception: An approach to personality. R.R.Blake and G.V.Ramsay (Eds.). N.Y., 1951.
- Bruner J.S.* On perceptual readiness // Psychol. Rev. 1957. 64.
- Bruner J.S., Goodman C.C.* Value and needs as organizing factors in perceptions // Abnorm. Soc. Psychol. 1947. 42.
- Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A study of thinking. N.Y., 1956.
- Bruner J.S., Minturn A.L.* Cognitive hypothesis and perceptual closure // Amer. Psychol. 1951. 6.
- Bruner J.S., Postman L.* An approach to social perception. Pittsburgh, 1948.
- Bruner J.S., Postman L.* On the perception of incongruity // J. of Personality. 1949. Vol. 18.
- Brunswik E.* Probability as a determiner of rat behavior // J. Exp. Psychol. 1939. 25.
- Brunswik E.* Organismic achievement and environmental probability // Psychol. Rev. 1943. 50.
- Cowper D., Stewin L.* An examination of illusion phenomenon in Soviet set theory: An experimental critique // The Alberta J. of Educational Research. 1974. Vol. 20.
- Dashiell J.F.* Fundamentals of objective psychology. N.Y., 1928.
- Dashiell J.F.* A neglected fourth dimension in psychological research // Psychol. Rev. 1940. 47.
- Deese J.* Some problems of theory of vigilance // Psychol. Rev. 1955. 62.
- Forgus R.H.* Perception. N.Y., 1966.
- Fraisse P.* Le role des attitudes dans la perception // Les Attitudes. Paris, 1961.
- Freeman G.L.* The problem of set // Amer. J. Psychol. 1939. 52.
- Gibson J.J.* A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology // Psychol. Bull. 1941. 38.
- Haber R.N.* The nature of the effect of set on perception // Psychol. Rev. 1966. 73.
- Hebb D.O.* The organization of behavior. N.Y., 1949.
- Herzog R.L., Unruh W.R.* Toward a unification of the Uznadze theory of set and Western theories of human functioning // Psychological investigations. A.S.Prangichvili (Ed.). Tbilisi, 1973.

Hritzuk J., Janzen H. A comparison of ustanovka and Einstellung: Uznadze and Luchins // Psychological investigations. A.S. Prangichvili (Ed.). Tbilisi, 1973.

Ittelson W.H. The constancies of perceptual theory // Psychol. Rev. 1951. 58.

Jarvik M.E. Probability learning and negative recency effect in the serial anticipation of alternative symbols // J. Exp. Psychol. 1951. 41.

Kilpatrick F. P. Motivation, perception and action. Washington, 1953.

Luchins A.S. Mechanization in problem solving // Psychol. Monogr. 1942. Vol. 54.

Marks R.W. The effect of probability, desirability and «privilege» on the stated expectations of children // J. Personal. 1951. 19.

Messick S.J., Solley C.M. Probability learning in children: Some exploratory studies // J. Genet. Psychol. 1957. 90.

Oldfield R.C., Zangwill O.L. Bartlett's theory of memory // Brit. J. Psychol. 1942. 32.

Park C. The Soviet theory of set — an evaluation. A thesis. Univ. of Alberta, Alberta, 1974.

Paschal F. The trend in theories of attention // Psychol. Rev. 1941. 48.

Postman L., Crutchfield R.S. The interaction of need, set and stimulus structure in a cognitive task // Amer. J. Psychol. 1952. 65.

Sherif M.A. A study of some social factors in perception // Arch. Psychol. 1935. Vol. 187.

Siipola E.M. A group study of some effects of preparatory set // Psychol. Monogr. 1935. Vol. 46.

Solley C.M., Haigh G. A note to Santa Claus. TPR. The Menninger Foundation, 1957. Vol. 18.

Solley C. M., Murphy G. Development of the perceptual world, N.Y., 1960.

Solomon R.L., Howls D. Word frequency, personal values and visual duration thresholds // Psychol. Rev. 1951. 58.

Stephens J.M. The perception of small differences as affected by self-interest // Amer. J. Psychol. 1936. 58.

Vernon M.D. The functions of schemata in perceiving // Psychol. Rev. 1955. 62.

Vernon M.D. Cognitive inference in perceptual activity // Brit. J. Psychol. 1957. 48.

Woodworth R.S. Dynamic psychology. N.Y., 1918.

Woodworth R.S. Reenforcement of perception // Amer. J. Psychol. 1947. 60.

РАЗДЕЛ III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП В ПСИХОЛОГИИ

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Общепсихологическая теория деятельности, созданная Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым, А.Р.Лурией и их последователями на пороге XXI века вступила в критическую фазу своего развития. Внешним симптомом наступления этой фазы являются участвовавшие дискуссии о роли категории деятельности в построении концептуального аппарата психологической науки. В целом ряде выступлений все настойчивее звучит мысль, что категории деятельности грозит превращение в некое чудовище, готовое поглотить все другие психологические понятия. Внутренним симптомом возникновения критической фазы развития теории деятельности является разрыв между большим фактическим материалом, полученным в различных специальных областях психологии, разработка которых ведется на основе теории деятельности, и исходными принципами этой теории, сформулированными еще в период ее становления. В результате возникает парадокс: теория, рожденная запросами практики, начинает восприниматься как теория вне практики. Критическая фаза в развитии той или иной теории, как и кризис в развитии жизни ребенка, означает начало нового этапа в ее судьбе. Для того чтобы он наступил, на наш взгляд, необходимо предпринять по меньшей мере три следующих шага. Первый шаг должен быть нацелен на вычленение исходных

* Впервые опубликована в журнале «Вопросы психологии». 1982. № 2.

принципов теории деятельности. Второй шаг заключается в анализе сквозь призму этих исходных принципов фактического материала, накопленного в специальных отраслях психологии и в общей психологии. Итогом этого анализа будет преодоление разрыва между ключевыми принципами теории деятельности и фактическим материалом, а также уточнение и изменение самих этих принципов. И наконец, третий шаг — разработка перспектив фундаментальных и прикладных исследований, т.е. определение зоны ближайшего развития психологии, строящейся на основе общепсихологической теории деятельности.

Задача нашей статьи вычленив исходные принципы общепсихологической теории деятельности (т.е. попытка осуществить этот первый шаг). Принципы, о которых пойдет речь, выкристаллизовались в борьбе с различными направлениями зарубежной психологии. Поэтому мы считаем целесообразным раскрыть их, противопоставив принципам и постулатам других психологических теорий, причем не отбрасывая положений всех этих концепций, а «снимая» их в процессе сопоставительного анализа.

В качестве основных принципов теории деятельности могут быть выделены принципы предметности, активности, неадаптивной природы человеческой деятельности, анализа деятельности «по единицам», интериоризации и экстериоризации, опосредствования, а также принципы зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности и историзма.

1. Принцип предметности как оппозиция принципу стимульности

Принцип предметности составляет, по точному выражению В.В.Давыдова (*Давыдов, 1979*), ядро теории деятельности. Именно этот принцип и тесно связанный с ним феномен предметности позволяет провести четкую разделяющую линию между деятельностным подходом и различными натуралистическими поведенческими концепциями, основывающимися на схемах «стимул—реакция», «организм—среда» и их многочисленных модификациях в

необихевиоризме (Выготский, Лурия, 1930). Поскольку без детального освещения принципа предметности нельзя понять смысл теории деятельности, необходимо очертить его содержание.

Сделать это, однако, далеко не просто, так как с первых же шагов нас подстерегают те «милые» препятствия, как называет такого рода препятствия Ф.Энгельс, которые расставляет на нашем пути цепкое метафизическое мышление. Первое из этих препятствий заключается в том, что «предмет» берется в своем обыденном понимании как «вещь», т.е. вне зависимости от деятельности. Такого рода понимание является благодатной почвой для разного рода вульгаризмов вроде высказывания о том, что предметная деятельность — это не что иное, как манипулирование с предметами, и только. При этом окружающая нас действительность сразу же, как это и проделывают бихевиористы, благополучно рассекается на мир стимулов («вещей»), воздействующих на субъекта, и мир реакций. Между тем, как специально подчеркивал А.Н.Леонтьев, он понимает предмет не как «вещь», сам по себе существующий объект природы, а как «... то, на что направлен акт <...>, т.е. как нечто, к чему относится живое существо, как предмет его деятельности — безразлично, деятельности внешней или внутренней» (Леонтьев А.Н., 1977, с.39). И далее, в более поздней работе продолжает: «... предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющийся себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев А.Н., 1977, с.84). В свою очередь, регулируемая образом деятельность субъекта опредмечивается в своем продукте. Опредмечиваясь в продукте, она превращается в идеальную *сверхчувственную* сторону производимых ею вещей, их особое системное качество (Давыдов, 1979).

Все высказанные выше теоретические положения являются основой понимания принципа предметности в теории деятельности. Однако за ними нелегко просматривается

психологическая реальность, и порой создается впечатление, что эти положения остаются на уровне высоких абстракций. Поэтому-то мы считаем необходимым прямо указать на различные феномены предметности, которые проявляются в познавательной и мотивационно-потребностной сферах деятельности личности.

В экспериментальной психологии существует немало фактов, на материале которых можно отчетливо высветить самые различные аспекты феномена предметности. Прежде всего к числу этих фактов относятся обнаруженные гештальтпсихологами К.Левиним и К.Дункером феномены «характера требования» и «функциональной фиксированности» объектов. «Характер требования» и «функциональная фиксированность» относятся к такого рода свойствам объекта, которыми объект наделяется, только попадая в целостную систему, в то или иное феноменальное поле (Дункер, 1966; Lewin, 1926).

Сущность феномена и принципа предметности особенно ярко проступает в тех фактах, в которых проявляется расхождение и даже конфликт между естественной логикой движения, определяемой чисто физическими свойствами объекта как «вещи», и логикой действия с «предметом», за которым в процессе общественного труда фиксирован вполне определенный набор операций. Такого рода конфликт и выступил в качестве прообраза методического принципа экспериментальных исследований практического интеллекта ребенка, которые проводились А.Н.Леонтьевым и его сотрудниками: Л.И.Божович, П.Я.Гальпериним, А.В.Запорожцем и другими в 1930 годы. Приведем в качестве примера исследование Л.И.Божович. Она просила детей 3—5 лет достать картинку, которая прикреплена к рычагу на столе. Хитрость заключалась в том, что для того, чтобы дотянуться до картинку, ребенок должен был оттолкнуть доступный ему конец рычага от себя. Ребенок же вначале пытается дотянуться до него рукой, затем тянет ручку рычага к себе, и все время терпит неудачи, так как логика непосредственного восприятия ситуации вступает в конфликт с логикой «орудия», которая, используя термин К.Левина, «требует», чтобы ребенок от-

толкнул ручку от себя (см. *Запорожец, Эльконин, 1964*), лишь тогда картинка приблизится к нему. На том же принципе построены эксперименты П.Я.Гальперина, в которых был пойман момент перехода от естественной логики движения руки с орудием как природной вещью к логике, задаваемой оперделмеченной в орудии операцией (*Гальперин, 1980*). Впоследствии специфические особенности «предметных» действий очень ясно и полно были описаны Н.А.Бернштейном. «Дело в том, что движения в предметном уровне ведет не пространственный, а смысловой образ и двигательные компоненты цепей уровня действий диктуются и подбираются по смысловой сущности предмета и того, что должно быть проделано с ним. Поскольку же эта смысловая сущность далеко не всегда совпадает с геометрической формой, с пространственно-кинематическими свойствами предмета, постольку среди движений — звеньев предметных действий вычленяется довольно высокий процент движений, ведущих *не туда*, куда непосредственно зовет пространственное восприятие...» (*Бернштейн, 1947, 1966*). Процедуры открывания крышки шкатулки путем прижатия ее книзу, поворота лодки против часовой стрелки путем поворота руля по часовой стрелке — все это примеры движений «не туда», в которых вещь фигурирует в первую очередь не как «материальная точка в пространстве», не как стимул, вызывающий реакции, а как предмет — носитель общественно-исторического опыта, определяющий специфику предметного действия.

А.Н.Леонтьев и его сотрудники, исследующие значения, фиксируемые в орудиях, Н.А.Бернштейн, изучавший характер предметных действий, имели дело с той же реальностью, что К.Левин и К.Дункер. Но в отличие от гештальтпсихологов они сумели раскрыть действительное происхождение этой реальности, этих «системных качеств» объекта (*Кузьмин, 1976*), усмотреть за ней «осевшую» на объектах человеческого мира деятельность (см. *Асмолов, 1980*).

Феномен предметности исчезает, стоит лишь изъять объект из той или иной деятельности как особой системы. Поэтому все дискуссии (см. *Вилюнас, 1974*) о том, выне-

сен ли у А.Н.Леонтьева мотив вовне, или же он внутри субъекта, основаны на недоразумении, вытекающем из чисто натуралистической трактовки взаимоотношений между субъектом и объектом. Еще раз подчеркнем, что ни на каком объекте, взятом самом по себе, не написано, что он является мотивом деятельности, и в то же время любой объект может превратиться в мотив (предмет потребности), приобрести такие сверхчувственные системные качества как «характер требования», тогда, и только тогда, когда он попадает в определенную систему деятельности.

Наделяется этими сверхчувственными системными качествами и такой вполне «телесный объект», как человек, вступая во все новые и новые отношения с другими людьми и становясь порой мотивом их деятельности. Парадокс здесь заключается в том, что именно эти качества человека, а не то, что спрятано под поверхностью его кожи, составляют сущность его личности. Здравый смысл в самых разных формах упорно сопротивляется подобному «предметному» пониманию личности, выступая в обыденном сознании порой в виде расхожих представлений, вроде представления об идеализации, приукрашивании любимого человека. В действительности же любящий, включаясь в такой вид творческой деятельности, как «творчество любви», не идеализирует, а одновременно *наделяет* и раскрывает самое что ни на есть реальное в другом человеке — лучшее в нем¹.

При изучении феноменов предметности встает немало вопросов, среди которых особое место занимает вопрос о генезисе предметности. В самой предварительной форме можно предположить, что предметность в своем развитии минует три следующих ступени: в филогенезе мир выступает для животных как *биосмысловое пространство*,

¹ В ином аспекте ставит эту проблему С.Л.Рубинштейн. Для него за феноменом идеализации любимого человека стоит процесс более глубокого проникновения любящего в сущность личности, раскрытие того, что уже есть в этом человеке и чего не видят другие (см. *Рубинштейн, 1973, с.374*]).

пространство биологических смыслов; на ранних этапах развития человечества мир предстает перед человеком как *пространство значений* (последнее особенно рельефно видно на примере анализа первобытного сознания, где смысл и значение еще неразрывны, еще полностью совпадают — Леонтьев А.Н., 1965); и наконец, следующей ступенью развития предметности является рождение *личностносмыслового пространства*.

Итак, реальным основанием для выделения принципа предметности служит целый ряд явлений, описанных нами выше и охарактеризованных как феномены предметности. Если принцип предметности выделяется как исходный, то а) снимается присущее бихевиоризму противопоставление мира стимулов и мира реакций; б) субъект и объект рассматриваются как полюса одной цельной системы, системы деятельности, внутри которой они только и обретают присущие им системные качества. Анализ деятельности на полюсе субъекта вплотную подводит нас к еще одному фундаментальному принципу теории деятельности — принципу активности.

2. ПРИНЦИП АКТИВНОСТИ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ РЕАКТИВНОСТИ

Представления о реактивной и пассивной природе человека всегда были и остаются отличительным признаком различных психологических и физиологических концепций, основывающихся на идеях механистического материализма, для которого характерен взгляд на человека как своего рода машину. Своеобразной иллюстрацией устойчивости этих представлений может послужить воображаемая переключка между философами средневековья, физиологами, работающими в рамках рефлекторного подхода, бихевиористами и представителями когнитивной психологии, которые строят свои исследования познавательных процессов, исходя из «компьютерной метафоры» (Neisser, 1976). Так, Ч.Шеррингтон словно переключается с Дж.Уотсоном, говоря, что животные являются лишь марионетками, которых явления внешнего мира заставляют

совершать то, что они совершают (*Шеррингтон*, 1969; *Уотсон*, 1926). Однако Ч.Шеррингтон вслед за Р.Декартом предусмотрительно говорит о реактивной, пассивной природе *только* животных. Родоначальник же бихевиоризма Дж.Уотсон с присущей ему категоричностью заявляет: «... Психологически человек все еще остается комком непроанализированной протоплазмы» (*Уотсон*, 1926; *Андреева*, 1980). А Дж.Уотсону спустя полвека вторит Б.Скиннер, утверждая, что за поведение человека несет ответственность не он сам, а окружающая его среда (*Skinner*, 1971).

Превращение человека у бихевиористов в марионетку, а в социальном бихевиоризме Скиннера — в функционера, манипулирующего посредством разных подкреплений, — вещь закономерная. Предложив для объяснения поведения лаконичную схему S—R, бихевиористы предприняли попытку исключить такие якобы мистические категории, как «намерение», «образ», «сознание», «апперцепция», «свобода», «вина» и т.п., — словом все то, что было связано с *активностью и пристрастностью субъекта* (см. *Асмолов*, 1977).

В противовес этим принципам советские психологи, и в частности представители той школы, о которой мы говорим, с самого начала отстаивали положение о пристрастности, активности психического отражения, опосредствующего деятельность субъекта. С нашей точки зрения, сейчас могут быть выделены три подхода, раскрывающие разные грани принципа активности.

Первый и наиболее традиционный из них состоит в том, что исследуется зависимость познавательных процессов от различного рода ценностей, целей, установок, потребностей, эмоций и прошлого опыта, которые определяют *избирательность и направленность* деятельности субъекта. «Понятие субъективности образа, — отмечает А.Н.Леонтьев, — включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, “что человеку нужно”, — от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что

она позволяет активно проникать в реальность» (Леонтьев А.Н., 1965, Neisser, 1976; Skinner, 1971). Различная глубина вклятов субъекта в психическое отражение проявляется на разных уровнях — от избирательности восприятия, обусловленной предшествующим контекстом, до пристрастности отражения, обусловленной мотивами личности, т.е. до раскрытия личностных смыслов тех или иных событий. Отметим, что подобное понимание активности во многом роднит рассматриваемую нами теорию деятельности с разными течениями у нас в стране и за рубежом. Оно может быть полностью выражено известной формулой С.Л.Рубинштейна, согласно которой внешние причины действуют через внутренние условия (Рубинштейн, 1957). Второй подход к проблеме активности является антиподом различных представлений о поведении, основывающихся на принципе реактивности. Этот подход выражается во взгляде на познавательные и вообще психические процессы как на творческие, продуктивные, как на процессы *порождения* психического образа. Представители его (это прежде всего Н.А.Бернштейн (1966), П.Я.Гальперин (1976) и А.Н.Леонтьев (1965) с самого начала показывают, что в той среде, где возможно поведение как реактивное приспособление к миру, в возникновении психического отражения, собственно говоря, нет никакой необходимости, а все реагирование субъекта может быть основано на врожденных физиологических механизмах или готовых для распознавания объекта шаблонах и эталонах.

Совсем недавно и с несколько неожиданной стороны представители второго подхода получили подтверждение не только его правильности, но и своевременности (см. Neisser, 1976). Разработчики математических моделей распознавания образа убедились в том, что сказочная форма «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что» имеет гораздо более глубокий смысл, чем это может показаться с первого взгляда. Оказалось, что в реальной жизни встреча с подобными «плохо сформулированными задачами» является скорее правилом, чем исключением. Мы то и дело попадаем в ситуации, где буква S при случае может быть воспринята как цифра 5 или змея и т.д. Для таких ситуа-

ций характерны следующие черты: во-первых, они содержат неопределенность, и мало указаний на то, что же требуется получить; во-вторых, для их решения постоянно приходится обращаться к частным, разовым способам решения, применимым к данному конкретному случаю. Таким образом, как мы видим, представители различных вариантов теории распознавания образа и вместе с ними психологи когнитивистского направления, такие, как У.Найссер, попадают в затруднительное положение, когда им приходится решать вопрос, как распознаются «плохо оформленные» категории. Выход из этого положения пытаются найти на пути выделения универсальных шаблонов, посредством которых можно распознавать образ, подогнать стимул к готовому шаблону (*Там же*). Такого рода шаблоны или готовые рефлекторные механизмы поведения были бы наиболее экономным способом приспособления в стационарной, а не в изменчивой среде. Именно в стационарной среде поведение по принципу реактивности обеспечило бы организму наилучшее выживание.

Но, как отмечал Н.А.Бернштейн, развивая взгляды на моторное запоминание как активную творческую деятельность, что бы человек ни делал — бежал ли по неровному месту, боролся с другими животными, выполнял тот или иной рабочий процесс, — всегда и всюду он занимается преодолением сил из категории *неподвластных, непредусмотренных и не могущих быть преодоленными никаким стереотипом движения, управляемым только изнутри* (Бернштейн, 1947). В связи с этим положением ни запоминание, ни восприятие не могут быть объяснены при помощи ассоциативных или бихевиористских концепций, рассматривающих эти процессы как пассивное «отдавание» воздействиям, идущим извне, и как опирающиеся на те или иные раз и навсегда приготовленные следы, шаблоны в нервной системе. Они всегда представляют собой многофазное *активное* строительство, т.е. не проторение или повторение движений, а их *построение* (*Там же*). Близки к представлениям Н.А.Бернштейна идеи А.Н.Леонтьева и его последователей о формировании образа как его порождении, двойном уподоблении — свойствам воздействующего объекта

и тем задачам, которые предстоит решать (см., например, *Зинченко, 1971*). Таким образом, этот второй подход к проблеме активности на материале исследований восприятия и памяти убедительно доказывает ограниченность принципа реактивности как универсального принципа при объяснении деятельности человека.

Третий подход к проблеме активности во главу угла ставит идею о самодвижении деятельности, об активности субъекта как необходимом внутреннем моменте его саморазвития. Поскольку этот подход к проблеме активности неотрывен от принципа неадаптивной природы человеческой деятельности, он будет разобран в следующем разделе.

3. ПРИНЦИП НЕАДАПТИВНОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ АДАПТИВНОСТИ

Анализ принципа неадаптивности как принципа, отражающего специфическую характеристику человеческой деятельности, необходимо включает в себя следующие моменты: а) критический анализ теорий эмпирической психологии, берущих за основу биологический принцип гомеостазиса для объяснения поведения человека; б) раскрытие природы процесса преобразования потребности в ходе деятельности по формуле: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» (*А.Н.Леонтьев*); в) выделение положения о предметном, в марксовом понимании этого слова, и бесконечном характере развития человеческих потребностей вследствие универсальной пластичности поисковой активности и постоянного воспроизводства духовных и материальных предметов культуры; г) новые попытки изучения психологических механизмов саморазвития деятельности. Остановимся коротко на каждом из них.

Принцип гомеостазиса психология унаследовала от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию — вернуть организм в состоя-

ние равновесия. В эмпирической психологии этот принцип принимал, как это было показано в исследовании В.А.Петровского, самые различные формы (*Петровский В.А., 1975*). Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой вся активность субъекта сводится к установлению равновесия со средой. Но какую бы из этих форм мы ни взяли, всех их объединяет одно, а именно выделение стремления субъекта к некоторой *конечной, заранее предуготовленной цели*. Подчиненность активности какой-либо конечной, заранее установленной цели и составляет ту существенную особенность, на основе которой мы оцениваем поведение как адаптивное (*Там же*). Наивно было бы при этом отрицать наличие у человека широкого класса поведенческих актов адаптивной природы (см. об этом *Алхазивили, 1974*). Точно так же как самолет, взлетающий в небо, как однажды метко выразился Л.М.Веккер, не противоречит и тем более не отменяет законов земного тяготения, возникновение неадаптивной деятельности никоим образом не является отрицанием адаптивных поведенческих реакций.

Неадаптивный характер предметной деятельности явно выступает при изучении активности человека, отвечающей формуле «внутреннее (субъект) действует через внешнее и тем самым само себя изменяет». Суть этой леонтьевской формулы активности можно проиллюстрировать на примере развития человеческих потребностей. Вначале потребность выступает как чисто динамический силовой импульс, некоторый физиологический порыв (*drive*), который приводит к возникновению направленной поисковой активности. Вследствие своей *универсальной пластичности* (В.В.Давыдов) поисковая активность может подчиниться, уподобиться, принять в себя самые разные предметы окружающего мира (*Давыдов, 1979*). До того, как это «внутреннее» побуждение не нашло в процессе активности свой предмет, оно способно вызывать лишь «внешнее» — саму эту поисковую активность. Однако после встречи этого побуждения с предметом, который заранее не предуготовлен, картина разительно меняется. Побуждение преобразуется, опредмечивается, и потребность начинает направлять, вести за собой деятельность. Только в этой своей направляющей

функции потребность является предметом психологического анализа (Леонтьев А.Н., 1977). Если у животных диапазон объектов, на которых может фиксироваться потребность, весьма ограничен, то у человека в силу постоянного преобразования им среды, производства материальных и духовных ценностей, этот диапазон не имеет границ. Преобразование по описанной выше формуле активности потребностей, переход их из физиологического состояния нужды, выступающей в роли предпосылки деятельности, на уровень собственно психологической регуляции деятельности, естественно, лишь один из частных случаев таких трансформаций. Подобного рода трансформации происходят и с индивидом в целом, приводя к рождению личности, и с личностью, выступая как самодвижущая сила ее развития. Последний момент особенно выделен С.Л.Рубинштейном, который писал: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя» (Рубинштейн, 1973, с.334).

Методологические представления о «самостоятельной силе реакции» (Ф.Энгельс), о *самодвижении* деятельности определили общую стратегию поиска конкретных психологических феноменов и механизмов этого самодвижения. А.Н.Леонтьев подчеркивал, что источники как саморазвития, так и сохранения, устойчивости деятельности должны быть найдены в ней самой. Для ответа на вопрос, как рождается новая деятельность, была предпринята попытка экспериментально исследовать возникающую по ходу движения деятельности избыточную активность, этот своего рода «двигатель» деятельности (Петровский В.А., 1975). На материале анализа феномена «бескорыстного риска», проявляющегося в ситуации опасности, было показано, что человеку присуща явно неадаптивная по своей природе тенденция действовать как бы вопреки адаптивным побуждениям над порогом внутренней и внешней ситуативной необходимости. В основе феномена «бескорыстного риска», в частности, и в основе зарождения любой новой деятельности лежит порождаемый развитием самой деятельности источник — «надситуативная активность». Эти исследования резко выдвигают

гают на передний план идею о неадаптивном, непрагматическом характере активности субъекта, его саморазвитии и тем самым закладывают основания для нового проблемного поля анализа деятельности (*Там же*). С исследованиями надситуативной активности непосредственно соприкасаются исследования, в которых вводятся представления об установках как механизмах, обеспечивающих устойчивость движения деятельности (*Асмолов, 1980*). Если установки как бы пытаются удержать деятельность в заранее заданных границах, обеспечивают ее устойчивый характер, то надситуативная активность, взламывая эти установки, выводит личность на новые уровни решения жизненных задач (*Асмолов, 1979, 1980; Петровский В.А., 1975, 1981*). Представления динамического подхода к изучению механизмов развития деятельности во многом пересекаются с трактовкой психического как процесса в школе С.Л.Рубинштейна (см. *Брушлинский, 1979*). С позиции развиваемого в русле теории деятельности динамического подхода к психологическому анализу деятельности можно принципиально по-новому рассмотреть экзистенциалистские концепции зарубежной гуманистической психологии о самореализации (Г.Олпорт) и самоактуализации (А.Маслоу) личности (*Allport G., 1969; Maslow, 1968*) и раскрыть подлинную природу психологических механизмов ее развития. Все это составляет специальную проблему появившегося в последнее время цикла исследований личности (*Асмолов, Братусь, Зейгарник и др., 1979*).

4. ПРИНЦИП ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

Положение Л.С.Выготского об опосредствованном характере высших психических функций, об использовании внешних и внутренних средств, знаков как «орудий», при помощи которых человек овладевает своей деятельностью, переходит к преднамеренной произвольной регуляции поведения, вошло в арсенал основополагающих принципов советской психологической науки и широко освеще-

но в отечественной литературе (Выготский, Лурия, 1930; Выготский, 1956, 1960; Давыдов, 1972).

Прежде всего следует выделить те задачи, ради разрешения которых Л.С.Выготским был введен этот принцип. Таковой задачей была, во-первых, задача преодоления постулата непосредственности в традиционной психологии и вытекающей из этого постулата натурализации, отождествления закономерностей приспособления к миру у животных и человека. Второй и главной задачей была задача изучения *преобразования* природных механизмов психических процессов в результате усвоения человеком в ходе общественно-исторического онтогенетического развития продуктов человеческой культуры в «высшие психические функции», присущие только человеку. Если воспользоваться словами К.Маркса, это была задача изучения преобразования человека из «субъекта природы» в «субъект общества» (Маркс, т. 23; Эльконин, 1971). При решении этой задачи Л.С.Выготским и были развиты взаимосвязанные положения об опосредствованном характере высших психических функций и об интериоризации (Выготский, 1960). То, каким образом воплотились эти положения в конкретных психологических исследованиях, можно проиллюстрировать на материале анализа мнемической деятельности.

В развитии представлений психологов о роли средств в процессах запоминания и забывания можно выделить три периода. Вначале психологи, такие, как Г.Эббингауз, всячески старались устранить влияние мнемотехнических приемов и средств на запоминание, воспринимая их как досадные препятствия на пути поиска «чистых» законов памяти. Для второго периода, падающего в зарубежной психологии примерно на 1960 годы, характерно то, что использование средств уже не воспринимается как трюкачество, а становится предметом специального исследования при анализе приемов повышения эффективности запоминания (см. Neisser, 1976). Коренной перелом во взглядах на роль внешних и внутренних средств в запоминании и шире — в человеческом поведении вообще, происходит в работах школы Л.С.Выготского конца 1920—начала 1930 годов. Там, где представители ассоциативной

и когнитивной психологии усматривают лишь приемы, облегчающие запоминание, Л.С.Выготский видит переход к принципиально новому типу приспособления человека к действительности, отличному от непосредственно определяемого стимуляцией приспособления у животных. Иными словами, в одних и тех же фактах Л.С.Выготский и представители указанных направлений зарубежной психологии раскрывают совершенно разное. Л.С.Выготский писал: «Если вдуматься глубоко в тот факт, что человек в узелке, завязываемом на память, в сущности конструирует извне процесс воспоминания, <...> напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность, если вдуматься в сущность того, что при этом происходит, один факт может раскрыть все своеобразие высших форм поведения. В одном случае нечто запоминается, в другом — человек запоминает нечто. В одном случае временная связь устанавливается благодаря взаимодействию двух раздражителей, одновременно воздействующих на организм; в другом — человек сам создает при помощи искусственного сочетания стимулов временную связь в мозгу.

Самая сущность человеческой памяти состоит в том, что человек активно запоминает с помощью знаков. О поведении человека в общем виде можно сказать, что человек активно вмещивается в свои отношения со средой, через среду изменяет поведение, подчиняя его своей власти» (Выготский, 1960, с.119—120). В принципе опосредствования как регулятивном принципе социальной детерминации поведения при помощи специфически культурных стимулов-знаков просматриваются ставшие впоследствии (в теории предметной деятельности) ключевыми положения об опосредствовании психического отражения тем содержательным процессом, который связывает субъекта с предметным миром, т.е. процессом предметной деятельности (А.Н.Леонтьев), и столь важные для современной социальной психологии представления об опосредствовании межличностных отношений совместной предметной деятельностью (А.В.Петровский). Из принципа опосредствования вырастает положение

о единстве строения внешней и внутренней деятельности, очертания которого уже отчетливо прорисовываются в исследованиях А.Н.Леонтьева внешнего опосредствованного запоминания и внутреннего опосредствованного запоминания, возникающего в результате перехода, «вращивания» внешних средств во внутренние средства в онтогенетическом развитии памяти². В этом же исследовании наглядно показывается, что принцип опосредствования неотрывен от принципа интериоризации.

5. ПРИНЦИП ИНТЕРИОРИЗАЦИИ—ЭКСТЕРИОРИЗАЦИИ КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

На пути анализа принципа интериоризации—экстериоризации как принципа, раскрывающего механизм усвоения человеком общественно-исторического опыта, перехода совместных внешних действий во внутренние действия субъекта, развития личности, исследователей поджидает немало трудностей. И одна из них состоит в том, чтобы разрушить очень устойчивую ограниченную интерпретацию принципа интериоризации.

Прежде всего, как нам кажется, необходимо показать неоправданность долгое время бытовавшего мнения о том, будто бы представители теории деятельности выступали против понятия «социализация» как такового. Почвой для возникновения этого мнения послужили следующие основания. Первое из них, как на это справедливо указывает Г.М.Андреева (1980), имеет своим истоком резкую критику Л.С.Выготским представлений о социализации ребенка в концепции Ж.Пиаже. В ранних исследованиях Ж.Пиаже социальная среда интерпретируется в соответствии с канонами психоанализа как внешняя, чуждая по

² Мы считаем необходимым особо подчеркнуть эту преемственность во взглядах между Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым в связи с нередко встречающимся мнением о том, что Л.С.Выготский не является представителем теории деятельности.

отношению к ребенку сила, которая *принуждает* его принять чуждые схемы мысли (см. *Выготский*, 1956). Против пестрой смеси в концепции социализации, в которой причудливо переплетаются психоанализ с социологической теорией Э.Дюркгейма, и выступал Л.С.Выготский, а затем и его последователи. Вторым истоком указанного выше мнения является настойчивое стремление А.Н.Леонтьева дать содержательную характеристику понятию «социализация». Пытаясь сделать это, А.Н.Леонтьев вводит положение об интериоризации—экстериоризации как взаимопереходах в системе предметной деятельности человека. И наконец, еще одним основанием для возникновения этого мнения, лишь разрушив которое мы сможем вернуть понятию «интериоризация» его более широкий первоначальный смысл, является то, что с середины 1950 годов основные усилия таких представителей деятельностного подхода, как П.Я.Гальперин, В.В.Давыдов, Н.Ф.Талызина, сконцентрировались на изучении интериоризации как механизма перехода из внешней практической или познавательной деятельности во внутреннюю деятельность (*Гальперин*, 1980; *Давыдов*, 1972; *Талызина*, 1975). В этих исследованиях, поставивших в центр проблему перехода из внешнего плана деятельности во внутренний *идеальный* план, выделилась теория поэтапного, или планомерного, формирования умственных действий, созданная работами П.Я.Гальперина и его последователей. Однако нацеленность этих исследований прежде всего на изучение познавательной деятельности индивида привела к неявному возникновению сужения понятия «интериоризация» к понятию, раскрывающему механизм превращения материального в идеальное, внешнего во внутреннее в *индивидуальной* деятельности, а также к трактовке в исследованиях А.Н.Леонтьева и П.Я.Гальперина внешней деятельности как не имеющей в своем составе психических компонентов (см. *Брушлинский*, 1979). Более широкий смысл понятия «интериоризация» как механизма социализации оказался в тени. Между тем, еще в начале 1930 годов Л.С.Выготский весьма недвусмысленно писал: «Для нас сказать о процессе “внешний” — значит сказать “со-

циальный". Всякая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией: она была прежде социальным отношением двух людей» (Выготский, 1960; Выготский, Лурия, 1930) [курсив мой — А.А.]. Напомним, что для Л.С.Выготского интериоризация и представляла собой переход от внешнего, интерпсихического к внутреннему, интрапсихическому. В понятии «интериоризация» необходимо выделить три грани.

Первую грань можно было бы назвать гранью *индивидуализации*. Раскрытие этой грани позволило Л.С.Выготскому отразить основной генетический закон культурного развития: от интерпсихического, социальной коллективной деятельности ребенка к индивидуальному, интрапсихическому, собственно психологическим формам его деятельности. Суть этой закономерности развития конкретных видов деятельности рельефно выступает в исследованиях Л.С.Выготского по превращению внешней социальной речи, «речи для других», во внутреннюю речь, «речь для себя». Совсем недавно начали появляться исследования интериоризации межличностных отношений в онтогенезе. Так, в исследовании В.В.Абраменковой показывается, как возникают и проявляются гуманные отношения к сверстнику у дошкольников в совместной деятельности (Абраменкова, 1980). Вначале совместная деятельность, предполагающая реальное сотрудничество детей, порождает и полностью определяет опосредствованные ею гуманные отношения. С возрастом гуманные отношения, интериоризируясь в ходе совместной деятельности, фиксируются в гуманных смысловых установках личности ребенка, проявляющихся в таких переживаниях ребенка, как сострадание и сорадование неудачам и успехам других. В онтогенезе взаимосвязи между гуманными, или шире, межличностными, отношениями, преобразованными в установки личности, к совместной деятельности как бы переворачиваются: если у детей совместная деятельность непосредственно порождает и опосредствует гуманные отношения, то у взрослых гуманные отношения, фиксировавшись в установках личнос-

ти, сами опосредствуют и даже определяют выбор тех или иных мотивов конкретной деятельности. Такого рода исследования ставят перед представителями теории деятельности проблему изучения интериоризации межличностных отношений, которая еще ждет своего решения.

Вторая грань понятия «интериоризация», отражающая переход от «мы» к «я» (Кон, 1978), лучше всего, на наш взгляд, передается посредством термина *интимизация*. Исследуя эту грань, мы подходим к таким проблемам, как проблемы самосознания личности. При изложении этого аспекта интериоризации можно сослаться, например, на глубокие наблюдения С.Л.Рубинштейна, который в простом факте называния двухлетними детьми себя в третьем лице (Петя, Ваня), т.е. так, как их зовут другие люди, а лишь затем в первом лице («я»), видит начало осознания детьми своего «я» (Рубинштейн, 1973).

И наконец, третья, наиболее изученная грань понятия «интериоризация» — это интериоризация как *производство внутреннего «плана сознания»*. Казалось бы, детальное изучение этого аспекта интериоризации должно было бы послужить своеобразной гарантией от односторонних его интерпретаций. Тем не менее интериоризация порой трактуется как прямой, механический перенос внешнего, материального во внутреннее, идеальное. Отчасти такое впечатление может возникнуть из-за подчеркивания в теории деятельности положения о единстве строения внешней и внутренней деятельности. Но единство, например, мысли и слова, как неоднократно подчеркивал Л.С.Выготский, никак не означает их тождественности, одинаковости. Для того чтобы избежать возникновения впечатления об интериоризации как механическом переносе, можно привести красноречивые факты тех трансформаций, которые претерпевает строение внешней речи при преобразовании во внутреннюю речь (особый синтаксис, преобладание смысла над значением, слияние смыслов и т.п.) (Выготский, 1956), или такие выделенные П.Я.Гальпериним специфические особенности перехода внешней деятельности во внутреннюю, как обобщение, свертывание и т.п. Безусловно, что сами эти особенности также

нуждаются в дальнейшем изучении, выявлении их собственно психологического содержания (Давыдов, 1979).

Только рассмотрение всех этих граней принципа интeриоризации—экстeриоризации позволит дать содержательную характеристику представлений о механизмах социализации в теории предметной деятельности.

6. ПРИНЦИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «ПО ЕДИНИЦАМ» КАК ОППОЗИЦИЯ ПРИНЦИПУ АНАЛИЗА «ПО ЭЛЕМЕНТАМ»

Принципы реактивности и непосредственности постоянно соседствуют в основывающихся на механистическом материализме психологических теориях с принципом атомарного анализа психики. Этот принцип зиждется на присущей механистическому материализму уверенности, что целое есть всегда сумма составляющих его частей, и не более того (см. об этом Бернштейн, 1947). В психологии этот принцип анализа был назван Л.С.Выготским принципом анализа «по элементам». «Существенным признаком такого анализа является то, — писал Л.С.Выготский, — что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, — элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло бы обнаружить» (Выготский, 1956, с.46). В качестве типичного примера анализа поведения человека «по элементам» можно привести сведение поведения человека к сумме рефлексов в радикальном бихевиоризме. Полную противоположность принципу анализа «по элементам» представляет собой *системный* принцип анализа «по единицам», существеннейшая черта которого состоит в том, что продукт такого анализа несет в себе все основные свойства, присущие целому (Там же).

Из принципа анализа «по единицам» исходит и А.Н.Леонтьев при разработке представлений о структуре предметной деятельности. В предметной деятельности, имеющей иерархическую уровневую структуру, вычленяются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живо-

го потока «единицы» — действия и операции. А.Н.Леонтьев специально указывает, что структурные моменты деятельности, «единицы» деятельности не имеют своего отдельного существования. При выделении этих «единиц» мы как бы отвечаем на три следующих вопроса: *Ради чего* осуществляется деятельность? *На что* направлена деятельность? *Какими способами*, приемами реализуется деятельность? Отвечая на первый вопрос, мы выделяем такой *системообразующий* признак, характеризующий особенную деятельность, как мотив деятельности (предмет потребности). При ответе на второй вопрос внутри деятельности выделяется иерархически подчиненный по отношению к первому *системообразующий* признак — *цель*, к которой стремится субъект, побуждаемый тем или иным мотивом. Процессы, направленные на достижение сознаваемого предвидимого результата, т.е. цели, и представляют собой *действия*. Но действие не происходит в пустоте, а всегда осуществляется в определенных условиях. Для того, чтобы ответить на вопрос, какими приемами осуществляется действие, в действиях вычленяются операции — способы достижения цели действия, которые соотносимы с *условиями выполнения действия*. В этих условиях, как правило, фиксированы в результате экстерииоризации те или иные «функциональные значения» (Зинченко, Гордон, 1975). И наконец, четвертым необходимым моментом психологического строения деятельности являются психофизиологические механизмы — реализаторы действий и операций. Таково краткое описание строения предметной деятельности.

В зависимости от задачи, которую ставит перед собой исследователь, у него начинают «работать» при объяснении различных сторон психической реальности разные «единицы» деятельности (Леонтьев А.А., 1978; Юдин, 1978). Так, например, при анализе развития личности в качестве «единицы» выступает «особенная деятельность». Образцом такого рода исследований являются разработанные Д.Б.Элькониным представления о периодизации развития личности ребенка (Эльконин, 1971). При исследовании социальной перцепции, динамики групповых процессов в

социальной психологии в работах Г.М.Андреевой и А.В.Петровского все активнее начинает применяться такая «единица», как совместная предметная деятельность (Андреева, 1980; Психологическая теория коллектива, 1979). При исследовании познавательных процессов, например, при изучении запоминания, мышления или восприятия, в качестве «единицы» анализа используется «действие». Именно «действие» рассматривается в исследованиях памяти, проведенных П.И.Зинченко и А.А.Смирновым, как основная единица структурного, функционального и генетического анализа произвольного запоминания (Зинченко, 1971; Смирнов, 1965). Продуктивность использования «действия» как «единицы» анализа восприятия можно проиллюстрировать на примере исследований, проведенных в русле концепции «перцептивных действий» (Давыдов, 1979). Список работ, показывающих объяснительную нагрузку различных «единиц» анализа предметной деятельности, можно было бы продолжить (см. например, Бернштейн, 1947; Давыдов, 1979; Тихомиров, 1969).

Представления о «единицах» анализа деятельности, взаимопереходах между ними уточняются и развиваются (см., например, Тихомиров, 1969), но, как бы они ни изменялись, принцип психологического анализа «по единицам» задает общую стратегию изучения структуры предметной деятельности.

7. ПРИНЦИП ЗАВИСИМОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ ОТ МЕСТА ОТРАЖАЕМОГО ОБЪЕКТА В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из доказательств реальности существования того или иного принципа познания является то, что с ним рано или поздно приходится столкнуться представителям самых разных ориентаций в науке. Принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности пережил, по крайней мере, два своих рождения. Недавно он был замечен психологами когнитивистского направления, которые в последние годы начали осознавать тот факт, что нельзя построить психо-

логию познавательных процессов в рамках информационного подхода с его схемой «вход—выход», оставив за скобками реальный содержательный процесс взаимодействия человека с миром. «Когнитивные психологи должны предпринять огромные усилия, — пишет лидер этого направления У.Найссер, — чтобы понять то, как осуществляется познание в обычной среде и в контексте целенаправленной деятельности» (Neisser, 1976, с.7). До тех пор пока познавательные процессы не будут рассматриваться в контексте деятельности, психологи будут вынуждены довольствоваться чисто внешними количественными их описаниями вроде введенного У.Найссером принципа параллельной переработки информации.

Задолго до того, как психологи когнитивистского направления пришли к мысли о необходимости исследования познавательных процессов в контексте целенаправленной деятельности, в советской психологии в русле теории предметной деятельности на материале исследования памяти был фактически открыт принцип, охарактеризованный нами как принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности. В исследованиях П.И.Зинченко и А.А.Смирнова показано изменение характера зависимости запоминания от того, с какими компонентами деятельности — мотивами, целями или условиями выполнения действия — связан запоминаемый объект. Не пересказывая здесь известных работ П.И.Зинченко, обратим лишь внимание на то, что общий методический прием изучения произвольного запоминания является непосредственным воплощением принципа зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности. Суть этого приема состоит в том, что один и тот же материал должен был выступать в эксперименте в двух ипостасях: один раз — в качестве объекта, на который направлена деятельность, т.е. цели действия; другой раз — в качестве фона, условия достижения цели, т.е. объекта, который непосредственно не включен в выполняемую субъектом познавательную или игровую деятельность. Подытоживая результаты своих исследований, П.И.Зинченко сделал вывод о том, что материал, составляющий непосредственную

цель действия, запоминается более конкретно и эффективно, чем материал, относящийся к способам осуществления действия.

Содержание принципа зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности может быть раскрыто при исследовании творческой деятельности (Пономарев, 1976) и перцептивной деятельности (Запорожец, Венгер, Зинченко и др., 1967). Этот принцип также лег в основу функциональной классификации эмоций (Виллюнас, 1974) и представлений о разноуровневой природе установочных явлений (Асмолов, 1979). Он представляет собой один из важных принципов теории предметной деятельности и обладает далеко еще не исчерпанным объяснительным потенциалом.

Выделенная и описанная выше система принципов, так же как пронизывающий все исследования в русле деятельностного подхода принцип историзма, являют собой неповторимое лицо теории предметной деятельности. Эти принципы, конечно же, нельзя воспринимать как каноны, от которых последователи Л.С.Выготского не могут отступить ни на шаг.

Канонизация основных принципов теории несет в себе куда большую опасность, чем внешняя или внутренняя ее критика. Теории никогда не умирают от критики. Они гибнут в руках старательных учеников, спешащих их канонизировать и, тем самым, отправить на заслуженный отдых. При этом на всех этапах истории науки ученики проделывают одну и ту же незамысловатую операцию — операцию возведения исходных принципов в ранг постулатов, не требующих доказательств. Не случайно В.Келер, как вспоминает Б.В.Зейгарник, запретил своим сотрудникам использовать понятие «гештальт» для объяснения тех или иных феноменов; и в этом был абсолютно прав. Если принципы анализа деятельности будут возведены в ранг постулата, то теория деятельности превратится в теорию, достойную внимания лишь для историков психологии. Все те принципы, которые выделены в теории предметной деятельности, представляют собой не что иное, как предпосылки, определяющие ход развития современной психологии, ее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- Абраменкова В.В.* Совместная деятельность дошкольников как условие проявления гуманного отношения к сверстникам // Вопросы психологии. 1980. № 5.
- Абульханова-Славская К.А.* Категория деятельности в советской психологии // Психол. журн. 1980. Т. 1. № 4.
- Алхазивили А.А.* Специфика потребностей у человека // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.
- Асмолов А.Г.* Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.
- Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. М., 1979.
- Асмолов А.Г.* Классификация неосознаваемых явлений и категория деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 3.
- Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараш А.У., Цветкова Л.С.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4.
- Асмолов А.Г., Петровский В.А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1.
- Бернштейн Н.А.* О построении движений. М., 1947.
- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Венгер Л.А.* Восприятие и обучение. М., 1970.
- Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1974.
- Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М.— Л., 1930.
- Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1966.
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Гальперин П.Я.* Функциональное различие между орудием и средством // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / Ред. И.И.Ильясов, В.Я.Ляудис. М., 1980.

- Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Давыдов В. В.* Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н.Леонтьева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. № 4.
- Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1966.
- Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.
- Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г.* Восприятие и действие. М., 1967.
- Запорожец А.В., Эльконин Д.Б.* Психология детей дошкольного возраста. М., 1964.
- Зинченко В.П.* Продуктивное восприятие // Вопросы психологии. 1971. № 6.
- Зинченко В.П., Гордон В.М.* Методологические проблемы психологического анализа деятельности: Системные исследования. М., 1975.
- Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание. М., 1961.
- Кон И.С.* Открытие «Я». М., 1978.
- Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1976.
- Леонтьев А.А.* «Единицы» и уровни деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1978. № 2.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- Ломов Б.Ф.* Категория деятельности в психологии // Психол. журн. 1981. № 5.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
- Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1.
- Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3.
- Пономарев Я.А.* Психология творчества. М., 1976.
- Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В.Петровского. М., 1979.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1973.
- Смирнов А.А.* Проблемы психологии памяти. М., 1965.
- Суходольский Г.В.* Понятийная система психологической теории деятельности // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 3.
- Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М., 1975.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.

Уотсон Дж. Психология как наука о поведении. М., 1926.

Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969.

Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

Allport G.W. The person in psychology. Boston, 1969.

Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Berlin, 1926.

Maslow A.H. Toward a psychology of being. N.Y., 1968.

Neisser U. Cognition and reality. San Francisco, 1976.

Skinner B.F. Beyond freedom and dignity. N.Y., 1971.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В настоящей работе сделана попытка очертить две парадигмы психологического анализа деятельности — морфологическую и динамическую, — сложившиеся в русле общепсихологической теории деятельности (Леонтьев А.Н., 1975).

В последнее время проблема деятельности является объектом оживленных и полных полемического накала дискуссий. И это не удивительно: сейчас вряд ли удастся отыскать психолога, который бы в той или иной форме не касался проблемы деятельности, не давал бы ту или иную трактовку категории деятельности. При всей разнородности мнений, высказываемых при обсуждении современного состояния проблемы деятельности, их объединяет одна общая черта. Она заключается в том, что наиболее четко выделившиеся в советской психологии концепции деятельности рассматриваются как *окончательно* сложившиеся и доведенные до своего логического финала системы, т.е. системы, в которых уже проставлены все точки над *i*. Поэтому-то обычно, анализируя эти системы, будь то общепсихологическая теория деятельности А.Н.Леонтьева или концепция С.Л.Рубинштейна, начинают перечислять, что в них не сделано. Являются ли, однако, в действительности эти системы, и в частности общепсихологическая теория деятельности, о которой далее пойдет речь, чем-то окончательно сложившимся и доведенным до своего логического финала? Нет! На наш взгляд, дело обстоит совершенно противоположным обра-

* Статья написана совместно с В.А.Петровским. Опубликовано под названием «О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности» в журнале «Вопросы психологии». 1978. № 2.

зом. Эта теория представляет собой пока еще только каркас здания объективной психологической науки. Выступая в форме такого каркаса, она задает дальнейшее направление движению психологии, сама постоянно изменяясь и преобразуясь в ходе этого движения. Возможно, что выросшая из этой концепции теория деятельности в ее развитой форме будет так же походить на сегодняшнюю, как, говоря словами Л.С.Выготского о психологии грядущих дней, созвездие Пса походит на собаку — лающее животное (*Выготский, 1982*). Но в ней будут жить принципы, заложенные теорией деятельности уже сегодняшнего дня, и в этом-то и заключается суть дела.

Контурсы общепсихологической теории деятельности были намечены в исследованиях Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурия в те дни, когда молодая советская психология, пройдя между Сциллой психологии сознания и Харибдой бихевиоризма, встала на путь самостоятельного развития. Именно в то время, в начале 1930 годов в нашей психологии утверждается принцип деятельности как ведущий методологический принцип анализа психических явлений и дается определение категории деятельности. Деятельность определяется как процесс реализации жизненных отношений субъекта в предметном мире и как источник саморазвития субъекта, причем акцентируется и «работает» в конкретных исследованиях прежде всего первая часть этого определения. Следует особо подчеркнуть, что одновременно с введением чисто методологического принципа деятельности сама деятельность становится предметом конкретных исследований в работах харьковской группы психологов (А.Н.Леонтьев, Л.И.Божович, П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец, П.И.Зинченко и др.).

Эти исследования разворачиваются преимущественно в рамках морфологической парадигмы анализа деятельности. То, что мы условно обозначили *морфологической парадигмой* анализа деятельности, предполагает рассмотрение деятельности как некоторой инвариантной системы и выделение относительно устойчивых единиц, которые образуют эту систему. Следуя логике исследования, зада-

ваемой морфологической парадигмой, исследователи должны были раскрыть некоторые инвариантные для каждой деятельности единицы, т.е. те предметные и структурные моменты, которые образуют «тело» любой деятельности. Эта цель и была достигнута в целом ряде фундаментальных экспериментальных и теоретических работ. Здесь нет необходимости останавливаться на этих ставших уже классическими работах, и поэтому мы позволим себе дать лишь краткую характеристику выделенных в них структурных единиц деятельности.

В деятельности субъекта были выделены такие предметные моменты, как мотив, понимаемый как предмет потребности, цель и условия осуществления действия. Структурные моменты деятельности получили, как известно, свою специфическую характеристику при соотнесении их с мотивами, целями и условиями осуществления действия. Так, процесс, рассмотренный со стороны мотива, получает свою специфическую характеристику в качестве особенной деятельности; со стороны цели — в качестве действия; со стороны условий осуществления действия — в качестве операции. Четвертый момент психологического строения деятельности — это «исполнительные» психофизиологические механизмы, реализующие деятельность (Леонтьев А.Н., 1975).

Подобное описание деятельности как относительно инвариантной системы, конечно, нельзя считать завершенным. Возможной перспективой дальнейшего исследования деятельности в рамках морфологической парадигмы является членение деятельности на все более дробные единицы, т.е. путь анализа микроструктуры деятельности. Этот путь мы обнаруживаем в известных исследованиях В.П.Зинченко и его сотрудников, доказавших необходимость введения такой важной единицы анализа деятельности, как функциональный блок (Зинченко, 1974; Зинченко, Мунипов, 1976).

Итак, при анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются следующие структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; опера-

ция, соотносимая с условиями осуществления действия; функциональный блок, соотносимый с объектными свойствами условий, и психофизиологические реализаторы деятельности.

Иная картина и иные единицы анализа выделяются при исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы. *Динамическая парадигма* анализа деятельности предполагает выявление специфики тех моментов, которые характеризуют собственно динамику, движение самой деятельности и ее структурных образующих. Единицами, характеризующими движение самой деятельности, являются *установка*, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, и *надситуативная активность*. Содержание этих единиц, их место в процессах реализации и преобразования деятельности, а также настоятельную необходимость введения этих единиц в контекст анализа предметной деятельности мы и попытаемся сейчас показать.

Вначале мы остановимся на характеристике такой единицы анализа движения деятельности, как установка. В настоящей статье понятие «установка» впервые будет рассмотрено в качестве необходимого условия выделения динамической парадигмы психологического анализа деятельности¹. Вопрос о роли установочных явлений с необходимостью встает при изучении деятельности, как только мы начинаем рассматривать движение самой деятельности и пытаемся понять причину ее относительной устойчивости в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих движение деятельности, естественно вытекает из представлений о природе движения. Ведь в движении предметной деятельности, как и во всякой форме движения, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности, возникающая в самом процессе деятельности. Стабилизатор-

¹ О некоторых теоретических и историко-психологических предпосылках введения понятия «установка» в контекст психологии деятельности и конкретных особенностях установок (см. Асмолов, 1977 а, б; Асмолов, Ковальчук, 1975).

ры деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению направленности движения, в своеобразной «инерции» деятельности. Без таких стабилизаторов деятельность просто не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение. Она была бы подобна флюгеру и каждое мгновение изменяла бы свою направленность под влиянием любых воздействий, обрушивающихся на субъекта. Мы еще раз подчеркиваем, что стабилизаторы всегда присутствуют в движении деятельности, непрерывно «цементируя» это движение и фиксируя его направленность. Они всегда есть, хотя внешне могут не проявлять каких-либо самостоятельных признаков своего существования. Дело в том, что стабилизирующие моменты движения деятельности остаются скрытыми до тех пор, пока разворачивающаяся деятельность не сталкивается с тем или иным препятствием. Но стоит какому-либо препятствию вырасти на пути движения деятельности, и тенденция к сохранению направленности деятельности тотчас даст о себе знать. Различные проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Дон Кихот, начитавшийся рыцарских романов и постоянно ожидающий встречи с великанами, принимает за великанов ветряные мельницы и нападает на них. Африканец, впервые приехавший в Лондон, ошибочно думает, что все полицейские дружелюбно настроены по отношению к нему, так как принимает знак остановки — правую руку полицейского, поднятую ладонью вперед навстречу движущемуся транспорту, — за теплое приветствие. Большинство фантастов, по привычке считающих разум исконной привилегией человека, придают в своих рассказах обитателям других миров человеческий облик. Из всех этих примеров явственно следует, что тенденция к сохранению направленности движения деятельности имеет две стороны: во-первых, она является необходимым внутренним моментом движения деятельности, обеспечивающим его стабильность, устойчивость; во-вторых, она же обуславливает консервативность, ригидность деятельности, проявляясь в том, что субъект ста-

новится как бы «слепым» к любым воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции.

Само собой разумеется, что между абстрактным положением, констатирующим наличие подобных стабилизаторов в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того чтобы через эту пропасть перекинуть мост, нужно было рассмотреть то, как представления о стабилизаторах деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях они предстали перед исследователями.

В нашей работе было показано, что наиболее устоявшееся описание тенденции к сохранению направленности движения, или готовности действовать в определенном направлении, выражено в понятии «установка» и его многочисленных аналогах. Установочные явления хорошо известны в психологии вообще, и особенно в советской психологии, благодаря классическим работам Д.Н.Узнадзе (Узнадзе, 1966) и его учеников (Надирашвили, 1974; Натадзе, 1972; Прангишвили, 1975; Чхартишвили, 1971). Ни одна другая школа в мировой психологической науке не внесла столь значимого вклада в изучение многообразных установочных явлений, как школа Д.Н.Узнадзе. Поэтому, для того чтобы конкретизировать представления о стабилизаторах деятельности, мы прежде всего обратились к теории установки Д.Н.Узнадзе. Прделанный нами с позиций общепсихологической теории деятельности анализ представлений об установке в школе Д.Н.Узнадзе, а также различных проявлений установки в исследованиях зарубежных психологов привел к разработке гипотезы об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности (Асмолов, 1977 а, б; Асмолов, Ковальчук, 1975; Асмолов, Михалевская, 1974). В чем суть этой гипотезы?

Согласно этой гипотезе содержание, функции и феноменологические проявления установок, зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. В соответствии с основными структурными единицами деятельности выделяются уровни смысловых, целевых и

операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установок. Установки каждого из этих уровней обладают рядом характерных особенностей.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень *смысловых установок*. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к определенной деятельности в целом. Смысловая установка цементирует направленность отдельной деятельности, феноменально проявляясь в ее субъективной окрашенности, «лишних» движениях и смысловых обмолвках. Типичный пример смысловой обмолвки описан З.Фрейдом, приведшим случай, когда пациентка, рассказывая об очень близком человеке — своей тетке, постоянно называла ее «моя мать», не замечая при этом обмолвки (Фрейд, 1925). Смысловые установки относятся к глубинным образованиям мотивационной сферы личности. Их изменение всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта. В этом заключается кардинальное отличие смысловых установок от таких субъективных образований на поверхности сознания, как «отношения» в смысле В.Н.Мясищева, «значащие переживания» Ф.В.Бассина, которые могут быть изменены непосредственно под влиянием вербальных воздействий.

На другом уровне, на уровне действия, функционируют *целевые установки*. Критерием для выделения этого уровня установок является наличие цели действия. Целевая установка представляет собой готовность, вызванную превосхищаемым осознаваемым результатом, и определяет устойчивость протекания действия. Из-за того, что стабилизирующая функция целевой установки непосредственно не проявляет себя до столкновения действия с препятствием, в психологии нередко смешивают установку и направленность, тем самым растворяя эти понятия друг в друге. Между тем установка есть самостоятельный, не перекрываемый направленностью момент регуляции действия. Об этом красноречиво свидетельствуют такие факты проявления целевой установки, как феномен Зейгарник

(тенденция к завершению прерванного действия) и системные персеверации.

Опускаясь на еще более низкий уровень деятельности, мы обнаруживаем факты проявления *операциональных установок*. Под операциональной установкой понимается готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе учета условий наличной ситуации и вероятностного прогнозирования изменения этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях.

Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от того значения, которое объективировано в предвосхищаемом условии. Говоря о «значении» условий ситуации, мы имеем в виду представление А.Н.Леонтьева о том, что эти условия несут в себе внешние схемы поведения — общественно выработанные способы осуществления деятельности, ценности, предметные и социальные нормы. Именно в значениях содержатся те готовые формулы, «образы» способов действия, о которых писал Д.Н.Узнадзе (*Узнадзе*, 1966) и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться «связи времен». Эти значения, будучи представленными в образе предвосхищаемого условия ситуации, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим условием ситуации разрешения задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции, посредством которой может быть достигнута цель действия. В повседневной жизни операциональные установки проявляются в привычных, стандартных ситуациях, определяя работу «привычного», по выражению Д.Н.Узнадзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установка, а актуализируется уже ранее выработанная установка на эти условия (*Петровский В.А.*, 1975).

Феноменальные проявления установок этого уровня наиболее детально изучены в экспериментальной психо-

логии. Так, фиксированные установки, выработанные посредством классического метода фиксации установки Д.Н.Узнадзе, по своему деятельностному рангу относятся именно к операциональным установкам. Операциональные установки проявляются в известных феноменах установочных иллюзий восприятия, в ошибках «ожидания» и «привыкания», наблюдаемых в психофизических экспериментах (Асмолов, Михалевская, 1974). Феномены операциональных установок также обнаруживаются и при решении мыслительных задач. В этой области они открываются перед исследователями в виде феномена «функциональной фиксированности», проанализированного К.Дункером (Дункер, 1965), и в стереотипных, ригидных установках — готовности к переносу ранее выработанных способов действия на новые задачи, — исследованных в известных работах А.Лачинса (Luchins A., Luchins E., 1959).

И наконец, на уровне психофизиологических механизмов установка проявляется в сенсорной и моторной преднастройках, предшествующих развертыванию того или иного действия.

Вглядимся повнимательнее в многоликие проявления установок. Во всех случаях, будь то установки на уровне личности или операциональные установки, об их существовании судят по тем искажениям, которые они привносят в процессы деятельности. Благодаря этой особенности психологи узнали о существовании установочных явлений. Из-за нее в умах многих исследователей установка неправомерно ассоциируется только с фактором, вносящим искажения в разные виды деятельности. Эта особенность установок и обусловила то, что в роли основного принципа, явно или неявно используемого в экспериментальных исследованиях установочных явлений, выступил методический принцип искусственного прерывания, сбоев деятельности, например, прерывания деятельности при помощи создания неопределенности предъявляемой стимуляции — вроде пятен Роршаха или дефицита сенсорной информации в психофизических экспериментах на обнаружение сигнала, а также резкого нарушения протекания деятельности. Этот общеметодический прием служит

еще одним «операциональным» подтверждением правомерности понимания установки как стабилизатора деятельности.

Исследование уровневой природы установочных явлений и их роли в регуляции предметной деятельности находится в самом начале своего пути. Начинаются поиски методов диагностики и изменения смысловых установок личности. И уже сегодня зону этого поиска можно очертить с достаточной определенностью. Такими методами являются проективные методы (см. *Соколова, 1976*) и методы социально-психологического тренинга. Ведутся экспериментальные исследования по изучению роли межличностной идентификации в возникновении смысловых установок (*Басина, 1977; Басина, Насиновская, 1977*). В работах Е.Т.Соколовой разрабатываются представления о личностном стиле как системе смысловых установок личности (*Соколова, 1977*). В недавно завершившемся цикле исследований, проведенных под руководством О.К.Тихомирова, вскрыта сложная взаимосвязь между оценками и установками разных уровней в ходе мыслительной деятельности (*Клочко, 1977*). Все эти и подобные им исследования и определяют судьбу дальнейшего развития представлений о разных уровнях установок, стабилизирующих деятельность субъекта и позволяющих сохранить ее устойчивость в бесконечно разнообразном и постоянно изменяющемся мире.

Итак, установка, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, является единицей анализа движения деятельности субъекта. Функциональное значение установок по отношению к деятельности заключается в том, что установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», мешая деятельности вырваться за рамки исходной ситуации.

Другой единицей, вычленяемой при анализе деятельности в рамках динамической парадигмы, является

надситуативная активность. Раскроем содержание этой существенно важной новой единицы анализа.

Деятельности субъекта свойственна особая логика движения, заключающаяся в том, что субъект как бы выходит за рамки исходной ситуации развертывания деятельности, т.е. действует — если использовать известный поэтический троп — «поверх барьеров». Понятие «надситуативная активность», без введения которого невозможно понимание движения деятельности как ее саморазвития, и фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности.

Введение этого понятия (Петровский В.А., 1975, 1976, 1977) потребовало специального рассмотрения проблемы соотношения понятий «активность» и «деятельность» в рамках общепсихологической теории деятельности, выделения и критики некоторых фундаментальных положений эмпирической психологии, соотнесения и в итоге обобщения конкретных данных, полученных в разное время разными авторами в ряде экспериментальных работ, в том числе и исследований в области психологии риска, проводимых в течение ряда лет одним из авторов данной статьи (Петровский В.А., 1971, 1975 и др.).

С какими же основными методологическими проблемами мы сталкиваемся, подходя к предмету нашего рассмотрения?

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит следующая методологическая предпосылка, приобретающая статус постулата, явно или неявно принимаемого исследователями и исподволь ограничивающего движение научной мысли. Это «постулат сообразности». Он состоит в том, что субъекту приписывается изначально свойственное ему стремление к «внутренней цели», в соответствие с которой и приводятся все без исключения проявления активности (Петровский В.А., 1975, 1977). При этом вся деятельность субъекта оказывается как бы замкнутой на реализации именно этих исходных «целей». По существу речь идет об изначальной адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов субъекта.

При этом адаптивность понимается в самом широком смысле, а именно как тенденция субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности тех и только тех его жизненных отношений (побуждений, целей, норм, установок, ценностей и т.п.), которыми определяется *наличный* уровень его бытия.

В зависимости от того, какая из конечных жизненных ориентаций принимается за ведущую, выявляются различные варианты «постулата сообразности»: гомеостатический, прагматический, гедонистический. Действие постулата сообразности охватывает при этом не только эксплицированные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно (или — по М.Г.Ярошевскому — «надсознательно») используемых и глубоко укоренившихся в мышлении стереотипов и схем.

Исходным для исследования явилось положение о том, что развитие человеческой деятельности, ее движение не может быть понято в рамках постулата сообразности, утверждающего адаптивную направленность психических процессов и поведенческих актов субъекта, что, иными словами, деятельности свойственно особое качество, которое состоит в ее способности переходить за пределы функции приспособления субъекта, как бы широко последнее ни трактовалось. В этом особом качестве, как мы предположили, находит свое выражение собственно активность субъекта. Понятие «активность» в наиболее общем плане может быть раскрыто как совокупность обусловленных субъектом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и преобразование деятельности.

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов осуществления деятельности и процессов движения самой деятельности, ее самоизменения. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых и операциональных единиц деятельности на данном уровне ее развития и необходимых переходов между ними. Собственно активность, в отличие от процессов осуществления деятельности, образуют *моменты прогрессивного движения*

самой деятельности — ее становления, развития и видоизменения (Петровский В.А., 1977).

Активность как момент становления деятельности обнаруживает себя в процессах опредмечивания потребностей, целеобразования, возникновения психического образа, присвоения психологических орудий; активность как момент развития деятельности — в процессах расширенного ее воспроизводства: обогащения в индивидуальной деятельности субъекта общественно заданных мотивов, целей, средств исходной деятельности; активность как момент видоизменения деятельности характеризуется качественными трансформациями, затрагивающими основные структурные моменты исходной деятельности, а также преодолением связанных с ними установок как инерционных моментов движения деятельности.

Динамическая сторона деятельности, таким образом, не исчерпывается лишь процессами осуществления деятельности и включает в себя моменты движения, охватывающие всю деятельность как предметно-процессуальное целое. Они-то и характеризуют процесс активности субъекта.

...Сделаем небольшое отступление и напомним одну правдивую историю о том, как пришел человек за советом к мудрецу и сказал: «Старче! Я нашел секрет чудодейственной смеси. Дашь мне любую вещь и смесь растворит ее!» — «Прекрасно! — сказал мудрец. — Но в чем же ты собираешься хранить свою смесь?». Деятельность человека подобна волшебной смеси: ее не в чем хранить.

Деятельность обладает собственным движением, в котором-то и выступают моменты собственно активности. Но трудность их усмотрения заключается в том, что они, как и установочные моменты, как бы погружены в деятельность, в процесс ее реализации, так что оба понятия — активность и деятельность — выглядят сливающимися друг с другом. Поэтому главная задача исследования заключается в том, чтобы выявить факт обособления активности в самостоятельный момент движения деятельности.

Для этого нужно было поставить испытуемого в условия, позволяющие ему осуществлять акты «надситуа-

тивной» активности. Акты надситуативной активности характеризуются следующими моментами.

Во-первых, они избыточны по отношению к ситуативно заданным требованиям, иными словами, протекают над порогом ситуативной необходимости (*Петровский В.А.*, 1975, 1976). Во-вторых, они избыточны также и относительно тех «внутренних» мотивов, актуализация которых обусловлена самим содержанием ситуативно заданных требований. Это отличает акты надситуативной деятельности от проявлений инициативы субъекта в его деятельности. Проявляя инициативу, субъект расширяет и углубляет свою деятельность, производя ее «за пределами требуемого» (по Д.Б.Богоявленской). Отметим, что в этом случае выход за рамки узкоситуативной задачи обусловлен мотивом, возникающим или проявляющимся прежде всего на основе принятия субъектом ситуативно заданной цели. В-третьих, это такие действия, когда субъект преодолевает ситуативные ограничения на пути движения деятельности, т.е. иными словами, преодолевает установки, сложившиеся в деятельности, и адаптивные побуждения, обусловленные ситуацией.

В актах выхода субъекта за рамки ситуации через преодоление обусловленных ею ограничений, иначе говоря, в явлениях надситуативной активности, с отчетливостью выступает момент движения деятельности, т.е. то, что мы обозначаем как собственно активность субъекта.

Изучение явлений надситуативной активности проводилось в 1970 г. на материале исследования тенденции субъекта к прагматически немотивированному риску (*Петровский В.А.*, 1971). Для этого была создана особая экспериментальная ситуация, существенная и принципиальная черта которой состояла в том, что прагматически немотивированные действия, выступающие над порогом требований ситуации, неизбежно были направлены на подавление адаптивных интересов субъекта, в данном случае — опасений, обусловленных фактором угрозы.

Станут ли испытуемые преодолевать ситуативные ограничения, пойдут ли на «бескорыстный» риск? Этот основной вопрос и стоял тогда перед нами.

Проведенные эксперименты позволили показать не только существование этого явления и его распространенность (в частности, тот факт, что около половины всех испытуемых из общего числа более 400 человек идут на «бескорыстный» риск), но и своеобразие проявления риска как феномена надситуативной активности. Было показано, что усиление угрозы в известных пределах не только ведет к снижению проявляемой тенденции к риску, но даже приводит к заметному учащению случаев, так сказать, «немотивированной» активности. Специальные эксперименты показали далее, что рискованные действия, избыточные в рамках принятых испытуемым условий задания, нельзя объяснить проявлением таких черт его личности, как склонность к прагматическому риску, уровень притязаний, стремление самоутвердиться в глазах окружающих. Наблюдавшиеся в эксперименте проявления риска были «бескорыстны» не только в том смысле, что они не были вызваны ни содержанием экспериментальной инструкции, ни введенным экспериментатором критерием успешности действия, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматически фиксированными «внутренними» переменными — стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению окружающих. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали *вопреки адаптивным побуждениям*, они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Таким образом, в фактах выхода субъекта за рамки требований ситуации и проявилось то, что мы называем надситуативной активностью субъекта.

В данный момент мы располагаем лишь предварительными гипотезами относительно механизма возникновения надситуативной активности и вероятных форм ее проявления. Здесь мы исходим из того положения, что деятельность не только реализует исходные, но и порождает новые жизненные отношения субъекта, а значит, и необходимость выхода за рамки первоначальной ситуации (Петровский В.А., 1977).

Необходимость выхода за рамки ситуации реализуется в различных формах: в форме «потребности в активности» или, если использовать специальное обозначение Д.Н.Узнадзе, в форме «функциональной тенденции», порождаемой именно в деятельности субъекта. Необходимость указанного выхода может проявляться и как мотив деятельности, например «риск-мотив», и как сложившаяся в деятельности готовность субъекта к осуществлению действий, избыточных относительно требований ситуации. Таким образом, необходимость выхода за рамки ситуации обуславливает как бы «сдвиг» деятельности на всех ее специфических уровнях — от мотивационно-потребностных до, возможно, операциональных.

Что же лежит в основе, что служит определяющим условием возникновения необходимости выхода за рамки ситуации? Согласно нашей гипотезе, основу возникновения этого особого нового отношения образуют возрастающие в деятельности потенциальные возможности субъекта; они как бы перерастают уровень требований первоначальной ситуации и, образуя избыток, побуждают субъекта к выходу за рамки этих требований. Формулируя гипотезу об избытке потенциальных возможностей как источнике активности, мы вполне осознаем необходимость специальной концептуализации и операционализации самого понятия о потенциальных возможностях субъекта, что образует линию будущих исследований.

Весьма широк спектр явлений надситуативной активности. Помимо рассмотренного здесь явления «бескорыстного» риска, отметим факты альтруистического поведения и феномены действенной групповой эмоциональной идентификации (Петровский В.А., 1973, 1976); процессы порождения познавательной мотивации в деятельности и общении (исследования А.М.Матюшкина и его сотрудников); феномены «сверхнормативности» в коллективной деятельности, выделяемые сегодня в рамках стратометрической концепции групп и коллективов. Все это явления, психологическим ядром которых, по-видимому, и являются моменты надситуативной активности как особой единицы движения деятельности субъекта.

В заключение мы резюмируем основные положения данной работы.

В настоящее время в теории деятельности, разрабатываемой в работах А.Н.Леонтьева и его сотрудников, представляется возможным выделить две парадигмы исследования психологии деятельности: *морфологическую* и *динамическую*.

При анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; операция, соотносимая с условиями действия, и психофизиологические реализаторы деятельности.

При исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы открывается *движение* самой деятельности. Это движение характеризуется такими находящимися в единстве и борьбе моментами, как *надситуативная активность* (тенденция, избыточная по отношению к исходной деятельности), порождаемая в самом процессе деятельности и выступающая как прогрессивный момент ее движения и развития, и *установка* (тенденция к сохранению направленности деятельности), являющаяся стабилизатором деятельности, своеобразным инерционным моментом ее движения. Моменты надситуативной активности, нетождественные процессам осуществления деятельности на ее исходном уровне, составляют обязательное условие развития деятельности субъекта, «скачка» к новой деятельности. Установочные моменты, за которыми стоят процессы стабилизации деятельности, не совпадая с ее структурными моментами, образуют неотъемлемое условие реализации деятельности. Установки исходного уровня деятельности и связанные с ними адаптивные интересы субъекта, «барьеры внутри нас», как бы пытаются удержать деятельность в наперед заданных границах, а надситуативная активность — движение «поверх барьеров» — рождается и обнаруживается в борьбе с этими установками. Без введения этих понятий нельзя объяснить ни процессы развития деятельности как ее самодвижения, ни устойчивый характер направленной деятельности субъекта.

Если исследование деятельности в рамках морфологической парадигмы прошло долгий путь своего развития и членение деятельности на структурные единицы относится к капитальным положениям советской психологии, то исследование моментов движения деятельности — надситуативной активности и установки — только начинается, и динамической парадигме анализа деятельности еще предстоит утвердиться как особой парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

Асмолов А.Г. Деятельность и уровни установок // Вестник Моск. ун-та. Психология. 1977. № 1 а.

Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977 б.

Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. К проблеме установки в общей и социальной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 4.

Асмолов А.Г., Михалевская М.Б. От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач» // Проблемы и методы психофизики. М., 1974.

Басина Е.З. Экспериментальный анализ смысловых альтруистических установок: Дипломная работа. МГУ, 1977.

Басина Е.З., Насиновская Е.Е. Роль идентификации в возникновении смысловых альтруистических установок личности // Вестник Моск. ун-та. Психология. 1977. № 4.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса (1926) // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 1.

Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., 1965.

Зинченко В.П. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1974. № 8.

Зинченко В.П., Мунипов В.М. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. 1976. № 10.

Клочко В.Е. Целеобразование и оценка при решении задач. Рукопись, 1977.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.

Натадзе Р.Г. Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.

Петровский А.В. О некоторых феноменах межличностных взаимодействий в коллективе // Вопросы психологии. 1976. № 3.

Петровский В.А. Экспериментальное исследование риска как тенденции личности. Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.

Петровский В.А. Эмоциональная идентификация в группе и способ ее изучения // К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973.

Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3.

Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность». Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.

Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1977.

Прангишвили А.С. Психологические очерки. Тбилиси, 1975.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

Соколова Е.Т. О психологическом содержании понятия «когнитивный стиль» и его использовании в исследовании личности // Личность и деятельность. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов. М., 1977.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М., 1925.

Чхартушвили Ш.Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.

Luchins A.S., Luchins E.H. Rigidity of Behavior. A Variational Approach to the Effect of Einstellung. Oregon, 1959.

РАЗДЕЛ IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПОЗНАНИЕ. Личность

От психофизики «чистых ощущений» — к психофизике «сенсорных задач»*

Ученые XIX века с неприкрытым скептицизмом относились к умозрительным построениям философов, резко противоречащим представлениям ученых о структуре научного знания. Та гамма чувств, которую представители точных наук испытывали при столкновении с неопределенными рассуждениями философов о душе, на наш взгляд, удивительно тонко передана в небольшом стихотворении М.Ю.Лермонтова:

«Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
А ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя!...»

«Делись со мною тем, что знаешь», а знаем мы лишь то, что умеем описать, предсказать, воспроизвести в эксперименте и, наконец, выразить в форме общего закона. С точки зрения естествоиспытателей XIX века только та система знаний, которая отвечает всем этим требованиям, имеет право называться наукой.

По образу и подобию естественных наук в середине прошлого века была создана психофизика, с которой неразрывно связано детство экспериментальной психологии. Благодаря психофизике психология вычленилась из философии как область конкретного позитивного знания и пошла по пути развития естественных наук. Основоположник психофизики Густав Теодор Фехнер определил пси-

* Написана в соавторстве с М.Б.Михалевской. Впервые опубликована в хрестоматии «Проблемы и методы психофизики» в 1974 г.

хофизику как точную науку об отношениях между душой и телом, или вообще между психическим и физическим миром. При появлении на свет термин «психофизика» имел и другое значение, олицетворявшее стремление ученых видеть психологическую науку столь же точной, как и физика. И это второе утраченное значение позволяет глубже понять общую логику развития этой области экспериментальной психологии.

Психофизика унаследовала от естественных наук прежде всего идею об измеримости психики как одного из явлений природы и методические принципы экспериментирования, без которых невозможно представить себе современную психологию. Однако, если мы на этом прервем перечень наследства, то он будет явно неполным. В наследство от классической физики психологии вообще, и психофизике в частности, достались «постулат непосредственности» (Узнадзе, 1966) и метод, который Л.С.Выготский охарактеризовал как метод «анализа по элементам». И метод «анализа по элементам», и постулат непосредственности в значительной степени обусловили тот факт, что схемой анализа классической психофизики стала двучленная схема анализа: воздействие на рецепирующие системы → ответное субъективное явление¹. Напомним, что смысл постулата непосредственности заключается в том, что причина всегда однозначно определяет следствие или, в нашем случае, внешнее физическое воздействие однозначно определяет вызванное им ощущение. Такое понимание соотношений между субъективной величиной (ощущением) и непосредственно определяющей ее величиной раздражителя отчетливо выступает в фундаментальном труде

¹ То обстоятельство, что согласно Фехнеру существуют четыре ступени процесса: процесс раздражения (физический) — процесс возбуждения (физиологический) — процесс ощущения (психический) — процесс суждения (логический), не противоречит утверждению о том, что фактической схемой его анализа была двучленная схема, поскольку он допускал прямую пропорциональную зависимость между раздражением и возбуждением и ставил знак тождества между ощущением и суждением.

Фехнера «Элементы психофизики». Между тем постулат непосредственности, порожденный спецификой объекта исследования классической физики — характером связей в неживой природе, неадекватен при исследовании природы психических явлений. Некритическое использование этого постулата в психологии приводит к тому, что активность субъекта оказывается вынесенной за скобки. В роли постоянного спутника постулата непосредственности выступает метод «анализа по элементам». «Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, — элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому...» (Выготский, 1956). При использовании метода «анализа по элементам» идеальным объектом исследования становятся либо «чистые ощущения», «чистое мышление», либо, по меткому выражению Д.Дидро, секты глаз, носов, ушей и рук. В психофизике таким идеальным объектом оказались «чистые ощущения».

Рассогласование между реальным объектом исследования, идеальным объектом и экспериментальным методом не замедлило проявиться. В экспериментальных работах по психофизике появились указания на так называемые ошибки «ожидания» (изменение ответа испытуемого, вызванное предвосхищением изменения ощущения) и ошибки «привыкания» (задержка смены ответа испытуемого при таком изменении стимуляции, которое должно вызывать изменение ощущения). Эта «ошибки» назойливо вторгались в сферу исследования, искажая данные измерения чувствительности. Представители классической психофизики были склонны расценивать их как ошибки именно потому, что эти факты, связанные с предвосхищением субъекта, не укладывались в прокрустово ложе схемы «воздействие на рецепирующие системы → ответное субъективное явление». Отдавая себе отчет в несенсорной природе этих «ошибок», исследователи пытались избавиться от них, совершенствуя экспериментальную процедуру, «уравновешивая» восходящие и нисходящие серии стимулов. Но факты, как известно, упрямая вещь. И если некоторые

«ошибки» удавалось устранить или существенно уменьшить таким простым путем, то другие, связанные с личностными особенностями испытуемого, оказывались либо совсем неустранимыми, либо лишь частично элиминировались в искусственной ситуации лабораторного эксперимента. Практически весь тот долгий путь совершенствования методов измерения порога, который проделала психофизика, является дорогой борьбы с этими «ошибками»; борьбы, освещенной стремлением к познанию законов сенсорных процессов как таковых, а именно законов, очищенных от влияния активности субъекта: его мотивации, установок и, наконец, деятельности, в которую включены сенсорные процессы.

Итогом этого пути явились следующие представления классической психофизики. Ощущение, вызванное внешним воздействием (субъективная величина), определяется параметрами этого воздействия и отражает его свойства. В силу вариабельности текущих внутренних состояний субъекта один и тот же внешний стимул может вызвать отличающиеся друг от друга ощущения, что проявляется, в частности, в флуктуациях порога во времени. Следовательно, вариабельность с точки зрения классической психофизики является неотъемлемым свойством субъективных величин². Однако, признание факта двойной детерминации субъективных величин параметрами внешнего воздействия и внутренним состоянием субъекта отнюдь не отменяет двучленной схемы анализа «воздействие на рецепирующие системы → субъективное явление, вызванное им» и стоящего за ней постулата непосредственности, как это было отмечено А.Н.Леонтьевым (Леонтьев А.Н., 1972).

² На этом втором представлении базируется и та линия развития психофизики и метрики субъективных величин, вызванных действием стимулов, которые не могут быть адекватно описаны в физических мерах; линия развития, которая начата Терстоном (*Thurstone*, 1927) получила особенно широкое применение в психометрике и социальной психологии.

«Пережившая период расцвета и дряхлеющая теория может разрушиться и выйти из строя прежде всего в том случае, когда она вступит в непримиримое противоречие с потоком новых фактов и отношений, выявляющихся в экспериментах. Иногда — постепенное накопление данных, не укладывающихся в старую теорию, иногда — единственный факт или феномен, поражающий ее в самое сердце, оказываются причиной ее безотлагательной смены...» (Бернштейн, 1968) — справедливо указывал Н.А.Бернштейн. Таким феноменом, поразившим упомянутую выше схему анализа в самое сердце, оказались «ошибки», связанные с предвосхищением субъектом событий (не только ошибки «ожидания» и «привыкания», различные серийные эффекты, то есть вызванные знанием экспериментальной ситуации, но и те изменения ответов, которые обусловлены индивидуальными особенностями испытуемого и его мотивацией). Все эти «ошибки», свидетельствующие о неадекватности этой двучленной схемы анализа реальному объекту исследования, напоминали о существовании субъекта и, следовательно, о том, что в реальной ситуации раздражитель сам по себе, никогда полностью не определяет реакцию, а воздействует на «... элементы прошлого, настоящего и будущего, спаянные единством стоящей перед человеком задачи и складывающейся в данный момент обстановки. Раздражитель в собственном смысле этого слова оказывается условным понятием. В каждую единицу времени внешнее воздействие вступает в связь со следами казалось бы отзвучавших процессов и, главное, с “зародышами” тех действий, которые как бы заготавливаются для еще не наступивших, но ожидаемых событий» (Геллерштейн, 1966). Раздражитель в психофизическом эксперименте не составляет исключения, так как и в этом эксперименте испытуемый должен решить определенную задачу, в контексте которой происходит прием и преобразование сенсорного материала. Преодолевая специфическую трудность эксперимента по измерению чувствительности — дефицит сенсорной информации, субъект активно овладевает информацией, которую несет сам стимул, структурой последовательности

предъявляемых стимулов, учитывает значимость стоящей перед ним задачи и соответственно определяет «цену» ошибки за правильный или неправильный ответ. Все эти факторы, определяющие предрасположенность субъекта в восприятии и оттенке стимула, в ситуации дефицита сенсорной информации выдвигаются на передний план и начинают определять ответ испытуемого. Следовательно, сенсорная информация является не единственным, а в условиях ее дефицита даже и не главным фактором, детерминирующим результат решения в ситуации психофизического эксперимента.

Эта мысль лишь постепенно проникала в сознание исследователей, занимающихся проблемами психофизики. В тридцатых годах нашего столетия Фернбергер пришел к выводу: «От устаревшего представления о том, что мы определяем чувствительность данного конкретного органа чувств, уже отказались. Сейчас мы признаем, что мы определяем чувствительность всего организма как психофизического целого: его органов чувств, его сосредоточенности, его отношения, восприимчивости и понимания указаний, опытности и многого другого» (цит. по *Corso*, 1963). Дальнейшее развитие эта мысль получила в русле теории уровня адаптации Хелсона, который считает возможным отказаться от представления о чувствительности, как некоей абсолютной величине. Характер и величина ответной реакции на внешний стимул, согласно теории Хелсона, оказывается зависимой не от этой абсолютной величины, а от уровня адаптации, который определяется как взвешенное геометрическое среднее различных воздействий (прошлого опыта, текущей стимуляции и ожиданий субъекта) и рассматривается в контексте широкого круга явлений (сенсорных, межличностных, когнитивных и т.д.).

Необходимость разделения информации, включенной в психофизический эксперимент, была окончательно осознана лишь в 1950 годах Светсом, Таннером, Бирдсаллом и Грином. Развиваемая ими психофизическая теория обнаружения сигнала основывается на двух продуктивных идеях: подход к обнаружению слабого сигнала на фоне

шумов, как принятию решения и необходимость разделения сенсорной и несенсорной информации, учитываемой при принятии этого решения. Применение математического аппарата, разработанного в статистической теории решений, позволило авторам этой теории дать количественное описание действия внесенсорных факторов при принятии решения и предложить «чистую» меру чувствительности — d' , извлеченную из речевого ответа испытуемого и характеризующую его сенсорные возможности. Эта теория внесла большой вклад в развитие психофизики и существенно повлияла на переориентацию исследований в этой области экспериментальной психологии. Тем не менее, уже сейчас авторами этой теории получены данные о том, что величина d' оказывается различной для одного и того же человека при измерении ее разными методами, т.е. при решении им разных задач. Эти данные подтверждают сомнения в существовании чувствительности, неизменной во времени и независимой от деятельности субъекта.

Погоня за «чистыми ощущениями» — это погоня за призраками, так как какие бы способы математического анализа ни применяли исследователи, какие бы объективные индикаторы они ни использовали, им не удастся измерить чувствительность сенсорной системы как таковой, рассматриваемой изолированно от целостного организма и являющейся порождением метода «анализа по элементам». Такой изолированной чувствительности нет и быть не может, поскольку состояние организма определяется решаемой им задачей. Она определяет избирательность его восприятия и поведения, обуславливая настройку сенсорных систем организма. Поэтому в один и тот же момент времени порог к релевантному относительно данной задачи стимулу может оказаться существенно ниже порога в нерелевантному, «адресованному» к той же сенсорной системе. Следовательно, то, что обычно определяется в психофизическом эксперименте как порог, является лишь неким уровнем использования сенсорных возможностей организма, уровнем, необходимым для извлечения того объема сенсорной

информации, которая требуется для решения стоящей перед субъектом задачи.

Таким образом, логика развития психофизики привела к переформулировке основного подхода к решению проблем этой области психологии: психофизика «чистых ощущений» превращается в психофизику «сенсорных задач».

Какова структура деятельности человека при решении сенсорной задачи? Согласно А.Н.Леонтьеву, задача есть цель, данная в определенных условиях (*Леонтьев А.Н.*, 1972). В сенсорных задачах в качестве этих условий, рассматриваемых с позиций теории деятельности, выступают физические параметры стимула, его конфигурационные характеристики, вероятностная структура последовательности стимулов, число возможных стимулов и ответов, «цены» правильных и ошибочных ответов и т.д. Обычно в психофизическом эксперименте цель (обнаружение, различение стимулов, оценка величин субъективных впечатлений и т.п.) задается в инструкции. Она определяет действие или чаще последовательность действий, каждое из которых направлено на промежуточную цель, лежащую на пути к достижению общей цели, сформулированной в инструкции. Операции — способы выполнения действия — представляют собой его «составляющие» и отвечают перечисленным выше условиям. Общий план достижения цели, устанавливающий последовательность действий и операций, определяется «логикой» предмета или среды, которой овладевает человек в процессе решения задачи. Психологический же состав деятельности формируется в результате столкновения задачи с наличными средствами организма (*Гиппенрейтер*, 1973). Рассмотрим пример. В эксперименте по измерению разностного порога яркости методом средней ошибки целью испытуемого является установление переменного стимула равным эталону. При решении этой задачи испытуемый усваивает информацию о параметрах эталона и переменного стимула, о характере связи между углом поворота регулятора и величиной изменения яркости переменного стимула. Одним из основных приемов, которым пользуется испытуемый в ходе решения стоящей перед ним задачи, является срав-

нение яркостей переменного раздражителя и эталона. С психологической точки зрения на разных этапах решения задачи этот прием может быть и операцией и функцией. При заведомо надпороговой разнице эталона и переменного стимула сравнение их обеспечивается «срабатыванием» готового «орудия» деятельности — нейро-физиологических механизмов оценки яркости на основе разницы возбуждений от различных полей сетчатки, на которые проецируются переменный стимул и эталон при фиксации взора. Когда же на последних этапах решения задачи разница в яркостях близка к пороговой, она становится недостаточна для срабатывания этого механизма. Для сравнения оказывается необходима операция — перевод взора с одного поля на другое и использование другого готового «орудия» — механизма оценки разности яркостей по разности возбуждения от одного поля сетчатки.

Предлагаемое направление анализа ситуаций психофизического эксперимента с точки зрения характера сенсорной задачи, которая ставится перед испытуемым, и структуры его деятельности, направленной на решение этой задачи, будет, по-видимому, адекватно и при исследовании второй капитальной проблемы психофизики — проблемы шкалирования. Различие с ситуацией эксперимента по измерению порога лишь в том, что задачи, которые ставятся перед испытуемым в экспериментах по шкалированию, отличаются большей иерархичностью своей структуры, большей сложностью операционального состава.

Подход к исследованию сенсорных задач как к объекту психофизических исследований позволяет преодолеть сложившуюся в истории психологии обособленность психофизики от других областей психологии, оживляет интерес к ней. Вместе с тем этот подход ведет к исследованию одной из самых загадочных проблем психологии — проблемы принятия решения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что историю любой науки, в том числе и психофизики, нельзя связывать только с прошлым. История науки поучительна не только в том отношении, что предостерегает исследователя от ошибок, которые уже были однажды сделаны, и

тех подходов к проблемам, которые оказались непродуктивны, но и позволяет отметить «точки роста» науки и, следовательно, предвидеть направление ее дальнейшего развития. Беглый взгляд на историю психофизики, или точнее, на логику ее развития позволяет придти к выводу, что психофизика встает на путь исследования сенсорных задач и с ним неразрывно связано ее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн Н.А. Предисловие // *Чхаидзе Л.В.* Координация произвольных движений человека в условиях космического полета. М., 1968.

Выготский Л.С. Избранные психологические произведения. М., 1956.

Геллерштейн С.Г. Действия, основанные на предвосхищении и их моделирование в эксперименте // Проблемы инженерной психологии. Вып. 4. Л., 1966.

Гинпенрейтер Ю.Б. Движения глаз в деятельности человека и в ее исследовании // Исследование зрительной деятельности человека. М., 1973.

Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972 г. № 9.

Леонтьев А.Н. Проблема развития психики. М., 1972 б.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования, М., 1966.

Corso J.F. A theoretico-historical review of the threshold concept // Psychological Bulletin. 1963. Vol. 60. № 4.

Thurstone L.L. Psychophysical analysis // The American Journal of Psychology. 1927. Vol. 38.

ОБРАЗ МИРА И ПСИХОЛОГИЯ ПАМЯТИ*

Если бы кто-то поставил перед собой задачу составить карту современных психологических исследований, то материк познавательных процессов занял бы на этой карте большую ее часть. По своему возрасту психология познавательных процессов старше других разделов психологической науки. Дата ее рождения фактически совпадает с появлением экспериментальной психологии, вычленившейся в 1860 годах из философии и решительно заявившей свое право на существование.

Вместе с тем вряд ли вызовет сомнение утверждение о том, что судьба психологии памяти неотделима от судьбы психологии познания в целом, и в первую очередь — от методологии психологии познания. В системно-деятельностном подходе к изучению психических процессов все явственнее обозначается переход от анализа отдельных чувственных впечатлений, вырванных из реального процесса жизни и представляющих собой искусственные продукты лабораторных ситуаций, к разработке представлений об Образе мира, регулирующего поведение индивидов в объективной действительности. Ориентация в различных ответвлениях психологии познания смещается в направлении от психофизики чистых ощущений — к психофизике сенсорных задач (Асмолов, Михалевская, 1974; см. также данное издание, с.276—285), от мира образов — к образу мира (Смирнов, 1981).

В отечественной психологии фундаментальное значение для изменения общей стратегии изучения познавательных процессов приобрела работа А.Н.Леонтьева «Образ мира». В этой итоговой и оборванной на полуслове рукописи была принципиально по новому поставлена основ-

* Впервые опубликована в учебном пособии «Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов» в 1985 г.

ная проблема психологии познания: «... В психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности <...>. Психология образа <...> есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира — мира, в котором они живут, действуют, который сами переделывают и частично создают; это — знание о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире» (Леонтьев А.Н., 1983, с.254). Будучи поставлена в таком аспекте основная проблема психологии познания кажется очевидной, чуть ли не тривиальной, пока не выделены те следствия, к которым приводит именно такая ее постановка. Методологический смысл работы А.Н.Леонтьева «Образ мира» в значительной степени в том и состоит, что она снабжает психолога знанием о том, чего он не знает.

Первое из положений, вытекающих из новой постановки основной проблемы психологии познания, — это положение *об изучении закономерностей построения Образа мира у животных и человека только в контексте их приспособления к четырехмерному миру, включающему такие объективные формы бытия как трехмерное пространство, время (движение), а также созданное общественной практикой пятое квазиизмерение — поле значений* (А.Н.Леонтьев). Знаем ли мы, с каким из этих измерений в первую очередь связана память? Отметим, что вопросы о детерминации памяти, ее связи с объективными измерениями предметного мира в прямом виде в традиционных исследованиях по памяти практически не ставятся. Самым предварительным вариантом ответа на этот вопрос может стать следующее допущение: память — это ориентировка, обеспечивающая приспособление развивающихся биологических видов к такому объективному измерению мира как *изменение мира во времени*. Иными словами, *вклад памяти в Образ мира прежде всего связан с ориентировкой во времени*. Один вопрос рождает другие. Что собой представляет время и как оно детерминирует память? Как приспособляются ко времени различные биологические виды?

О природе времени в психологии известно до обидного мало. Такие классические труды как исследования В.И.-Вернадского о качественно различных структурах времени затронули психологию лишь по касательной. С трудом пробивает себе дорогу в редких конкретных исследованиях тезис одного из основателей отечественной психологии С.Л.Рубинштейна о качественно различном времени в процессах неорганической природы, в эволюции органической природы, в социогенезе общества и в истории жизни человека, то есть тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено (см. *Рубинштейн*, 1973). Однако подобные исследования начинают появляться. В одном из них (см. *Головаха, Кроник*, 1984) поднимается вопрос о времени как детерминанте психических процессов и дается характеристика различных структур времени: «физического» или «хронологического» времени, к которому до сих пор сводится представление о времени в позитивистски ориентированной психологии познания; «биологического» времени, зависящего от жизнедеятельности биосистем и изучаемого прежде всего в цикле работ о биологических часах; «социального» времени, обусловленного особенностями социогенеза конкретно-исторических общностей (кто, например, назовет сегодня поездку из Москвы в Петербург путешествием, как это сделал А.Н.Радищев); «психологического» времени личности, представляющего собой одновременно условие и продукт реализации деятельности в ходе жизненного пути личности.

Единственная в психологии и биологии опирающаяся на богатый фактический материал попытка раскрыть то, как по разному вписываются эти виды времени в эволюционный процесс приспособления животных и человека к миру, показать взаимосвязь различных структур времени друг с другом осталась незамеченной. Эта попытка принадлежит создателю «физиологии активности» Н.А.Бернштейну. Выявляя детерминацию процессов психического отражения действительности временем и пространством в ходе эволюции движений у животных и человека, Н.А.Бернштейн писал: «Эволюция взаимоотношений про-

пространственных и временных синтезов с афферентными и эффекторными системами соответственных уровней [уровней построения движений. — А.А.] складывается существенно по-разному. На уровне С [уровень пространственного поля. — А.А.] они образуют объективированное внешнее поле для упорядоченной экстраекции чувственных восприятий. На уровне действий они создают предпосылки для смыслового упорядочения мира, помогая вычленению из него объектов для активных манипуляций. Так, из афферентации вырастает (субъективное) пространство, из пространства — предмет, из предмета — наиболее обобщенные объективные понятия. Наоборот, временные синтезы на всех уровнях стоят ближе к эффекторике. На уровне синергии они влиты в самый состав движения, воплощая его ритмовую динамику [время выступает как ритм, временный узор. — А.А.]. На уровне пространственного поля они определяют скорость, темп, верное мгновение для меткого активного реагирования. На уровне предметного действия время претворяется уже в смысловую связь и цепную последовательность активных действий по отношению к объекту. *Из эффекторики вырастает таким путем (субъективное) время; из времени — смысловое действие; из последнего на наиболее высоких уровнях — поведение; наконец, верховный синтез поведения — личность или субъект»* (Бернштейн, 1947, с.26). Приводимые Н.А.Бернштейном факты о различной представленности времени в процессе построения движений, о неразрывной взаимосвязи временных и пространственных синтезов с эффекторикой и афферентацией дают основания как для изучения переходов объектной детерминации памяти в предметную детерминацию, так и для исследования зависимости памяти от физического, биологического и социального времени. Они позволяют наметить конкретный путь к выявлению закономерностей построения Образа мира в контексте приспособления животных и человека к многомерной действительности.

Второе положение, вытекающее из постановки проблемы психологии познания как проблемы построения образа мира, — это положение об *амодальном характере*

Образа мира (А.Н.Леонтьев). Образ мира так же амодален, неразложим на слуховую, зрительную, тактильную и другие сенсорные модальности, как и объективный мир, изображенный в этом образе. Если взглянуть на традиционную психологию познания как бы со стороны, то непредвзятому наблюдателю откроется следующая картина: исследователи разных направлений заняты решением вопросов о том, *сколько* информации воспринимается за определенный интервал времени, *какими средствами* записывается, кодируется информация, *как* информация зависит от сенсорной модальности и т.п.; при этом проявляя удивительное безразличие к тому, *что* познается субъектом в мире и *для чего* познается. Не похожа ли эта картина на попытку понять содержание и цель разговора без знания языка, подсчитывая, сколько звуков издается говорящим в минуту и фиксируя, каким ухом повернут слушатель к говорящему человеку? Ни на мгновение не умаляя необходимости решения трех первых вопросов, которыми преимущественно занята когнитивная психология, мы хотим лишь подчеркнуть, что они должны занять подчиненное положение к вопросам о том, *что* и *для чего* познается субъектом в мире. Неудачи когнитивной психологии памяти при попытках прописать акустическую или артикуляционную форму кодирования только за кратковременной памятью, а семантическую форму кодирования — за долговременной памятью представляют собой своеобразное подтверждение положения об амодальном характере образа мира, о том, что в психологии познания нужно «...исходить не из сравнительной анатомии и физиологии, а из экологии в ее отношении к физиологии органов чувств» (Леонтьев А.Н., 1983, с.259). Знаменательно, что в этом пункте новый подход к психологии познания пересекается с биологическими исследованиями, занятыми изучением механизмов органического субстрата памяти. На смену физиологии памяти, замыкающей исследования памяти внутри изолированного организма, приходит эволюционная биология памяти, разрабатывающая представления об адаптивной функции памяти в филогенезе и

онтогенезе. Эти идеи звучат в монографии Е. Н. Соколова «Нейронные механизмы памяти и обучения» (1981), выделяющего в качестве перспективы изучения биологических механизмов памяти этологический подход к памяти, который в сочетании с анализом реакций отдельных нейронов приведет к единому нейроэтологическому методу.

В биологии также появляются гипотезы, выдвигающие представление о единой биологической системе памяти вместо разрозненных электрических, синаптических и молекулярных механизмов памяти. «Возможность существования кода памяти, сходного с генетическим кодом, породила умозрительные теории, из которых самые смелые даже постулируют **единую** в своей основе память для всего живого. Несомненно, кодирование информации, переходящей из поколения к поколению, доказано, и видовая память уже не является гипотезой. То же самое можно сказать о системе памяти защитных [иммунных. — А.А.] механизмов... Разве не может быть, что мозговые механизмы индивидуальной памяти, длительные реакции “иммунологической памяти” и генетическая память вида — это лишь разные аспекты одного и того же биологического закона?» (Адам, 1983, с.146—147). Если и в биологии, и в психологии будут раскрыты общие детерминанты памяти в объективном амодальном мире, если изучать память как ориентировку к изменениям мира во времени, если в обеих науках перейти к экологическому изучению памяти, выявляя характерную для разных видов детерминацию памяти физическим, биологическим и социальным временем, то на вопрос о существовании единых биологических механизмов памяти, которые выступают как реализаторы Образа мира, по-видимому, будет дан положительный ответ.

Всякая наличная стимуляция вписывается в амодальный Образ мира как некоторое целое и, лишь будучи включена в Образ мира, обеспечивает ориентировку поведения субъекта в предметной действительности. Это положение, вытекающее из работы А. Н. Леонтьева «Образ мира» и развитое в исследованиях С. Д. Смирнова, Б. М. Величковского, В. В. Петухова (см. Смирнов, 1981; Величковский, 1983; Петухов, 1984),

прежде всего радикально меняет представление о той исходной точке, с которой должен начинаться анализ познавательных процессов.

При изложении особенности моделей познания в когнитивной психологии и сопоставлении их с такими проявлениями активности психического отражения как вероятностное и интенциональное предвосхищение, «повторение без повторения» как основа функционального развития памяти и т.п., уже отмечалась явная ограниченность рассмотрения изолированного следа памяти в сенсорном регистре как своего рода начала всех начал. Подобная картина процесса познания, в которой изучение памяти начинается с изолированного следа, возникла там же, где по меткому замечанию Н.А.Бернштейна, появилось первое в мире «элементарное ощущение» — в обстановке лабораторного эксперимента. Если же исходить при исследовании познания из представлений об Образе мира, то на первый план выступит целый ряд следующих очевидных моментов.

Во-первых, в обычной жизненной ситуации стимул, как правило, воздействует на субъекта на фоне других, актуально присутствующих стимулов и событий. И именно этот контекст, как было проиллюстрировано на примере экспериментов Дж.Брунера определяет опознание, например, опознание знака 13 как букву В или цифру 13.

Во-вторых, в реальной обстановке запечатление актуального воздействия предваряется предвосхищением, опирающимся на те или иные уровни организации Образа мира. Это предвосхищение может строиться, как было показано в третьей главе, с опорой на вероятностную структуру прошлого опыта. Оно также может осуществляться, исходя из семантической категоризации предшествующих событий. Подчеркнем, что прогнозирование с опорой на семантическую категоризацию событий, особенно когда эти события приобретают личностный смысл, занимает в структуре Образа мира более высокий иерархический уровень, чем прогнозирование с опорой на физические параметры стимуляции. В этих случаях, как бы парадоксально это ни выглядело, процесс познания как

бы начинается с оценки общего смысла ситуации, которая предваряет переработку отдельных чувственных впечатлений, отражающих физические «объектные» характеристики ситуации. Так, например, рассказывают об одном гроссмейстере по шахматам, который, оказавшись в типичной ситуации эксперимента по изучению кратковременной памяти в ответ на вопросы о том, сколько фигур стояло на шахматной доске и как они стояли, с раздражением воскликнул: «Да не помню я как стояли фигуры и сколько их было. Но одно знаю точно. Белые начинают и дают мат в два хода». Знание, дающее возможность строить прогнозы даже в неопределенных ситуациях и относить эти ситуации к той или иной категории, предшествует актуальному воздействию, представляет собой один из глубинных уровней организации Образа мира, уровень «значений». Но откуда возникают в Образе мира «значения», в контексте которых происходит преобразование чувственных впечатлений? Для вырванного из контекста деятельности человечества представления о процессе познания ответ на вопрос о природе значения — тайна за семью печатями. Сущность же возникновения значения следует искать в том, что *в начале было дело*. «... Природа значений не только не в теле знака, но и не в формальных знаковых операциях <...>. Она — во всей совокупности человеческой практики которая в своих идеализированных формах входит в картину мира» (Леонтьев А.Н., 1983, с.261).

Значение — важная, но не единственная единица, характеризующая глубинные структуры Образа мира. Дело заключается в том, что если на относительно ранних этапах жизненного пути личности операциональные характеристики деятельности, связанные со значениями, определяют построение Образа мира, в частности — мотивы и цели конкретной деятельности определяют, что будет запомнено, то впоследствии взаимоотношения между личностью и деятельностью меняются; сама личность, ее мотивационно-смысловые ориентации на будущее становятся основой выбора мотивов и целей конкретной деятельности, в которой идет дальнейшей строительство

Образа мира. Применительно к памяти преобразование взаимоотношений между личностью и деятельностью проявляются в том, что не мотивы и цели непосредственно определяют функционирование памяти, а такие глубинные ядерные структуры личности, как смысловые образования (Асмолов, 1984) начинают руководить процессом запоминания через выбор мотивов и целей, превращаются в системообразующий фактор человеческой памяти. «... Мнемическая функция “одних и тех же” целей проявляется существенно по-разному в зависимости от того, в какие **смысловые контексты** эти цели включены. При этом влияние данных контекстов <...> состоит не в том, что они дополняют или усиливают мнемический эффект, а в том, что **они его изначально определяют**. Сама цель обуславливает запоминание, поскольку в ней представлено поле мотивов и смыслов. Именно мотивационно-смысловая ориентация на **будущее образует человеческую память, “обязывая” ее удерживать то, что было, для того, что будет** [выделено мною. — А.А.]» (Середа, 1984, с.139).

Перспективность понимания *мотивационно-смысловых ориентаций личности на будущее как ядерных структур* Образа мира в целом и системообразующем факторе человеческой памяти в частности, состоит в том, что это направление разработки представлений об Образе мира позволяет наметить пути преодоления существующего в психологической науке разрыва между психологией познания и психологией личности.

Таким образом уже сегодня появляются основания надеяться, что постановка в центр психологии познания проблемы построения Образа мира дает возможность еще больше приблизиться к пониманию многомерных целостных проявлений психической реальности, раскрыть такие детерминанты человеческой памяти, как изменения мира в физическом, биологическом и социальном времени, и наконец, создать не разорванный на отдельные психические функции и процессы единый курс преподавания психологии.

ЛИТЕРАТУРА

Адам В. Восприятие, сознание, память: Размышления биолога. М., 1983.

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

Асмолов А.Г., Михалевская М.Б. От психофизики «чистых» ощущений к психофизике «сенсорных задач» // Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г.Асмолова, М.Б.Михалевской. М., 1974.

Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.

Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н.Леонтьев и современная психология / Под ред. В.П.Зинченко, О.В.Овчинниковой, О.К.Тихомирова. М., 1983.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н.Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 2.

Петухов В.В. Образ мира и исследования психологии мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1984. № 4.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Середа Г.К. О значении научного вклада П.И.Зинченко в развитие психологии памяти // Вопросы психологии. 1984. № 6.

Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981. № 2.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ*

Проблема личности по своей практической и теоретической значимости относится к одной из фундаментальных проблем в современной психологии.

В качестве отправной точки и базы для исследования природы личности нами приняты методологические принципы анализа личности, сформулированные в русле общепсихологической теории деятельности (А.Н.Леонтьев). В одной из своих последних неопубликованных работ А.Н.Леонтьев дает следующую характеристику предмета психологии личности: «Личность \neq индивид; это особое *качество*, которое *приобретается* индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*, сущность личности в “эфире” (Маркс) этих отношений <...>.

Иначе говоря: личность есть *системное* и поэтому “*сверхчувственное*” качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами.

Они, эти свойства, составляют лишь условия (предпосылки) формирования и функционирования личности — как и внешние условия и обстоятельства жизни, выпадающие на долю индивида.

С этой точки зрения проблема личности образует *новое психологическое измерение*;

* Написана в соавторстве с Б.С.Братусем, Б.В.Зейгарник, В.А.Петровским, Е.В.Субботским, А.У.Харашем, Л.С.Цветковой. Впервые опубликована в журнале «Вопросы психологии». 1979. № 4.

иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека;

это исследование его места, *позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений* (Verkehr), которые открываются ему;

это исследование того, *что, ради чего и как* использует человек врожденное ему и приобретенное им: даже черты его темперамента — и уж, конечно, приобретенные знания, умения, навыки, мышление» (Леонтьев А.Н., рукопись).

Далее, двигаясь в своем анализе личности как особого «сверхчувственного» качества, А.Н.Леонтьев конкретизирует понимание этого качества в понятии личностного смысла, в представлении о развитии личности как становлении «связной системы личностных смыслов». Для обозначения специфической базовой единицы личности, «ядра» личности нами и вводится термин «смысловое образование», центром которого является связная система личностных смыслов.

Чтобы объемнее представить характеристики смысловых образований, укажем вначале некоторые исторические истоки возникновения представлений об этой реальности, приведем один из феноменов, иллюстрирующий проявления смысловых образований, а затем выделим некоторые их свойства и объективно фиксируемые показатели.

Впервые представление о той особой психической реальности, которая обозначается нами термином «смысловые образования», появляется в работах основоположников марксизма. Как известно, в работах К.Маркса развито представление о сознании как неоднородной реальности, включающей по крайней мере два уровня: уровень рационального, рефлексивного сознания и *уровень практического, «дорефлексивного» сознания, которое непосредственно порождается потребностями субъекта, его материальным, и социальным бытием* (см. Мамардашвили, 1968). Практическое сознание, в свою очередь, определяет рациональное сознание субъекта, «рационализируется»; так, буржуазный идеолог, который на уровне рациональ-

ного сознания осознает мотивы своего поведения как стремление к познанию истины, на уровне «дорефлексивного» сознания классово обусловлен, зависим от своего социального положения.

Именно к этому последнему, дорефлексивному уровню и относит К.Маркс такие образования, как «объективные мыслительные формы» (например, веру в существование стоимости и цены труда, религиозные верования и т.п.), существование которых порождено объективным социальным бытием и не зависит от степени их рационального объяснения. В работах К.Маркса отчетливо проступают такие свойства подобных образований, как сверхчувственность, бытийная обусловленность, способность к «рационализации» и другие (Маркс, Энгельс, т. 3, 23).

В советской психологии, основанной на марксистской методологии, представления о смысловых образованиях начинают формироваться в исследованиях школы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия. Еще в классической работе Л.С.Выготского «Мышление и речь» предпринимается попытка найти единицу, выражающую единство аффективных и интеллектуальных процессов. «Анализ, расчленяющий сложное целое на единицы, — пишет Выготский, — <...> показывает, что существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов*. Он показывает, что во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее. Он позволяет раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» (Выготский, 1956, с.54).

Позднее в теории деятельности А.Н.Леонтьева выделяется понятие личностного смысла — отражения в сознании личности отношения мотива деятельности к цели действия. Будучи порождением жизни, жизнедеятельности субъекта, система личностных смыслов является конституирующей характеристикой личности. В них действи-

тельность открывается со стороны жизненного значения знаний, предметных и социальных норм для самого действующего ради достижения тех или иных мотивов человека, а не только со стороны объективного значения этих знаний (Леонтьев А.Н., 1975).

В отличие от сферы знаний и умений смысловые образования личности не поддаются непосредственному произвольному контролю. Включенность смысловых образований в породившую их деятельность и неподвластность этих образований непосредственному произвольному контролю составляют их важнейшую особенность.

Следует специально отметить, что акцентирование этой особенности смысловых образований дает возможность отграничить понятие смысловых образований от таких понятий, как «отношение» (В.Н.Мясищев), «значащие переживания» (Ф.В.Бассин), «значимость» (Н.Ф.Добрынин). Смысловые образования относятся к глубинным образованиям личности. Их кардинальное отличие от таких существующих на поверхности сознания образований, как «отношения», «значащие переживания» и т.д., изменяющиеся непосредственно под влиянием вербальных воздействий, состоит в том, что изменение смысловых образований всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта (Асмолов, 1977).

Укажем в качестве примера один из феноменов проявления смысловых образований. При выполнении детьми дошкольниками определенных заданий оказалось, что хотя испытуемые безошибочно выполняли эти задания наедине с экспериментатором, однако при последующем выполнении одновременно со взрослым партнером они копировали ошибки последнего. Специальный анализ показал, что подражательность в поведении детей не может быть объяснена недостаточной сформированностью интеллектуальных функций и произвольной регуляции поведения; в ее основе лежит особое смысловое образование (глобальная подражательность взрослому). Характерно, что данное смысловое образование не удалось изменить лишь путем формирования умения контролировать взрослого только в вербальном плане; его изменение оказалось

возможным лишь в результате «инверсии» позиций ребенка и его взрослого партнера в экспериментальной ситуации, придания ребенку позиции образца поведения и тем самым изменения его деятельности (Субботский, 1976, 1977, 1978).

Употребление понятия «смысловое образование» предполагает выделение его свойств и фиксируемых в эксперименте показателей. Как следует из вышесказанного, подлежащими изучению свойствами смыслового образования являются:

- 1) производность от реального бытия субъекта, его объективной позиции в обществе;
- 2) предметность (ориентированность на предмет деятельности; смысл всегда есть смысл чего-то);
- 3) независимость от осознания;
- 4) некодифицируемость (невозможность прямого воплощения в системе значений) (Леонтьев А.А., 1969).

Смысловые образования в экспериментальном исследовании могут быть выявлены путем регистрации следующих показателей:

- а) «отклонения» поведения от нормативного для данной ситуации;
- б) предмета, на который ориентировано поведение;
- в) социальной позиции субъекта, от которой смысловое образование производно;
- г) степени осознанности смыслового образования самим субъектом.

На наш взгляд, существенное продвижение в разработке проблемы личности может быть достигнуто лишь в том случае, если во главу угла конкретных исследований личности будет поставлен принцип, учитывающий прежде всего такую указанную выше особенность смысловых образований личности, как производность от реального бытия субъекта, а именно принцип «деятельностного опосредования». Суть этого принципа состоит в следующем: для того чтобы исследовать и трансформировать смысловые образования, необходимо выйти за рамки самих этих образований и изменить систему деятельностей, порождающих смысловые образования.

Последовательная реализация принципа деятельностного опосредования выдвигает в настоящий момент на передний план две взаимодополняющие задачи — содержательную и методическую.

Первой задачей является исследование «большой» и «малой» динамики смысловых образований в личности.

Под «большой динамикой» развития смысловых образований понимаются процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности.

В советской психологии работами Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна, Д.Б.Эльконина, А.В.Запорожца, П.Я.Гальперина, Л.И.Божович, а также педагогическими исследованиями А.С.Макаренко и его последователей разработано фундаментальное представление о позиции ребенка в обществе, ее функциях в системе общественных отношений как детерминантах личности.

Вместе с тем эти новые представления существуют в виде достаточно общих положений, которые нуждаются в конкретизации и экспериментальном обосновании на материале развития у ребенка таких качеств личности, как, например, моральное поведение, альтруизм, творческая независимость и др. Ощущается необходимость и во включении этих представлений в более широкий контекст методов и средств формирования личности в разных культурах, в разные исторические эпохи, т.е. в контекст истории воспитания.

Не менее остро ощущается потребность в психологической разработке практически прикладных проблем формирования личности — разработке, которая до сих пор велась преимущественно в сфере педагогики. Так, например, в настоящее время неясно, каковы те личностные качества, которые необходимо формировать у детей в дошкольных учреждениях. Хотя ряд качеств («взаимопомощь», «отзывчивость» и т.д.) выделяется воспитателями интуитивно, в программе воспитания детей в дошкольных учреждениях по существу отсутствуют научно обоснованные методики целенаправленного воздействия на личность ребенка; процесс воспитания (в отличие от обу-

чения) идет стихийно. Необходимо, таким образом, выделить и научно обосновать важность формирования у ребенка тех или иных конкретных личностных качеств; экспериментально исследовать структуру этих качеств; разработать психологически обоснованные методики формирования этих качеств личности; приспособить методики, полученные в лаборатории, к реальным условиям воспитания в детских учреждениях. В настоящее время такая работа ведется; ее важным практическим итогом является специальная «Программа формирования личности ребенка в условиях детского сада», апробируемая на практике (Е.В.Субботский).

Чрезвычайно остро и актуально стоит вопрос о психологических механизмах функционирования смысловых образований в зрелом периоде жизни человека. Этот период до сих пор остается наиболее «темным», малоизученным в психологии личности. Между тем есть основания утверждать, что и за границей подросткового, юношеского возраста развитие личности идет отнюдь не линейно, лишь как расширение уже выработанных мотивационных устремлений. Здесь, так же как и в динамике детского развития (Эльконин, 1974), могут по тем или иным причинам (изменения «социальной ситуации развития» — Л.С.Выготский — длительная болезнь, возрастные перестройки и др.) возникать несоответствия, противоречия между характером мотивов и уровнем развития операционально-технических средств, которыми располагает человек, что ведет в конечном итоге к смене мотивов и трансформации прежних смысловых образований. Действия, как отмечал А.Н.Леонтьев, могут как бы перерастать тот круг деятельности, которые они реализуют, и вступать в противоречия с породившими их мотивами (Леонтьев А.Н., 1975). На этих этапах и возникают малоизученные доселе кризисы развития зрелой личности.

Как показывают наши предварительные наблюдения, эти кризисы зрелости не столь резки, как, скажем, психологический кризис отрочества, не столь строго привязаны к определенным возрастным рамкам. Они чаще протекают более сглажено, а порой могут вовсе отсутствовать в той

или иной конкретной жизни, но самая тенденция к возникновению в определенные периоды специфических трудностей развития личности представляется несомненной.

Аномальное, дисгармоничное развитие личности или, напротив, нормальное, гармоничное отличаются друг от друга не тем, что в первом случае наличествуют противоречия, а во втором отсутствуют. И в том и в другом случае движущей силой остаются противоречия. Однако в первом случае эти противоречия, например противоречия между операционально-технической и мотивационной сторонами деятельности, становятся так или иначе «злокачественными», переходят во внутренние конфликты, разрешаются неадекватными способами или, напротив, маскируются, выражаются в тех или иных формах «психологической защиты». Это ведет лишь к усугублению возникшей дисгармонии.

Во втором случае противоречия выступают в качественно отличных формах (Анцыферова, 1978; Зейгарник, 1979). Они выступают как достаточно осознанные, ясно представляемые в связи с прошлым и будущим субъекта, соотношенные с общими смыслообразующими устремлениями человека, его нравственными идеалами, т.е. как находящиеся в конечном итоге в гармонии со всем ходом развития данного человека.

В настоящее время начаты исследования смысловых образований зрелой личности по ряду направлений (Братусь, 1974, 1977 а, б; Зейгарник, 1971, 1976, 1979; Зейгарник, Николаева, 1977; Коченов, Николаева, 1978). В исследованиях Б.В.Зейгарник, Б.С.Братуся, Н.И.Евсиковой и др. выявляются и изучаются такие механизмы развития личности, как взаимодействие «реальных» и «идеальных» целей, сдвиг мотива на цель и т.п., условия их нормального и отклоняющегося функционирования (К.Г.Сурнов, Е.Н.Голубева). Исследуется роль сознания в регуляции ведущих видов деятельности, влияние особенностей «внутренней картины мира» на изменение смысловых образований (В.В.Николаева), общие закономерности аномального развития личности (Б.В.Зейгарник), влияние различных видов общения на формирование смысло-

вых образований личности, проблема периодизации развития личности (Моргун, 1976).

Объектами изучения в соответствии с названными задачами выбраны как разнообразные феномены нормального развития личности, так и некоторые достаточно распространенные варианты искривления развития (невротические отклонения, асоциальное поведение, искажение самовосприятия, пьянство и др. — Братусь, 1974). Предполагаемым результатом исследований этого направления и будет выявление закономерностей формирования личности на самых разных этапах жизненного пути. Помимо теоретических данных, итогом исследования будет целый ряд практических рекомендаций и разработка конкретных способов их осуществления в области воспитания, а также коррекции тех отклонений, которые могут препятствовать эффективному и полному развитию личности.

Исследования «большой» динамики смысловых образований непосредственно смыкаются с анализом их «малой» динамики. Под «малой» динамикой развития смысловых образований понимаются процессы порождения и трансформации смысловых образований в ходе движения той или иной особенной деятельности. Единицами, характеризующими движение деятельности и лежащими в основе ее саморазвития, являются надситуативная активность (тенденция субъекта действовать над порогом внешней и внутренней ситуативной необходимости) и установка, понимаемая как стабилизатор движения деятельности (Асмолов, Петровский В.А., 1978; Асмолов, 1979; Петровский В.А., 1975, 1977). Постоянная борьба между надситуативной активностью, инициирующей переход к новой деятельности, и установкой, стремящейся удержать деятельность в наперед заданных границах, представляет собой источник развития особенной деятельности. В ходе этой борьбы между надситуативной активностью и смысловой установкой складываются определенные взаимоотношения: надситуативная активность, преодолевающая смысловые установки исходного уровня деятельности, сама выступает основой возникновения новых смысловых установок, которые, в свою очередь, обуславливают возник-

новение новых проявлений надситуативной активности, и тем самым возникает спираль смыслообразования.

Другая задача, встающая при исследовании смысловых образований, носит методический характер. Она нацелена на разработку конкретных методов, отвечающих принципу деятельностного опосредования и позволяющих диагностировать и преобразовывать смысловые образования личности.

Смысловые образования личности феноменально выступают в виде детерминант закономерного движения личности и кажущихся случайными, немотивированными отклонений в ходе осуществления ситуативно-заданной деятельности.

Как показывают некоторые данные, подобные отклонения могут выступать как в макроформах (например, феномен Аснина — см. *Петровский В.А.*, 1975, феномен бескорыстного риска и т.д.), так и в микроформах (обмолвки, ослышки, ошибки восприятия), объяснение которых недостаточной сформированностью интеллектуальных функций явно противоречит фактам. Общая черта, объединяющая эти две формы отклонений, состоит в том, что они появляются тогда, когда поведением личности руководят какие-то скрытые от исследователя мотивы. Однако за макропроявлениями и микропроявлениями смысловых образований личности стоят различные механизмы развития деятельности субъекта. В случае макропроявлений эти отклонения детерминируются надситуативной активностью личности и, следовательно, свидетельствуют о зарождении нового вида деятельности. В случае же микропроявлений вроде описок, обмолвок и т.д., т.е. различных сбоев в нормальном протекании деятельности, эти отклонения определяются смысловыми установками и, следовательно, приоткрывают мотивы исходной деятельности.

Одним из возможных методов, позволяющих выделять и контролировать смысловые образования, является метод изменения позиции ребенка в социальной ситуации. В ходе проведенных экспериментальных работ (*Субботский*, 1976, 1977) обрисовались контуры определенного мето-

дического подхода к изучению и изменению смысловых образований личности ребенка, состоящего из трех основных этапов.

Первый этап, на котором ставится «задача на смысл», осуществляется путем наблюдения или экспериментального воспроизведения такого поведения испытуемого, которое отклоняется от оптимальной линии достижения цели. Если это отклонение превышает границы, в которых появление объясняется недостаточной сформированностью интеллектуальных функций, т.е. если оно больше некоей величины, возможной при наличии только созданных и контролируемых экспериментатором мотивов испытуемого, есть основания полагать, что у испытуемого возникли новые мотивы, свидетельствующие об изменении смысла ситуации.

На втором этапе исследования проводится анализ структуры смыслового образования. Первая ступень анализа заключается в доказательстве того, что полученное отклонение нельзя объяснить недостаточной «технической оснащенностью» субъекта. Это достигается путем нейтрализации предполагаемого скрытого мотива при сохранении операционально-технической структуры решаемой субъектом задачи. Объективным показателем нейтрализации мотива является исчезновение отклонений в поведении испытуемого. Второй ступенью является раскрытие относительной силы составляющих смысловое образование мотивов.

Наконец, третий, формирующий этап исследования опирается на экспериментально выделенные и контролируемые смысловые образования. Он состоит в изменении позиции субъекта в социальной ситуации и тех объективных функций, которые выполняет в данной ситуации по отношению к нему та или иная действительность. При этом операционально-техническая структура действий, «интеллектуальный состав» должны оставаться неизменными. По существу, такое формирование равнозначно созданию новых мотивов, но не прямому, через задание или инструкцию, а косвенному, через изменение смысла ситуации (принцип деятельности опосредования); показателем

успешности формирования будет исчезновение фиксированных ранее отклонений в поведении ребенка.

При изучении «большой» динамики смысловых образований в зрелом возрасте как достаточно продуктивный зарекомендовал себя метод психологического анализа клинического, жизненного материала. Этот метод подразумевает ряд этапов: сбор клинических данных, составление типичной истории становления феномена, психологическая квалификация полученных данных и др., которые призваны подвести к созданию собственно психологической «модели» формирования интересующих нас феноменов, высказать и обосновать гипотезу о внутренних психологических связях, приведших к их появлению (Братусь, 1974; Зейгарник, 1971).

Важное место в изучении особенностей личности в зрелом возрасте может занять и ряд других методов, апробированных в отечественной психологии. Перспективными здесь представляются следующие направления. Как показал ряд исследований (см. работы Б.В.Зейгарник и ее сотрудников), ценным и далеко еще не полностью использованным методическим путем является путь опосредованного выявления особенностей личности с помощью методик, направленных на изучение познавательных процессов (классификация предметов, метод Выготского—Сахарова и др.). Даже то, как испытуемый «принимает» то или иное задание или инструкцию, как он справляется с трудностями в решении, как реагирует на заслуженную или незаслуженную похвалу или порицание экспериментатора, может свидетельствовать о существенных чертах его личности. Особенно продуктивными оказались эксперименты, в которых специально варьировались формы задания инструкции и поведения экспериментатора во время опыта.

Следующим методическим путем является группа приемов, непосредственно направленных на изучение тех или иных особенностей личности. Ярким примером таких методик остаются эксперименты, разработанные в школе К.Левина (уровень притязаний, исследования замещения и др.).

Как продуктивные зарекомендовали себя и методы изучения самооценки (например, метод Дембо—Рубинштейн).

Выше уже отмечалось, что с особой остротой встает вопрос о методах диагностики и формирования смысловых установок личности (Асмолов, 1979).

Ориентиром при поиске и выборе методов, направленных на диагностику смысловых установок личности, служит выделенный нами методический прием исследования установочных явлений — *прием искусственного прерывания, сбой деятельности* (Асмолов, 1977, 1979). Этому приему, например, отвечают такие ситуации, в которых цели и способы действия прямо не заданы самим контекстом ситуации и в которых личности предоставляется возможность выбрать наиболее специфичные для нее способы поведения. В этом случае последовательность и характер действий не представляют готовый, определенный «эталон», а создаются благоприятные условия для актуализации наиболее характерных для личности в подобных ситуациях смысловых установок.

Множественность выбора целей и действий, неопределенность ситуации являются основной характеристикой ситуаций в такого рода методах, как метод тематического апперцептивного теста, метод чернильных пятен Роршаха, метод незаконченных предложений. В связи с этим и начаты исследования, направленные на обоснование и использование этих методик как методов диагностики установок личности (Реньге, 1978 б, в). Эта линия исследований непосредственно смыкается с исследованиями формирования и восстановления смысловых установок личности.

Предварительная работа в этом направлении показала, что адекватным для изучения разноуровневых установок личности является принцип построения экспериментальной модели, берущей начало от исследований К.Левина, который условно может быть назван принципом «игровой имитации». Эксперимент указанного типа отличается особыми характеристиками, главными из которых являются: а) имитация в лабораторных условиях некоторой естественной ситуации; б) активное «игровое» поведение

экспериментатора и использование подставных лиц (*Басина, Насиновская, 1977*). В дальнейшем планируется разработка экспериментальной модели, основанной на принципе «игровой имитации», и изучение на ней реальных условий, влияющих на формирование смысловых альтруистических установок.

Задача выделения и разработки целого арсенала методов, построенных на основе принципа деятельностного опосредования, приобретает особую значимость в свете такой сугубо практической и жизненно важной проблемы, как проблема воспитания личности. Следует особо подчеркнуть, что с нашей точки зрения *психологическим объектом воспитания являются смысловые образования личности* (*Асмолов, 1977, 1979*). Из подобного понимания психологического объекта воспитания вытекает то, что перевоспитание личности всегда идет через реорганизацию деятельности и не может осуществляться посредством воздействий чисто вербального характера. Здесь необходимо специально оговориться, уточнить представление о вербальных воздействиях. Под вербальными воздействиями имеются в виду лишь воздействия посредством текста (*Басин, 1978; Хараш, 1978*), через которые передается система значений, сумма знаний о действительности, а не воздействия, выражающие личностные смыслы и смыслообразующие мотивы деятельности. К числу последних прежде всего относится такая специфическая форма деятельности общения, как искусство, основная особенность которой и состоит в том, чтобы, по выражению А.Н.Леонтьева, суметь побороть равнодушие значений и передать личностные смыслы (см. *Братусь, 1974*). Истинное искусство как раз и является одним из самых могучих источников формирования и изменения смысловых образований личности. Поэтому, выдвигая положение о том, что перевоспитание личности всегда идет через реорганизацию деятельности, мы, конечно, подразумеваем и такую форму деятельности, как общение, особенно общение посредством искусства.

В настоящее время уже получены данные, которые позволяют судить о действенности методов, построенных на

принципе деятельностного опосредования, в такой выделенной нами специальной области исследования личности, как восстановительное воспитание тех или иных нарушенных смысловых образований личности, в частности смысловых установок личности. Речь идет о том, что процесс реабилитации рассматривается как особый случай воспитания личности и, соответственно, как процесс трансформации и смысловых образований личности. Подобное понимание реабилитации приводит к возникновению особой задачи — задачи выделения принципов и выработки конкретных приемов восстановительного воспитания. Предварительно полученные данные (Реньге, 1978 а, в), а также анализ литературы (Бернштейн, 1947; Леонтьев А.Н., Запорожец, 1945; Лурия, 1969; Цветкова, 1972) позволяют выдвинуть два гипотетических принципа восстановительного воспитания: а) принцип «опоры на сохраненные смысловые установки личности»; б) принцип «включения» личности в значимую деятельность (А.Г.Асмолов, В.Э.Реньге).

Описанный подход к изучению смысловых образований предполагает разработку проблемы личности не столько в интрасубъектном, сколько в интерсубъектном плане, рассматривающем личность сквозь призму коммуникативных взаимодействий, в которые она включается.

Основания интерсубъектного подхода к исследованию личности, вытекающие из критики ограниченности традиционно-интрасубъектного понимания человеческого «я», четко сформулированы А.Н.Леонтьевым: «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его «я». Дело, однако, обстоит вовсе не так. <...> Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает...» (Леонтьев А.Н., 1975, с.228). Человеческое «я» оказывается таким образом включенным в общую систему взаимосвязей людей в обществе, при этом

не растворившимся в ней, а, напротив, обретающим и проявляющим в ней силы своего действия.

Это положение А.Н.Леонтьева явилось одним из исходных при разработке метода группового воздействия на личность больных с афазией, задачей которого является восстановление речи и трансформация смысловых образований личности у этого контингента больных в ходе реабилитации. Данная форма восстановительного обучения больных позволяет реализовать принцип деятельностного опосредования смысловых образований личности при помощи использования различных видов общения как одной из форм деятельности, а также различных видов предметной деятельности (частично в игровой форме).

Подобная реабилитационная работа методом групповых занятий проводится уже более четырех лет. Полученные экспериментальные и клинические данные позволяют говорить о возможности эффективного использования методов группового воздействия на больных с афазией как для преодоления дефектов личности, так и в восстановлении способности к вербальному и невербальному общению. Указанная форма воздействия на патологические изменения личности способствует не только преодолению частных дефектов, но прежде всего социальной реадaptации больных. Опора на различные виды деятельности в группе способствует восстановлению смысловых образований личности. Что же касается восстановления самой речи, то воздействие на личность больных через их групповое взаимодействие способствует восстановлению как общего модуса вербального общения человека с человеком, так и восстановлению таких внешних характеристик коммуникативной функции речи, как ее активность и интенциональность (Цветкова, 1972, 1975; Цветкова, Глоzman, Калита, Цыганок, 1977).

В дальнейшей разработке проблемы личности под интересующим углом зрения мы исходим из противопоставления закрыто-монологической и открыто-диалогической форм общения. Первая из них характеризуется применением ситуативно сообразных конвенционально-ролевых «масок», тогда как для второй типична открытая фо-

кусировка партнеров, пересечение их деятельностей (*Хараш, 1977 а, б*) на личностно-осмысленном общем предмете, производственной задаче, социальной норме или ценности, личной проблеме. Предполагается, что открыто-диалогическое общение как раз и является одним из стимуляторов созревания смысловых образований и роста личности (*Хараш, 1978*). Эту гипотезу мы предполагаем проверять и конкретизировать, изучая функции открыто-диалогического общения в воспитательном процессе, а также смысловую структуру диалогического сообщения в связи с уровнем его воздейственности, взаимодействие коммуникатора и реципиента в процессе публичного выступления и т.д. Особая роль отводится в нашем исследовании анализу процессов, протекающих в специально организованных группах открытого общения, воспроизводящих в своей структуре многообразную совокупность типичных межличностных взаимодействий.

Проверка принципов изучения личности, описанных в этой работе, ведется сейчас в целом ряде теоретических и экспериментальных исследований, которые должны в перспективе привести к созданию системы приемов воспитания и коррекции, построенной на принципе деятельностного опосредования. Такая система приемов могла бы быть названа смыслотехникой.

В заключение хочется отметить, что в этой статье лишь поставлены некоторые проблемы и выделены принципы, которые легли в основу программы, созданной группой по исследованию личности на факультете психологии МГУ. Мы надеемся, что кратко очерченные нами проблемы «большой» и «малой» динамики смысловых образований личности и методы, построенные по принципу деятельностного опосредования, выступят в роли ориентиров для будущих конкретных исследований по психологии личности.

ЛИТЕРАТУРА

Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1.

Асмолов А.Г. Деятельность и уровни установок // Вестник Моск.ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 1.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.

Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1.

Басина Е.З., Насиновская Е.Е. Роль идентификации в формировании альтруистических установок личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 4.

Бассин Ф.В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 3.

Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.

Братуль Б.С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974.

Братуль Б.С. Об одном механизме целеполагания // Вопросы психологии. 1977 г. № 2.

Братуль Б.С. Психологические аспекты нравственного развития личности. М., 1977 б.

Вygотский Л. С. Избранные психологические произведения. М., 1956.

Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. М., 1971.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1976.

Зейгарник Б. В. К вопросу о механизмах развития личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. № 1.

Зейгарник Б.В., Николаева В.В. Психологические проблемы в медицине // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 3.

Коченов М.М., Николаева В.В. Мотивация при шизофрении. М., 1978.

Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.

Леонтьев А.А. Психологический подход к анализу искусства // Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. М., 1978.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А.Н. О личности. Из архива М.П. Леонтьевой. (Рукопись).

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движений. М., 1945.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. М., 1969.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. 630 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. 908 с.

Моргун В.Ф. Психологические проблемы мотивации учения // Вопросы психологии. 1976. № 6.

Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3.

Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

Реньге В.Э. Влияние социального окружения при некоторых изменениях трудовой деятельности. Вестник Моск.ун-та. Сер. 14, Психология. 1978 а. № 1.

Реньге В.Э. Тематический апперцептивный тест. Практикум для студентов факультета психологии. (Рукопись), 1978 б.

Реньге В.Э. Роль личностного фактора в восстановлении трудовой деятельности больных шизофренией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1978 в.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

Субботский Е.В. Психология отношений партнерства у дошкольников. М., 1976.

Субботский Е.В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестник Моск.ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 1.

Субботский Е.В. О пристрастности «детского» суждения // Вопросы психологии. 1978. № 2.

Хараш А.У. К определению задач и методов социальной психологии в свете принципов деятельности // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977 а.

Хараш А.У. Межличностный контакт как исходное понятие устной пропаганды // Вопросы психологии. 1977 б. № 4.

Хараш А.У. Смысловая структура публичного выступления // Вопросы психологии. 1978. № 4.

Цветкова Л.С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М., 1972.

Цветкова Л.С. (Ред.) Проблемы афазии и восстановительного обучения. М., 1975.

Цветкова Л.С., Глозман Ж.М., Калита Н.Г., Цыганок А.А. Социально-психологический аспект реабилитации больных с афазией // Проблемы изменения и восстановления психической деятельности. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов. М., 1977.

Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1974. № 4.

Личность: психологическая стратегия воспитания*

Перестройка взломала лед молчания вокруг многих острейших проблем школы, положила начало важным переменам в области образования и воспитания, в сфере формирования личности. Вечные вопросы «что есть человек», «как рождается личность», «чему учить и для чего учить» перестают восприниматься как узкоспециальные, затрагивающие лишь философов и психологов. Они находятся в фокусе общественного внимания. Именно в ходе перестройки начал оформляться подлинный социальный заказ на исследование закономерностей психологии и социологии развития человека, на разработку психологической стратегии воспитания личности.

Этот трудный молодой возраст

При обсуждении проблемы, что же за молодежь нынче пошла, встает немало неясных вопросов. Один из них — установление возрастных границ молодежи. Человека какого возраста можно назвать молодым? Обычно приходится встречаться с самым пестрым набором мнений по этому поводу. Одни называют возраст 18 лет, другие тридцать три года, третьи доводят возрастную границу до 40—45 лет или же отвечают: человек молод до тех пор, пока душа молодая. А можно ли вообще установить возраст молодежи как некоторую раз и навсегда данную величину? Думается, что нет. Психологические исследования показали, что возраст «молодых» зависит от возраста тех людей, которые дают оценку. Так, десятилетних, двадцатилетних и семидесятилетних просили назвать своего рода «золотую середину», т.е. возраст человека, который еще не стар, но уже и не молод. Десяти-

* Впервые опубликована в сборнике «Новое педагогическое мышление». М., 1988.

летние сочли ни старым, ни молодым возраст 36; для двадцатилетних нейтральной точкой оказался возраст 42 года, а для семидесятилетних — 52 года.

В психологии наряду с календарным или паспортным возрастом различают *социологический возраст личности*. Он зависит от социально-исторического образа жизни, который присущ человеку. Для того, чтобы рельефнее выступила неразрывная связь социологического возраста со временем, назовем некоторые знакомые всем имена — Якир, Тухачевский, Уборевич. По календарному сроку они не перешагнули в годы гражданской войны и тридцатилетней черты. Но кто назовет их мальчиками? Они вели за собой в бой тысячи людей, умели самостоятельно принимать решения и несли ответственность как за их судьбы, так и за судьбу революции.

Увы. Иная ситуация, иной социологический возраст — черта молодежи восьмидесятых годов. Разве феномен *социального инфантилизма* не стал довольно характерной чертой социально-психологического облика подрастающих поколений, отличительной особенностью социологического возраста современной молодежи?

В чем суть феномена социального инфантилизма? Его сердцевина — это бегство от выбора и возложение ответственности за принятие решения на плечи другого человека. Социальная роль «вечного ребенка» оберегает личность от ответственности. Об искусстве пользоваться своей социальной ролью «ребенка» уже пятилетними, шестилетними детьми красноречиво свидетельствуют порой их собственные высказывания: «Я же ребенок. Оставь это, пожалуйста, для меня». Так, от пяти до... тяжело назвать конечную календарную ступень инфантильности, и шествуют по жизненному пути «вечные дети». Во избежание недоразумений следует сразу же заметить: социально инфантильный человек — это вовсе не обязательно человек социально не приспособленный. Советский социолог И.С.Кон справедливо отмечает: «Каждое поколение “стоит на плечах” предыдущего, хотя они не всегда это осознают. То, что кажется старшим юношеской инфантильностью, иногда свидетельствует как раз о высокой социальной

приспособленности. Десятилетия застоя настолько приучили многих представителей старшего поколения к тому, что одно нельзя, другое опасно, а третье вообще невозможно, что мы уже не хотим пробовать, и эту свою апатию передаем детям. Молодежь, формирующаяся сейчас, многие такие запреты игнорирует» (Кон, 1987, с.95—96).

Игнорирование запретов, воинствующий *социально-психологический нигилизм* — оборотная сторона социального инфантилизма, которая, на наш взгляд, дает о себе знать в росте различных неформальных молодежных объединений. В неформальные объединения школьники преимущественно втягиваются в возрасте 12—14 лет. И не случайно. Психологи называют этот период возрастом «бури и натиска». Здесь не просто красивый образ. В таком возрасте школьник начинает с особым упорством искать путь в жизни, свое «Я». При этом процесс формирования индивидуальности нередко состоит в поиске способов самоутверждения, подчиняющихся немудреному правилу: «Я шокировал всех, значит, я отличен от всех. Я отбросил предлагаемый вами идеал — значит, у меня есть свой... Следовательно, я личность!»

Личность же существует благодаря социальной группе, не в некоем пространстве. В знак протеста против духовных стандартов, против безразличия ближайшего окружения молодежь нередко объединяется в компании, которые обзаводятся своими ритуалами и обрядами. И вновь рассуждения не отличаются сложностью. «Мы против учителя — значит, должны взять то, против чего выступает он. Аккуратность в одежде? Вот вам нарочито неопрятные куртки и вызывающие клетчатые брюки! Примерное поведение? Что же, получите публичную драку из-за прически или цвета шарфа». За появлением некоторых неформальных молодежных объединений нередко стоит гротескное восполнение дефицита духовности, например, в обличье такого модного танца, как «брейк».

Что такое «брейк»? По своей психологической сути это символ человека-робота. Против чего является протестом «брейк»? Против того же самого человека-робота, функционера, бюрократа, порой спрятанного под маской доб-

родители. «Стандарт» брейкеров, доросший до жизненной позиции молодого человека, стал более откровенным. Он уже не прячется. Он кричит всем: «Смотрите, я антистандарт!» — и упивается эйфорией. В шумном карнавале с «брейкерами», поклонниками «тяжелого металла» и грохочущие на мотоциклах по ночным улицам «рокеры», вычурно одетые и остриженные «панки», истово любящие спортивных кумиров «фанаты» и представители других неформальных групп.

Причина возникновения подобных группировок, чаще всего асоциального характера, — в присущей некоторой части молодежи все той же духовной инфантильности, неподготовленности и неумении ориентироваться в жизни, в сфере культуры, музыки, моды, спорта. Молодые люди иногда сами с гордостью величают себя трудными подростками. Встречаясь с ними на улицах или наблюдая за ними в таких фильмах, как «Плюмбум, или Опасная игра», «Легко ли быть молодым?», «Курьер», мы спрашиваем: «Откуда они пришли и куда идут? Кто способствовал их появлению?» Движимое беспокойством, общественное мнение, как правило, обращается прежде всего к школе.

Школа и социальная технология воспитания личности

Упрек школе за духовную незрелость молодежи нередко высказывают публицисты и социологи, родители и дети. С этим же упреком выступают и сами учителя. Логика подсказывает: «Школа — центральный социальный институт образования и воспитания подрастающих поколений. В этих поколениях распространяются социально-психологические болезни. Значит, школа — главный виновник горьких плодов образования и воспитания». Отсюда вытекает вывод: «Чтобы по-новому воспитывать и учить молодежь, нужно реформировать школу». Подобное утверждение верно, но... недостаточно.

Ахиллесова пята этого вывода состоит в том, что за ним молчаливо проступает взгляд на школу как на «государство в государстве», т.е. «вырывание» школы из жизни

общества. Реформа школы предполагает коренное изменение отношений между школой и производством, школой и вузом, школой и семьей, а изменение этих отношений — далеко не только «школьная проблема».

Сейчас нам особенно ясно, что в школе нельзя спря- таться от жизни. Перестройка — это борьба. Но готовы ли к ней выпускники школ? Далеко не всегда. Как же научиться этой борьбе, если у нас до сих пор не изжито господство «охранительной», бесконфликтной, догматической педагогики? Она вовсе исключает такие условия, в которых ученик может проявить гражданское мужество, сделать свой нравственный выбор. Да, сегодня общество требует, чтобы школа воспитывала гражданские, нравственные качества у молодежи. Но, требуя это, и само общество обязано упорно культивировать те нравственные ценности, что проповедует учитель. Иначе и передовая педагогика обречена на провал.

Не снимая со школы ответственности за духовные раны подрастающих поколений, не будем вместе с тем превращать ее в козла отпущения. Только видя все многообразие связей школы и общества, можно, наверное, лучше вести ее перестройку. Что значит школа для общества, а оно — для школы, как соотносится деятельность школы и будущее производства, науки, культуры? Какова здесь роль учителя? Размышления над этими вопросами подводят к целостному видению школы в обществе. Без такого видения, пожалуй, нельзя выработать стратегию воспитания личности.

С чего начинать воспитание ученика? Ответ может быть только один: «С изменения отношения к учителю! С перестройки его социального статуса в культуре». До тех пор, пока учителя будут зачисляться в многочисленную армию работников непроизводительной сферы, к ним и будут относиться как к работникам, не производящим ценностей. «...Труд, — пишет А.Н.Яковлев, — оказался разделенным на производительный в материальной сфере и непроизводительный — в других. Отсюда и “остаточный” принцип вложений в социальную инфраструктуру, технократизм, недооценка человеческого фактора. Отсюда и

материальная и моральная ущербность положения самого квалифицированного и необходимого в условиях НТР труда врача, учителя, инженера, ученого» (Яковлев, 1987, с.14). Нам нужно осознать, что учитель — это работник, пожалуй, самого трудоемкого *духовного производства*, производства личности. Изменив социальноэкономический статус учителя как работника духовного производства, мы, несомненно, повысим действенность воспитания подрастающих поколений. Разве ценность личности ученика не начинается с ценности личности учителя?

Добившись этого, наверное, можно сделать следующий шаг — перестроить социальную технологию взаимоотношений учителя и ученика. Нынешняя система обучения нацелена прежде всего на то, чтобы усердно «снабжать» ученика информацией. А нужна ли ему самому эта информация, те или иные знания, что ему в них интересно? Этот вопрос сложившуюся технологию обучения «не волнует». А она, по сути, формирует особый тип личности — интеллектуального потребителя. Приобретение знаний, информации становится самоцелью. В результате и происходит, по меткому замечанию классика советской психологии А.Н.Леонтьева, *обнищание души при обогащении информацией*.

Учитель дает, ученик берет. Так привыкли к подобному положению дел, что оно представляется чуть ли не извечным законом природы. Но проделайте простой эксперимент. Подойдите к незнакомому прохожему на улице и скажите: «Вчера в Бразилии была жаркая погода». Вы убедитесь, что от вас отшатнутся и посмотрят как на странненького. Но не нечто ли похожее происходит в школе, когда учитель преподносит ответы ученику, который его ни о чем не спрашивал? Обучение нередко — это снабжение ответами без поставленных учеником вопросов. Стоит ли удивляться после этого, что знаменитые детские «почему» исчезают в школе, что в ней так неуютно личности, которую отличает познавательная активность? В социальную технологию взаимоотношений по формуле «учитель снабжает — ученик потребляет» познавательная мотивация ученика не впи-

сывается. Знаменитые «почемучки» потому-то и остаются в дошкольном детстве, что у них на жизненном пути устанавливается «шлагбаум» — ответы без вопросов. Не тут ли кроется одна из причин социального инфантилизма, появления «вечных детей»?

Личность и индивидуальность

От того, как понимается личность, какой образ личности складывается в общественном сознании, зависят действия, нацеленные на воспитание ее. Если, как иногда считают, за проявлениями детской жестокости стоят гены, то в помощники к педагогам нужно срочно звать специалистов по «генной инженерии», а психологам и социологам — разводить руками, удрученно говоря, «что выросло, то выросло». Если же личность — по ироничному выражению одного из основателей советской психологии, Л.С.Выготского, — кожаный мешок с условными рефлексамми, то педагогика воспитания сведется к удачному подбору стимулов, на которые будут послушно реагировать ученики. Если же личность — пристрастное активное существо, порождаемое жизнью в обществе, стремящееся к достижению целей и отстаивающее своими делами тот или иной социальный образ жизни, то сутью педагогики становится организация деятельности людей, их сотрудничество в общем деле. Какое же из приведенных представлений о личности завоевало права гражданства в советской психологии?

С боями пробило себе дорогу представление о социально-деятельностной сущности человеческой личности. Оно начало утверждаться в психологии сравнительно недавно, так как многие века поиски сущности личности скрывались старой формулой «познай самого себя». Вот исследователи и искали понимание природы личности то под поверхностью кожи человека, например, в тиках его высшей нервной деятельности, то в его субъективных переживаниях. И лишь в прошлом веке прозвучала режущая слух обыденному сознанию идея Маркса о том, что разгадку человеческого «я» необходимо искать в мире человека.

«...Человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека...» (Маркс, Энгельс. Соч., т. 1, с.414). Искать личность человека под поверхностью кожи или в переживаниях отдельного ребенка столь же безнадежно, как искать природу стоимости денежных знаков в самой бумаге, на которой они отпечатаны. Вы можете рассмотреть эту бумагу под микроскопом, подвергнуть химическому анализу.., и при этом нисколько не приблизитесь к решению вопроса, откуда берется стоимость. Точно так же, сколько бы вы ни знали о темпераменте ученика, особенностях его нервной системы, его росте или весе, вы не найдете в них ключ к пониманию его личности.

Этот ключ лежит в системе общественных отношений, являющихся источником становления личности, или, как их порой называют, «безличными» предпосылками развития личности. Социальные условия жизни, время игры, время учения — все эти предпосылки уже ждут личность при ее появлении на свет, заданы ей обществом. Именно с ними имеем дело, например, обсуждая сложившуюся технологию взаимоотношений ученика и учителя. Здесь нам надо иметь в виду то, что в психологии различают ролевое запрограммированное поведение личности и поведение личности как индивидуальности. С некоторой условностью можно сказать, что роли определяют наружный срез человеческого поведения, его как бы внешний фасад. Благодаря им мы осваиваем опыт культуры. Не стань однажды ролей — и каждый наш шаг окажется проблемой. Социальные роли и установки личности тем и ценны, что освобождают нас от процесса принятия решений в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях.

Но вот ситуация незнакомая, а готовых ролей для поведения в ней нет. Тут-то и возникает *необходимость выбора*, требующая от личности нестандартных решений, т.е. проявлений индивидуальности. Инструкция требует одно, а индивидуальность идет наперекор инструкции, «сознательной» дисциплине, не оправдывает ожиданий. Индивидуальностью трудно управлять. Она постоянно бросает учителю вызов. В ответ появляется стремление убе-

речь детство от детства, «отредактировать» индивидуальность личности до стереотипов взрослой «прозы жизни». Личностью становятся, приобщаясь к культуре, а индивидуальность отстаивают в борьбе за те или иные общечеловеческие и социальные ценности.

Поэтому-то, если в социальной технологии взаимоотношений учителя и ученика нет места для самостоятельного выбора, то ученик настойчиво ищет точки опоры для своей индивидуальности в сферах деятельности и социальных группах за пределами школы. Получается, что в школе он ведет себя, а за пределами школы — живет.

Так где же существует индивидуальность личности, в каком она обитает пространстве? А.Н.Леонтьев, говоря о личности в ее коперниканском понимании, писал, что я нахожу свое «я» не в себе самом (его во мне видят другие), а во вне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе, в системе. Еще в более парадоксальной форме место обитания личности обозначается в исследованиях А.В. и В.А.Петровских. Они утверждают: под поверхностью кожи искать свое «я» бесполезно. Личность проявляется через вклады в других людей, через те изменения в жизни других людей, которые мы производим своими действиями, поступками и деяниями.

Нередко услышав подобные рассуждения психологов, учитель спешит отмахнуться от них: «Придумывают невесть что в своих лабораториях, а мне работать нужно». Однако в том случае, когда речь идет о стратегии воспитания, то, казалось бы, странный вопрос о месте обитания сущности личности приобретает сугубо практическую направленность. Ведь если согласиться с устойчиво бытующим мнением, что личность обитает внутри отдельного человека, а все поступки ребенка жестко выводятся из его собственной биографии, то и процесс воспитания будет строиться, попросту говоря, в лоб: «Ты не должен. Ты не имеешь права. Ты не можешь так поступать. Скажи мне, кто твои родители, и я скажу тебе, кто ты». Грустные последствия сведения сути личности к ее индивидуальным знаниям и переживаниям трудно переоценить. Одним из последствий такого понимания является под-

мена в школе воспитания обучением, иллюзия о том, что воспитать — значит объяснить.

КАК ВОСПИТАТЬ ЛИЧНОСТЬ?

Из-за этой иллюзии в школе господствует чисто словесное воспитание. При этом не учитывается, что даже самые правильные слова и призывы не могут научить совести, что нечестность рождается не из-за незнания и знанием ее не прекроишь. Нельзя ввести в школьное расписание наряду с уроками математики уроки доброты и мужества. Существующая социальная технология обучения привела к растворению воспитания в обучении, а представление о личности как сумме индивидуальных знаний и переживаний — к превращению воспитания в потоки объяснений и нравочений. Об исчезновении воспитания в школе начинают говорить в последнее время некоторые писатели. Но выход из создавшейся ситуации они ищут, опять же исходя из подкожного понимания человеческого «я». Совесть, доброта, честность — все эти, по их мнению, свойства даны человеку чуть ли не от рождения. Не трогайте их, не мешайте их росту — и они в конце концов расцветут. Если бы действительно было так, то оставалось бы уповать на гены «добра» и «совести», а стратегией процесса воспитания стала бы бережливая стратегия невмешательства. Крайности, как известно, сходятся. И педагогика, подменившая воспитание обучением, и критикующая эту педагогику публицистика, призывающая не мешать прорастанию зерен совести в душе ребенка, замыкают мир человека в натуре, его индивидуальном сознании, и в итоге... теряет личность.

Пока будем проповедовать, что все пороки и добродетели живут в самой натуре ребенка, острое воспитательных усилий будет направляться явно не по адресу. Вглядитесь, как строится воспитательное воздействие. Ученику, нарушившему те или иные принятые нормы, говорят: «Если и дальше ТЫ будешь всех отвлекать, то ТЕБЯ придется вывести из класса». То есть, если ТЫ выйдешь за рамки тех или иных правил, то вот что с ТОБОЙ лично за это отступление от правил произойдет. Нетрудно заметить, что

такого рода воспитательные воздействия на человеческое «я» обладают двумя особенностями. Во-первых, здесь на первом плане стоит наказание за отклонение от правил, которое ожидает *лично* совершившего нарушение ученика. Во-вторых, все эти воздействия неявно игнорируют явление «запретного плода». Запретный плод, как известно, всегда сладок. Чем больше вы критикуете ученика, говорите ему, что он превратится в отпетого типа, попадет под влияние уличных компаний, тем сильнее привлекаете ученика к этим компаниям, к их антиидеалам. Рассказывают, что психологи, занимающиеся организацией природоохранной деятельности, провели однажды эксперимент. Они установили на лужайке с одуванчиками небольшой плакат с надписью «По траве ходить строго воспрещается». До этого, заметьте, никто одуванчики не топтал. Результаты появления плаката не заставили себя ждать. На следующий день одуванчики были вытоптаны. Не стоит ли задуматься о том, сколь часто наши воспитание и пропаганда строятся по формуле «По траве ходить строго воспрещается».

Подмена воспитания личности обучением, дел и поступков словами и увещеваниями — вот далеко не полный перечень последствий сведения личности к натуре человека, а тем самым как бы к вещи среди вещей. Иной взгляд на воспитание вытекает из представлений о социально-деятельной природе личности, обретающей свое «я» в процессе совместной деятельности и общения, в процессе сотрудничества с людьми.

Убеждения, совесть, честь — все это смысловые установки личности, которые формируются в совместной деятельности, в делах и поступках, а не достаются в наследство от родителей и не передаются посредством самых правильных слов. «Смыслу не учат. Смысл воспитывается», — любил повторять А.Н.Леонтьев, стремясь донести кардинальное различие между обучением и воспитанием личности.

ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ВОСПИТАНИЯ

В каком же направлении нам вести поиск действенных воспитательных приемов? Согласитесь, что эти приемы

зависят от искусства учителя, которое никогда не заменит никакая наука, в том числе и психология личности. Но эти приемы тогда действенны, когда за ними принципы. Вот и поговорим о тех из них, которые буквально выстраданы наукой и практикой.

Думается, что надо прежде всего обратить внимание на такой принцип, как *включение ученика в значимую для него деятельность*. В нем сфокусирована идея, вытекающая из социально-деятельного понимания природы личности. Эта идея, по сути, была положена в основу воспитательной практики таких выдающихся педагогов, как А.С.Макаренко и В.А.Сухомлинский. Яркий пример того, что включение личности в значимую для нее деятельность дает свои ощутимые плоды там, где не срabатывает обращенная к индивидуальному сознанию риторика, приводит А.С.Макаренко в «Педагогической поэме». Он рассказывает о том, с какой убийственной иронией воспитанники выслушали его страстную речь о необходимости резкой перемены их образа жизни. Позднее, вспоминая об этом печальном опыте, А.С.Макаренко писал: «Не столько моральные убеждения и гнев, сколько <...> интересная и настоящая деловая борьба дала первые ростки хорошего коллективного тона». Только в делах, в борьбе произошло у воспитанников изменение их личностных смыслов, поменялось отношение к жизни. Деловая борьба, современная деятельность сыграли решающую роль там, где оказались бессильны уговоры и убеждения.

Вероятно, что сейчас для подростков, в том числе и участников неформальных объединений, в первую очередь необходима разработка всевозможных форм и видов значимой деятельности. Какой? Да любой! Лишь бы каждый из подростков чувствовал, что в ней он нужен и конкретным людям, и обществу. Именно он как неповторимая индивидуальность... При этом можно использовать приемлемые формы деятельности, уже ставшие для определенных групп подростков своеобразным рупором индивидуальности, наполнив их необходимым содержанием. Давайте задумаемся и о том, как важен принцип *демонстрации последствий поступка личности для референтной*

группы, т.е. группы, на нормы, ценности и мнения которой ученик ориентируется в своем поведении. Ученик должен убедиться, к каким последствиям приведет его поступок социальную группу, мнением которой он дорожит. Личность живет в других людях. Поэтому-то не эгоцентрическое увещевание в стиле «какая беда лично с тобой случится, если ты так-то поступишь...» или «какая радость лично тебя ждет, если ты нечто совершишь...», а действенная демонстрация следующих за поступком бед и радостей для референтной группы влечет за собой преобразование смысловых установок и ориентаций личности.

Немалые возможности для перестройки мотивов поведения содержит в себе *принцип смены социальной позиции ученика*. Бывает, что обстоятельства судьбы обрекают его на социальную позицию вечного неудачника, неуспевающего, аутсайдера в классе. Но верно ли, что нужно на примере такого отстающего ученика показывать всему классу то, каким не надо быть? Ведь мы тогда закрепим позицию неудачника, а вместе с ней и растущий комплекс неполноценности. В таких случаях любые нравоучения, вызовы на педсовет возымеют скорее негативный, чем позитивный эффект. До тех пор пока не будет изменена социальная позиция ученика в группе, пока его не вернет в жизнь класса новая социальная роль, он будет искать самоутверждения вне школы. Гонимый в школе, он нередко становится «жестким» лидером компаний сверстников на улице. Смена социальной позиции и есть тот рычаг, с помощью которого осуществляется переделка стремлений и мотивов личности. Вот и попробуем в технологию воспитательного процесса заложить условия, предоставляющие ученику возможность совершать выбор разных социальных позиций, свободный переход от одной деятельности к другой. В нашей школе каким-то нелепым образом произошла потеря уникального источника смен социальной позиции — детской игры. Ее почему-то жестко прикрепили к дошкольному возрасту. Между тем именно в игре ребенок овладевает искусством вставать на позицию другого человека, видеть мир глазами другого,

осуществлять победы над собственным эгоизмом. Психолог Д.Б.Эльконин писал о значении игры в жизни личности: «Дело не только в том, что в игре развиваются или заново формируются отдельные интеллектуальные операции, а в том, что коренным образом изменяется позиция ребенка в отношении к окружающему миру и формируется сам механизм возможной смены позиции и координации своей точки зрения с другими возможными точками зрения» (Эльконин, 1978, с.282).

Понимание мысли собеседника без знания мотивов собеседника, нередко говорил Л.С.Выготский, всегда представляет собой неполное понимание. Точно так же воспитание личности без понимания ведущих ее мотивов будет неполным, ущербным воспитанием. В связи с этим и любая воспитательная система должна хоть в какой-то степени дать ответ на вопрос, какова ведущая мотивация у того или иного поколения подрастающей молодежи.

В период крутых перемен у общества обостряется особое чувство — чувство ценности человеческой личности. В самом нашем образе жизни как идеал задана ценность «быть личностью». Именно эта ценность и приводит к резкому усилению у молодежи мотивации во что бы то ни стало быть личностью. Образовавшийся в годы застоя дефицит духовности, атрофия нравственного выбора породили, с одной стороны, страх взрослости, бегство от выбора, социальный инфантилизм, а с другой — жадное стремление добиться самыми различными средствами подтверждения своей индивидуальности. В этой ситуации ценность «быть личностью» порой приводит к возникновению особого феномена — «игры в личность». Случается, что эту игру принимают за нечто подлинное, легкость в выборе решения — за дерзость, категоричность и безапелляционность — за убежденность, всеядность — за разносторонность и многогранность интересов личности или интересов стремящейся обратить на себя внимание молодежной группы. Рано или поздно подделка под личность распознается. Уж очень по своей психологической природе отличаются, как старательно их ни маскируй, расхожие интересы, выбранные под влиянием стремления быть не таким, как

все, от интересов индивидуальности, отважившейся сделать личностный выбор.

Ценность «быть личностью» тогда приводит к возникновению у человека подлинных мотивов, когда ее *мотивация с потребления*, в том числе и интеллектуального, *смещается на созидание*, на не знающее границ творчество. Тогда-то ценность «быть личностью» возвышает человека до истинно человеческого, соединяет его жизнь с жизнью людей, а не обособливает человека от общества. Ведущая смыслообразующая мотивация «быть личностью» пронизывает всю человеческую жизнь. Если мы не учитываем этой мотивации, то начинаем, например, интерпретировать профессиональный выбор ученика как подгонку личности под профессию. Индивидуальность же даже по профессиональному признаку не удается вмести́ть в узкие рамки профессий.

Спросите, кем был по профессии Владимир Иванович Вернадский. Геохимиком, физиком, философом? Он был личностью, а индивидуальность личности всегда шире своей профессии. Жизнь таких людей, как Вернадский,— пример того, что индивидуальность никогда не ставит перед собой цели быть счастливой или быть личностью. Мудрая стратегия формирования личности в том, наверное, и состоит, чтобы никогда не ставить перед собой и своими учениками цели быть личностью, а ставить реальные социально и личностно значимые задачи и разрешать их. Чем бы тогда ни занимался человек, он везде оставит социально значимый след, всюду проявит себя как личность.

ЛИТЕРАТУРА

Кон И. С. Журнал «Коммунист». 1987. № 4.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1.

Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978.

Яковлев А. Н. Журнал «Коммунист». 1987. № 8.

ДИНАМИКА УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ*

В последнее время в отечественной психологии наблюдается все более усиливающийся интерес к проблеме общения. Этот интерес, на наш взгляд, возник не случайно. Он вызван, во-первых, тем, что общение как специфическая форма деятельности, занимает одно из доминирующих мест в жизни современного человека. Во-вторых, и это главное, интерес к проблеме общения (осознают это сами исследователи общения или нет) связан с принципиально новым отличным от подхода традиционной эмпирической психологии пониманием человека, вытекающим из общепсихологической теории деятельности. Суть этого подхода с предельной четкостью была сформулирована А.Н.Леонтьевым: «...Анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, “птоломеевского” понимания человека в пользу понимания “коперниковского”, рассматривающего человеческое “я” как включенное в общую систему взаимосвязи людей в обществе» (*Леонтьев А.Н.*, 1975, с.229). Общение же относится к такой форме деятельности, характеристики которой оказывают наибольшее сопротивление эгоцентрическому «подкожному» рассмотрению личности. Картина современных подходов к проблеме общения отличается довольно большим разнообразием. У одних исследователей на первый план выступает не столько общение само по себе, сколько анализ влияния общения на функционирование других психических процессов (*Ломов*, 1975). В работах целого ряда авторов общение выступает как специальный предмет исследования, то есть анализируются его виды, структу-

¹ Написана совместно с А.М.Айламазян. Впервые опубликована в сборнике «Психолого-педагогические проблемы общения». М., 1979.

ра, механизмы функционирования и т.д. (Бодалев, 1965; Леонтьев А.А., 1974; Хараши, 1977).

Обе указанные ориентации как бы дополняют друг друга, особенно в тех случаях, когда представители этих направлений сталкиваются с сугубо практическими жизненными задачами вроде задачи анализа роли общения в формировании и воспитании личности и, соответственно, задачи поиска путей организации общения с целью увеличения его воспитательного воздействия на личность (Бодалев, 1978; Петровская, 1978). Одна из возможных попыток разработки этого вопроса и будет предпринята в данном исследовании.

В поисках методов исследования и воздействия на личность мы обратились к области «деловых игр». Деловые игры возникли как сложные динамические модели систем управления производством. Деловая игра обычно основана на конкретных ситуациях, взятых из реальной жизни, и представляет собой некоторую упрощенную модель действительности. Участники игры берут на себя определенные роли, как правило, административных работников, и разыгрывают заданную хозяйственную ситуацию. Обращение к этому методу не случайно. Оно обусловлено развивающимися в рамках общепсихологической теории деятельности представлениями о личности как системе смысловых образований и, соответственно, принципах ее исследования и изменения. Раскроем вкратце некоторые ключевые понятия этого подхода к проблеме личности.

В общепсихологической теории деятельности предлагается рассматривать «...личность как *новое качество*, порождаемое движением системы объективных общественных отношений, в которое вовлекается деятельность индивида. Личность, таким образом, перестает казаться результатом прямого наслаивания внешних влияний; она выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь» (Леонтьев А.Н., 1975, с.224). Реализуя принципы содержательно-целостного подхода к личности, А.Н.Леонтьев определяет личность как новое, системное, «сверхчувственное качество». Исследование

этого качества — это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им. Важной проблемой психологии личности, таким образом, является проблема формирования действий субъекта, направленных на свои собственные врожденные или приобретенные способности.

Для обозначения специфической базовой единицы личности, «ядра» личности, вводится понятие личностных смыслов и реализующих их смысловых установок в системе деятельностей. Смысловая установка вызывается мотивом деятельности и выражает в деятельности личностный смысл в виде готовности, тенденции к сохранению направленности данной деятельности в целом (Асмолов, 1979). Можно выделить следующие характерные особенности смысловой установки и принципы ее исследования.

Смысловая установка, цементируя общую направленность деятельности в целом, непосредственно проявляется в общей субъективной окраске различных входящих в состав деятельности действий.

Смысловая установка может быть как осознанной, так и неосознанной.

Сдвиг смысловой установки всегда опосредован изменением деятельности субъекта. Суть принципа деятельностного опосредования смысловых образований состоит в том, что раскрытие и перестройка смысловых образований всегда опосредствованы изменением деятельности: необходимо трансформировать саму деятельность, включить субъекта в новую систему деятельностей, чтобы воздействовать на его установки. Само по себе осознание смысловых установок не является достаточным условием для их реального изменения. Такое осознание может служить лишь первым этапом их действительной трансформации.

В свете такого понимания личности *психологическим объектом воспитания является смысловая сфера личности*, система личностных смыслов и реализующих их в деятельности смысловых установок. Следовательно, перевоспитание личности всегда идет через изменение деятельности, а тем самым и через изменение смысловых установок и в принципе не может осуществляться

посредством воздействия чисто вербального характера (Асмолов, 1979, с.75).

Смысловая установка оказывает регулирующее влияние на установки нижележащих уровней. Следовательно, они могут выступать в качестве индикаторов смысловой установки — это целевые, операциональные установки. Эти установки, являются определенным уровнем реализации смысловой, а потому для ее изменения и проявления необходимо менять нижележащие установки. В отличие от изменения ситуации деятельности этот способ воплощает в себе «путь снизу».

Однако регулирующее влияние смысловой установки на установки нижележащих уровней — только одна сторона процесса детерминации деятельности. С другой стороны, деятельность протекает в объективных обстоятельствах, независимых от субъекта, которые прежде всего влияют на ее операционально-техническое звено и выбор целей, и, таким образом, скрывают от нас то смысловое содержание, которое данная деятельность несет и реализует. Таким образом, цели и конкретные способы их достижения, а также специфические компоненты деятельности, отражающие собственно ее смысловую установку, не выражают последнюю в явном виде. Следовательно, для изучения смысловых установок в деятельности необходимо, чтобы они смогли найти полное выражение в деятельности испытуемого. Это требует нарушения, сбой по-старому организуемой деятельности и специального конструирования новой, «гармонично» организованной. Одним из приемов такого нарушения является протекание деятельности в новых, неадекватных ей условиях, делающих невозможным ее осуществление. Этому приему, например, отвечают такие ситуации, в которых цели и способы действия прямо не заданы личности самим контекстом ситуации. Множественность выбора целей и действий или смысловая неопределенность ситуации является основной характеристикой ситуации в так называемых «проективных методиках» (метод Тематического апперцептивного теста — ТАТ, метод чернильных пятен Роршаха, метод незаконченных предложений). Эти ситуации провоциру-

ют актуализацию наиболее характерных для личности в подобных ситуациях смысловых установок.

Обращение к ситуации общения в деловой игре и было обусловлено нашими представлениями о личности как системе смысловых образований и принципах их исследования. Действительно, как сделать, чтобы участие испытуемого в эксперименте стало для него деятельностью? Видимо, прежде всего надо выбрать значимую ситуацию, способную мотивировать участников. Ситуации игры, как правило, оказываются очень значимыми для их участников, непосредственно вызывающими переживание и актуализирующими соответствующие смысловые установки личности. Более того, это такие ситуации, которые воспринимаются и выступают для испытуемых не как особые экспериментальные ситуации, а как продолжение их обычной жизни, как реальные жизненные ситуации. Важен и тот факт, что наряду с близостью этих ситуаций к реальной жизни участников, они являются экспериментальными, модельными, а потому процесс проявления личности субъекта выступает как относительно управляемый, как результат учитываемых нами воздействий. Деловые игры, как правило, длятся достаточно большой период времени, что очень важно для исследования таких скрытых стабилизирующих моментов деятельности, как смысловые установки. Большим преимуществом этого метода является представляемая ими возможность наблюдать актуальные проявления личности, ее сиюминутную жизнь, а не ограничиваться результатами ретроспективного характера. В ситуации общения в деловой игре личность проявляется действенно, поведенчески. Таким образом, деловая игра позволяет реализовать принцип деятельностного опосредования смысловых образований при решении задачи их проявления и изменения.

Позволяют ли данные ситуации создавать такую деятельность, в которой бы в полной мере в последовательности и характере действий находили непосредственное отражение смысловые установки личности? Уже предварительное знакомство с данными ситуациями позволяет выделить присущий им неутилитарный характер, отсутствие реальных последствий для личности в результате учас-

тия в этих ситуациях, повышенную неопределенность этих ситуаций, когда в игре предоставляется всевозможных выборов, решений. Таким образом, минимальная внешняя детерминация со стороны объективных обстоятельств в ситуации деловой игры должна усилить детерминацию поведения со стороны личностных переменных.

Обратимся непосредственно к анализу ситуации деловой игры.

Деловые игры или, как их еще иногда называют, управленческие или имитационные игры — это «серьезные» игры для взрослых. Они выступают как сложные динамические модели систем управления производством. Предком современных имитационных игр является игра в шахматы. Шахматная игра как бы имитирует битву двух армий. С шестидесятых годов XIX начали систематически заниматься построением и использованием военных игр. Непосредственно перед Второй мировой войной появились игры военно-политические.

Метод имитационных игр применительно к производственно-хозяйственным организациям был впервые использован в Советском Союзе. Первая деловая игра была создана и испытана в 1932 г. в Ленинграде М.М.Бирштейн.

В середине 1950 годов в США был фактически переоткрыт метод деловых игр. Отличительной особенностью современной системы подготовки и повышения квалификации руководящих кадров является то, что она ставит перед собой задачу не только передать обучающемуся определенный объем знаний, но и привить ему конкретные практические навыки и даже отдельные личностные качества, необходимые, по мнению зарубежных специалистов, для руководства крупной организацией в современных условиях (Грей, Грэм, 1977). Наряду с применением таких традиционных методов обучения, как лекции, семинарские занятия, была разработана и применена группа методов, развивающих у слушателей практические навыки, в том числе метод анализа конкретных хозяйственных ситуаций, метод разбора деловых бумаг, метод Кепнера-Грего по рациональному использованию поступающей информации, метод деловых игр и т.д. Большинство аме-

риканских деловых игр разрабатывалось на базе Американской ассоциации управления.

Хотя начало использования и построения деловых игр было положено в СССР в тридцатых годах, только в середине шестидесятых годов наши ученые вернулись к работе над деловыми играми. В Советском Союзе психологи практически не участвуют в разработке метода деловых игр. В результате подобной безразличности психологов по отношению к деловым играм оказываются теоретически не осмысленными психологические аспекты управленческой игры, неэффективно применение игр для решения ряда задач, например, задачи обучения. В результате остаются нераскрытыми происходящие во время игры процессы, ее специфические психологические механизмы, остаются необоснованными многие эффекты игры и те задачи, которые должна решать игра.

По мнению конструкторов управленческих игр они могут быть использованы в следующих целях:

1. Игры могут конструироваться для решения исследовательских задач. Тогда игра выступает как своеобразный лабораторный эксперимент (Имитационные игры..., 1977).

2. Игры могут использоваться для аттестации кадров, проверки их компетентности (Гидрович, Сыроежин, 1976).

3. Деловые игры могут решать учебные задачи. Специалисты по деловым играм предполагают, что учебные деловые игры могут быть использованы:

- для развития управленческих навыков (обучение искусству управления);
- для активного усвоения концепций и методов управления;
- для привития навыков применения концепций и методов управления на практике, в том числе в области работы с людьми;
- для получения комплексного представления о типичном объекте управления.

Выделение психологической проблематики на каждом направлении использования деловых игр представляет собой специальную задачу. Психологи могут поставить и новые цели применения деловых игр. Попробуем выде-

лить некоторые собственно психологические проблемы. Нам представляется, что для успешного проведения игры в исследовательских целях необходимо обеспечить максимальное приближение поведения игроков в игре к действительности. Для решения учебных задач в рамках деловой игры, повышения ее педагогического эффекта необходимо психологическое исследование тех изменений, которые человек претерпевает в игре, механизмов этих изменений; этот анализ позволит целенаправленно создать программу обучения в игре.

Мы предприняли экспериментальное исследование деловой игры. При этом мы ставили перед собой следующие задачи:

- 1) анализ проявления и изменения смысловых установок в такого рода ситуациях общения, как ситуация деловой игры;
- 2) выявление некоторых механизмов, вызывающих эти изменения.

Наше исследование мы направили, в основном, на выявление того, как в ситуации деловой игры проявляется смысловая установка личности к труду. В работе решается и прикладная задача выработки первоначальной системы рекомендаций относительно функций психолога в деловой игре.

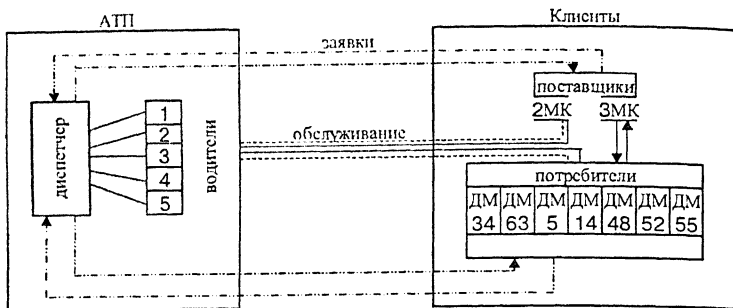
Эта работа проводилась на базе деловой игры «ТИГРА» (Транспортная ИГРА), созданной в Центральном Экономико-Математическом институте АН СССР. Идея создания данной игры возникла в результате проведения исследовательской работы на автотранспортных предприятиях (АТП) г. Москвы по анализу «внедряемости» действующих экономико-математических моделей маршрутизации перевозок на автомобильном транспорте. Для углубления этого исследования была создана данная игра.

Особенностью этой игры является введение нижнего уровня участников технологического процесса — водителей. Включение в игру нижнего уровня объясняется тем, что цель игры состоит в анализе не только планирования самого по себе, но и процесса выполнения плана водителями, точнее даже, процесса его невыполнения. Игра

предполагает богатое *общение* игроков между собой. Это общение через записи в формах (телефонные звонки также осуществлялись через запись в специальных формах), через обмен «наличностью» (получение условных единиц удовольствия, обмен игровыми деньгами) и через непосредственный устный контакт, не регистрируемый в документах игры.

Структура игрового коллектива представлена на рис. 1. Поставщики на основе исходной информации, получаемой от администратора игры, составляют план-график поставок мебели. О запланированных поставках (заявки на перевозку) мебельные комбинаты (МК) сообщают диспетчеру АТП. Диспетчер планирует маршруты перевозок на следующий день. На основе таких маршрутов, зафиксированных в путевых листах, водители «осуществляют» груженые пробеги от МК к мебельным магазинам и порожние — от АТП и магазинов к МК и АТП. События, которые происходят с водителями в пути, моделируются в игре счетной группой «Путь». Счетная группа вычисляет время движения автомобиля от одного клиента до другого, определяет с помощью случайного механизма исправность машины, дает возможность водителю распоряжаться своим рабочим временем в соответствии с его личными нуждами. Поставщики и потребители могут осуществлять оперативное управление перевозками: изменять маршруты и договариваться друг с другом или с диспетчером АТП о тех или иных перевозках. На основе обработки путевых листов зафиксированным выполнением маршрутов определяются основные показатели процесса перевозок, а также работы АТП, диспетчера и водителей.

Мы участвовали в проигрывании учебного варианта «ТИГРЫ». Участниками игры были студенты 4 курса транспортного факультета Института управления им. С.Орджоникидзе. В каждое проигрывание входили: 1) вводная лекция и инструктаж; 2) игра — 1 день; 3) обсуждение результатов игры и занятия по методам планирования и маршрутизации; 4) игра — 2 день; 5) обсуждение результатов игры второго дня; 6) общее обсуждение.

----- телефонные звонки по согласованию маршрутов
 - - - - - изменение (или дополнение) клиентами маршрутов водителя

Рисунок 1.

Эксперимент строится следующим образом:

1. До игры проводилось предварительное обследование игроков, исполняющих роли водителей: с помощью «традиционных» психологических методик (беседы, ТАТ, модифицированный тест Мак-Кленанда). Следует особо отметить, что интерпретация данных, полученных после тестирования, осуществлялась на основе общепсихологической теории деятельности. В результате выделялись некоторые характеристики мотивационно-потребностной сферы испытуемых и общая структура целеобразования. Специальное внимание обращалось на выявление системы установок, которые предопределяют профессиональную деятельность испытуемых. Мы выделили три возможных варианта таких систем: 1) когда трудовая деятельность задает эту систему и сообщает смысл другим деятельности; 2) когда трудовая деятельность занимает подчиненное положение и служит средством для достижения других мотивов личности; 3) когда трудовая деятельность лежит в стороне от основного мотивационного ядра личности.

2. Во время игры велось наблюдение, материалы которого вместе с конкретными показателями, зафиксированными в игровой документации, позволяли полностью восстановить поведение каждого «водителя».

Программа наблюдения была построена следующим образом. До игры экономист и психолог провели тщательный контент-анализ «ТИГРЫ». Основной целью этого анализа было выделение важнейших этапов деятельности «водителя» в игре. Среди этих этапов — получение водителем путевого листа, прибытие под погрузку или под разгрузку, происшествя в пути, возвращение на автокомбинат. Затем внутри каждого этапа были выделены узловые моменты, в которых могли возникнуть ситуации повышенной неопределенности, требующие принятия решения, выбора из нескольких альтернатив, разрешения конфликта между игроками. На этапе погрузки, например, такими узловыми моментами являются определение времени погрузки, выбор загружаемого в автомобиль типа мебели, решение об изменении маршрута, выбор клиента и т.д. Все узловые моменты с возможными наборами решений были выписаны в специальную таблицу. Пять таблиц такого рода были розданы пяти наблюдателям, ответственным за наблюдение на каждом из выделенных этапов. Это было легко сделать, так как каждый из наблюдателей одновременно выполнял функции инструктора при каждой из пяти игровых групп. Таблица, в которой было указано: а) *за чем* наблюдать; б) *что* наблюдать — то есть какие могут возникнуть альтернативы поведения в каждом узловом моменте — стала своеобразной инструкцией для наших наблюдателей. Естественно, игрокам эти таблицы не показывались, а все записи наблюдателями производились по возможности незаметно, в блокноты. Кроме того, мы старались фиксировать не только то, *что* делали игроки (предметное содержание игры), но и то, *как* они это делали (стилевые особенности их поведения).

Обработка результатов наблюдения осуществлялась следующим образом. Наборы решений каждого игрока на каждом этапе выстраивались в определенную стратегию, благодаря которой оказалось возможным приписать значение, отражающее установку личности к труду, его профессиональной деятельностью. Учитывались и стилевые особенности его поведения. Все это позволило получить

типичную для каждого игрока структуру деятельности, особенности ее протекания. В результате такой обработки мы смогли сопоставить данные игры и данные тестирования.

После игры во время обсуждения проводилось анкетирование, которое должно было помочь интерпретировать материал, полученный во время наблюдения. Анкета помогала нам выявить: 1) отношение игроков к игре; 2) общественное мнение относительно системы установок, в которую включена профессионально-трудовая деятельность исполняемых «водителей», «диспетчеров» и т.д.; 3) общественное мнение относительно совпадения этих характеристик у «водителей» и исполняющих их студентов.

Следует отметить, что во время инструктирования участникам игры задавалась установка на «исполнение самих себя» в игре. Мы советовали им не выдумывать что-то о исполняемой ими роли, не вспоминать, как себя ведут по их мнению действительные водители, диспетчеры и др., а представить себе, что они попали в предлагаемую нами ситуацию и попробовать в этой ситуации действовать. Во время игры эта установка подкреплялась и со стороны «вводных». «Вводные» представляли собой различные имеющие нерабочий характер задания, которые имел каждый «водитель» на день. Нами специально подбирались личностно-значимые для данного «водителя» задания, которые имели провоцирующий характер (например, ему предлагалось заехать в определенное время за билетами в его любимый театр, или купить сестре ко дню рождения подарок, или вечером до окончания рабочего дня успеть на тренировку и т.д.). Место жительства «водителей» отмечалось на игровой карте и соответствовало их реальному месту жительства в Москве.

Произведенное исследование позволило в первом приближении ответить на вопрос о соответствии поведения игрока в игре действительным установкам его личности, а также выявить некоторые причины, обуславливающие возникающее несоответствие.

Мы смогли показать, что поведение игроков в ситуации данной деловой игры, их выборы, общая стратегия поведения отражали действительную направленность их

личности, их отношение к профессиональной деятельности. Удалось показать и соответствие структур целеобразования и особенностей динамики деятельности, как они выявляются в предварительном исследовании и в игре. В некоторых случаях игра лучше выявила эти структуры, чем психологические тесты.

Обработка результатов позволила выявить и фактор, определяющий, насколько поведение участников деловой игры соответствует действительным установкам личности. Этот фактор — характер *доминирующей мотивации* в отношении игры. Если она вызывает познавательную установку на анализ деловой игры, то прямое соответствие отсутствует. Данная установка может находить свое выражение, например, в стремлении проверить возможности игры в плане допускаемых ее комбинаций, исследовать саму игру, ставить себя в рискованные ситуации и т.п. В этих случаях поведение оказывается детерминированным собственной игрой, а не присущими данной личности установками к труду. Этот момент необходимо учитывать при интерпретации результатов игры, в частности, при решении вопросов об адекватности данного конкретного поведения действительности.

Проведенный анализ позволяет предположить, что одним из путей исследования смысловых установок личности являются методы, позволяющие осуществить специальную реорганизацию деятельности общения.

Для такой реорганизации прежде всего необходимо создание жизненно важной ситуации, которая могла бы мотивировать субъекта, актуализировать его смысловые установки. В деловой игре — это соответствующие игровые предлагаемые обстоятельства. В ситуации деловой игры реализуется принцип нарушения, сбой по-старому организованной деятельности. Такими препятствиями для осуществления деятельности являются *неопределенность*, новизна ситуаций, отсутствие реальных жизненных последствий производимых действий, неутилитарный характер этих ситуаций, само принятие роли, корректирующие реакции участников группы на поведение друг друга, обсуждения в ходе игры и после игры и т.д.

Все это «затрудняет» осуществление деятельности, концентрирует внимание на ее средствах, ведет к их осознанию, что является первой ступенью их изменения. Так ставится «запруда» для организованной по-старому деятельности.

По-новому организованная деятельность формируется в ситуации, где минимизирована внешняя детерминация со стороны объективных обстоятельств, где отсутствуют реальные последствия для их участников. Это способствует проявлению смысловых установок личности участников деловой игры. Так, экспериментальное исследование позволило показать, что поведение игроков в ситуации деловой игры, их выборы, общая стратегия поведения отражали смысловые установки их личности, их отношение к профессионально-трудовой деятельности. Также удалось показать соответствие структур целеобразования и особенностей динамики деятельности. Проявление смысловых установок в данных ситуациях общения — необходимое условие изменения их организации и свойств. Но какова направленность происходящего изменения?

Наше знакомство с деловыми играми на практике и по соответствующей литературе позволяет предположить, что деловая игра направлена на формирование социально-ролевого поведения. К сожалению, включение только двух игровых дней в одно проигрывание данной деловой игры не позволяет достаточно обоснованно сделать выводы о характере изменения поведения игроков от первого дня игры к последнему. Социально-ролевое поведение является содержанием целого класса игр. Именно поэтому проблему обучения социально-ролевому поведению необходимо решать в рамках деловых игр. Деловые игры учат «играть» и в реальной жизни.

Проблема формирования в деловой игре социально-ролевого поведения выступает как перспектива исследования личностного уровня организации деятельности. Овладение социальной ролью в игре обладает большим преимуществом по сравнению с реальной жизнью.

По происхождению, на наш взгляд, можно выделить два типа ролей. А) Роли, возникающие в результате пас-

сивного приспособления к условиям социальной ситуации. Эти роли более зависимы от условий социальной ситуации, обладают большей прочностью и, как правило, неосознаваемы.

Б) Роли, возникающие в результате специального обучения (принятие роли актером, выработка роли в деловой игре и т.д.), когда осуществляется сознательное овладение ролью. Это значит, что эти роли более гибки, что в дальнейшем человек сможет исполнять эти роли сознательно и произвольно, остается способным к их оценке и выбору. Можно сказать, что человек использует эти роли как «средства», при помощи которых он овладевает своим поведением в соответствующей роли ситуации, например, в ситуации деловой игры.

Таким образом, ситуация деловой игры вызывает реорганизацию смысловых установок личности, которые перестают быть неосознаваемыми и ригидными, связанными с определенными конкретными способами реализации, из них вычленяется их собственно операциональное звено, которое становится сознательно управляемым.

Такая перестройка оказывается необходимой, так как подобная неосознаваемость, «сращенность» роли с личностью субъекта, с его смысловыми установками приводит к нежелательным последствиям для самой личности. Можно было бы сказать, что крайнее выражение этой тенденции связано с потерей субъектом личности как таковой. Человек постепенно теряет способность выражать свои чувства открыто и естественно, строить свою деятельность в соответствии с общей направленностью, мотивацией ее личности. А это, в свою очередь, приводит и к невозможности чувствовать, потере самого искреннего, оригинального чувства и переживания. Тогда им на смену приходит штамп, стереотип поведения, фразы, мысли. К.С.Станиславский указывал: «Штамп — это попытка сказать о том, чего не чувствуешь» (Станиславский, 1938). Тот же факт подчеркивает Л.Н.Толстой, когда устами Анны Карениной характеризует Алексея Александровича Каренина: «Она знала, что несмотря на поглощавшие почти все его время служебные обязанности, он считал своим долгом

следить за всем замечательным, что появилось в умственной сфере. Она знала также, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом все читать. Она знала, что в области политики, философии, богословия Алексей Александрович сомневался или отыскивал; но в вопросах искусства или поэзии, в особенности музыки, понимания которых он был совершенно лишен, у него были самые определенные и твердые мнения. Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все были у него распределены с очень ясной последовательностью» (Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1978, с.74).

При достаточном расхождении внешнего ролевого поведения людей, их поведения для других, которое не является сознательно управляемым, и их действительных смысловых установок истинное лицо человека оказывается скрытым не только от окружающих, но и от него самого.

Необходимо отметить, что помимо ситуации общения в деловой игре, осознание смысловых установок личности происходит и в так называемых тренинговых группах («Т-группах»). Однако, как нам представляется, в отличие от деловых игр, которые позволяют произвольно овладеть ролью, «Т-группа» дает индивиду набор средств, позволяющих ему произвольно становиться самим собой, а не исполнять какую-либо роль. Отсюда вытекает, что *деловая игра и тренинговая группа — взаимодополняющие методы исследования и формирования смысловых установок личности*, которые должны дополнять друг друга при обучении общению. Исследование «средств», реорганизующих смысловые установки личности в ситуации деловой игры и «Т-группы» как особого рода *смыслотехник*, является перспективой исследования личностного уровня регуляции деятельности общения в данных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.

Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.

Бодалев А.А. Общение и формирование личности // Вопросы психологии познания людьми друга друга в общении. Краснодар, 1978.

Грей К., Грэм Р. Руководство по операционным играм. М., 1977.

Гидрович С., Сыроежин И. Игровое моделирование экономических процессов. Деловые Игры. М., 1976.

Имитационные игры для обучения и отработки нововведений в управлении. М., 1977.

Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Ломов Б.Ф. Психические процессы и общение. Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Петровская Л.А. Обучение общению как форма социально-психологического воздействия на межличностное восприятие // Вопросы психологии познания людьми друг друга в общении. Краснодар, 1978.

Станиславский К.С. Работа актера над собой. М., 1938.

Хараш А.У. К определению задач и методов социальной психологии в свете принципа деятельности // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.

УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ И ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Несмотря на возрастание потока исследований в области психологии личности, приходится констатировать, что теория и практика изучения личности значительно отстают от исследований в других областях психической реальности. «Мы не знаем до сих пор, — писал А.Н.Леонтьев, — развернутой научно обоснованной программы исследований по психологии личности <...>. Отсутствуют по-настоящему фундаментальные исследования по собственно психологическим вопросам личности, а это отрицательно сказывается на работах прикладного значения» (*Леонтьев А.Н.*, 1983, с.385). К числу таких конкретных работ прикладного значения относятся и возникающие на стыке между психологией и юриспруденцией работы по изучению личности преступника (*Волков*, 1982; *Зелинский*, 1980; *Личность преступника*, 1975; *Рашинов*, 1979; *Яковлев*, 1985).

При диагностике и экспертизе тех или иных особенностей личности человека, совершившего противоправное деяние, специалисты все чаще начинают обращаться за помощью к психологам. Вследствие запросов практики буквально на наших глазах родилась или, точнее, возродилась судебно-психологическая экспертиза (*Коченов*, 1980). Но, обращаясь к психологическим построениям в области психологии личности, криминологи нередко встречаются либо со сверхобщими теоретическими абстракциями, от которых трудно перекинуть мост к конкретным фактам проявления противоправного поведения, либо с огрубленными «блочными» представлениями (*Платонов*, 1972) о структуре личности. И наконец, одним из самых серьезных затруднений является чрезвычайно сла-

* Написана в соавторстве с В.Н.Иванченко, С.Н.Ениколоповым. Впервые опубликована в журнале «Вопросы психологии». 1991. № 3.

бая разработанность четких экспериментальных процедур, позволяющих диагностировать те или иные черты личности преступника. Использование в юриспруденции ряда психологических характеристик личности не всегда совпадает с подлинной психологической природой анализируемых форм противоправного поведения. *Расхищение и воровство квалифицируются в судопроизводстве как мотивированное корыстное поведение, а хулиганство — как бескорыстное немотивированное поведение.* При подобном терминологическом описании, несущем вполне определенную этическую и психологическую нагрузку, закрывается путь к выявлению действительной мотивации совершаемого субъектом противоправного акта. Приблизиться к выявлению истинной мотивации мы сможем, если будем обладать достаточно операциональными методиками диагностики противоправного поведения личности и разработанными представлениями о психологических детерминантах этого поведения.

Специалисты в области юриспруденции при анализе социального поведения прибегают к понятию «антиобщественная установка», но стоящая за ним психологическая реальность обозначена чрезвычайно нечетко. Вместе с тем запросы практики требуют при диагностике агрессивного поведения обращения к экспериментальным процедурам, в частности к проективным тестам. Но сама интерпретация результатов этих тестов остается на чисто эмпирическом уровне, так как нет адекватных понятий для анализа получаемого с их помощью материала. Выход из этого тупика состоит в необходимости: 1) ввести в контекст анализа противоправного поведения понятие «установка» в его собственно психологическом смысле; 2) операционализировать это понятие и тем самым сделать установку рабочим конструктом, который действительно необходим при диагностике противоправного поведения. На наш взгляд, наиболее емким и операционализируемым понятием, характеризующим механизм конкретной деятельности личности, является понятие «установка личности».

В данном исследовании мы предприняли попытку, опираясь на представление об иерархической природе уста-

новок как механизмов, определяющих направленность и устойчивость деятельности личности (Асмолов, 1979), осуществить диагностику агрессивных установок личности. Остановимся на определении тех уровней установки, которые мы используем. «Смысловая установка, представляющая собой выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизирует процесс деятельности в целом, придает деятельности устойчивый характер» (Там же, с.75). Как известно, операциональная установка понимается как готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе вероятностного прогнозирования и учета условий наличной ситуации.

Анализ юридической литературы показывает, что, несмотря ни на какие санкции, преступник не отказывается от своей деятельности (Зелинский, 1980; Личность преступника, 1975; Яковлев, 1985). Это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что, по-видимому, для преступника преступление имеет личностный смысл и во время совершения преступления актуализируются его смысловые установки. В юридической литературе действия преступника называют деянием (актом). В зависимости от вида преступления У.Чамблис выделяет экспрессивные и инструментальные деяния (см. Анденес, 1979). Он считает, что экспрессивные деяния не поддаются удерживающему воздействию наказания, а инструментальные с большой вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания и его исполнения.

Можно предположить, что в экспрессивных деяниях проявляется ослабление нормативной стороны личности преступника; в них в наибольшей степени выражаются смысловые агрессивные установки его личности. В инструментальных же деяниях проявления агрессивных установок остаются на операционном уровне.

Для проверки этого предположения мы обратились к модели ситуации фрустрации, положенной в основу методики диагностики агрессивности С.Розенцвейга. Обычно под агрессией понимается действие, которое может при-

нимать различные формы, но цель которого всегда состоит в том, чтобы причинить вред какому-то индивиду или тому, кто с ним отождествляется (*Андреева, Богомолова, Петровская, 1978*).

Наиболее известной в психологии является теория фрустрации—агрессии, авторами которой являются И.Миллер, Д.Доллард, М.Дуб, Д.Мауер и Р.Сирс (см. *Там же*). Согласно этой теории, наличие агрессивного поведения всегда предполагает существование фрустрации, а фрустрация всегда ведет к некоторой форме агрессии. Под фрустрацией понимается любое условие, блокирующее достижение желаемой цели. Агрессия определяется как поведение, цель которого — разрушить либо сместить фрустрирующий блок.

К.Левин и Т.Дембо в русле развиваемой ими концепции групповой динамики показали, что кроме агрессии возможны и другие реакции на фрустрацию (см. *Нюттен, 1975*). Такие авторы, как А.Маслоу, С.Розенцвейг и А.Бандура, вполне резонно отмечают, что фрустрация не единственный фактор, приводящий к агрессии. Было показано, что сила агрессивного поведения возрастает с интенсивностью мотивации, связанной с фрустрацией, а побуждение к агрессивным действиям возрастает также в зависимости от близости объекта-цели в момент, когда возникает фрустрация (*Там же, с.81*). Все это доказывает возможность исследования агрессивного поведения в ситуации фрустрации, значимость которой может варьировать в зависимости от преобладания экспрессивности или инструментальности агрессии в установке испытуемого. Представляется возможным диагностировать смысловые и операциональные установки хулиганов и воров, адекватно применив определенную теорию и метод.

Все это и побуждает нас обратиться к проективной методике С.Розенцвейга и попытаться на ее основе операционализировать представления об уровневой природе установок как механизмов, обеспечивающих устойчивость и направленность противоправного поведения личности. Мы не будем останавливаться на построении методики, а укажем лишь на то, что при подсчете в данном исследовании

довании каждый ответ оценивался по выраженной им направленности агрессии: экстрапунитивности, интрапунитивности и импунитивности.

В исследовании принимали участие лица, осужденные по статье 206 УК РСФСР (хулиганы) и по статье 144 УК РСФСР (воры), а третья — контрольная — группа включала студентов МГУ и учащихся ФПК. Возраст испытуемых варьировал от 18 до 45 лет.

В данной работе показателями установок выступила направленность агрессии. Используя показатели экстрапунитивности, мы диагностируем смысловые установки, которые сохраняют направленность деятельности.

Известно, что в юриспруденции есть объяснение поступков корыстными мотивами, сравнительно с которыми мотивы хулиганов могут квалифицироваться как «бескорыстные», которые и находят свое выражение в агрессивных установках личности. Указывая на возможность актуализации у хулиганов мотива самоутверждения и пытаясь дать поступкам хулиганов психологическую интерпретацию, мы в то же время находим подобную интерпретацию мотивации поведения в «психологизированной» юридической литературе. «Хулиганские мотивы, — пишет Б.С.Волков, — нередко имеют беспричинными, иррациональными <...>. В основе хулиганских побуждений лежит стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить нарочито показное пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам социалистического общежития» (Волков, 1982, с.49). Если согласиться с этой интерпретацией, то напрашивается предположение, что за поступками хулиганов в агрессивном поведении скрывается личностный смысл, связанный с мотивом самоутверждения. Глубинное содержание поступков может выражаться смысловыми установками, показателем которых и выступает экстрапунитивность.

Известно, что от тщательно планируемых действий легче удержаться, чем от тех, которые являются результатом внезапного эмоционального импульса (Анденес, 1979). К числу такого рода действий относятся прежде всего экспрессивные действия. Экспрессивность деяний, которая сказывается на невозможности удержаться от проступков,

может быть обнаружена в наших экспериментах в результате применения метода С.Розенцвейга, и таким образом могут быть выявлены смысловые установки личности.

Для обоснования показателей импунитивности мы опираемся на представление об инструментальном характере проявления агрессии у воров и у испытуемых контрольной группы.

По мнению У.Чамблиса, экспрессивные деяния не поддаются удерживающему воздействию наказания, тогда как инструментальные с большей вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания (*Анденес, 1979, с.101*). Встает вопрос, не носит ли агрессия у воров более инструментальный характер, чем у хулиганов. Высокие показатели импунитивной направленности агрессии могут выступать показателями операциональных установок.

Полученные на основе проведенного нами исследования проявления агрессивных установок личности у хулиганов, воров и контрольной группы выглядят следующим образом. Наибольший индекс экстрапунитивной направленности (54,7%) — у хулиганов, что подтверждает гипотезу о том, что экстрапунитивность выступает показателем смысловых установок, экспрессивности агрессии. Низкий индекс импунитивной направленности агрессии (23,4%) указывает на возможность того, что агрессивность данной группы носит слабо выраженный инструментальный характер. Низкий показатель интрапунитивной направленности (27,1%) указывает на сдерживание внешних эмоций. Полученные ранее результаты (*Ениколопов, 1979 а*) показывают, что для убийц характерен высокий показатель интрапунитивной направленности, что объясняется с позиций гипотезы Э.Мэргарги, согласно которой непроявляющаяся агрессия выступает как следствие сдерживания внешнего выражения эмоций, т.е. самоконтроля. Показатель интрапунитивности подтверждает бесконтрольность поступков хулиганов (*Ениколопов, 1979 б*). Кроме того, низкий показатель интрапунитивной направленности свидетельствует о том, что внутренние барьеры не побуждают к агрессии.

Показатели направленности агрессии согласуются с ранее проведенными исследованиями (*Ениколопов, 1979 а, б*) и

приводят к необходимости диагностики агрессивных установок хулиганов.

В контрольной группе и группе воров показатели направленности агрессии почти идентичны; особенно высок показатель импунитивной направленности (соответственно 28,8 и 30,8%). Это согласуется с предположением о том, что для импунитивности характерно отсутствие агрессии в побуждениях и поступках, и указывает на преобладание инструментальности агрессии, а также на то, что импунитивная направленность есть проявление операциональных установок личности. Показатели экстрапунитивной направленности у воров (47,5%) и в контрольной группе (49,4%) приблизительно равны. Низкий показатель экстрапунитивной направленности свидетельствует, что внешние барьеры не побуждают эти группы испытуемых к агрессивным действиям. Низкие показатели интрапунитивной направленности у воров (23,7%) и контрольной группы (27,1%) обусловлены выраженной импунитивной направленностью, которая характеризует инструментальность агрессии этих групп и доказывает то, что в ситуации фрустрации агрессия в большинстве случаев не побуждается внутренними барьерами, в качестве которых могут выступить правовые нормы.

Полученные результаты указывают на то, что, в отличие от группы хулиганов, в контрольной группе и группе воров агрессия носит инструментальный характер. Отсюда не следует, что эти группы сходны в мотивах. Вор совершает свое преступление ради корысти.

Все это показывает, что у группы воров и испытуемых контрольной группы агрессивные установки проявляются в основном на операциональном уровне.

В нашем исследовании мы исходили из общего предположения о том, что степень выраженности тех или иных проявлений мотивационно-эмоциональной сферы личности зависит от того, к какому уровню регуляции поведения личности относятся эти проявления. Они могут относиться к мотивационному уровню регуляции поведения личности в целом и в этом случае функционировать в форме смысловых установок личности. Однако все эти проявления, например проявления агрессии, могут

относиться и к инструментальному операциональному уровню регуляции поведения и соответственно функционировать в форме операциональных установок, определяющих способы осуществления действий (Асмолов, 1979). Для проверки этого предположения было необходимо преодолеть две трудности: во-первых, найти тот эмпирический объект, на материале изучения которого можно было бы наиболее рельефно проверить это предположение; во-вторых, подобрать экспериментальные процедуры, позволяющие диагностировать мотивационно-эмоциональные проявления личности на разных уровнях регуляции деятельности.

В качестве эмпирического объекта исследования нами были избраны различные проявления агрессии в противоправном поведении. Средством же для диагностики агрессивных установок противоправного поведения послужила методика С. Розенцвейга, моделирующая реальные ситуации фрустрации. Конкретная гипотеза экспериментального исследования заключалась в следующем: в так называемом бескорыстном, немотивированном поведении хулиганов проявляются агрессивные смысловые установки, отражающие структуру личности в целом, в то время как у воров агрессивность проявляется на операциональном уровне регуляции поведения, т.е. в конкретных способах осуществления действия.

Полученные в ходе экспериментального исследования результаты являются важным шагом на пути проверки этой гипотезы. Так, было установлено, что у хулиганов средний процент экстрапунитивного типа направленности агрессии — 54,7, а у воров — 47,5. Таким образом, степень выраженности открытой агрессии у хулиганов выше, чем у воров. За противоправным «бескорыстным» немотивированным поведением хулигана в действительности, как правило, стоит мотив самоутверждения, реализующийся в глубинных агрессивных установках личности. Агрессия же воров проявляется на инструментальном операциональном уровне регуляции поведения. В связи с этим особенно следует отметить, что в судопроизводстве квалификация поведения хулиганов в терминах «бескорыстное» и «не-

мотивированное» может актуализировать соответствующие этим терминам этические стереотипы в обыденном сознании и даже повлечь за собой вполне определенные следствия при вынесении заключения, например снижение срока наказания. Поэтому представляется целесообразным внести уточнение в используемую в криминологии терминологию, более адекватно учитывающее как психологическую природу совершаемого противоправного акта, так и вызываемые этой терминологией стереотипы.

Иными словами, мы предлагаем переосмыслить понятие «антиобщественная установка», наполнив его психологическим содержанием. Без этого оно не отражает истинных мотивов человека, что наглядно видно при изучении детерминации агрессивного поведения преступников.

Важным шагом при изучении личности преступника может выступить использование определенных инвариантов субкультуры, играющей решающую роль в генезе мотивов и установок. Допустимо предположить, что известные мотивы превращаются в реально действующие (Леонтьев А.Н., 1983) при превращении социо-типического нормообразного поведения личности в индивидуально-типическое личностно-смысловое поведение (Асмолов, 1984). Инвариантами субкультуры, воздействующими на личность, могут выступить традиции. Мысль о воздействии традиции на личность наиболее ярко выразил И.Г.Гердер: «Где существует человек, там существует и традиция <...>. Если человек живет среди людей, то он уже не может отрешиться от культуры — культура придает ему форму или, напротив, уродует его, традиция захватывает его и формирует его голову и формирует члены его тела» (Гердер, 1977, с.231). Противоправное поведение и лежащие в его основе агрессивные установки еще требуют специального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979.

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная психология на Западе. М., 1978.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человека. М., 1977.

Ениколопов С.Н. Агрессивность как специфическая сторона активности и возможности ее исследования на контингенте преступников // Психологическое изучение личности преступника / Под ред. А.Р.Ратинова. М., 1979 а.

Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р.Ратинова. М., 1979 б.

Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. Харьков, 1980.

Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1983.

Личность преступника / Под ред. В.Н.Кудрявцева. М., 1975.

Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. Вып. V. М., 1975.

Платонов К.К. Проблемы способностей. М., 1972.

Ратинов А.Р. Психология личности преступника: Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р.Ратинова. М., 1979.

Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическое и биохимическое исследование состояний фрустрации и эмоционального стресса при неврозах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1973.

Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.

РОЛЬ СМЕНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ В ПЕРЕСТРОЙКЕ МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ)*

В последние годы отмечается возрастание интереса к прикладной психологии личности. Этот интерес проявляется в трех тенденциях разработки проблемы личности — методологически-теоретической, профессионально-практической и организационной. В методологически-теоретическом плане выполняются исследования, направленные на создание целостной картины представлений о природе личности (Анцыферова, 1982; Асмолов, 1984; Кон, 1984; Ломов, 1984; Петровский А. В., 1982). В профессионально-прикладном плане наблюдается расширение исследований, посвященных вопросам изучения личности в процессе обучения производственной деятельности, в различных сферах общественной практики. Привлекается внимание и к проблеме психического здоровья личности, в сферу которой входят психодиагностика, психологическая коррекция и реабилитация психически и соматически больных (Александровский, 1976; Зейгарник, Братусь, 1980; Кабанов, 1978; Кабанов, Личко, Смирнов, 1983; Карвасарский, 1982; Цветкова, 1985). И, наконец, третий, организационный, план — создание и внедрение различных психологических служб, например службы семьи, службы школы, службы помощи личности в критических жизненных ситуациях и др. (Амбрумова, Тихоненко, Боргельсон, 1981; Бодалев, Обозов, Столин, 1981).

*Написана в соавторстве с Т.Ю.Мариловой. Впервые опубликована в «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова». 1985. Т. LXXXV, вып. 12.

Необходимость сочетания всех этих трех тенденций прикладной психологии личности отражена в относительно новой сфере психологического обслуживания — психокоррекция и реабилитация онкологических больных. Возникновение ее связано с успехами комплексного лечения и ранней диагностики онкологических заболеваний, в частности рака молочной железы. Достижения современной медицины в этой области привели к тому, что все большее и большее число заболевших переживает длительные сроки после начала лечения, а значительный контингент может быть отнесен к категории выздоровевших (Le, 1984; Блохин, 1977; Герасименко, 1977).

Хирургическое удаление молочной железы, занимающее ведущее место в лечении рака этой локализации, приводит к возникновению психологических проблем, связанных с косметическими и функциональными последствиями радикальной операции (Марилова, 1984). Из сказанного видно, сколь актуальной является разработка представлений о пути психологической реабилитации больных раком молочной железы. Несмотря на обилие клинической и психологической литературы (Romsdahl, 1983; Greer, 1983; Sklar, Anisman, 1981; Stavray et al., 1968; Wirsching, Stierlin, Hoffman et al., 1982), так или иначе связанной с изучением онкологических заболеваний, подступы к созданию эффективной системы мероприятий по психологической реабилитации онкологических больных только намечаются. Одна из основных причин недостаточной разработанности этих вопросов заключается в том, что саму практику реабилитации пытаются создать, минуя этап собственно психологических механизмов реабилитаций.

В настоящем исследовании использовались два момента, дающих возможность подойти к решению задачи психологической реабилитации онкологических больных. Первый заключается в изучении динамики мотивации личности на разных стадиях заболевания раком молочной железы на основе использования методов патопсихологического обследования. Второй момент включает в себя разработку представлений о природе психологической

реабилитации данных больных, представлений, опирающихся на изученные закономерности изменения их мотивационной сферы.

В качестве методологической основы понимания путей коррекции и восстановления мотивационно-смысловой сферы личности выступает системно-деятельностный подход к личности (Асмолов, 1984). В контексте последнего дифференцируются понятия «индивид» (биологический индивид), «личность» и «индивидуальность»; дается характеристика личности как системного качества индивида, приобретаемого им в ходе присвоения общественно-исторического опыта в процессе различных видов совместной деятельности, присущих данному обществу. Предлагается следующая схема детерминации развития (и распада) личности: а) различные свойства и особенности индивида (конституция, генотип, биохимические характеристики организма, темперамент, свойства нервной системы, функциональные и органические поражения и т.п.) понимаются как «безличные» биологические предпосылки развития личности; б) социальная среда (выработанные в данном обществе социальные нормы поведения, понятия, орудия труда, ценности, социальные роли и стереотипы) — «безличные» предпосылки, источник развития личности; в) совместная деятельность и общение — движущая сила и основа развития личности.

Суть системно-деятельностного подхода к личности отражена в одном из высказываний А.Н.Леонтьева: «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием и есть его Я. Дело, однако, обстоит вовсе не так... Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный "центр личности", который мы называем Я; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхно-

стью его кожи, а в его бытии» (Леонтьев А.Н., 1977). При дальнейшем развитии этих представлений особый акцент следует поставить на том, что «центром» личности являются не сами «узлы» или иерархии деятельностей, а то, что в деятельности открывается личности в мире и побуждает ее действовать. Выбираемые субъектом социальные роли, приобретение личностного смысла, ценности и идеалы, определяющие устойчивость, направленность личности, мотивационные ориентации и смысловые установки — все эти проявления личности, формируемые в процессе деятельности, составляют ее мотивационно-смысловую сферу, совокупность согласующихся между собой или же, напротив, противоречащих друг другу мотивационно-смысловых отношений субъекта в данной социальной ситуации развития.

Главная особенность мотивационно-смысловых образований личности — это производность мотивов, личностных смыслов и смысловых установок от места человека в системе общественных отношений, от занимаемой им социальной позиции. Эта особенность природы мотивационно-смысловых образований наглядно выступила в исследовании А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца (Леонтьев А.Н., Запорожец, 1945), посвященном восстановлению движений у бойцов после ранения во время Великой Отечественной войны. Резкие перестройки личности вплоть до потери Я вследствие резкой смены социальной позиции описаны Э.Эриксоном (Erikson, 1968) на примере возвратившихся с войны американских солдат, оказавшихся не в силах найти свое место в обществе в мирное время и тем самым найти свое Я. Неврозы потери личностью смысла существования, выделенные основателем логотерапии В.Франкл (Frankl, 1973), также, как известно, возникают из-за изменения социальной позиции, например, из-за потери работы, ухода на пенсию и т.п. Указанные исследования приводят к выводу, что изменение мотивационно-смысловой сферы личности всегда производно от ее социальной позиции и той деятельности, в процессе которой возникли мотивационно-смысловые отношения к миру, к другим людям, к самому себе. Поэтому только

деятельность, в том числе и деятельность общения, побуждаемая теми или иными смыслообразующими мотивами и служащая основой для эмоциональной идентификации с другими людьми, может изменить личностные ориентиры пациента. В связи с этим существенное продвижение в разработке вопросов психологической реабилитации личности произойдет, если в основу реабилитации будет положен методический принцип деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых образований личности. Общая идея этого принципа состоит в том, что перестройка и коррекция личности осуществляется через организацию и изменения личностно-значимой деятельности (Асмолов, 1979). Во избежание недоразумений заметим, что не стоит отождествлять между собой личностно-значимую деятельность и работу, через которую часто ведется процесс трудовой реабилитации. Дело в том, что работа может и не затрагивать мотивов личности, не иметь личностного смысла. Только приобретая личностный смысл работа психологически становится деятельностью.

Из принципа деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых образований вытекает ряд конкретных методических приемов реабилитации — прием «опоры на сохраненные смысловые установки личности», прием «включения личности в значимую деятельность», прием «демонстрации последствий поступка личности для других людей». Прием «опоры на сохраненные трудовые смысловые установки личности» был использован В.Э.Реньге (1978) при изучении роли личностного фактора в восстановлении трудовой деятельности больных шизофренией. На материале психологической реабилитации больных алкоголизмом К.Г.Сурновым (1982) было показано, что смысловые установки больных, не изменяющиеся с помощью чисто поведенческих или вербальных методов воздействия, перестраиваются при включении больных в личностно-значимую деятельность. Однако в этих исследованиях, реализующих принцип деятельностного опосредствования мотивационно-смысловых образований, в тени остался вопрос о зависимости мотивов и установок от социальной позиции, задающей вектор мотивов личности.

Исходной для данного исследования явилась гипотеза о том, что ключ к изменению мотивации онкологических больных следует искать не в соматической сфере индивида и не в процессах его самосознания, а в трансформации объективно-жизненной социальной позиции личности, в системе общественных отношений, которая определяет смену мотивов личности и преобразование ее индивидуального сознания. Из этой гипотезы вытекает подход к пониманию психологической реабилитации, рассматривающей реабилитацию как процесс перестройки социальной позиции личности, которая задается социальной ролью онкологического больного.

Подобное понимание природы личности отличается от клинической и традиционной психологической ориентаций изучения динамики личности больных раком. Работы первой ориентации, принадлежащие прежде всего психиатрам (*Попова, 1975; Скворцов, 1946; Ромасенко, Скворцов, 1961*), позволили ярко описать феноменологию изменений личности при онкологических заболеваниях. И в этом сильная сторона клинических описаний, имеющих своим источником наблюдение реальных изменений личности, а не лабораторный эксперимент. Но отсюда же проистекает уязвимая сторона чисто клинической ориентации в исследовании личности, когда ограничиваются исключительно констатацией хода динамики личности, обходя лежащие за этой динамикой собственно психологические механизмы происходящих изменений. Представители же психологической ориентации, опирающиеся на модернизированные варианты психоанализа (*Renneker, Culter, 1952; Bacon, Renneker, Culter, 1952*), предлагают для объяснения динамики личности описания картины осознания ее конфликтов и средств психологической защиты.

И для психиатров, и для идущих в своем анализе от медицины клинических психологов реальные детерминанты мотивации личности онкологических больных остаются скрытыми. Совершенно иное видение механизмов смены мотивов у онкологических больных и природы психологической реабилитации возникает, когда фундаментом

исследования, его конкретно-научной методологии является системно-деятельностный подход к личности.

Нами предпринята попытка раскрыть зависимость изменения мотивации от социальной позиции личности на дооперационном, послеоперационном и отдаленном ка-тамнестическом периоде заболевания онкологических больных.

В нашем исследовании с помощью методик прямого и опосредованного изучения мотивации личности¹ у 125 больных раком молочной железы было установлено, что смена социальной позиции лежит в основе перестройки мотивов и соответственно видов ведущей деятельности этих больных.

Так, на диагностическом этапе уже сам факт обращения к онкологу вырывает личность из системы сложившихся межличностных отношений и приводит к появлению объективной социальной позиции «онкологического больного». Зачастую эта позиция психологически выступает для больного как позиция «смертника», обреченного, поскольку понятие «рак» в популяции нередко ассоциируется с представлением о неминуемой смерти. Социальная позиция онкологического больного приводит к актуализации такого доминирующего смыслообразующего мотива, как мотив подготовки к смерти. Основной смыслообразующий мотив, определяясь страхом смерти, побуждает к деятельности, придавая ей особый личностный смысл, оттесняет существовавшие ранее ведущие мотивы. У ряда больных при этом возникает поведение по завершению личных дел, благоустройству детей. В эту деятельность вовлекаются знакомые, родственники, друзья больных. В случае, если эта деятельность наталкивается на препятствия (желание кого-либо из близких доказать ненужность подобных попыток), то личностный смысл от этого не меняется. Напротив, возникает лишь негативная эмоция с тенденцией к раз-

¹ Использовались следующие методики: клиническая беседа, модифицированные варианты методик незаконченных предложений и самооценки, наблюдения за поведением больных в клинике, беседы с родственниками.

рыву отношений с близкими. Этот момент необходимо учитывать при проведении психокоррекционных мероприятий на диагностическом этапе. Личностные смыслы больного на данном этапе не могут быть изменены чисто вербальными способами, не поддаются воздействию рациональной психокоррекции.

Более благоприятная почва для психокоррекционной работы закладывается тогда, когда стационарирование больного в клинику и его встречи с излеченными людьми начинают расшатывать позицию «смертника».

В первые дни поступления в онкологическую клинику у больных отмечается некоторое улучшение психического статуса, вызванное определенностью своего положения, надеждой на успех лечения. Находясь в клинике, больные наблюдают не умирающих, а излеченных больных. Они беседуют с оперированными женщинами (специально приглашенными с этой целью психологом), которые уже пользуются хорошо изготовленными протезами молочной железы. Психологи на сеансах психокоррекции организуют встречи и беседы больных, готовящихся к операции, с больными, оперированными несколько лет назад. Последние под руководством психолога охотно рассказывают вновь поступившим больным о своем восстановительном периоде болезни. В результате комплекса психокоррекционных мероприятий у больных изменяется отношение к заболеванию, появляется осознание себя человеком, способным выжить. Таким образом закладывается основа к смене социальной позиции «смертника». Ведущим смыслообразующим мотивом становится мотив выживания, который побуждает ведущую деятельность по сохранению здоровья. При этом эмоциональное состояние больного значительно улучшается.

В послеоперационном периоде вновь изменяется социальная позиция личности. Происходит некоторая дезактуализация мотива выживания, поскольку реальная угроза смерти миновала. Страх смерти, доминировавший на диагностическом этапе, трансформировавшийся в надежду на благополучный исход операции в предоперационном периоде, практически исчезает после операции. В то же

время только после нее у больных наступает реальное осознание последствий калечащей операции (косметический дефект). Появляется новое чувство, ранее только предполагавшееся, но окончательно не осознававшееся больными — чувство собственной неполноценности, ущербности, потери женственности, утрата социального «статуса жены». Формируется новая объективная позиция — позиция социальной неполноценности. На фоне послеоперационной астении эта позиция нередко приводит к появлению у больных реактивной депрессии разной степени выраженности. В психическом состоянии главенствующими становятся тревога, депрессия, чувство безнадежности, отчаяния.

С нашей точки зрения, в дооперационном периоде удаление молочной железы имело в структуре деятельности больных, побуждаемый мотивом выживания смысл неизбежного средства сохранения жизни. В послеоперационном периоде возникающая новая позиция социальной неполноценности приводит к появлению личностного смысла последствий операции как барьера, непреодолимой преграды, стоящей на пути восстановления социального «статуса жены», «статуса женщины», что и выступило в индивидуальном сознании в виде тяжелых субъективных переживаний, депрессии и т.п.

Необходимо отметить, что в послеоперационном периоде, несмотря на психокоррекционные мероприятия, направленные на осознание больными того, что потеря молочной железы не исключает женственности, показатели депрессии и тревоги не снижаются. Тем не менее коррекционные мероприятия на этом этапе уже становятся первой ступенью реабилитации больных. Только с помощью психологической коррекции, направленной на изменение отношения больных к заболеванию и его последствиям, через осознание того, что потеря молочной железы не изменяет социальной роли, мы можем подойти ко второму этапу восстановительных мероприятий — изменению социальной позиции личности.

Для изменения социальной позиции больной необходимо ее вовлечь в ту или иную значимую для нее деятель-

ность, которая бы дала возможность ей перейти на новую социальную позицию — позицию социальной адаптации. В свою очередь последняя приводит к актуализации мотива социальной выживаемости. Необходимым условием появления нового мотива деятельности на послеоперационном этапе (и в этом особенность его «зарождения») является обостренное сознание больными своего дефекта. Только на пике такой кризисной ситуации, как заболевание раком, при мыслях больных об их «социальной неполноценности», на депрессивном фоне и при астенической симптоматике, обусловленной хирургическим вмешательством, у них возникает мотив «социальной выживаемости».

Этот мотив является побудителем деятельности, которая после операции направлена на компенсацию своего физического дефекта и лишь на отдаленных этапах восстановительных мероприятий обуславливает характер социальной адаптации личности. Смысл этой деятельности состоит в том, чтобы утвердить себя как личность в новой социальной роли. И, наконец, в отдаленный после операции период позиция социальной адаптации конкретизируется в тех или иных выбираемых личностью социальных ролях, выполнение которых подчиняется мотиву самоутверждения, например, самоутверждение себя в работе, общественной жизни и т.п. Характерной чертой этой новой деятельности является ее опосредованный характер, зависящий от ближайшего социального окружения. Чем более неадекватным, отрицательным по отношению к больным становится отношение этого окружения, тем более гипертрофированный характер принимает деятельность больных.

Таким образом, только в результате включения больного в значимую для него деятельность (опосредованную положительным влиянием ближайшего социального окружения) возможны изменение его самосознания и перестройка мотивационно-смысловой сферы. В результате этого на отдаленных этапах заболевания трансформируется само понятие «онкологический больной», которое уже не ассоциируется больными с угрозой жизни.

У больных катamnестического периода соотношение болезнь — здоровье заменяется соотношением болезнь — ее социальные последствия и проблемы. Подобная замена приводит к появлению феномена «социальной ипохондрии». Как ее следствие у больных в отдаленные сроки лечения актуализируется значимость межличностных отношений, поскольку осознание и переживание болезни, своего физического дефекта происходят опосредованно через отношение к ним окружающих. Больная будет чувствовать себя здоровой настолько, насколько здоровой ее будут считать окружающие. Больным на этом этапе уже недостаточно одного соматического здоровья (как было ранее), им необходимо «социальное выживание».

Обследование больных в катamnезе показало постепенное восстановление их социального статуса, сохранение и актуализацию у них трудовой установки, во многом зависящей от отношения к ним со стороны ближайшего социального окружения. Психокоррекция на этом этапе должна быть направлена на профилактику возможных психогенных реакций. Она обязательно должна включать в себя и работу с ближайшим социальным окружением.

Так выглядит зависимость динамики мотивов личности от смены социальной позиции у больных раком молочной железы.

Важно также подчеркнуть, что флюктуация индивидуального сознания больных, их субъективных переживаний оказывается производной как от социальной позиции личности, так и от задаваемых этой социальной ролью ведущих мотивов деятельности. Таким образом раскрывается совершенно особый тип детерминации личности. Ни физический дефект или те или иные соматические изменения сами по себе (как это порой считают представители клинической ориентации), ни сами по себе процессы осознания этого дефекта (как полагают некоторые психологи), не обуславливают мотивацию онкологических больных.

Реальной основой детерминации мотивации личности оказывается социальная позиция и обусловленная этой позицией деятельность.

Выделенная закономерность в будущем может быть использована для целенаправленной разработки приема смены социальной позиции личности. Этот прием, как и другие приемы психологической коррекции, вытекающие из общего методического принципа деятельностного опосредствования мотивационно-смысловой сферы личности, пополняет арсенал методик в появляющейся сфере психологического обслуживания — службе прикладной психологии в онкологической клинике.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М., 1976.

Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Боргельсон Л.Л. // Вопросы психол. 1981. № 6.

Анциферова Л.И. // Проблемы психологии личности. М., 1982.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

Блохин Н.Н. Деонтология в онкологии. М., 1977.

Бодалев А.А., Обозов Н.Н., Столин В.В. // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 4.

Герасименко В. Н. Реабилитация онкологических больных. М., 1977.

Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.

Кабанов М.М. Реабилитация психически больных. Л., 1978.

Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983.

Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. Л., 1982.

Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М., 1945.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Марилова Т.Ю. Особенности мотивационной сферы у онкологических больных: (рак молочной железы). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.

Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.

Попова М.С. Психические нарушения у больных, оперированных по поводу злокачественного новообразования гортани. Автореф. ... дис. доктора мед. наук. М., 1975.

Реньге В.Э. Роль личностного фактора в восстановлении трудовой деятельности больных шизофренией. Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1978.

Ромасенко В.А., Скворцов К.А. Нервно-психические нарушения при раке. М., 1961.

Скворцов К.П. // Соматопсихические расстройства. М., 1946.

Сурнов К.Г. Изменение установок личности при алкоголизме. Автореф. дис. канд. мед. наук. М., 1982.

Цветкова Л.С. Нейропсихологическая реабилитация больных. М., 1985.

Bacon C.L., Renneker R., Cutler M. // Psychosom. Med. 1952. Vol. 14.

Erikson E.H. Identity gouth, and Crisis. New York, 1968.

Frankl V.E. The Doctor and the Soul. Harmondsworth, 1973.

Greer S. // Brit. J. Psychiat. 1983. Vol. 143.

Le M.O. // Lancet. 1984. Vol. 2.

Renneker R., Cutler M. // J. A. M. A. 1952. Vol. 148.

Romsdahl M.M. // Cancer Bull. 1983. Vol. 35.

Sklar L.S., Anisman H. // Psychol. Bul. 1981. Vol. 89.

Stavraky K.M. et al. // J. psychosom. Res. 1968. Vol. 12.

Wirsching M., Stierlin H., Hoffmann F. et al. // J. psychosom. Res. 1982. Vol. 26.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ*

Культурно-историческая психология Л.С.Выготского, А.Р.Лурии и А.Н.Леонтьева составляет фундамент историко-эволюционного подхода в психологии. Ее суть заключается в том, что развитие мира человека рассматривается органично вписанным в культуру, способом существования которой является эволюция различных форм общественно-исторической деятельности. И какими бы дорогами ни шли в своих поисках Л.С.Выготский, А.Р.Лурия и А.Н.Леонтьев, к каким бы конкретным объектам изучения они ни обращались, эта концепция пронизывала любые их исследования.

Сказанное полностью относится к разным этапам творческого пути А.Р.Лурии. Занимался ли он изучением природы человеческих конфликтов, нейропсихологией, нейролингвистикой или анализом исторического развития познавательных процессов, он оставался верен исходной историко-культурной методологической установке. Поэтому не случайно то, что в большинстве исследований А.Р.Лурия неизменно обращается к разработке проблем природы общения, роли речи и общения в становлении высших психических форм поведения личности. Ведь процесс общения это тот магический кристалл, через который с особой очевидностью просматривается историко-эволюционное происхождение личности человека.

В данной работе мы ставим перед собой задачу с позиции культурно-исторической концепции проанализиро-

* Написана совместно с Е.И.Фейгенберг. Впервые опубликована в журнале «Вопросы психологии». 1994. № 6.

вать возможности использования невербального общения в процессе восстановительного воспитания личности при афазии. При решении этой задачи встает ряд взаимодополняющих вопросов: чем вызвано обращение к невербальной коммуникации как возможному средству восстановительного воспитания при речевых дефектах? Может ли изучение соотношения невербальной и вербальной коммуникации пролить свет на понимание природы первой из них? Что передает личность через каналы невербальной коммуникации? И наконец, почему невербальную коммуникацию мы связываем с таким разделом прикладной психологии личности, как восстановительное воспитание?

Начнем с ответа на последний из поставленных вопросов. Термин «восстановительное воспитание» впервые появился в цикле классических исследований А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца, посвященных восстановлению движений у раненых бойцов (*Леонтьев А.Н., Запорожец, 1945*). В этих исследованиях было показано, например, что восстановление пораженной руки происходит при условии перестройки личностных установок больного, то есть перестройки, зависящей от того смысла, который имеет для больного выполняемая деятельность (*Леонтьев А.Н., 1945, с.99*).

Позднее в контексте деятельностного подхода были накоплены факты, которые привели к пониманию различной природы обучения и воспитания, а также к выявлению общего принципа воспитания и коррекции личности. Психологическим объектом воспитания является личность как мотивационно-смысловая система. Сдвиг смысловых установок всегда опосредствован изменением деятельности субъекта. Отсюда и следует основная идея общего методического принципа опосредствования смысловых образований личности. Она состоит в том, что для перестройки и коррекции мотивационно-смысловых образований личности необходимо выйти за их пределы и изменить личностно-значимые деятельности, порождающие эти образования. Из подобного понимания психологической

природы воспитания вытекает и то, что перерождение личности всегда идет через изменение деятельности, в том числе и деятельности общения, и не может осуществляться посредством таких воздействий чисто рационального вербального характера, которые, по выражению А.Н.Леонтьева, несут «равнодушные» значения (Асмолов, 1979; Асмолов, Братусь, Зейгарник, 1979; см. также публ. в данной книге).

Очерченное понимание психологической природы воспитания личности и общего методического приема воспитания закладывает основы для выделения специальной области прикладной психологии личности — психологии восстановительного воспитания. В клинической практике необходимо сочетать восстановительное обучение и восстановительное воспитание.

В отечественной нейропсихологии, основателем которой является А.Р.Лурия, создана целостная концепция восстановительного обучения и реабилитации больных с локальными поражениями мозга (Цветкова, 1985). В русле этой концепции разработана система принципов восстановительного обучения, намечены пути создания приемов и техник восстановительного воспитания личности. «Восстановительное обучение строится на основе создания новых функциональных систем на базе сохранных афферентаций. Использование сохранных анализаторов в качестве опоры при обучении является еще одним важнейшим принципом восстановительного обучения» (Цветкова, 1985; Rothi, Mack, Heilman, 1986). В прикладной психологии восстановительного воспитания процесс реабилитации больных аналогичным образом рассматривается как трансформация мотивационно-смысловых образований личности. В качестве конкретных приемов восстановительного воспитания выделяются: опора на сохранные смысловые установки личности, включение личности в значимую деятельность, демонстрация последствий поступка личности для референтной группы (Асмолов, Братусь, Зейгарник, 1979; Асмолов, Марилова, 1985; см. также публ. в данной книге).

Особого внимания при изучении возможностей невербальной коммуникации в процессе восстановительного воспитания заслуживает прием опоры на сохраненные смысловые установки личности. Дело заключается в том, что смысловые установки личности, как это отмечается в исследованиях А.В.Запорожца и А.Н.Леонтьева, непосредственно выражаются в позно-тонических, мимических, интонационных проявлениях поведения и общения человека, то есть тех проявлениях, которые выделяются в особую область изучения невербальной коммуникации — *кинесику*.

Разным аспектам кинесики посвящено множество публикаций, часто фигурирующих под названием *body language* (язык тела, см. *Фейгенберг, Асмолов, 1989*). В 1986 г. было опубликовано первое отечественное монографическое исследование невербального поведения (*Лабунская, 1986*). Приходится признать, что при всем богатстве эмпирического материала и целого ряда оригинальных методических приемов изучения невербальной коммуникации в этой сфере исследования явно преобладает феноменологический подход. Изучение невербальной коммуникации оказывается как бы государством в государстве, оно не соотносится с той или иной общепсихологической теорией. Вследствие этого несмотря на обилие фактов, полученных прежде всего в зарубежной социальной психологии, этологии и кросс-культурных исследованиях общения, ответы на вопросы о природе, функциях невербальной коммуникации остаются довольно неопределенными. Картина изучения невербальной коммуникации осложняется еще и тем, что в ней господствует своеобразный *лингвоцентризм* — *описание закономерностей невербального общения по образу и подобию речевого общения* (*Фейгенберг, Асмолов, 1989*).

Иной ракурс открывается при изучении невербальной коммуникации в русле деятельного подхода. А.Н.Леонтьев и А.В.Запорожец обратили внимание на то, что в позе человека, его походке выражается личностная установка субъекта, его уникальный смысловой опыт. Иллюстрируя представления о «внутренней моторике» как выражении

смыслового опыта личности, А.В.Запорожец обращается к исследованиям смысловой стороны детской моторики, проведенным О.В.Протопоповой под руководством Л.С.Выготского. Разрабатывая методики коррекции нарушений личности дефективного ребенка через набор моторных упражнений, она «пришла к заключению, что некоторые из внешних свойств детской моторики являются собой знаки, или, вернее сказать, признаки, ее внутреннего смыслового содержания. В качестве таких признаков смыслового содержания пространственно-геометрические и динамические особенности движений выступают не сами по себе, а будучи соотнесены с системой координат, связывающих субъекта с объектом, с целью его деятельности» (Запорожец, 1986, с.218—219). Из этого исследования вытекает, что позно-тонические компоненты как бы реализуют позицию ребенка, его смысловое отношение к окружающему. Так, например, когда малыш не уверен в детском коллективе, его движения сосредоточены в одной плоскости, лицо всегда обращено к членам группы за поддержкой или порицанием.

«Особый интерес представляют данные О.В.Протопоповой о роли специальных двигательных упражнений в психортопедии, в воспитании личности больного ребенка, в перестройке его неадекватных, дефектных отношений к окружающему» (Там же, с.226—227).

Сходные идеи о связи личности и позно-тонических движений были высказаны А.Валлоном. Л.И.Анцыферова, рассказывая о его взглядах, пишет: «В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека. Достаточно вспомнить позу человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях: охватывая себя руками, прижимая их к телу, он как бы отгораживается ими от других, а ноги прячет под стул <...> В этих установках отчетливо выражается эмоционально-аффективное отношение личности к событиям» (Анцыферова, 1981, с.155). Между тем именно позно-тонические, мимические и жестовые проявления смысловых установок личности, то есть вся «внутренняя моторика» служит тем «зримым» языком,

посредством которого происходит невербальная коммуникация. Рассмотрение невербальной коммуникации в контексте историко-эволюционной деятельности концепции личности (Асмолов, 1990) позволяет, во-первых, ответить на вопрос о том, что, какое содержание передается через невербальную коммуникацию; во-вторых, обратиться с учетом представлений о природе невербальной коммуникации к анализу возможностей ее использования в воспитательном воспитании.

Невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности. Она представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов. Развиваемое нами понимание невербальной коммуникации позволяет объяснить безуспешность многочисленных попыток создания кода, словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации, спровоцированных лингвоцентрической установкой. Невозможность воплощения симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений.

Положение о том, что невербальная коммуникация выражает в поведении смысловые установки, позволяет обратиться к различным наработанным в истории культуры смыслотехникам, в том числе приемам понимания других людей путем наблюдения за позно-тоническими проявлениями человека.

Знакомство с рядом феноменов в истории культуры наталкивает на мысль о том, что *невербальные проявления смысловых установок выполняют компенсаторную функцию при нарушении речевого общения.* Так, при переходе от немого к звуковому кино многие режиссеры и теоретики кино (например В.Пудовкин и Л.Кулешов) отмечали, что за счет выигрыша в озвучании, вокализации произошел проигрыш в передаче метафорического мироощущения (см. об этом Козлов, 1980; Разлогов, 1982; Селезнева, 1972). В частности, В.Пудовкин любил повторять страстные слова французского теоретика кино Деллюка: «Какой это нич-

тожный отрывок воспоминаний — звук. Наши глаза лучше охватывают психологию и жизнь; движение лучше говорит чем звук; одна поза стоит больше всех завываний трагиков и вымученных баритонов» (цит. по Селезнева, 1972, с.171). В своей практике В.Пудовкин даже ввел запрет на движения, пытаясь найти наиболее выразительные позы для актеров. При работе над фильмом «Мать» произошел следующий эпизод: «...Режиссер запретил актрисе производить какие бы то ни было движения. Ему нужно было, чтобы актерское переживание выражалось в лице, в глазах, в неподвижном теле <...>. Режиссер не ошибся — внутренняя жизнь не умирала, несмотря на полную неподвижность тела <...>. Пудовкин “разрешил” исполнительнице один жест — только один, очень скупой <...>. И тогда, по словам Пудовкина, случилось чудо: вся сила пережитого чувства выливалась через эту беспомощную, по-детски протестующую руку» (Селезнева, 1972, с.176).

В современном искусстве сегодня, пожалуй, два вида деятельности строятся с наибольшей опорой на несущую личностный смысл невербальную коммуникацию — пантомима и балет. В целом же звуковой кинематограф закрыл пути метафорическому кинематографу, кинематографу немого кино. Но как в драматической борьбе немого и звукового кино, так и в соотношении вербальной и невербальной коммуникации выигрыш коммуникации на уровне значений оборачивается порой проигрышем коммуникации на уровне смыслов. А не следует ли из подобного соотношения вербальной и невербальной коммуникации, что при нарушении речевого общения удастся проделать обратный ход и через опору на сохраненные смысловые установки сделать первые шаги на пути восстановления общества?

В этом смысле афазия представляет собой уникальный объект как для изучения соотношения вербальной и невербальной коммуникации в общепсихологическом плане, так и для разработки прикладной психологии восстановительного воспитания личности в нейропсихологическом плане. Эмпирические данные о степени сохранности невербальной коммуникации при афазии и о мозговой лока-

лизации невербальной коммуникации при афазии весьма ограничены. Более того, эти данные порой не согласуются друг с другом. Так, предполагается, что исследования афазии у глухих лиц могут дать представление о мозговой локализации, связанной с протеканием жестовой речи: «В некоторых случаях наблюдается отсутствие общих двигательных нарушений, или апраксии, при наличии собственно жестовых нарушений. Последний факт позволяет сделать вывод о том, что жестовая афазия должна считаться чисто языковым нарушением, а не двигательным расстройством» (Бонвиллчан, Нельсон, Чароу, 1984, с.115). При изучении невербальной коммуникации всегда следует помнить точное разграничение, введенное С.Волконским, автором незаслуженно забытого руководства по семиотике сценического воспитания жеста по Дельсарту «Выразительный человек». С.Волконский писал: «Нас интересует только мимика. Нас не занимает то движение, которому человек поручает *заменить* слово: не тот жест интересен, которым человек показывает, что он хочет спать, а тот, который выдает его сонливость. Цицерон различал в жесте *demonstratio* и *significatio*. Мы будем говорить о втором» (Волконский, 1913, с.61). При изучении мозговой локализации жестовой афазии, как и в целом жестовой речи у глухонемых, имеется в виду именно жест, которому человек поручил заменить слово и который сконструирован по образу речи языка.

Распространенный в ряде клинических исследований невербальной коммуникации лингвоцентризм приводит к поиску прямых связей между нарушениями речи и невербального общения. Так, еще Г.Хэд (1927) видел причину ослабления способности к передаче жестов и к пониманию пантомимы в общем нарушении символической активности. Идея Г.Хэда как бы получает свое подтверждение на материале изучения жестовой афазии у глухих. Однако Н.Варней (Varney, 1982) установил, что нарушения при восприятии пантомимы всегда наблюдаются при алексии, но алексия далеко не всегда связана с расстройствами опознания пантомимы. Из исследований, подобных работе И.Варней, вытекает, по мнению Л.Роси (Rothi,

Mack, Heilman, 1986), что нарушения речи и нарушения опознания пантомимы представляют собой различные феномены, хотя и могут коррелировать друг с другом.

Не укладывающиеся в представления о речевой природе невербальной коммуникации факты могут быть рассмотрены в контексте деятельности подхода к анализу общения. С позиций этого подхода в принципе не может существовать прямой связи между нарушениями речи и невербального общения, так как с помощью последнего в поведении человека выражаются его смысловые установки: через речь же передаются прежде всего значения (А.Н.Леонтьев, А.В.Запорожец). Весьма показателен в этом плане приводимый Т.Шибутани факт, что гораздо легче установить личные взаимоотношения с больными, страдающими афазией, чем с теми, кто страдает болезнью Паркинсона: у последних нарушается именно позно-тоническая и мимическая невербальная коммуникация, выражающая личностно-смысловые отношения человека и обеспечивающая понимание мотивов и намерений личности; «Одним из симптомов болезни Паркинсона является масковидное лицо, у больных отсутствует способность к голосовым модуляциям во время речи. Поскольку, однако, познавательные процессы не затронуты, больные могут разговаривать и легко вступать в коммуникации. Но госпитальный персонал часто сообщает о чувстве неуверенности: хотя сообщения могут быть понятными, нет способа проверить индивидуальные предпочтения собеседника. Эти больные могут быть противопоставлены тем, кто страдает афазией <...>. Оказывается, легче установить личные взаимоотношения с теми, для кого символическая коммуникация затруднена или вовсе невозможна, чем с тем, кто страдает болезнью Паркинсона. Важность этих тонченных жестов проявляется также и в том, что люди предпочитают избрать для обсуждения темы, которой они стыдятся, темноту, и не хотят решить важные вопросы при недостаточном освещении» (*Шибутани*, 1972, с.138—139). Этот пример дает возможность предположить, что невербальная коммуникация при дефектах речи в ряде случаев может выполнять компенсаторную функцию и тем

самым служить опорой при восстановлении способности к общению. В связи с этим уместно вспомнить мысль А.Р.Лурия о необходимости разработки приемов овладения подтекстом, который и передает смысл. «...Анализ способов передачи смысловой организации сообщения значительно больше, чем в лингвистике, разработан в теории художественного действия и особенно — теории режиссуры <...>. Процесс овладения приемами выражения подтекста (или смысла), разработанный <К.С.Станиславским и М.О.Кнебель> и начинающийся с работы на чисто семантическом уровне (вживание в характер действующего лица, в возможные формы его действий в конкретных ситуациях) и лишь значительно позже переходящий к речевому тексту (который таким образом обогащается смысловым содержанием), представляет собой важнейший и далеко еще недостаточно осмысленный опыт» (Лурия, 1975, с.30).

Задача изучения этого опыта, парадоксальной логики движения восстановительного воспитания по формуле «от подтекста — к тексту» может быть в значительной степени решена при использовании невербальной коммуникации в процессе восстановления общения. Богатейшая *смыслотехника*, накопленная в разных культурах, в частности, техника внеязыковой культуры дзэн, техника умения управлять сознанием без обращения к языковым средствам ждут своего понимания в культурно-историческом контексте разрабатываемой прикладной психологии восстановительного воспитания. Культурно-историческая психология заставляет по иному взглянуть на подобного рода техники. «Мастера, владеющие на основе дзэн искусством фехтования, самозабвенно демонстрируя свое мастерство, не могут объяснить, как они достигают этого совершенства. Однако сама реальность, известные шедевры, созданные мастерами Японии с опорой на идеи дзэн, показали, что главное — в той побудительной силе, которая концентрирует человеческую энергию на каком-то орудии деятельности — клинке, скребке, молотке, кисти и т.д.» (Пронников, Ладанов, 1983, с.150). Корни использования смыслотехнических приемов воспитания личнос-

ти, однако, следует искать не столько в мистической побудительной внутренней энергии, сколько в кисти, жесте, позе, мимике, через овладение которыми человек овладевает самим собой. Именно в них как в психологических орудиях и знаках культуры корень формирования высших психических функций и самостроительства личности.

Тщательный анализ в русле культурно-исторической психологии приемов и техник невербальной коммуникации, являющейся зримым языком передачи личностных смыслов, открывает широкие возможности как для понимания мира индивидуальности личности в целом, так и для построения смыслотехники — прикладной психологии восстановительного воспитания личности.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферова Л.И.* Проблема психотонической активности и научное наследие Анри Валлона // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 1.
- Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. М., 1979.
- Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990.
- Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. и др.* О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопр. психол. 1979. № 4.
- Асмолов А.Г., Марилова Т.Ю.* Роль смены социальной позиции в перестройке мотивационно-смысловой сферы у онкологических больных. // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 1985. Вып. 12.
- Бонвиллчан Дж., Нельсон К.Э., Чароу В.А.* Язык и языковые способности у глухих детей и детей с нормальным слухом // Психолингвистика / Под общ. ред. А.М.Шахнаровича. М., 1984.
- Волконский С.* Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). СПб., 1913.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
- Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.
- Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
- Козлов Л.К.* Изображение и образ. М., 1980.
- Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986.
- Леонтьев А.Н.* Психологическое исследование движений после ранения руки // Психология. Движение и деятельность: Ученые записки МГУ. Вып. 90. М., 1945. С.91—100.

- Леонтьев А.Н., Запорожец А.Н.* Восстановление движения. М., 1945.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
- Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., 1983.
- Разлогов К.Э.* Искусство экрана: проблемы выразительности. М., 1982.
- Селезнева Т.Ф.* Киномысль 1920-х годов. Л., 1972.
- Цветкова Л.С.* Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М., 1972.
- Цветкова Л.С.* Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность. М., 1985.
- Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г.* Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. №6.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1972.
- Rothi L.J., Mack L., Heilman K.M.* Pantomime agnosia // J. of Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry. 1986. Vol. 49.
- Varney N.R.* Pantomime recognition defect in aphasia: Implications for the concept of asymbolia // Brain Language. 1982. Vol. 15.

ЗА ПОРОГОМ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОЦЕНТРИЗМ И ПАРАДОКСЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Возрастание интереса представителей самых разных направлений психологии, поведенческих и социальных наук к изучению проблемы коммуникации в целом, невербальной коммуникации в частности обусловлено несколькими причинами. Первая из них состоит в том, что сфера общения занимает все больше места в жизни общества. Эта ситуация и определяет вторую часть — прагматическую причину роста интереса к проблеме коммуникации, приводящую к появлению практических руководств по эффективному использованию знания, навыков и приемов невербального общения в межличностных отношениях. Историческим предшественником появления подобного рода руководств является старое учение о распознавании характера человека по его внешнему облику — физиогномика. Вышедшее в России в 1886 г. сочинение П.Мантегаццы «Физиономия и выражение чувств» (*Мантегацца, 1886*) во многом похоже на современные руководства по невербальной коммуникации, если сравнить поставленные задачи. Так, авторы предисловия Н.Грот и Е.Вербицкий пишут: «Оно может быть полезно и назидательно в особенности для педагогов, стремящихся серьезно поставить дело воспитания юношества, для живописцев, ваятелей и вообще художников, изучающих и изображающих человеческие типы, и, наконец, для актеров, стремящихся воплотить в живые образцы бессмертные типы драматического искусства» (*Мантегацца, 1886, с.ХІІ*). Мантегацца описывает **азбуку** мимики, пытается раскрыть зависимость мимики от этнической принадлежности человека

* Написана в соавторстве с Е.И.Фейгенберг. Впервые опубликована в «Психологическом журнале». 1989. Т. 10. № 6.

и его профессии, выделяет антропологические признаки распознавания интеллектуальных и нравственных особенностей личности. Незаслуженно забытым практическим руководством, по своей разработанности вполне способным выдержать конкуренцию с некоторыми пособиями 80-х годов, посвященными языку тела — *body language*, является сочинение С. Волконского «Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту)» (Волконский, 1913). Интересны авторские представления о семиотике жестового общения. «Семиотика <...> имеет своим предметом изучение тех внешних признаков, которыми выражается внутреннее состояние человека <...>. Семиотика говорит нам: такому-то знаку соответствует такая-то страсть (у него брови сдвинуты, значит, он страдает). Эстетика говорит нам: такой-то страсти соответствует такой-то знак (он страдает, значит, надо сдвинуть брови)» (Волконский, 1913, с.68).

Прототипом языка жестового общения, конструируемого Волконским, выступает нотная запись, а не тот или иной алфавит письменной речи. При анализе подобного рода руководства по невербальной коммуникации не только убеждаешься в справедливости истины, что новое — это хорошо забытое старое, но и начинаешь проникаться ощущением, что старое порой чем-то богаче и точнее нового. Так, Волконский более осторожно подходил к обсуждению аналогий между алфавитами «языка тела» и «языка речи», чем автор вышедшего в 1987 г. практического руководства по невербальной коммуникации «Языка тела» Г. Вейнрайт (*Wainwright*, 1987). Руководства по невербальной коммуникации, изданные в конце XX в., отличаются от руководств, изданных в конце XIX в., тем, что их адресат существенно расширяется, так как в большинстве профессий успех все больше зависит от степени владения навыками межличностного общения в разных социальных группах.

Следующая причина возрастания интереса к проблемам невербальной коммуникации далеко не всегда осознается, поскольку связана исключительно с невербальными формами общения. Современный человек живет в мире

слов, в лингвистическом мире, а древнее высказывание «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках. Так, в своем исследовании «Роботы, человек и психика: психология в современном мире» Л. фон Берталанфи пишет: «...Объективный мир <...> от тривиального окружения до книг, автомобилей, городов и бомб, является не чем иным, как материализацией символической деятельности» (*Von Bertalanffy*, 1967, с.22).

Положение о языке как основе мира культуры, о том, что языка без голоса не бывает, формулирует известный лингвист Э.Бенвенист: «...Способность к символизации у человека достигает своего наивысшего выражения в языке, который является символическим по преимуществу; все другие системы коммуникации — графические, жестовые, визуальные и т.д. производны от языка и предполагают его существование» (*Бенвенист*, 1974, с.80). Подобная позиция может быть охарактеризована как лингвоцентризм — изучение любых видов коммуникации по образу и подобию языка человеческой речи. Такого рода позиция и связанная с ней точка зрения о превращении мира человека в мир лингвистических символов, а самого человека — в «языковую личность» (*Караулов*, 1987) приводят к появлению и распространению построений, способных разрушить монополию рациональности и лингвоцентризма в понимании человеческой природы. В частности, по мнению В.В.Налимова (*Налимов*, 1979), попытками протеста против чисто логического рационального осмысления мира являются стремление утвердить внеязыковую культуру философии дзэн-буддизма и использование современных технических средств при построении некоторых форм внеязыковой коммуникации. В дзэн-буддизме разработаны разные приемы, с помощью которых удастся освободить сознание от «словесно-логических ловушек», помочь пережить внеязыковое восприятие мира. По сути, чем же целям, открывающим новые возможности межличностного общения, служит так называемое синтетическое кино, скорее выражающее мировосприятие, чем объясняющее его средствами языка (см.

Там же). К указанным попыткам противопоставить нечто иное лингвистической модели мира близко новое социологическое направление — этнометодология. Авторы данного направления Г. Гарфинкель и его коллеги предложили специальный тип бесед. Такие беседы заставляют испытуемых выйти за пределы принятых в культуре социальных норм общения и обратиться к смыслам ситуации, не поддающимся переводу на дискретный язык общения (см. Тернер, 1985). Приведем один из примеров такой беседы. Испытуемый: «У меня скучная квартира». Экспериментатор: «Что Вы имеете под этим в виду?». Испытуемый (явно озадачен и отвечает враждебным тоном): «Что Вы имеете в виду, сказав, что я имею в виду? Скучная квартира есть скучная квартира, вот что я имею в виду. Ничего особенного: Что за идиотский вопрос!» (*Там же*, с.426). Этнометодолог пытается нарушить принятые правила общения в ситуации взаимодействия, заставить испытуемого перейти от текста к подтексту, от значений — к неосознаваемым смыслам. Как бы ни были различны дзэн-буддизм, поиски внеязыковых техник коммуникации, методы, приводящие к расшатыванию привычных форм закрытого вербального общения этнометодологии, — все они исходят из представлений о существовании в общении между людьми особой реальности, отличной от символического языкового мира. В стремлении к пониманию этой реальности кроется связанная с поиском иного научного мировоззрения причина особого внимания к исследованиям невербальной коммуникации.

Именно лингвоцентризм обусловил тот факт, что проблема невербальной коммуникации не стала предметом рассмотрения в психологии речевого общения и как бы выпала из психологии понимания, психологии личности, социальной психологии и этологии. Между тем и в психологии речи, особенно при постановке вопроса о соотношении мысли и слова, представление об оформленности мысли жесткими языковыми рамками после классического труда Л.С. Выготского «Мышление и речь» начало подвергаться пересмотру. В лингвистике же лингвоцентризм был непоколебимым. Бенвенист писал: «Язы-

ковая форма является <...> не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику. Таким образом, стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление обойтись без языка <...> оказывается лишенным смысла» (Бенвенист, 1974, с.105). Если последовать предложению Бенвениста и проанализировать факты и некоторые теоретические построения о связи языка не только с мыслью, но и с другими знаковыми системами, то постулат о преобладании лингвоцентризма начнет вызывать серьезные сомнения.

Так, психолингвист Д.Слобин (*Слобин, Грин, 1976*), во многом разделяющий представления Выготского о соотношении мысли и речи, приводит исследования Смита, показавшего сохранность сознания и коммуникации у испытуемого, который был полностью лишен возможности управлять своей речевой мускулатурой. Слобин вслед за Выготским проводит резкое разграничение между симультанным характером мысли и сукцессивным характером речевых высказываний. Отсюда вытекает, что «динамические смысловые системы» (*Выготский, 1981*), представляющие единство аффективных и интеллектуальных процессов, в принципе не могут быть переведены на язык внешней речи. В этой идеи Выготского созвучны введенному Бенвенистом принципу неизбыточности в сосуществовании семиотических систем. Между семиотическими системами не существует «синонимии»; нельзя «сказать одно и то же» с помощью слов и с помощью музыки, то есть с помощью систем с неодинаковой базой» (Бенвенист, 1974, с.77—78). Разрабатывая этот принцип в рамках общей лингвистики, Бенвенист выделяет три типа отношений между разными семиотическими системами: 1) отношения порождения; 2) отношения гомологии; 3) отношения интерпретирования. Пример отношений первого типа — азбука слепых Брайля или стенография. В отношениях порождения некото-

рая специализированная семиотическая система строится по образу и подобию алфавита письменной речи. Жестовый язык глухонемых — пример отношения гомологии, или соответствия, тот или иной жест соответствует слову языка. И наконец, из отношений интерпретирования вытекает, что язык всегда выступает как интерпретант любых других семиотических систем, как лингвистических, так и нелингвистических. Но даже описанный Бенвенистом принцип избыточности в существовании семиотических систем и разные типы отношений между этими системами показывают неоднозначность и непереваемость целого ряда проявлений невербальной коммуникации в лингвистические семиотические системы. Наряду с выделенным Выготским положением о симультанном характере динамических смысловых систем эти идеи Бенвениста позволяют заключить, что, хотя язык речи — интерпретатор любых других семиотических систем, между невербальной и вербальной коммуникациями в большинстве случаев не существует прямых переходов.

Несмотря на то, что исследования по общей лингвистике Бенвениста довольно известны, а культурно-историческая концепция развития психики Выготского становится все более популярной, выделенные в их исследованиях положения практически не оказали влияния ни на один из трех основных подходов к коммуникации в зарубежной психологии, а также на немногочисленные отечественные исследования по невербальной коммуникации (см., например, (Горелов, 1980; Лабунская, 1986). В «Энциклопедическом словаре психологии» (1983), вышедшем под редакцией известного английского социального психолога и философа Р.Харре, отмечается, что наибольшее распространение в исследованиях коммуникации получили следующие подходы: *информационный, интеракционистский и теория коммуникативной относительности.*

Информационный подход к коммуникации базируется на нескольких допущениях, прежде всего на положении о дискретном корпускулярном распространении потока коммуникации посредством «упакованных» в слова и жесты

значений. В этом подходе также предполагается, что тело человека, особенно лицо, глаза и руки, представляет собой экран, на котором высвечиваются его установки, эмоции и мысли. В контексте информационного подхода к коммуникации выделяют две главные группы исследований. Первая из них основывается на математической теории передачи электронных сигналов Шеннона, созданной в 1949 г.

Вторая группа оформилась в социологии в начале 1960 годов благодаря исследованиям Э.Гоффмана. В его модели коммуникационного обмена выделяются четыре элемента: а) коммуникационное соглашение, договор, сложившийся внутри определенной группы индивидов; б) коммуникационные стратегии, которые стороны принимают, разыгрывают, вступая в контакт друг с другом; в) коммуникационные рамки, ограничения, обусловленные различными экологическими, техническими, эмоциональными и интеллектуальными обстоятельствами, сковывающими выбор той или иной стратегии общения; г) интерпретационные фреймы или схемы, направляющие и регулирующие способы восприятия и общения между людьми. Драматургическая модель Гоффмана, стремящегося сконструировать репертуары сценариев взаимодействия людей в повседневной жизни, занимает промежуточное положение между традиционным информационным подходом к коммуникации и исследованиями коммуникации, которые проводятся в русле символического интеракционизма, восходящего своими корнями к теории Дж.Лиды (см. Тернер, 1985).

Интеракционистский подход к изучению коммуникации сложился в середине 1960 годов. В контексте этого подхода могут быть выделены пять наиболее общих концепций коммуникации. Первая из этих концепций принадлежит американскому психологу Р.Бёрдвистлу, исследования которого в конце 1940 годов возродили интерес к изучению невербальной коммуникации — к созданию языка движения тела. После появления в 1872 г. классического труда Ч.Дарвина «Выражение эмоций у животных и человека» вплоть до 1950 годов проблема невербальной ком-

муникации оказалась на периферии разных направлений поведенческих и социальных наук (см. об этом *Hind*, 1982). В психологии исследования Бёрдвистла, а в этологии — Н.Тинбергена (см. *Там же*) стали толчком к появлению нового потока работ по невербальной коммуникации. Бёрдвистл одним из первых начал изучать общение в ходе анализа движений тела. Он создал направление исследования невербальной коммуникации, которое назвал кинесика. «Кин» — мельчайшая единица движения, как бы буква движения тела, считывая которую можно в итоге интерпретировать передаваемые через жесты или другие движения тела сообщения. В 1960 годах Бёрдвистл предложил «лингвистическую» модель невербальной коммуникации. Он отстаивает следующую точку зрения: несмотря на разнообразие интеракций между людьми, все символические интеракции имеют один и тот же ограниченный репертуар, состоящий из 50—60 элементарных движений, жестов или поз человеческого тела. По его мнению, развертывающееся поведение складывается из кинем элементарных единиц, точно так же, как звуковая человеческая речь организуется из последовательности слов, предложений и сообщений. На наш взгляд, представления о невербальной коммуникации Бёрдвистла — это наиболее концентрированное выражение позиции лингвоцентризма. «Лингвистическая» модель Бёрдвистла вступает в противоречие с развиваемым в рамках лингвистики принципом избыточности в сосуществовании семиотических систем, так как, по сути, основывается на отождествлении языка речи и языка тела.

Интересно, что сходные с «лингвистической» моделью языка тела представления нашли свое отражение в 1939 г. в трехтомной монографии И.А.Соболевского «Кинетическая речь на производстве» (*Соболевский*, 1986). Шум на ткацком производстве вынуждает работников создавать ручные системы коммуникации. Приведем несколько фрагментов из исследования Соболевского, имеющих коммуникативное значение: «...Кинетическая речь осуществляется на производстве в следующих трех формах: а) ручная речь (линейная=язык жестов); б) пантомимическая

(“всем видом показывает” — как определяют ее ткачи) и в) мимико-артикуляторная (“по уста́м”) <...>.

По своему строю кинетическая речь — аморфно-синтетическая: части речи недостаточно отдифференцированы, формы словоизменения и словообразования отсутствуют. Решающее значение имеют контекст, конкретная ситуация разговора.

<...> Анализ кинетической речи приводит к понятиям: а) кинесинтагмы (кинетическое предложение); б) кинелексемы (кинемическое слово) и в) кинемы (простейший элемент кинетической речи), а также и к необходимости выработать систему графической записи (кинеграфемы), приложимой к любой форме кинетического языка. Учение о кинесинтагме составляет синтограмматику; учение о кинелексеме входит в лексикологию, учение о кинеме составляет кинетику (антропокинетику)» (*Там же*, с.108—109). Еще раз отметим, что лингвистическая модель Бёрдвистла и антропокинетика во многом сходны, например названия исходных элементов алфавита движений «кин» и «кинема». Вместе с тем Соболевский распространяет свою схему на искусственно созданную кинетическую речь, в которой человек жестом заменяет слово, в то время как Бёрдвистл следует положению об исходно лингвистическом характере семиотической системы языка тела.

В русле интеракционистского подхода к коммуникации весьма популярны модель «социальных навыков» М.Аргайла и Л.Кендона (*Argyle, Kendon, 1967*) и модель «программ» А.Шефлена (*Scheflen, 1968*). В модели «социальных навыков» Аргайла коммуникация рассматривается как иерархическая последовательность возникших в процессе научения «шагов». По Шефлену, «программы» разного уровня сложности интернализуются участниками коммуникации и дают возможность организовать поведенческий материал в осмысленные интеракции.

Теория коммуникативной относительности, по существу, объявляет коммуникацию основным пространством жизни людей и опирается на общую теорию систем (*Birdwhistell, 1952*). Эта концепция находится пока на начальной стадии разработки.

При рассмотрении вопроса о связи различных концепций коммуникации с прикладными исследованиями «языка тела» складывается впечатление, что в этих исследованиях, например в популярных руководствах по невербальной коммуникации Дж. Фаста «Язык тела» (*Fast, 1978*) и Г. Вейнрайта «Язык тела» (*Wainwright, 1987*), при описании невербальных знаковых систем преобладает феноmenoграфический подход. Так, при изложении классификаций жестов (а жест — наиболее выразительное средство невербальной коммуникации, используемое в общении более широко, чем контакт глазами, выражение лица, поза и движение головы) как рядоположные даются описания функций жестов М. Аргайла и П. Экмана. По Аргайлу, могут быть выделены пять функций жестов: иллюстрированные и другие связанные с речью знаки; ковенциальные жесты; движения, выражающие эмоции; движения, выражающие личность; жесты, используемые в различных ритуалах (*Argyle, Kendon, 1967*). П. Экман и В. Фрисен в свою очередь также предложили выделить пять групп жестов, но по иным основаниям; «жесты-иллюстраторы», т.е. движения, поясняющие речь; «жесты-регуляторы», т.е. движения, сигнализирующие об изменениях активности субъекта в процессе коммуникации; «жесты-адапторы» различные движения вроде потирания рук, почесывания затылка, отражающие эмоциональные состояния субъекта в ситуации общения; жесты, непосредственно выражающие аффект (*Ekman, Friesen, 1975*).

Классификация жестов Аргайла, как и классификация Экмана и Фрисена, не имеет прямой связи с концепциями коммуникации, развиваемыми этими исследователями. В некоторых случаях при характеристике тех или иных проявлений невербальной коммуникации усматривается слабое влияние психоаналитических концепций, особенно при интерпретации языка и репертуара поз, по-разному выражающих характер личности.

Различные позы и их вариации, будь то позы «стоя», «сидя» или «лежа», как и жесты, во многом зависят от культурного контекста. В позах человека проступают психогенные травмы и аффективные комплексы, отражающие

перенесенные в прошлом жизненные кризисы. Например, человек, оправившийся после тяжелой депрессии, несет ее след в своей позе, продолжая сутулиться или вяло двигаться. Поза может выступить знаком уверенной или, напротив, настороженной установки личности в общении между людьми. Следует сказать, что в представлениях о «языке тела» мы сталкиваемся лишь с отголосками идей психоанализа или упомянутых выше теорий коммуникации. Несколько иным по сравнению с кинесикой является созданное антропологом Э.Холлом и развиваемое Р.Соммером направление, называемое «пространственной психологией», или «проксемикой» (термин Холла). В своих исследованиях Холл подверг доскональному анализу закономерности пространственной организации общения, влияние расстояния между людьми, их ориентации в пространстве на характер межличностных отношений. Если для кинесики исходным стало исследование Бёрдвистла «Введение в кинесику» (*Birdwhistell, 1952*), то отправной точкой появления проксемики считаются труды Холла «Молчаливый язык» (*Hall, 1959*) и «Скрытое измерение» (*Hall, 1966*), а также исследование Соммера «Личностное пространство» (*Sommer, 1969*).

Проксемика, как и кинесика, в своих истоках восходит к сравнительным исследованиям поведения животных и человека, прежде всего к фундаментальному труду Дарвина «Выражение эмоций у животных и человека» (*Дарвин, 1953*). Однако если для мимики, поз и жестов зоной поиска аналогий стали именно телесные выражения эмоций животных (см. об этом, например, *Изард, 1980*), то проксемика опиралась на этологические исследования территориального поведения животных (*Hind, 1982*). По мнению Р.Хайнда, в 1950 годах цикл работ по невербальной коммуникации был возрожден социальными психологами независимо от этологов. Этот факт важно выделить, так как *потеря связи исследований невербальной коммуникации с психологией эмоций, разведение кинесики, проксемики и психологии эмоций по разным ведомствам привело в итоге к изоляции исследований невербальной коммуникации от историко-эволюционного подхо-*

да, которому они обязаны своим рождением в поведенческих и социальных науках.

Последствия игнорирования принципа развития и лингвоцентризм при изучении невербальных семиотических систем проявились в смешении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации, а также в том, что вопрос о генетических корнях вербальной и невербальной коммуникаций практически замалчивается в современной психологии. Более того, если «язык тела» строится по образу и подобию языка речи, то вопрос об их генезисе и перекрестах в истории природы, общества и человеческой личности в принципе не может быть поставлен. Выготский в 1934 г. писал: чтобы понять соотношение мышления и речи, необходимо не отождествлять их друг с другом в стиле Дж. Уотсона, а выделить их отличия и проследить траектории развития. Аналогичная задача встает и при изучении генетических и функциональных связей разных лингвистических и неллингвистических семиотических систем. Если эта задача будет оставлена без внимания, то исследования невербальной коммуникации могут пойти по пути поверхностных аналогий. Так, например, некоторые последователи К. Лоренца отстаивают положение: такие экспрессивные движения, как улыбка и плач, сходны во всех человеческих культурах и не зависят от культурных различий между людьми (см. об этом *Hind*, 1982).

Следующий шаг на этом пути — утверждение филогенетической древности и тем самым сходной природной детерминации мимической экспрессии у приматов и человека (*Изард*, 1980). В другую крайность впадает Бёрдвистл, утверждающий, что анализ поведения животных ничего не может внести в понимание человеческого общения. «Прогресс в этой запутанной области связан с кросскультурными исследованиями Экмана и Фриссена (см., например, *Ekman, Friesen*, 1975), которые тщательно классифицировали различные типы невербальных знаков и описали степень, в которой каждый из этих знаков является панкультурным, а также природу культурных различий там, где они имеют место. Те знаки, которые имеют

панкультурную основу, являются преимущественно выражением аффекта. Другие категории знаковых движений, такие как "символы", замещающие слова, и знаки, иллюстрирующие и регулирующие вербальное общение, обычно специфичны для культуры и нуждаются в индивидуальном обучении» (Hind, 1982, с.217).

Проблема соотношения филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации, их связи с речью имеют значение как для общей психологии, так и для нейропсихологии и психотерапии. Встает вопрос о том, как связана филогенетическая древность тех или иных форм невербальной коммуникации у человека с организацией функциональных психофизиологических систем, обеспечивающих реализацию этих форм» невербальной коммуникации в процессе межличностных отношений. Между тем немногочисленные клинические исследования невербальной коммуникации А.Шефлена (Schefflen, 1964, 1968), П.Вотчела (Watchel, 1967), описание попыток использования невербального поведения в психотерапии (Юнова, 1975) не ставят задачу изучения эволюционно-исторических аспектов лингвистических семиотических систем.

Распространенный в ряде клинических исследований невербальной коммуникации лингвоцентризм приводит к поиску прямых связей между нарушениями речи и невербального общения. Так, еще Хед (Head, 1926) видел причину ослабления способностей к передаче жестов и к опознанию пантомимы в общем дефекте символической активности. Даффи и Пирсон (Duffy, Pearson, 1975) также объясняют неспособность опознания пантомимы нарушением центральной символической активности. Идея Хеда (Head, 1926) получает свое подтверждение при изучении жестовой афазии у глухих. Вместе с тем Хелман, Роси и Валенстайн (Heilman, Rothi, Valenstein, 1982) описали пациентов с нарушенной речью и сохраненной способностью к опознанию пантомимы. При анализе нарушений опознания пантомимы у больных с афазией Варней (Varney, 1978, 1982) установил, что такие нарушения наблюдают-

ся при алексии, которая далеко не всегда связана с расстройствами опознания пантомимы. Из данных исследований вытекает, по мнению Роси (*Rothi, Mack, Heilman, 1986*), что, хотя нарушения речи и опознания пантомимы могут коррелировать друг с другом, они представляют собой различные феномены.

Не укладываемые в представления о речевой природе невербальной коммуникации факты могут быть рассмотрены в контексте деятельностного подхода к анализу общения. С позиций этого подхода не может существовать прямой связи между нарушениями речи и невербального общения, так как невербальное общение — непосредственное выражение в поведении человека его смысловых установок; через речь прежде всего передаются значения (*Леонтьев А.Н., Запорожец, 1945*).

Невербальная коммуникация является преимущественно проявлением смысловой сферы личности. Она представляет непосредственный канал передачи личностных смыслов. Личностные смыслы — вот то, что передается посредством невербальной коммуникации. С помощью выдвигаемого представления о семантике невербальной коммуникации можно объяснить, почему многочисленные попытки, спровоцированные лингвоцентрической установкой и имеющие целью создать код, словарь, дискретный алфавит языка невербальной коммуникации, были безуспешны. Сложности, возникающие при воплощении симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях, выразительно описанные Выготским, все особенности природы мотивационно-смысловых образований личности предreshают неудачу поиска дискретных формализованных «словарей» жестов и телодвижений (*Асмолов, 1979, 1984*).

Анализируя процесс понимания речи, его значение для психологической науки, А.Р.Лурия писал: «Несмотря на то, что учение о речевых нарушениях, возникающих при локальных поражениях мозга — афазиях, возникло более ста лет назад, психолингвистический анализ этих нарушений остаега еще незавершенным, и можно с уверен-

ностью сказать, что пройдены лишь первые этапы этого сложнейшего пути.

Однако нет сомнений в том, что этот путь позволит в конечном итоге понять строение и мозговые механизмы тех сложнейших процессов речевой коммуникации, которые отличают человека от животного и которые являются ключом к анализу наиболее сложных форм сознательной деятельности» (Лурия, 1979, с.306). Нет сомнений также и в том, что исследования невербальной коммуникации, преодолев позицию лингвоцентризма и уход от историко-культурного анализа генезиса разных семиотических систем, помогут продвинуться в исследовании высших форм человеческого общения, намеченном культурно-исторической психологией.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмолов А.Г. Деятельность и установки. М., 1979.
- Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бодалев А.А. Личность и общение // Избр груды. М., 1983.
- Волконский С. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). 1913.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. В 6 т. М., 1981. Т. 2.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. м., 1980.
- Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека // Соч. М., 1953. Т. 5.
- Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения М., 1987.
- Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность М., 1987.
- Лабунская В.А. Невербальное поведение. Ростов, 1986.
- Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения М., 1945.
- Лурия А.Р. Язык и сознание М., 1979.
- Мантегацца П. Физиономия и выражение чувств. Киев, 1886.
- Мелибруда Е.Я. Ты — мы. М., 1986.
- Налимов В.В. Вероятностная модель языка М., 1979.

- Панов Е.Н.* Знаки, символы, языки. М., 1980.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1976.
- Соболевский И.А.* Кинетическая речь на производстве // Семиотика пространства и пространство семиотики: Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Т. XIX.
- Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
- Фейгенберг Е.И.* Невербальная коммуникация как канал передачи личностных смыслов // Активизация личности в системе общественных отношений: Тез. докл. VII съезда Общества психологов СССР. М., 1989.
- Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. М., 1983.
- Юнова Г.* Невербальное поведение и его использование в психотерапии. Краков, 1975.
- Argyle B.* Bodily communication. Methuen, 1975.
- Argyle M., Kendon A.* The experimental analysis of social performance // Advances in experimental social psychology / Ed. L. Berkowitz. L., 1967.
- Bertalanffy von L.* Robots, men and minds: Psychology in the modern world. N.Y., 1967.
- Birdwhistell R.L.* Introduction to kinesics. Univ. of Louisville Press, 1952.
- Duffy J., Pearson K.* Pantomime in aphasic patients // Speech Hear Res. 1975. V. 18.
- Ekman P., Friesen W.V.* Unmasking the face. New Jersey, 1975.
- Fast I.* Body language. London—Sydney, 1978.
- Goffman E.* The presentation of self in everyday life. L., 1974.
- Hall E.* The silent language. N. Y., 1959.
- Halt E.* The hidden dimension. N. Y., 1966
- Harre R., Lamb R.* (Eds) The encyclopedic dictionary of psychology. Oxford, 1983.
- Head H.* Aphasia and kindred disorders. L, 1926.
- Heilman K.M., Rothi L.J., Valenstein E.* Two forms of ideomotor apraxia // Neurology. N. Y., 1982. V. 32.
- Hind R. A.* Ethology. Glasgow, 1982.
- Rothi L.J., Mack L., Heilman K.M.* Pantomime agnosia // J. Neurology, Neurosurgery and Psychiatry. 1986. V. 49.
- Schefflen A.E.* Significance of posture in communication system // Psychiatry. 1964. V. 27. № 4.
- Schefflen A.E.* Quasi-courtship behavior in psychotherapy // Psychiatry. 1968. V. 28.
- Schefflen A.E.* Body language and social order. Prentice Hall, 1972.
- Sommer R.* Personal space. Prentice Hall, 1969.

Varney N.R. Linguistic correlates of pantomime recognition in aphasic patients // J. Neurology, Neurosurgery, and Psychiatry. 1978. V. 41.

Varney N.R. Pantomime recognition defect in aphasia: implications for the concept of asymbolia // Brain and Language. 1982. V. 15.

Wachtel P.L. An approach to the study of body language in psychotherapy // Psychotherapy. 1967. V. 4. № 3.

Wainwright G.R. Body language. Suffolk. 1987.

РАЗДЕЛ V. КАК НЕРАЦИОНАЛЬНЫМ ОБЪЯТЬ РАЦИОНАЛЬНОЕ

ПО ТУ СТОРОНУ СОЗНАНИЯ: БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, УСТАНОВКА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*

Может ли анализ сферы бессознательного на основе такой категории советской психологии, как категория деятельности, углубить представления о природе неосознаваемых явлений? И есть ли вообще необходимость в привлечении к анализу сферы бессознательного этой категории?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем провести мысленный эксперимент и взглянем глазами участников первого симпозиума по проблеме бессознательного (1910) на прошедший по этой же проблеме симпозиум в Тбилиси (1979). По-видимому, Г.Мюнстерберг, Т.Рибо, П.Жане, Б.Харт не почувствовали бы себя на этом симпозиуме чужими. Г.Мюнстерберг, как и в Бостоне (1910), разделит бы всех участников на три группы: широкую публику, врачей и психофизиологов. Представители первой группы говорят о космическом бессознательном и о сверхчувственных способах общения сознаний. Врачи обсуждают проблему роли бессознательного в патологии личности, прибегая к различным вариантам представлений о раздвоении сознания, расщеплении «я». Физиологи же утверждают, что бессознательное есть не что иное как продукт деятельности мозга. Лишь положения двух теорий оказались бы совершенно несожи-

* Впервые опубликована под названием «На перекрестке путей к изучению психики человека: бессознательное, установка, деятельность» в коллективной монографии «Бессознательное: природа, функции и методы исследования» / Под ред. А.С.Прангишвили, А.Е.Шерозия, Ф.Б.Бассина. Том V. Тбилиси, 1985.

данными для Г. Мюнстерберга и других представителей классической психологии. Это — теория установки Д.Н. Узнадзе и теория деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. Принципиальная новизна состоит прежде всего в исходном положении этих концепций: *для того, чтобы изучить мир психических явлений, нужно выйти за их пределы и найти такую единицу анализа психического, которая сама бы к сфере психического не принадлежала.*

Если это требование не соблюдается, то мы возвращаемся к ситуации бостонского симпозиума. Дело в том, что пытаться понять природу неосознаваемых явлений либо только из них самих, либо исходя из анализа физиологических механизмов или субъективных явлений сознания — это все равно, что пытаться понять природу стоимости из анализа самих денежных знаков (*Маркс, Энгельс*, т. 23, с. 93). В натуре индивида можно, разумеется, обнаружить те или иные динамические силы, импульсы, побуждающие к поведению. Однако, как показывает весь опыт развития общепсихологической теории деятельности (см. *Леонтьев А.Н.*, 1983; *Рубинштейн С.Л.*, 1959), лишь анализ системы деятельности индивида, реализующей его жизнь в обществе, может привести к раскрытию содержательной характеристики многоуровневых психических явлений. С предельной четкостью эта мысль выражена А.Н. Леонтьевым. Он пишет: «Включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит к тому, что система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру.

Проблема такого “наделения” порождает предмет психологической науки!» (*Леонтьев А.Н.*, 1983, с. 261).

Любые попытки понять содержание и функции сознания, бессознательного, установки вне контекста реального процесса жизни, взаимоотношений субъекта в мире с самого начала обесмысливают анализ этих уровней отражения действительности. Рассматривать сознание, бессознательное и установку вне анализа деятельности — это значит сбрасывать со счетов ключевой для понимания

механизмов управления любой саморазвивающейся системы вопрос, поставленный Н.А.Бернштейном: «...для чего существует то или иное приспособление в организме...»? (см. Бернштейн, 1966, с.326). Психика в целом, сознание и бессознательное в частности представляют собой возникшие в ходе приспособления к миру функциональные органы деятельности субъекта. Эволюция деятельности живых существ привела к появлению сознания и бессознательного, как качественно отличающихся уровней ориентировки в действительности. Для обслуживания деятельности они с необходимостью появились; вне деятельности их просто не существует. Поэтому-то логическая операция их изъятия из процесса взаимоотношений субъекта с действительностью перекрывает дорогу к изучению закономерностей осознаваемых и неосознаваемых психических явлений. Одним из следствий подобной операции является то, что исследователи бессознательного до сих пор ограничиваются чисто отрицательной характеристикой этой сферы психических явлений. «Что такое бессознательное?» — спрашиваете вы и получаете из всех психологических словарей ответ, который, если отбросить многочисленные вариации, сводится к следующему: «Бессознательное <...> характеристика любой активности или психической структуры, которую индивид не осознает» (*A Comprehensive Dictionary...*, 1958, с.569).

Подобный ответ — это не только безобидная тавтология, подчиненная формуле «бессознательное — это то, что не осознается». В этом определении полностью отсутствует указание на то, что детерминирует неосознаваемые явления. За данной дефиницией бессознательного проступает хорошо известный образ обитающего в сознании го-мункулюса, который пристально разглядывает одни развертывающиеся в психической жизни события, а на другие закрывает глаза. Приблизиться же к пониманию природы бессознательного можно лишь при том условии, что будут выделены детерминирующие бессознательное различные обстоятельства жизнедеятельности человека — побуждающие субъекта предметы потребностей (мотивы), преследуемые субъектом цели, имеющиеся в ситуации

средства достижения этих целей, многочисленные, не связанные прямо с решаемой человеком задачей, изменения стимуляции и т.п. О необходимости выделения детерминирующих неосознаваемых процессы явлений действительности прозорливо писал С.Л.Рубинштейн: «...Бессознательное влечение — это влечение, предмет которого не осознан. Осознать свое чувство — значит не просто испытать связанное с ним волнение, а именно соотнести его с причиной и объектом, его вызвавшим» (Рубинштейн, 1959, с.160). Тем самым, как минимум, в определение бессознательного должны быть включены те детерминанты, принадлежащие предметному миру, которые определяют содержание этой формы отражения действительности. Тогда первоначальная дефиниция бессознательного примет следующий вид: «Бессознательное представляет собой совокупность психических процессов, детерминируемых такими явлениями действительности, о влиянии которых на его поведение субъект не отдает себе отчета». Подчеркнем, что в эту характеристику бессознательного *указание на то, что* субъект не отдает себе отчета о детерминантах поведения, вводится лишь как рабочий прием, через который психолог узнает о бессознательном, а не как раскрывающая природу этой формы отражения особенность.

Для выявления сущностной позитивной характеристики бессознательного необходимо обратиться прежде всего к двум специфическим чертам бессознательного. Первая из этих черт — *нечувствительность к противоречиям*: в бессознательном действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение в одну группу порой совершенно различных явлений через «сопричастие» (классический пример Л.Леви-Брюля о том, что индейцы бразильского племени бероро отождествляют себя с попугаями араара), а не познается им через выявления логических противоречий и различий между объектами по тем или иным существенным признакам.

И вторая черта — *вневременной характер бессознательного*: в бессознательном прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяются друг с другом в одном психическом акте, а не находятся в отношении линейной необратимой последовательности. Причудливые сцепления событий в сновидениях и фантазмах; спрессованность прошлого, настоящего и будущего в некоторых клинических симптомах и проявлениях повседневной жизни в одно, не знающее причинных связей видение мира — все это отнюдь не мистические, а реальные факты. И весь вопрос заключается в том, как подойти к этим фактам.

Если исходно взять за образец закономерности сознания, в частности, подчиненность некоторых видов понятийного рационального мышления формальной логике, то указанные факты будут восприняты как еще один аргумент в пользу чисто негативной дефиниции бессознательного по отношению к сознанию: в сфере сознания господствует логика; бессознательное — царство алогичного, иррационального и т.п. Подобное восприятие указанных выше феноменов исходит из такой типичной установки позитивистского мышления, как эгоцентризм в познании сложных социально-культурных и психических явлений. Ведь именно эгоцентризм, и в первую очередь, такая его форма как *«европоцентризм»*, заставляет принимать логику европейского мышления за образец и превращать ее в натуральную, естественную характеристику сознания, при этом благополучно забывая, что сама эта формальная логика есть культурное приобретение. А если логика не дана сознанию от природы, а задана культурой, то правомерно и применительно к сознанию допустить наличие нескольких сосуществующих логик. Несмотря на фундаментальные исследования Л.С.Выготского, А.Р.Лурия (1930) и Леви-Брюля (1930), посвященные анализу мышления в разных культурах, шоры европоцентризма вынуждают одномерно плоско трактовать не только закономерности бессознательного, но и сознания. Однако на этом приключения позитивистской мысли, попавшей в рабство эгоцентризма, не заканчиваются. Изучению качественного своеобразия бессознатель-

ного препятствует еще одна форма научного эгоцентризма, названная нами «эволюционный снобизм». Исходя из «эволюционного снобизма», исследователи нередко расценивают формы психического отражения, предшествующие сознанию, как более примитивные, архаичные и т.п. Так, даже если на словах признается, что функционирование бессознательного не просто алогично, а подчинено *иной* логике, то эта логика интерпретируется как архаичная (Леклер, 1978). Таким образом, вновь осуществляется возврат к чисто негативному пониманию бессознательного по отношению к сознанию. Из-за «эволюционного снобизма» такие проявления бессознательного в детском мышлении, как его аутистический характер, слабость интроспекции, нечувствительность к противоречиям (Пиаже, 1932), воспринимаются как алогичность инфантильных форм мышления, их примитивность, в отличие от форм понятийного мышления и т.п. А эти *инфантильные формы* — не примитивнее и не грубее. Они — другие, иные, чем те, которые присущи сознанию.

Если мы с самого начала нацелим свои поиски на выявление качественного своеобразия неосознаваемых форм психического отражения и сумеем преодолеть косность научного эгоцентризма, то увидим, что указанные выше феномены и такие характеристики бессознательного, как отсутствие противоречий и вневременной характер, свидетельствуют не об ущербности, алогичности бессознательного, а об *иной* его логике, или, точнее, об логиках иных, стоящих за всеми этими проявлениями. Причем, иных логиках не в смысле их архаичности и таинственности в стиле С.Леклера (Леклер, 1978), а иных логиках функционирования бессознательного в деятельности субъекта, обеспечивающих полновесный адаптивный эффект.

Существует ли такой критерий, который бы позволил отнести самые различные проявления бессознательного к одному общему классу явлений, выявить их функциональное значение в процессе регуляции деятельности субъекта и дать их позитивную характеристику по отношению к сознанию? Давайте повнимательнее взглянемся в такие, казалось бы, не связанные друг с другом феномены, как

аутизм детского мышления, слабость интроспекции, нечувствительность к противоречиям. Давайте прибавим к этому пестрому ряду такие факты, как «...особая продуктивность неоречевленной (неосознаваемой, предречевой) мысли, проявляющаяся во “внезапных” решениях <...>; неоднократно подвергавшаяся изучению в клинике шизофрении (Б.В.Зейгарник и др.) причудливость, множественность, разнообразие, “странность” смысловых связей (легкое увязывание всего со всем, феномен “смысловой опухоли” и т.п.) как бы высвобождаемых в условиях распада нормально вербализуемой мыслительной деятельности; оправданность применяемой иногда очень оригинальной методики и т.н. “мозгового штурма”, при которых нахождение оригинальных решений обсуждаемой проблемы достигается путем стимуляции генеза множества “недодуманных до конца”, не оречевленных полностью проектов решения и т.п.». (Бассин, 1978, с.741). За всеми этими феноменами просматривается один позволяющий отнести их к общему классу критерий. И слабость интроспекции, и нечувствительность к противоречиям, и запрет на рефлексю в методике «мозгового штурма», и аутизм... — звенья одной цепи, главным стержнем которой является отсутствие противопоставленности в неосознаваемых формах психического отражения субъекта и окружающей его действительности.

В неосознаваемом психическом отражении мир и субъект образуют одно неделимое целое. На наш взгляд, слитность субъекта и мира в неосознаваемом психическом отражении представляет собой сущностную характеристику всей сферы бессознательного, конкретными выражениями, проявлениями которой служат перечисленные выше факты. Так, например, причина слабости интроспекции ребенка лежит в невыделенности его «Я» из окружающей действительности. Нечувствительность к противоречиям как в инфантильных формах мышления, так и в сновидениях имеет в своей основе ту же самую причину—отсутствие противопоставления в этих формах психической реальности субъекта и окружающего его мира. Ведь действительность сама по себе не знает логических противоречий.

Причина эффективности методики «мозгового штурма» — своеобразное уравнивание в неосознаваемых формах психического отражения самых невероятных, «безумных» вариантов и привычных вариантов решения задачи вследствие установки на полное снятие любого контроля по отношению к своим высказываниям и таким образом слияния своего «я» с процессом решения задачи. Перечень феноменов, глубинная причина которых лежит в нерасчлененности субъекта и действительности, можно было бы продолжить. Но уже из сказанного следует, что выделенная нами характеристика бессознательного позволяет объяснить сходство внешне несвязанных между собою явлений и дать общую позитивную характеристику неосознаваемой формы психического отражения.

Качественное отличие этой формы психического отражения от сознания проявится еще более явно, если мы напомним, что сознание представляет собой «...отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта <...>. В сознании образ действительности не сливается с переживанием субъекта: в сознании отражаемое выступает как “предстоящее субъекту”» (Леонтьев А. Н., 1983, т. 2, с.237). Та же характеристика сознания красочно описывается Д.Н.Узнадзе при анализе специфики механизма объективации. Функция присущего только человеку механизма объективации, по выражению Д.Н.Узнадзе, проявляется в том, что человек видит, что существует мир и он в этом мире (Узнадзе, 1966, с.452).

Итак, *отраженные в сознании предметы и явления мира отделены от наличных отношений субъекта к действительности; отраженные в бессознательном события окружающего мира слиты в одном узле с наличными отношениями субъекта в действительности, образуют одно нераздельное целое с этими отношениями.* Каждый из этих уровней психического отражения вносит свой вклад в регуляцию деятельности субъекта; каждый из этих уровней приспособлен для решения своего специфического класса жизненных задач. Так, благодаря слитости субъекта с миром в бессознательном субъект произвольно воспринимает мир и за-

поминает его, не отдавая себе отчета об этом. Однако регуляцией произвольных непреднамеренных актов, а также автоматизированных видов поведения различные жизненные задачи, для решения которых необходимо бессознательное, функция бессознательного не исчерпывается. Упомянутые выше проявления продуктивности доречевого мышления недвусмысленно говорят о том, что бессознательное, не зная «логики» сознания, именно в силу этого незнания открыто бесконечному количеству «иных логик» действительности, которые еще пока не стали достоянием цивилизации.

При анализе сферы бессознательного в контексте общепсихологической теории деятельности открывается возможность ввести содержательную характеристику этих качественно отличных классов неосознаваемых явлений, раскрыть функцию этих явлений в регуляции деятельности и проследить их генезис. Если, опираясь на положения школы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурия, бросить взгляд на историю становления взглядов о бессознательном, то мы увидим, что *разные аспекты проявлений бессознательного разрабатывались при анализе четырех следующих проблем: проблемы передачи опыта из поколения в поколение и функции этого опыта в социально-типическом поведении личности как члена той или иной общности; проблемы мотивационной детерминации поведения личности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов деятельности субъекта; проблемы поиска диапазона чувствительности органов чувств.*

На основании анализа этих проблем представляется, на наш взгляд, возможным выделить четыре особых класса проявлений бессознательного: надындивидуальные надсознательные явления; неосознаваемые побудители поведения личности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки); неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы); неосознаваемые резервы органов чувств (подпороговые субсенсорные раздражители).

Далее мы попытаемся выделить те направления, в которых шло исследование этих классов неосознаваемых явле-

ний, дать краткое описание основных особенностей каждого класса и показать, что в каждом из этих классов проявляется основная черта бессознательного — слитость субъекта и мира в неосознаваемом психическом отражении.

1. НАДЫНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Начнем с описания надындивидуальных надсознательных явлений, поскольку, во-первых, эти явления всегда были покрыты туманом таинственности и служили почвой для самых причудливых мифологических построений; во-вторых, именно на примере этих явлений наиболее рельефно открывается социальный генезис сферы бессознательного в целом.

С нашей точки зрения, реальный факт существования класса надсознательных надындивидуальных явлений предстает в разных ипостасях во всех направлениях, затрагивающих проблему передачи опыта человечества из поколения в поколение или пересекающуюся с ней проблему дискретности—непрерывности сознания (Налимов, 1978).

Для решения этой фундаментальной проблемы привлекались такие понятия, как «врожденные идеи» (Р.Декарт), «архетипы коллективного бессознательного» (К.Юнг), «космическое бессознательное» (Судзуки), «космическое сознание» (Э.Фромм), «бессознательное как речь Другого» (Ж.Лакан), «коллективные представления» (Э.Дюргейм, Л.Леви-Брюль) и «бессознательные структуры» (К.Леви-Стросс, М.Фуко).

Принципиально иной ход для решения этой проблемы предлагается в исследованиях выдающегося мыслителя В.И.Вернадского. Если все указанные авторы, будь то Р.Декарт, Э.Фромм или К.Юнг, в качестве точки отсчета для понимания надындивидуальных надсознательных явлений избирают отдельного индивида, то В.И.Вернадский видит источник появления нового пласта реальности в коллективной бессознательной работе человечества. Он называет этот пласт реальности — ноосферой. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит

в новое состояние — в ноосферу», отмечает В.И.Вернадский (*Вернадский*, 1977, с.19). Однако и идеи В.И.Вернадского о ноосфере, несмотря на подчеркивание им социального, материального характера возникновения ноосферы, до сих пор с большим трудом пробивают себе дорогу в мышлении современных ученых и порой воспринимаются как изящная фантазия.

А вопросы о природе надындивидуальных надсознательных явлений так и остаются только вопросами. Как проникнуть во все эти надындивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение? В большинстве случаев ответ на эти вопросы очень близок к их сказочному решению в «Синей птице» Мориса Метерлинка. В этой волшебной сказке добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть скрытые души вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют «душу». И «душа» эта — не что иное, как поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов норм, социальных образцов поведения.

Надсознательные явления, действительно, имеют социальное происхождение. В их основе лежит объективно существующая и являющаяся продуктом совместной деятельности человечества система значений (А.Н.Леонтьев), опредмеченных в той или иной культуре в виде различных схем поведения, социальных норм и т.п. *Надсознательные явления представляют собой усвоенные субъектом как членом той или иной группы образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых на его деятельность актуально не осознается субъектом и не контролируется им.* Эти образцы (например, этнические стереотипы), усваиваясь через такие механизмы социализации, как подражание и идентификация, определяют особенности поведения субъекта именно как представителя данной социальной общности, т.е. социально-типические

особенности поведения. В надсознательных феноменах субъект и группа выступают как одно неразрывное целое. В отечественной психологии представления о «надсознательном» и его роли в творческой деятельности развиваются М.Г.Ярошевым (1978), который показывает, что творческая активность ученого детерминируется присущими его научной группе или науке его времени в целом надсознательными категориальными установками аппарата познания, воплощающимися в выдвигаемых ученым гипотезах и проектах их решения.

Таким образом, идеи о потоке сознания, об архетипах коллективного бессознательного и т.п. имеют вполне земную основу. За всеми этими представлениями стоит реальный факт существования надындивидуального надсознательного, имеющего четко прослеживаемый социальный генезис и представляющего собой усваиваемые субъектом образцы поведения и познания, порожденные всей совокупной деятельностью человечества.

2. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПОБУДИТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ МОТИВЫ И СМЫСЛОВЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ)

Неосознаваемые побудители деятельности личности всегда были центральным предметом исследования в традиционном психоанализе. Они принимают участие в регуляции деятельности, выступая в виде смысловых установок. Не пересказывая здесь развиваемых нами представлений об иерархической уровневой природе установок как механизмов стабилизации «цементирования» деятельности личности, напомним лишь, что в соответствии с основными структурными единицами деятельности (деятельность, действие, операция) выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов установки (Асмолов, 1979). Общая функция установок любого уровня в регуляции деятельности характеризуется тремя следующими моментами: а) установка определяет устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности и

выступает как механизм стабилизации деятельности личности, позволяющий сохранить ее направленность в непрерывно изменяющихся ситуациях; б) установка освобождает субъекта от необходимости принимать решения и произвольно контролировать протекание деятельности в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях; в) (фиксированная) установка может выступать в качестве фактора, обуславливающего инерционность, косность динамики деятельности и затрудняющего приспособление к новым ситуациям.

Таковы основные особенности функции установок любого уровня в регуляции деятельности. И об этих особенностях мы можем сегодня говорить как о научно обоснованном факте, благодаря фундаментальным исследованиям Д.Н.Узнадзе и его школы. Что же касается специфических проявлений смысловых, целевых и операциональных установок в деятельности, то они определяются прежде всего тем, какое содержание — личностный смысл или значение (А.Н.Леонтьев) — выражает установка в деятельности субъекта. И здесь еще раз хочется выделить одно положение, без которого мы будем постоянно путаться при рассмотрении в одной связке категорий «установка» и «бессознательное», «установка» и «сознание», «установка» и «деятельность». Для более явного выявления связи между всеми этими категориями необходимо всегда помнить весьма полезное, введенное в лингвистике, различие: план содержания и план выражения. Установка как готовность к реагированию есть своего рода носитель, форма выражения того или иного содержания в деятельности субъекта. Если фактор, приводящий к актуализации установки, осознается субъектом, то установка, соответственно, выражает в деятельности это осознаваемое содержание. В тех же случаях, когда какой-либо объективный фактор деятельности, например, мотив деятельности, не осознается, то актуализируемая им смысловая установка выражает в деятельности неосознаваемое содержание, в случае смысловой установки — вытесняемый субъектом личностный смысл происходящих событий.

Итак, ко второму классу проявлений бессознательного относятся *неосознаваемые мотивы и смысловые установки — побуждения и нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемые тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл.*

О существовании этого класса явлений стало известно благодаря исследованиям отсроченного постгипнотического внушения, приводящего к выполнению действия, импульс которого не известен самому совершившему это действие после выхода из гипнотического состояния человеку. Подобные явления в психопатологии описывались как раздвоение сознания, симптомы отчуждения частей собственного тела, выполняемых в сомнабулическом состоянии действий при истерии, определяемые «отщепленными» от сознания личности побуждениями. Эти явления были обозначены термином «подсознательное» (П.Жане). Впоследствии для объяснения природы этих явлений, а затем и для понимания разноуровневых мотивационных структур личности в целом основателем психоанализа З.Фрейдом было введено понятие *бессознательное в узком смысле слова — «динамическое вытесненное бессознательное»*. Под бессознательным понимались нереализованные влечения, которые из-за их конфликта с социальными запросами общества не допускались в сознание или изгонялись, отчуждались из него с помощью такого защитного механизма психики как вытеснение. Будучи вытеснены из сознания личности, эти влечения образуют сферу бессознательного — скрытые аффективные комплексы, предрасположенности к действиям, активно воздействующие на жизнь личности и проявляющиеся порой в непрямых символических формах (юморе, сновидениях, забывании имен и намерений, обмолвках и т.п.).

Существенная и часто выпускаемая из виду черта динамических проявлений бессознательного состоит в том, что *осознание личностью причинной связи нереализованных влечений с приведшими к их возникновению в прошлом травматическими событиями не приводит к исчезновению пере-*

живаний, обусловленных этими влечениями (например, страхов), так как узнанное субъектом воспринимается им как нечто безличное, чуждое, происходящее не с ним. *Эффекты бессознательного в поведении устраняются только в том случае, если вызвавшие их события переживаются личностью совместно с другим человеком (например, в психоаналитическом сеансе) или с другими людьми (групповая психиатрия), а не только узнаются ею.* Особо важное значение для понимания этого класса проявлений бессознательного и приемов его перестройки имеют феномены и механизмы бессознательного в межличностных отношениях, связанных с установлением эмоциональной интеграции, психологического слияния взаимодействующих людей в одно нераздельное целое (см. *Бассин*, 1982). К этим феноменам относятся эмпатия, первичная идентификация (неосознанное эмоциональное отождествление с притягательным объектом, например, младенца с матерью), трансфер (возникающий в психоаналитическом сеансе перенос нереализованных стремлений пациента на психоаналитика, обеспечивающий их эмоциональное единение, некритическое принятие ими друг друга), проекция (неосознанное наделение другого человека присущими данной личности желаемыми или нежелаемыми свойствами). *Во всех этих проявлениях бессознательного побуждающий субъекта мир и сам субъект представляют одно неразрывное целое.*

Личностные смыслы, «значения-для-меня» тех или иных событий мира составляют как бы сердцевину описываемого класса неосознаваемых явлений — класса неосознаваемых мотивов и смысловых установок (*Шерозия*, 1978, с.4).

Явления этого класса не могут быть преобразованы под влиянием тех или иных односторонних вербальных воздействий. Это положение, основанное на целом ряде фактов, полученных в экспериментальных исследованиях А.Н.Левонтьева и А.В.Запорожца (1945), Е.В.Субботского (1977) и др., в свою очередь, вплотную подводит нас к особенности смысловых образований, определяющей методические пути их исследования. Эта особенность состоит

в том, что изменение смысловых образований всегда опосредствовано изменением самой деятельности субъекта. Именно учет этой важнейшей особенности смысловых образований (системы личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок) позволяет пролить свет на некоторые метаморфозы в развитии психоанализа, объяснение которых выступает как своего рода проверка предлагаемой нами классификации.

Во-первых, *неэффективность психотерапии, ограничивающейся чисто вербальными односторонними воздействиями*, т.е. той терапии, которую столь ядовито высмеял еще З.Фрейд в своей работе «О “диком” психоанализе» (1923), как раз и *объясняется тем, что по самой своей природе смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информативную нагрузку*. Повторяем, что *смыслы изменяются только в ходе реорганизации деятельности, в том числе и деятельности общения, в которой происходит «речевая работа»* (Ж.Лакан). Не случайно поэтому Жак Лакан, выдвинувший лозунг «Назад к Фрейду», перекликается в этом пункте с основоположником психоанализа, замечая: «Функция языка заключается не в информации, а в побуждении. Именно ответа другого я ищу в речи. Именно мой вопрос констатирует меня как субъекта» (Ж.Лакан, цит. по Автономовой, 1978). Иными словами, только деятельность, в том числе и деятельность общения, выражающая те или иные смыслообразующие мотивы и служащая основой для эмоциональной идентификации с Другим, может изменить личностные смыслы пациента.

Во-вторых, в неэффективности влияния указанного типа вербальных воздействий на сферу смыслов — воздействий, которыми часто подменяется диалог между психоаналитиком и пациентом, — следует искать, на наш взгляд, одну из причин явно наметившегося сдвига от индивидуальных методов к групповым методам психотерапии, например, к таким методам, как психодрама, Т-группы и т.п., в которых так или иначе реконструируется деятельность, приводящая в конечном итоге к изменению личностных смыслов и выражающих их в деятельности смысловых установок.

Подытоживая представления о природе неосознаваемых побудителей деятельности, об их сущности, перечислим основные особенности динамических смысловых систем личности:

1) производность от деятельности субъекта и его социальной позиции в системе общественных отношений;

2) интенциональность (ориентированность на предмет деятельности: смысл всегда кому-то или чему-то адресован, смысл всегда есть смысл чего-то);

3) независимость от осознания (личностный смысл может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для изменения личностного смысла);

4) невозможность воплощения в значениях (Л.С.Выготский, М. М. Бахтин) и неформализуемость (Ф.В.Бассин).

5) феноменально смысловые образования проявляются в виде кажущихся случайными, немотивированными «отклонений» поведения от нормативного для данной ситуации (например, обмолвки, лишние движения и т.п.) (Асмолов, 1979).

3. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СПОСОБОВ ВЫПОЛНЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СТЕРЕОТИПЫ)

В основе регуляции произвольных и автоматизированных актуально неконтролируемых способов выполнения деятельности субъекта (операций) лежат такие проявления бессознательного, как неосознаваемые операциональные установки и стереотипы. Они возникают в процессе решения различных задач (перцептивных, мнемических, моторных, мыслительных) и детерминируются неосознанно предвосхищаемым образом событий и способов действия, опирающимся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Динамика возникновения этих актуально-неосознаваемых форм психического отражения красочно описывалась в психологии сознания как переход содержаний сознания из фокуса сознания на его периферию (В.Вундт). Для обозначения разных стадий этих

проявлений бессознательного в регуляции деятельности привлекались два круга терминов, фиксирующих либо неосознаваемую подготовку субъекта к действию с опорой на прошлый опыт — «бессознательные умозаключения» (Г.Гельмгольц), «преперцепция» (В.Джемс), «предсознательное» (З.Фрейд), «гипотеза» (Дж.Брунер), «вероятностное прогнозирование» (И.М.Фейгенберг) и т.п.; либо произвольный контроль уже развертывающейся активности субъекта — «динамический стереотип» (И.П.Павлов), «схема» (Ф.Бартлетт), «акцептор действия» (П.К.Анохин), и т.п. Функция этих проявлений бессознательного состоит в том, что субъект может одновременно перерабатывать информацию о действительности на нескольких различных уровнях и сразу совершать целый ряд актов поведения (запоминать и отыскивать решения задач, не ставя осознанных целей решать и запоминать; обходить препятствия, не утруждая себя отчетом об их существовании; «делать семь дел сразу» и т.п.).

Пожалуй, одна из первых попыток вывести общий закон, которому подчиняются неосознаваемые явления этого класса, принадлежит Клапареду. Он сформулировал закон осознания, суть которого заключается в следующем: чем больше мы пользуемся тем или иным действием, тем меньше мы его осознаем. Но стоит на пути привычного действия появиться препятствию, как возникает потребность в осознании, которая и является причиной того, что действие вновь попадает под контроль со стороны сознания. Однако закон Клапареда описывает лишь феноменальную динамику этого класса явлений. Объяснить же возникновение осознания появлением потребности в осознании — это то же самое, что объяснить происхождение крыльев у птиц появлением потребности летать (*Выготский*, 1956).

Кардинальный шаг в развитии представлений о сущности неосознаваемых регуляторов деятельности был сделан в культурно-исторической психологии. Не излагая здесь всего массива экспериментальных и теоретических исследований этого пласта бессознательного, укажем только на те два направления, в которых велись эти исследования.

В генетическом аспекте изучение «предсознательного» было неразрывно связано с анализом проблемы развития произвольной регуляции высших форм поведения человека. «Произвольность в деятельности какой-либо функции является всегда оборотной стороной ее осознания», — писал один из идейных вдохновителей и родоначальников этого направления Л.С.Выготский (1956). В свете изложенного выше понимания бессознательного как формы психического отражения, в которой субъект и мир представляют одно нераздельное целое, особенно очевидной становится необходимость столь жесткого увязывания Л.С.Выготским между собой произвольности и осознанности деятельности человека. Ведь произвольность всегда предполагает контроль со стороны субъекта за своим поведением при наличии намерения осуществить желаемый им акт поведения, подчинить то или иное поведение, например, запоминание своей власти. Но для такого контроля, как минимум, необходимо как бы бросить взгляд на свое собственное поведение со стороны, противопоставить себя окружающей действительности. Там, где нет произвольного контроля, там нет противопоставления себя миру, а тем самым нет осознания. Проблема произвольности — осознанности поведения была подвергнута глубокому анализу в известных работах по произвольной и произвольной регуляции деятельности (Запорожец, 1960; Зинченко, 1961).

В функциональном плане изучение неосознаваемых регуляторов деятельности непосредственно вписывается в проблему автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности. Так, А.Н.Леонтьевым проанализирован процесс превращения в ходе обучения действия, направляемого осознаваемой предвидимой целью, в операцию, условия осуществления которой только «презентируются» субъекту. *В основе осознания, таким образом, лежит изменение места предметного содержания в структуре деятельности, являющееся следствием процесса автоматизации—деавтоматизации деятельности.* Это положение радикально отличается от представлений о динамике осознания в классической интроспективной психологии со-

знания. Если интроспективный психолог ищет причину изменения состояний сознания внутри самого сознания, то для представителей деятельного подхода и «физиологии активности» ключ к изменению состояний сознания — в самом движении деятельности, ее развитии, ее автоматизации и дезавтоматизации.

В ходе процесса автоматизации происходит стирание грани между субъектом и объектом, растворение субъекта в деятельности. Н.А.Бернштейн приводит яркий пример такого слияния субъекта с миром, происходящего в процессе автоматизации деятельности, обращаясь к фрагменту из произведения Л.Н.Толстого «Анна Каренина»: «Чем далее Левин косил, тем чаще и чаще чувствовал он минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой <...> полное жизни тело, и как бы по волшебству, без мысли о ней, работа, правильная и отчетливая, делалась сама собой» (Л.Н.Толстой).

В основе функционирования автоматизированных форм поведения лежат операциональные установки и стереотипы. Проведенные с позиции представлений об уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности исследования позволили экспериментально выявить две существенно отличающиеся неосознаваемые формы регуляции автоматизированного поведения (*Михалевская*, 1983). Было показано, что традиционно изучавшиеся классическим методом фиксации установки Д.Н.Узнадзе относятся к так называемым установкам на целевой признак, т.е. признак сравниваемых установочных объектов, который с самого начала осознается субъектом. *Установки на целевой признак лежат в основе «сознательных операций»* (А.Н.Леонтьев), *которые возникли вследствие автоматизации действия.* Такого рода сознательные операции возникают в ходе неоднократных повторений действия, например, при обучении вождению автомобиля, косьбе или письму. Содержание цели действия, вначале осознаваемое субъектом, занимает в строении другого, более сложного действия место условия его выполнения. Вследствие изменения места цели в структуре деятельности, сдвига цели на условие, происшедшего при автоматиза-

ции действия, данное действие превращается в сознательную операцию. *По своему происхождению сознательные операции появляются вследствие автоматизации действий; по способу регуляции сознательные операции — потенциально произвольно контролируемые; по уровню отражения — вторично неосознаваемые* (при появлении затруднений в ходе их осуществления могут осознаваться); по динамике протекания — гибки, лабильны. Таковы черты сознательных операций. Установки на целевой признак, регулирующие протекания сознательных операций, если говорить в терминологии Д.Н.Узнадзе, исходно принадлежат плану объективации. Иными словами, основной массив экспериментальных исследований школы Д.Н.Узнадзе посвящен изучению особенностей именно этих лишь вторично неосознаваемых установок, установок на целевой признак.

От вторично неосознаваемых установок на целевой признак принципиально отличаются *операциональные установки на неосознаваемый признак* (иногда говорят «иррелевантный признак»). *Эти установки регулируют приспособительные операции*. Приспособительные операции относятся к реактивному иерархически самому низкому уровню реагирования в структуре деятельности субъекта. Они возникают в процессе непроизвольного подражания или прилаживания, подгонки к предметным условиям ситуации, например, приспособления ребенка к языковым условиям, в результате которого усваиваются различные грамматические формы, используемые в речевом общении. *Приспособительные операции характеризуются тремя следующими свойствами: по способу регуляции приспособительные операции — непроизвольны; по уровню отражения — изначально неосознаваемы; по динамике протекания — косны, ригидны.*

В экспериментальном исследовании М.Б.Михалевской, А.Н.Гусева и Г.Я.Шапирштейна было выявлено, что установки, выработанные на побочный неосознаваемый признак, существенно отличаются от установок на целевой признак по выраженности иллюзии фиксированной установки. Оказалось, что установочный эффект, обусловленный установкой на неосознаваемый признак, гораздо

сильнее и потому дольше сохраняется, чем эффект установки на целевой признак (Михалевская, 1983). Полученные данные представляют тройкий интерес. Во-первых, четко выявлена зависимость основных свойств установки от места установочного признака в структуре деятельности. Во-вторых, показано, что за установками на целевой признак, изучаемыми в школе Д.Н.Узнадзе, стоит иная психологическая реальность, чем за установками на операциональный иррелевантный признак. Эти факты, тем самым, подтверждают положение о существовании разных установок по параметру степени осознанности того признака, на который они фиксируются, и, тем самым, переводят в плоскость экспериментальных исследований старую дискуссию о неосознаваемых и осознаваемых установках. В-третьих, в будущем выделенные установочные эффекты могут быть использованы в качестве лакмусовой бумажки того, с каким уровнем деятельности в экспериментах мы имеем дело — с действием, автоматизировавшимся в сознательную операцию, т.е. с пластом активной регуляции в деятельности, или же с приспособительной операцией, выражающей пласт реактивной адаптации субъекта к действительности.

4. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ РЕЗЕРВЫ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

При анализе проблемы определения порогов ощущения, диапазона чувствительности человека к разным внешним раздражителям были обнаружены факты воздействия на поведение таких раздражителей, о которых он не мог дать отчета (И.М.Сеченов, Г.Т.Фехнер). Для обозначения разных аспектов этих субъективно неосознаваемых подпороговых раздражителей предложены понятия «предвнимания» (У.Найссер) и «субсенсорная область» (Г.В.Гершуни). Процессы «предвнимания» связаны с переработкой информации за пределами произвольно контролируемой деятельности, которая, непосредственно не затрагивая цели и задачи субъекта, снабжает его полным неизбирательным отображением действительности, обеспечивая приспособительную реакцию на те или иные еще не распознанные изменения ситуации (например, так

называемый феномен «шестого чувства» — что-то остановило, что-то заставило вздрогнуть и т.п.). Психофизиологической основой процессов предвнимания являются субсенсорные раздражители. Субсенсорной областью названа зона раздражителей (неслышимых звуков, невидимых световых сигналов и т.п.), вызывающих непроизвольную объективно регистрируемую реакцию и способных осознаваться при придании им сигнального значения. Изучение процессов предвнимания и субсенсорных раздражителей позволяет выявить резервные возможности органов чувств человека, зависящие от целей и смысла решаемых им задач. На примере анализа проявлений этого класса неосознаваемых психических процессов явно выступает адаптивная функция бессознательного в целенаправленной деятельности человека. Развитие представлений о природе бессознательного, специфике его проявлений, механизмах и функциях в регуляции поведения человека является необходимым условием создания целостной объективной картины психической жизни личности.

* * *

Самое важное и вместе с тем очевидное, к чему мы приходим при анализе сферы бессознательного с позиций деятельностного подхода в культурно-исторической психологии, заключается в том, что три пути к изучению психики человека вовсе не представляют собой трех параллельных прямых, которым не суждено пересечься в пространстве научного мышления современной психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что благодаря взаимопроникновению подходов, связанных с исследованием бессознательного, деятельности и установки, каждый из них в буквальном смысле слова обретает свое второе дыхание. Деятельностный подход, если он и дальше будет настоятельно относиться к богатейшей феноменологии бессознательного, окажется не в состоянии объяснить многие факты, касающиеся закономерностей развития и функционирования мотивационно-смысловой сферы личности, познавательных процессов, различных автоматизированных видов поведения. Ведь старый образ,

олицетворяющий сознание с верхушкой айсберга, в процессе психической регуляции деятельности, — это не только красивая метафора. Он наглядно отражает реальное соотношение осознаваемого и неосознаваемого уровней психики в регуляции деятельности, в жизни человека. Вот поэтому исследования познания, личности, динамики межличностных отношений, оставляющие за бортом неосознаваемый уровень регуляции деятельности, являются по меньшей мере односторонними.

В свою очередь, только выявив функциональное значение бессознательного и установки в процессе регуляции деятельности, мы сможем глубже проникнуть в природу этих проявлений психической реальности. Именно анализируя бессознательное и его функцию в деятельности человека, мы приходим к *позитивной характеристике бессознательного как уровня психического отражения, в котором субъект и мир представлены как одно неразделимое целое.* Установка же выступает как форма выражения в деятельности человека того или иного содержания — личностного смысла или значения, которое может быть как осознанным, так и неосознанным. Функция установки в регуляции деятельности — это обеспечение целенаправленного и устойчивого характера протекания деятельности личности.

Анализ бессознательного с позиций теории деятельности позволяет, во-первых, наметить те проблемы и направления, в русле которых изучались явления выделенных нами классов (проблема передачи и усвоения опыта; проблема детерминации деятельности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности; проблема поиска диапазона чувствительности), во-вторых, вычленив в пестром потоке этих явлений четыре качественно различных класса (надындивидуальные надсознательные явления, неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности, неосознаваемые механизмы регуляции способов деятельности, неосознаваемые резервы органов чувств) и обозначить генезис и функцию явлений разных классов в деятельности субъекта. Необходимость содержательной характеристики

бессознательного как формы психического отражения, в которой субъект и мир представляют одно неразрывное целое, а также подобной классификации неосознаваемых явлений состоит в том, что нередко встречающееся противопоставление всех трех разнородных явлений уживается с полной утратой их специфики, что существенно затрудняет продвижение на нелегком пути их изучения. Между тем лишь выявление общих черт и специфики этих «утаенных» планов сознания (Л.С.Выготский) позволит найти адекватные методы их исследования, раскрыть их функцию в регуляции деятельности и тем самым не только дополнить, но и изменить существующую картину представлений о деятельности, сознании и личности в культурно-исторической неклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова Н.С. О некоторых философско-методологических проблемах психологической концепции Жака Лакана // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. I. Тбилиси, «Мецниереба», 1978.

Асмолов А.Г. Деятельность и установка, М., 1979.

Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа и теории деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2.

Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 1983. № 3.

Бассин Ф.В. Проблема «бессознательного», М., 1968.

Бассин Ф.В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, «Мецниереба», 1978.

Бассин Ф.В. О современном кризисе психоанализа // *Шерток Л.* Непознанное в психике человека, М., 1982.

Бассина Е.З., Насиновская Е.Е. Роль идентификации в формировании альтруистических установок личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 4.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966.

Вернадский В.И. Размышления натуралиста, М., 1977.

Выготский Л.С. Избранные психологические произведения, М., 1956.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения, М.—Л., 1930.

Гершуни Г.В. О количественном изучении пределов действия неощущаемых звуковых раздражителей. Т. 2. Проблемы физиологической акустики. 1950.

Запорожец А.В. Развитие произвольных движений, М., 1960.

Зинченко В.П. Непроизвольное запоминание, М., 1961.

Зинченко В.П. Деятельность и установка: нужна ли парадигма? // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. I. Тбилиси, 1978.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление, М., 1930.

Леклер Ж. Бессознательное: иная логика // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произволения: в 2-х т. М., 1983.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движений, М., 1945.

Лосский П.О., Радлов Э.Л. (ред.). Бессознательное. Новые идеи в философии. 1914. № 5.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.

Михалевская М.Б. Экспериментальное исследование эффектов установки в русле теории деятельности // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983.

Найссер У. Познание и реальность, М., 1981.

Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка, М.—Л., 1932.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии, М., 1959.

Субботский Е.В. Изучение у ребенка смысловых образований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 1.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования, М., 1966.

Фрейд З. Я и Оно, М., 1924.

Фрейд З. О «диком» психоанализе // Фрейд З. Методика и техника психоанализа. М., 1923.

Шерозия А.Е. Сознание, бессознательное психическое и система фундаментальных отношений личности: предпосылки общей теории // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978.

Ярошевский М.Г. Надсознательное в научном творчестве и генезис психоанализа Фрейда // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978.

A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms / Н.В.English, А.Сh.English (Eds.). Longmann, 1958.

ВЫГОТСКИЙ, ГАМЛЕТ, СПИНОЗА И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ*

Сегодня, глядя в зал, я невольно вспоминаю строки Бориса Леонидовича Пастернака:

Гул затих. Я вышел на подмостки,
Прислонясь к дверному косяку.
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

Это стихотворение называется «Гамлет». Я начал с этого не случайно, так как нахожу, что чрезвычайно важно понять, с кем *идентифицируется* тот или иной гений, когда идет по своему жизненному пути.

Для Л.С.Выготского в его развитии — можно об этом много спорить и говорить — всегда были две центральные фигуры. Это фигура Гамлета, к которой он в своем творчестве возвращался много раз, и фигура Бенедикта Спинозы, который перевернул мышление, складывавшееся многие столетия. По сути дела, любовь к Гамлету и Спинозе во многом определила сам стиль мышления Л.С.Выготского, в котором не только настоящее, но и будущее психологии. Что же случилось на этом веку?

Если бы мы провели простой эксперимент, спросив во многих школах России, по каким направлениям они развиваются, то услышали бы имена, прежде всего, Л.С.Выготского, Д.Б.Эльконина, В.В.Давыдова. А последние десять лет (иногда можно говорить круглыми категориями) стали десятилетием *либеральной доктрины вариативного образования в школе*. Доктрины, которая полностью вырастает из исследований Л.С.Выготского конца двадцатых годов. Именно культурно-историческая не-

* Выступление на Первых чтениях им. Л.С.Выготского в Российском государственном гуманитарном университете в 2000 г.

классическая психология определила логику развития либерального вариативного образования России. Именно культурно-историческая психология произвела, как сейчас предпочитают говорить, серьезнейшую модернизацию в современном мире образования: в России, Голландии, Финляндии, Бразилии, США. Иными словами, произошла смена парадигм в области образования. Почему? Ответ на этот вопрос мы находим в нескольких работах, которые в свое время прошли почти незамеченными, но сейчас все более выделяются, помогая анализу творчества Льва Семеновича Выготского. Это работы одного из последователей и учеников Выготского — Д.Б.Эльконина.

В двух своих коротких заметках, одна из которых называется «Выготский сегодня», а вторая — «Об истоках неклассической психологии», Д.Б.Эльконин указывает, что культурно-историческая психология Выготского выступает как неклассическая психология.

Что же такое неклассическая психология Выготского? Иными словами, что стоит за неклассической психологией? Несколько вещей. Неклассическая психология — это изменение стиля мышления, которое принесли Спиноза, Выготский, Бор и те исследователи, которые ушли от жестко детерминистической картины мира к миру неопределенности. Неклассическая психология, благодаря Выготскому и другим мыслителям, вступила в поединок с *идеологией рациональности*, который столь четко был проанализирован и изучен в исследованиях М.К.Мамардашвили.

И вот сегодня мы имеем еще одну работу, в которой удивительно ярко говорится о величии Выготского и сопоставлении стилей мышления, идущих от Выготского. Работа называется «Торжество несхожести: Пиаже и Выготский» — это пленарный доклад Джерома Брунера в Женеве, посвященный им Выготскому и Пиаже. В этой работе Брунер повторяет вслед за Бором формулу о том, что противоположность великой истины также может быть истиной, и только противоположность мелкой истины — ложна. Выготский и Пиаже — это два разных стиля мыш-

ления. Это два разных подхода к миру. Заканчивая свое исследование, Брунер отмечает: «Точно также как зрение имеет эффект диспаратности, чтобы видеть глубину мира, нужна несхожесть». Это гимн несхожести разных стилей мышления. И эта несхожесть порождает глубину понимания мира.

Неклассическая психология прежде всего взрывает сегодняшний подход к мышлению, который, благодаря многим авторам укоренился в нашем сознании. Я имею в виду К.Леви-Стросса, Ф.Соссюра. По сути, *рациональное мышление поражено логикой бинарных оппозиций*. И любые схемы строятся именно на бинарных оппозициях. И идеал рациональности опирается на эти логики. И именно эти вещи торпедируются, «снимаются» исследованиями Выготского.

Любое традиционное классическое мышление как мышление рациональное поражено установками европоцентризма и эволюционного снобизма, согласно которым тот, кто был до нас, — примитивнее, проще.

По-иному подходит к этой проблеме Выготский: «Они не проще, они не примитивнее», — говорит он. В работе Л.С.Выготского и А.Р.Лурии «Этюды по истории поведения» подзаголовок «Обезьяна. Примитив. Ребенок», четко показывает, что эти миры не выше и не ниже. Они — другие. Они — иные.

Именно Выготский предлагает идею **иных логик**. Отсюда сам-стиль мышления Выготского, столь близкий по сути дела и Фрейду, и Марку Блоку. Я имею в виду «Школу анналов», французскую историческую школу. Это *мифопоэтический стиль мышления*, который никак не говорит: «Убейте рациональное мышление». Логика Выготского, как это показывает и Брунер по отношению к Пиаже, другая. Он не отбрасывает идеалы рациональности, он снимает эти идеалы. И я хотел бы подчеркнуть, что именно неклассическая психология Выготского, прямо связанная со стилем мышления Бора, Эйнштейна, Бахтина и других мыслителей, работающих, как бы сказал Мераб Мамардашвили, в контексте *неклассического идеала рациональнос-*

ти повышает чувствительность к парадоксам и проблемам, присущим мышлению, ориентируемому на классический идеал рациональности.

Что же это за парадоксы? Один из парадоксов, с которым работает неклассическая психология, называется «парадокс системности». Его очень точно описывает В.М.Садовский: «элемент в системе» или «система в элементе». Человек выступает как элемент системы. Как быть, когда не элемент входит в систему, а в ряде случаев система входит в элемент. Парадоксальность заключается в том, что сама система вмещается в элемент. Этот парадокс многим казался неразрешимым. Возможный выход из этого мы ищем на путях анализа неклассического мышления, идя вслед за Выготским. Возникает заманчивая аналогия между личностью и той микроскопической частицей, которую известный физик академик Марков назвал «фридмоном». Суть идеи фридмона в том, что элемент — микроскопическая единица — может вмещать в себя, несмотря на малые размеры, целые галактики. Что происходит при этом? Элемент, когда в нем свертываются иные миры, меняет размерность этих измерений и, по сути, начинает наделяться бóльшим числом измерений, чем трехмерное пространство и одномерное время.

Отсюда, от этой логики, неклассической логики, я перехожу к работам Выготского по вращиванию. Иногда интериоризацию понимают примитивно — как переход из внешнего во внутреннее. Нет, никогда об этом не шла речь в работах Выготского. Он четко показывает именно переходы, фантастические трансформации миров. В своих работах Выготский открывает, как социальный мир свертывается, меняет размерность, обладает хронотопом, превращаясь во внутренние иные миры. Привожу некоторые примеры: Выготский в «Мышлении и речи» говорит о переходе от сукцессивного к симультанному — это уникальный переход от последовательного к одновременному.

Когда мы переходим от речи к мысли, то это прыжок в иное пространство — это как трансгалактический переход. При этом меняется размерность. Мы от сукцессивно-

го ряда переходим к симультанным рядам. Отсюда мышление сегодняшнего века — это мышление смысловыми пространствами, семантическими в широком смысле слова пространствами и полями. Это неклассическая логика и Выготского, и Курта Левина.

За вращиванием, свертыванием, интериоризацией стоит рождение иных реальностей. Вспомните, как Выготский говорит о слипании значений через агглютинации. И здесь опять уникальная вещь, которой мы не помним. Мы часто повторяем «Мойдодыр» (мой-до-дыр) и «Айболит» (ай-болит) и не замечаем, как за этими словами проступает совершенно иное измерение реальности. Вспомните гениальную вещь человека, с которым, увы, мне пришлось прощаться в эту пятницу — Бориса Владимировича Заходера. Его герой называется «Щасвернус». И все в мире Винни-Пуха делалось таинственным Щасвернусом.

Вот эта агглютинация, это слипание четко выделялось Выготским как один из механизмов свертывания, изменения пространственной реальности. Его примеры с Дон Кихотом, с поэмой «Мертвые души» Гоголя демонстрируют, как упаковываются значения и вырастают иные миры.

Отсюда переход от мира значений — к миру смыслов. Он невероятно важен. Сегодня образование России, если оно хочет быть образованием, переходит *от объяснения, знания — к интерпретации и пониманию*. Оно движется от когнитивной логики Декарта, как это и подсказывал Выготский, *к герменевтической, интерактивной, понимающей логике*, идущей через Спинозу, Гуссерля и Выготского к современному миру.

Это подчеркивает в своих работах и Джером Брунер. Вот эта уникальность слипания: каждый из нас напичкан вселенными, которые свертываются из социального мира, а потом хлынут потоком в этот мир, рождая новые миры.

В каких мирах мы живем? Сегодня, здесь и теперь мы полностью чувствуем, что мы можем жить, существовать в огромном, с особыми измерениями, мире, который есть мир Л.С.Выготского.

И еще одна красивая логика, идущая от Выготского — логика при исследованиях игры — тоже неклассическая ло-

гика. В работах по игре Выготский вводит понятие «мнимой ситуации», которое вы хорошо помните. Но сегодня где эти мнимые ситуации? Вот в моих руках работа, которая называется «Культурно-историческая психология Выготского в интернете», где собраны все материалы по исследованиям и подходам к Выготскому, опубликованные на разных страницах интернета. По сути дела, мы сегодня столкнулись с тем, о чем говорил Выготский: есть *взаимопереходы между игрой и реальностью, туда и обратно*. Мы сегодня уходим в мнимые реальности, в виртуальные миры. И виртуальная реальность становится сегодня не менее осязаемой по неклассической логике, чем другие реальности.

Где зона перехода? Зона перехода, как подчеркивает человек, близкий по логике к исследованиям Выготского и обладающий тоже неклассическим стилем мышления — Ю.М.Лотман, — это прорыв культуры через смысловые реальности. С кем общаемся мы, если в виртуальной реальности смотрим исследования Выготского? Вырастает уникальный пласт работ. Читаем: «Выготский и Бахтин», «Выготский и Витгенштейн» — огромный цикл работ, посвященный анализу творчества Выготского и лидера Венской лингвистической школы Витгенштейна. И, наконец, еще одна логика: Выготский и *нарративная психология* — повествовательная психология, которая все более овладевает двадцатым веком как смысловая интерпретивная психология.

Следующий ход неклассической психологии. Л.С.Выготский, и мы все это помним, создал классическое явление для понимания образования и жизни в целом, введя понятие «зоны ближайшего развития» («ЗБР»). В интернете каскад работ по анализу и развитию представлений Л.С.Выготского о ЗБР. Но когда мы цитируем Выготского о ЗБР, мы часто суживаем это понятие, сводя его лишь к детерминистской логике, когда взрослый с ребенком решает задачи, определяя высоту его развития.

На самом деле у Выготского *«задачи решаются со взрослыми и продвинутыми сверстниками»*. В этом суть дела. Что такое решение задач с продвинутыми сверстниками? Сверстник всегда ставит задачу, от зависти к которой Гейзен-

берг подпрыгнул бы до потолка. Это задача с моментами неопределенности: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». И ведь самое интересное, что сверстники идут «туда, не знаю куда» и находят «то, не знаю что». Вот эта **логика неопределенности**, это введение неопределенности в систему (я и делаю на этом особый акцент) пронизывает и работы Л.С.Выготского, и работы по метафорам Ю.М.Лотмана. Ведь детская субкультура ставит перед ребенком неопределенные задачи, небылицы, небывальщины: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить». Что эти зоны делают через зону, близкую к ЗБР, которую мы называем «зона вариативного развития»? Что делает ребенок? *Он проходит самую важную школу, которая будет школой двадцать первого века, школу неопределенности.* Сегодня, если мы не хотим, как говорил Выготский, быть рабами репродуктивного мышления, в образование должна прийти школа неопределенности: ребенок будет решать не только стандартные задачи, не только типовые задачи, но задачи с избыточными, недостаточными данными, вероятностной логикой. Все это сегодня мы начинаем понимать благодаря циклу исследований Выготского.

Одной из последних работ этого десятилетия дано очень любопытное название: «Введение в Выготского». Эту работу написали наши английские коллеги. Одни заголовки этого исследования — «Введение в миры Выготского»... — показывают, как мысль неклассической психологии вращается вокруг Выготского. Назову некоторые из них: «От внешнего мира к внутренней речи», «Бахтин. Выготский. Интериоризация языка», «Практика, личность и социальный мир».

Выготский говорил об интериоризации. Сегодня куда важнее экстериоризация. Интерсубъективность, о которой тоже писал Выготский. Как появляются интерсубъективные реальности, как появляются смысловые миры? Эта напряженная логика мысли сегодня должна быть пройдена, исследована. Идти следует не только от мира, в который погружается субъект, а от того, как личность вбрасывает себя в мир, как личность меняет пути разви-

тия, как личность порождает *иные логики* эволюции реальности.

Дорогие коллеги, один из замечательных исследователей Павел Флоренский обронил слова, что культура есть среда, растящая личность. Культура Выготского есть среда, растящая личности и в мире, и в этом зале. И то, что здесь, в институте, который раньше был институтом Шанявского, по всем законам неслучайных совпадений возникает Институт психологии имени Л.С.Выготского — это не случайность. За этим стоит то, что когда мы про-рываемся в культуре, мы так или иначе погружаемся в иные семантики, иные миры мышления. И эти миры, за которые мы ответственны, которые мы понесем дальше, меняют разум не ушедшего двадцатого века, а наступающего на нас двадцать первого столетия со всеми его волнениями, страстями, со всеми любовями, одна из которых — это любовь к Льву Выготскому.

МИР АЛЕКСАНДРА ЛУРИИ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ*

В своем небольшом выступлении я постараюсь кратко коснуться тех моментов, которые, как мне кажется, характеризуют личность Александра Романовича Лурии. Когда мы говорим об Александре Романовиче Лурии, то возникает вопрос: а кто он — нейропсихолог, детский психолог, исторический психолог, нейролингвист? Я мог бы продолжить этот ряд, но я не буду этого делать, а вместе с вами постараюсь поискать автора, который помог бы нам найти ключ к творчеству А.Р.Лурии.

С кем только А.Р.Лурия не сравнивали! Говорили, что он Бетховен психологии. Я не хочу заниматься конкуренцией сравнений, но рискну упомянуть такого исследователя как Михаил Михайлович Бахтин, который, говоря о Достоевском и пытаясь найти его специфику работы, писал: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романа Достоевского “Преступление и наказание”. Достоевский — творец полифонического романа». Эти слова полностью относятся к творчеству Александра Романовича Лурии: Лурия выступает как творец полифонического романа — культурно-исторической психологии, создававшейся им вместе с Л.С.Выготским и другими психологами.

Я считаю, что здесь собралось особое племя людей, племя, созданное Александром Лурией и Львом Выготским. И, говоря об этом племени, я хочу прибегнуть к одному символу, который подарили нам Майкл Коул и Шейла Коул, дав своеобразный, но уникально точный

* Опубликовано в сборнике докладов «I Международная конференция памяти А.Р.Лурии». М., 1998.

перевод одной из книг А.Р.Лурии. Эту книгу они назвали «The making of mind». По-русски это звучит как «производство сознания» или «создание разума». А.Р.Лурия был тем, кто занимался не только производством сознания, но и производством миров, производством целого ряда «неслиянных голосов». Александр Романович ко всем вопросам подходил с уникальной установкой (и идеологической, и культурно-исторической) — и это пронизывает все его творчество.

Не так давно на симпозиуме 1996 года, посвященном столетию Л.С.Выготского, выступал Джером Брунер. В своем выступлении он сказал: «Какова позиция Лурии в культуре?» — и оценивая работы Лурии и Выготского — прежде всего те, которые были посвящены культурно-историческим исследованиям тридцатых годов, — он назвал эту позицию «либеральный оптимизм». По сути дела, позиция «либерального» или «свободолюбивого» оптимизма пронизывает все творчество Лурии.

Когда мы говорим о работах Александра Романовича, мы прежде всего должны помнить, что чем бы он не занимался, его ключевой ориентацией была ориентация на развитие. Он никогда, даже занимаясь самыми серьезными дефектами, не ориентировался на болезнь, на дефект. Его исходной установкой была установка на развитие, на поиск в истории культуры причин очень многих психических явлений и там же — способов компенсации дефекта.

Чтобы не быть голословным, я обращаюсь к одной из ранних работ А.Р.Лурии, которая появилась в 1921 году и была посвящена механизмам моды. В этой работе он, как бы общаясь с Адлером, определил другую идеологию понимания дефекта и сверхкомпенсации, чем Адлер. Разбирая механизмы моды, Лурия говорит, что мода является одним из уникальных средств сверхкомпенсации: «Вся история одежды и моды решает задачу сокрытия недостатков. Стоит посмотреть мемуары 16—17 веков, чтобы найти целый ряд примеров происхождения отдельных черт туалета. Чтобы увеличить рост, употребляют высокие каблуки, худоба и недостатки развития компенсируются стра-

тегией костюма, блески на платьях — это излюбленный прием дам, чтобы овладеть вниманием мужчин». Этот анализ показывает, что Лурия дает совершенно особый культурно-исторический подход к механизмам защитного поведения. Он ищет (в отличие от Зигмунда Фрейда, от Анны Фрейд, от Адлера) корни защитного поведения не в глубине личности, а в истории культуры. Из анализа истории культуры он подходит к механизмам защиты — и в этом одна из характерных особенностей работ Александра Романовича Лурии.

Пример, который показывает нам своеобразие мышления А.Р.Лурии, относится и к его работам, посвященным речи и ее роли в становлении высших форм поведения произвольности. Идеи Лурии и Выготского находят интереснейшее продолжение в современных исследованиях и наших коллег, и тех «голосов романа», которые звучат за рубежом. Я имею ввиду и «голос» Майкла Коула, и работы Вёрча, посвященные знакам, с помощью которых мы овладеваем поведением.

Александр Романович интересовался и способами передачи смысла. В целом ряде работ он много внимания уделял не просто тексту, а тому, что он называл «подтекстом». Я цитирую: «Анализ способов передачи смысловой организации сообщения (значительно больше, чем в лингвистике) разработан в теории художественного действия, и особенно в теории режиссуры. Процесс овладения приемами выражения подтекста или смысла через вживание, через действие — вот что дают нам Станиславский и Мария Осиповна Кнебель». Эта цитата из работы, выполненной А.Р.Лурией вместе с М.О.Кнебель — режиссером, автором книги «Поэзия педагогики». А творя свою поэзию психологии, Александр Романович, по сути дела, пришел к принципу, который может быть назван «принципом лингвоцентризма». А.Р.Лурия считал, что при анализе общения необходимо преодолеть лингвоцентризм, выйти за пределы рационального описания в область невербальной, неречевой коммуникации. Иными словами, обращаясь к работам и Станиславского, и Кнебель, и работая вместе с Эйзенштейном, Лурия выходил на анализ иной,

невербальной смысловой организации мира, что является крайне важным для современного понимания проблемы общения и развития личности в целом.

Это преодоление лингвоцентрической установки А.Р.Лурия изучал и на материале анализа афазий, и во многих других работах. Лурия давал идеи, которые определяют наше понимание психологии сейчас, на пороге XXI столетия.

Следующий момент, на который я хотел бы обратить внимание, говоря о работах Александра Романовича, связан с идеей «лингвистической относительности», которая крайне важна для всех нас. По сути дела, именно Лурия и через него Тульвисте помогли нам осознать возможность совершенно иной логики, иного понимания истории культуры. Речь идет о том, что наше мышление не выводимо из рациональных установок. Лурия показывает важную и опасную роль образа в культуре «рационального человека» и тем самым он открывает новую страницу в современной психологии.

Мы говорим о Лурии как о создателе миров. Сейчас, — буквально на наших глазах, — рождается еще один мир, который восходит к работам Александра Романовича. Во многих школах России детская (или генетическая) нейропсихология становится основанием для создания практической психологии образования. Именно детская генетическая нейропсихология, заданная работами Александра Романовича и развиваемая его последователями, становится основой для психодиагностики ребенка, особенно детей с трудностями обучения. Без Лурии сегодня нет также и дефектологии, при этом надо особо подчеркнуть, что его работы выступают как методология по отношению к дефектологии.

Таким образом, сегодня идеи Лурии служат базой для создания службы практической психологии образования России.

Дорогие коллеги! В своем выступлении Карл Прибрам говорил об ответственности. Я не случайно начал свое выступление с ассоциации творчества Лурии с полифонией романа Достоевского. Многоплановость научного

творчества А.Р.Лурии привела к тому, что бравшись за феномен, казалось бы, далекие от этических категорий, ученики Лурии, как и он сам, подходили к подлинной, как он называл, «романтической» или этической психологии. Кто бы мог подумать, что от исследования персевераций Евгений Субботский перейдет к исследованию свободного независимого поведения ребенка? Кто бы мог предугадать, что после изучения моторики в 1965—1966 гг. В.В.Лебединский станет с успехом заниматься проблемой дизонтогенеза личности, мотивацией, аффектами и их ролью в поведении ребенка. И это не случайно.

Работы Александра Романовича Лурии заставляют нас вспомнить и об ответственности, и о свободе, и поэтому его творчество можно назвать совестью психологии.

Истоки НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ*

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ КЛАССИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Истоки многочисленных препятствий на пути построения неклассической психологии связаны, прежде всего, с надсознательными установками, схематизмами сознания и стереотипами мышления, присущими классической философией и науке конца XIX—начала XX века.

Вспоминая слова Н.Н.Ланге, сравнивающего психолога конца XIX века с Приамом на развалинах Трои, было бы уместно продолжить эту емкую аналогию и назвать «идеал рациональности» (М.К.Мамардашвили) тем троянским конем, которым одарила классическая философия и физика психологию двадцатого столетия.

В истории попыток преодоления последствий схем научного анализа, заимствованных из классической физики, могут быть выделены следующие вехи:

— выявление феноменов, способов постановки проблем и общих представлений о человеке, вытекающих из развертывания исследований по канонам идеала рациональности;

— рефлексия в психологии методологических предпосылок и постулатов, в облики которых перед психологами открылись ограничения классического рационального мышления;

— выделение в психологии подходов и концепций, обладающих потенциалом неклассического мышления.

* Впервые опубликована в «Сибирском психологическом журнале». 1998. Вып. 7.

НЕУДОБНЫЕ ФЕНОМЕНЫ, ЛОГИЧЕСКИЕ ДИХОТОМИИ И ОБРАЗЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Неудобные феномены. В психологии, строящей исследование по образу и подобию классической физики, факты, свидетельствующие об активности субъекта, интерпретировались как «ошибки», артефакты или досадные отклонения от нормы. В качестве примеров можно привести ошибки «ожидания» в психофизиологических экспериментах по измерению порогов чувствительности, «ошибку стимула» (Э.Титченер) и т.п. Практически весь тот долгий путь измерения порогов чувствительности, который проделала психофизика, является дорогой борьбы с этими «ошибками», борьбы, освященной стремлением к познанию типичных законов сенсорных процессов, очищенных от влияния активности субъекта: его мотивации, установок и, наконец, деятельности, в которую включены сенсорные или перцептивные процессы. Круг феноменов, не укладывающихся в схемы анализа классического рационального мышления и вытекающую из этой схемы модель *рационального адаптивного действия* (М.К.Мамардашвили), чрезвычайно широк в психологии и родственных ей гуманитарных науках: от упомянутых выше «ошибок» в экспериментальной психологии до отклонений от социальной или клинической нормы, рассцениваемых как алогичность мышления, примитивность сознания в других культурах, различное странное поведение в стиле «безумия» Павла I и т.п. Модель рационального предсказуемого адаптивного действия, цели которого всегда представлены, прозрачны и понимаемы, стремится в психоаналитическом смысле слова рационализировать все непредсказуемое, уникальное, непохожее, неутилитарное. И тут уже не столь важно, будет ли это нетипичное и уникальное явление названо, например, «гениальностью» или «безумием». Отметим вслед за М.К.Мамардашвили, что человеческая история, просеянная сквозь фильтр идеала рациональности, избавляется от всего неутилитарного, т.е. от всего неспособного быть полезной вещью, например, от произведений первобытного искус-

ства, которых не видят археологи, занятые раскопками понятных и утилитарных орудий человеческого труда.

Образы человека. Модель рационального адаптивного действия в значительной степени определила и «образы человека», которые соответствовали канонам классического рационального мышления. Если огрублять описание «образов человека», так или иначе бытовавших в науках о человеке, то можно выделить три спорящих друг с другом образа: «ощущающий человек» (поздняя проекция этого образа укрепилась в когнитивной психологии в виде компьютерной метафоры «человека как устройства по переработке информации»); образ «запрограммированного человека» (в поведенческих науках — «человек как набор реакций», в социальных науках — «человек как репертуар социальных ролей или сценариев»); образ «нуждающегося человека» — («человек как пучок потребностей, влечений и мотивов»). Эти «образы человека» соответствовали модели рационального действия. И даже приписывание влечениям и мотивам человека атрибута «неосознаваемых» влечений и мотивов по сути не меняло положения дел, т.к. и в психоанализе остается неприкосновенной сущностная характеристика рационального действия — его подчиненность конечной, заранее предустановленной цели.

Логические дихотомии. В самых разных направлениях и теориях психологии личности с редким постоянством возникают «вечные» вопросы, которые по форме строятся как логические дихотомии, являющиеся характерным признаком рационального классического мышления. Приведем некоторые из наиболее типичных вопросов такого рода: является ли человек биологическим и/или социальным существом? Определяется ли природа человека средой и/или наследственностью? Выступает ли личность как рациональное и/или иррациональное существо? Управляется ли поведение личности заданной извне программой и/или программа поведения каждый раз строится личностью? Обладает ли личность статичной или динамичной структурой? Какой тип приспособления личности к среде — пассивный (реактивный) или активный — характеризует поведение личности? Был или не был древ-

ний грек личностью? За этими вопросами проступает взгляд на личность как «вещь среди вещей», которая, даже если она помещена в центр мироздания, заводится средой, программируется наследственностью, направляется душой или же регулируется взаимодействием этих трех «факторов». Исследуя подобную механику «личностных тел», являющуюся скрытой аналогией механики небесных тел в классической физической картине мира Ньютона, психологи попадают в ловушки логических дихотомий и пытаются дать точные ответы на поставленные в стиле классического рационального мышления вопроса.

Когда же не укладываемые в схему рационального адаптивного действия феномены и нерешенные вопросы достигают некоей критической массы психология обращается к методологии науки и прорывается через барьеры классического рационального мышления.

ПОСТУЛАТЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КЛАССИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Классическое рациональное мышление кажется «естественным» до тех пор, пока оно не становится объектом напряженной рефлексии. Именно *рефлексия* постулатов и установок классического мышления выступает как шаг к преобразованию культуры мышления, к его «потенциальной релятивизации» (С.С.Аверинцев), а не просто к обнаружению тех или иных методологических заблуждений. Продуктом преобразующей классическое рациональное мышление рефлексии и стали «постулат непосредственности», «постулат сообразности», различные формы познавательного эгоцентризма («евроцентризм», «лингвоцентризм», «эволюционный снобизм», «антропоцентризм»), а также некоторые методологические предпосылки дуалистических схем детерминации развития личности.

Постулат непосредственности. В традиционной психологии накопленные новые факты, в частности проявления активности человека, его неосознаваемых влечений,

вступили в противоречие с *постулатом непосредственности*, согласно которому объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения. Постулат непосредственности был выделен Д.Н.Узнадзе в ходе анализа интроспективной психологии сознания и бихевиоризма. В основе постулата непосредственности лежит присущая механистическому детерминизму двучленная схема анализа психики: воздействие на рецепторные системы субъекта — ответные явления (субъективные или объективные), вызванные данным воздействием. Наиболее явно постулат непосредственности был выражен в центральной схеме бихевиоризма «стимул — реакция». Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта либо выпадает из поля зрения психологов указанных направлений, либо объясняется вмешательством особых субъективных факторов, разных проявлений таинственного личностного начала.

Постулат непосредственности и представлял собой надсознательную установку мышления, которая была характерна для мышления естественных наук, в частности для классической физики и традиционной физиологии. Признание схемы механистического детерминизма — постулата непосредственности — определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида или факты поведения, резко обособили сферу психологической реальности от действительности и оказались либо в замкнутом круге сознания, либо в замкнутом круге поведения. В обоих вариантах человек оказывался изолированным от мира. В результате предметом психологического исследования становятся различные замкнутые «миры»: «психика вне поведения» и «поведение вне психики». В отечественной психологии преодоление постулата непосредственности осуществляется в русле теории установки Д.Н.Узнадзе и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ

(Антропоцентристская парадигма мышления). Сущность человека предполагается либо в самом человеке, либо в воздействующей на него среде (биологической, социальной или физической). Тем самым разработка проблемы соотношения биологического и социального ведется в контексте биологизированной, социологизированной или психологизированной *антропоцентристской парадигмы мышления* о человеке, изучающей «человека вне мира» и «мир вне человека». Иными словами, из антропоцентристской парадигмы мышления вытекает дуалистический взгляд на человека, приводящий к изъятию человека из природы и общества, а затем с помощью схем двухфакторной детерминации развития человека, превращающий его в кентавра из древнегреческих мифов — полуживотное, получеловека, полубиологическое, полусоциальное существо.

Абсолютизация филогенетических, социогенетических, онтогенетических закономерностей развития человека. Антропоцентристская парадигма мышления о человеке нередко приводит либо к взгляду на человека вне истории его развития, либо к абсолютизации закономерностей какого-либо этапа естественно-исторического процесса эволюции человека.

Бушующие дискуссии о «степени животности» или «степени человечности» человека, как правило, начинают свое обсуждение «биосоциальной» природы человека с рассмотрения его в онтогенезе, либо совершают рекордный по временному интервалу прыжок из филогенеза в онтогенез. При этом изменения человека в ходе эволюции его образа жизни в антропогенезе и социогенезе сбрасываются со счетов.

Человек — существо социально-генетическое не только потому, что он родился в обществе. За его появлением на свет стоит сложнейший процесс преобразования эволюционных закономерностей образа жизни в истории филогенеза, антропогенеза и социогенеза.

В связи с этим постановка вопроса о «степени животности» и «степени социальности» человека в обществе

некорректна в самой своей основе. Она, во-первых, изолирует человека из системы общества, в которой он только и существует; во-вторых, абстрагируется от истории преобразования образа жизни человеческого вида в антропогенезе и социогенезе, игнорирует специфику истории человеческого вида в эволюции, смену закономерностей этой эволюции.

Образцом скачка из филогенеза и эмбриогенеза в область изучения типологии личности служит конституционная концепция личности У.Шелдона. Беря за основание своей концепции понятие «соматотония» (тип телосложения), У.Шелдон из трех слоев зародышевых листков в эмбриогенезе выводит разные соматотипы, из них — типы темперамента, из них — характер личности, а затем и закономерности развития общества. Закономерности эмбриогенеза организма, присущие самым разным биологическим видам в филогенезе, абсолютизируются и возводятся в ранг закономерностей развития общества. Концепция У.Шелдона опять же не только не учитывает социального происхождения личности. Она еще в большей степени, чем концепция бихевиористов, погружает процесс развития человека в самые глубокие пласты биологической эволюции, забывая о специфике вида *Homo Sapiens*.

Примером абсолютизации закономерностей социогенеза и их прямого переноса на онтогенез личности является концепция рекапитуляции С.Холла, который устанавливает отношения изоморфизма между тремя разными периодами развития человеческого вида — эмбриогенезом, социогенезом и онтогенезом. Согласно Холлу, ребенок в индивидуальном развитии воспроизводит все фазы развития общества (животная фаза, фаза охоты и рыболовства, конец дикости и начало цивилизации и т.д.), как эмбрион проходит основные этапы филогенеза.

За этими примерами стоит абсолютизация тех или иных частных реальных закономерностей эволюционного процесса и изолирование процесса становления личности из антропогенетического, социогенетического и онтогенетического естественно-исторического процесса развития

человечества. Развитие личности опосредовано историей антропогенеза и социогенеза человеческого вида, а поэтому вопрос о существовании животного, «низшего» начала в человеке и т.п. упускает из виду тот факт, что человек рождается человеком в мире человека.

«Односторонний» эволюционизм. В позитивистски ориентированной психологии процессы развития часто интерпретировались в духе «одностороннего» эволюционизма. В результате психология, во-первых, оказывалась во власти линейных схем развития, расчленяющих процессы развития на механически складывающиеся друг с другом «стадии», «периоды», «этапы» антропогенеза, социогенеза, онтогенеза или же «блоки» переработки информации в актуалгенезе психического образа. Во-вторых, следуя логике линейного эволюционизма психология выстраивала различные стадии развития человека по формуле: «раньше — примитивнее, позже — сложнее, развитее». Установка «однолинейного» эволюционизма оборачивалась своего рода «эволюционным снобизмом» и приводила к заключениям следующего рода: наглядное мышление — примитивнее логического мышления; «художественный тип» — ниже по уровню «мыслительного типа» (И.П.Павлов); бессознательное в развитии ребенка, проявляющееся в аутистичном характере мышления, слабости интроспекции, нечувствительности к противоречиям, — грубее, архаичнее, «недоразвитее» сознания. Абсурдность «однолинейного» эволюционизма становится очевидной, когда обращаешься к истории культуры и делаешь заключение, что Илья Репин проще и ниже Ильи Глазунова только потому, что он имел несчастье родиться в более «низком» по уровню XIX веке, а не «высоком» цивилизованном XX веке. В действительности же культуры и психологии предшествующих поколений вовсе не проще, примитивнее, грубее или ниже. Они — *иные*, строящиеся по *иным* логикам, которые могут обеспечить в эволюции полновесный адаптивный эффект. Преодолению одностороннего эволюционизма при изучении социогенеза и персоногенеза способствует положение о *гетерогенности мышления* (Л.Леви-Брюль). Положение о гетерогеннос-

ти мышления, дающее возможность понять сосуществование в сознании человека определенной культуры одновременно пралогического и логического мышления, в русле культурно-исторической психологии разработано П. Тульвисте. Дальнейшее развитие этого положения приводит к представлениям об *исторической гетерогенности личности* и, тем самым, выступает как еще одно из направлений движения поверх барьеров классического рационального мышления.

Европоцентризм. Исследованию социогенетических и персоногенетических закономерностей развития личности препятствует такая типичная эгоцентрическая установка мышления как «европоцентризм». Многие кросскультурные исследования грешат европоцентризмом, выдавая образцы видения личности, закономерности ее функционирования и развития в европейской культуре за нечто абсолютное, раз и навсегда данное, а затем избирая эти образцы за единственную систему отсчета при изучении личности в других культурах и цивилизациях. В результате, например, европоцентризм натурализирует логику европейского мышления, придает ей статус «естественной» характеристики мышления, подобной цвету глаз или волос. В действительности же формальная логика представляет собой культурно-историческое изобретение, т.е. она не дана человеку, а задана культурой. В связи с этим вполне оправдано допустить возможность изобретения и существования *иных логик*, среди которых формальная логика как среди разных сосуществующих систем отсчета займет соответствующее место.

Лингвоцентризм. В обширном цикле исследований разных аспектов коммуникации личности господствует лингвоцентризм — *описание закономерностей любого общения по образу и подобию речевого общения*. В результате библейская формула «вначале было слово» во многом определяет логику исследований в поведенческих и социальных науках, в том числе и понимание объективного мира как материализации символической деятельности (Л. фон Берталанфи), а также появление образа человека как рационального «символического существа», «языковой лич-

ности» и т.п. Свое предельное выражение лингвоцентризм находит в гипотезе «лингвистического детерминизма» (Э.Сэпир). Уязвимость лингвоцентрической установки проявилась при изучении невербальных семиотических систем, в том числе в смешении филогенетических, социогенетических и онтогенетических аспектов невербальной коммуникации. С особой очевидностью ограниченность лингвоцентризма выступила в многочисленных попытках создания дискретного алфавита языка невербальной коммуникации. Невозможность воплощения симультанных смысловых проявлений личности в дискретных равнодушных знаках заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений и тем самым доказывает необходимость выхода за границы лингвоцентризма в современной психологии личности.

«Искусственные миры» вместо «мира человека в естественно-историческом процессе». Парадоксальность различных представлений о «среде», «культуре» и т.п. заключается в том, что так называемые «среды», например «физическая среда» в понимании И.Ньютона, «геометрическое пространство» Евклида, «система координат» Декарта, являются человеческим деянием, как и любые другие системные проявления предметного мира. В психологии предпринималось немало усилий, чтобы человек очутился в «мире необработанного опыта». Логика подобных исследований неоднократно подвергалась критике в психологии за искусственность процедур анализа, помещение человека в неестественную обстановку. При этом, однако, упускалось из виду, что «мир необработанного опыта» — это совсем не физическая среда обитания человека, а та открытая наукой на данный момент ее истории реальность, которая считается «физической средой». Гипертрофия «культуры», в свою очередь, приводила к тому, что воздействующая на развитие человека среда сводилась к «миру безличных социальных норм», которые как платья из дома готовых моделей одеваются на биологическую фигуру индивида. Из реальных фактов существования социальных норм в «мире человека» исследователь,

оказавшийся под влиянием схем двухфакторной детерминации развития личности, вынужден сделать выводы о существовании двух изолированных миров — «мира социальных норм», присущего некоей типичной личности в данной культуре, и «психофизиологического мира» индивида, от индивидуальных естественных особенностей которого зависит в незначительной степени адаптация к этим социальным нормам (Р.Линтон).

При анализе «искусственных миров», подчиняющихся повторяемым неизменным законам классической науки, складывается поразительное впечатление, что многие исследователи психологии личности во что бы то ни стало пытаются вместить изучение личности в рамки обезличенной рациональной науки, в то время, как некоторые современные химики и математики, например, Н.Пригожин, Н.Н.Моисеев, восстали против дегуманизированного мира ньютоновской рациональности. Символом рациональности мирового порядка часто служили часы. И.Пригожин показывает, что взгляды, использующие идеал рациональности на мир как на мир-автомат и на мир, подчиненный богу, сходятся: автомату необходим бог. Именно принятие рациональной механистической картины природы и общества, мира универсальных законов равновесия и порядка сближает характеристики «искусственных миров», в которых любые индивидуальные проявления жизни человека подчинены принципу гомеостаза.

Постулат сообразности. В самом фундаменте различных направлений теории и методологии психологии, явно или неявно выражающей установки классического рационального мышления, лежит «постулат сообразности» (В.А.Петровский). В контексте постулата сообразности любое проявление активности субъекта выступает как восхождение к заранее заданной, предустановленной, конечной Цели, в итоге подчиняющей себе жизненный путь личности. *Подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет существенную особенность поведения субъекта, характеризуемого как адаптивное.* В зависимости от содержательной интерпретации предустановленной цели В.А.Петровским выделяются три

варианта постулата сообразности: гомеостатический, гедонистический и прагматический.

Гомеостатический вариант. Идея гомеостаза досталась психологам в наследство от традиционных биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны лишь выполнять сугубо адаптивную функцию — вернуть организм в состояние равновесия. В эмпирической психологии этот вариант принимал самые различные формы. Особенно явно он выступил в рефлексологии, в которой активность субъекта сводится к поддержанию равновесия со средой. Гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в столь внешне непохожих общепсихологических концепциях, как психоанализ З.Фрейда; динамическая теория личности К.Левина; социально-психологические теории стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л.Фестингера или баланса, соответствия (Ч.Осгуд и др.); в необихевиористских концепциях редукции напряжения потребностей организма человека и животных. В историко-эволюционном подходе показывается, что лишь внешне противоположными, но близкими по содержанию являются концепции личности в гуманистической психологии, в которых идее гомеостазиса противопоставляется идея «стремления к напряжению», к нарушению равновесия как исходная методологическая предпосылка изучения мотиваций развития личности человека (А.Маслоу, Г.Олпорт, К.Роджерс и др.). В тех и в других концепциях личность противопоставляется социальной среде, а ее поведение подчиняется заранее установленной конечной цели — обрести равновесие с обществом за счет разрядки потребностей или достичь «равновесия» с самим собой за счет самоактуализации, т.е. стать таким, как предписано природой, как бы ни мешало или ни помогало общество.

Гедонистический вариант. В соответствии с гедонистической предпосылкой анализа поведения человека любые поведенческие акты направлены на максимизацию удо-

вольствия и минимизацию страдания, в частности отрицательных эмоций, огорчений и т.п.

Прагматический вариант. Этот вариант, распространенный в функциональной и когнитивной психологии, выступает в виде положения о том, что любое оптимальное поведение направлено на максимизацию *пользы, эффекта* при минимальных затратах. Прагматический вариант, особенно в той форме, в которой он дается в когнитивной психологии, исходит из определения человека, как «человека разумного, рационального», а тем самым любого человеческого действия как рационального и разумного. Отсюда при анализе развития человека в его индивидуальной жизни и в истории общества отбрасываются любые проявления, не вписывающиеся в рамки «разумного действия»: немотивированные поступки в жизни личности, неутилитарные проявления человека в истории общества.

И психологи, и антропологи, и археологи ищут объяснения проявлений сущности личности в ее индивидуальной жизни и в истории человечества в чисто рациональных приспособительных образованиях — в утилитарной полезной деятельности и ее продуктах. При этом соответствующий прагматическому варианту постулата сообразности образ «разумного человека» достраивается, подтверждается, а многие неутилитарные проявления жизни личности и человечества интерпретируются как недостойные внимания, странные, ненужные и бесполезные.

Среди трех указанных вариантов постулата сообразности наибольшее влияние на понимание развития личности в контексте биогенетической, социогенетической и персонегенетической ориентаций в психологии оказала *гомеостатическая модель развития*. Именно гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности. Гомеостатическая модель развития лежит в основе столь разных теорий развития, как психоанализ З.Фрейда и генетическая психология Ж.Пиаже. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере

изучения психосоматики В.С.Ротенбергом, а в сфере собственно психологии активности личности В.А.Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Так, среди этих не вписывающихся в данную модель фактов следует упомянуть факты падения процента психосоматических и инфекционных заболеваний в экстремальных критических ситуациях, «болезни достижения целей как синдром Мартина Идена» (В.С.Ротенберг), феномен «риск ради риска» (В.А.Петровский). Подобные факты побуждают психологов не только оказаться «по ту сторону постулата сообразности», как точно отмечает В.А.Петровский в своей монографии «Личность в психологии» (1996), близкой по духу работам в сфере неклассической физики, но в целом выйти за пределы описанных выше барьеров классического рационального мышления в психологии личности.

ОТ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЗНОСТИ К КУЛЬТУРЕ ДОСТОИНСТВА: СОЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Истоки зарождения неклассического мышления в психологии личности теснейшим образом связаны с разработкой проблемы бессознательного в психоанализе (З.Фрейд), теорией установки (Д.Н.Узнадзе), культурно-исторической концепцией развития высших психологических функций (Л.С.Выготский) и деятельностным подходом к изучению психических явлений (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн).

Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы «постулата непосредственности» и поиске того «опосредующего звена», которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало. В психоанализе акцент на таких особенностях бессознательного как «нечувствительность к противоречиям» и «вневременный характер» вызвал страх и отвращение у представителей классического рационального мышления, спешащих рационализи-

ровать психоанализ как «не науку», «мифологию» или странное «искусство». Теория установки Д.Н.Узнадзе по своей мировоззренческо-ценностной функции в психологии и культуре изначально выступила с протестом против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира эволюции существа. Сверхзадачей Д.Н.Узнадзе было исследование человека как активного творца «биосферы» (термин, использован Д.Н.Узнадзе в 1923 г. независимо от В.И.Вернадского). Отсюда методологии Д.Н.Узнадзе с самых первых этапов становления теории первичной установки присущи положение о целевой детерминации жизнедеятельности и источнике самодвижения деятельности в виде «функциональных тенденций» личности.

Особое внимание в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности уделено тем ценностным *идеологическим установкам общественного сознания*, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии, лежащую в основе культурно-исторической психологии и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Лишь в последние десятилетия имена Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна стали все чаще ассоциироваться со становлением парадигмы неклассического мышления в психологической науке. Среди последователей Л.С.Выготского прямая характеристика идей Выготского как *неклассического подхода* к сознанию принадлежит Д.Б.Эльконину (1981). По сути дела миф о Л.С.Выготском как рационалисте, близком по духу когнитивной психологии или даже необихевиоризму, начинает распадаться на Западе благодаря исследованиям Р.Харре, Дж.Верча, М.Коула, а также группы датских методологов психологии (Н.Poulsen, М.Engelsted, J.Mammen и др., 1988), недвусмысленно показавших родство между глубинными установками мышления деятельностного подхода в психологии и неклассической физикой Н.Бора.

В своем бунте против рационализма Р.Харре (1984, 1985) привлекает в союзники Л.С.Выготского и, опира-

ясь на принцип «интериоризации—экстериоризации», совершает два шага:

— изобличение классической психологии в пяти грехах — сциентизме, универсализме, индивидуализме, механистической каузальности и опоре на картезианские оппозиции «внешнее—внутреннее», «субъективное—объективное»;

— построение пространства «истинной» психологии с осями «индивидуальное—коллективное», «социальное—личностное», «публичное—приватное» с прямой опорой на положение Л.С.Выготского об «интериоризации—экстериоризации».

Упомянутые выше датские психологи открывают в деятельностном подходе методологию, снимающую оппозицию «объективное — субъективное» через категорию деятельности и, по сути, использующую при анализе соотношения физического, культурного и психического миров «принцип дополнительности» (Н.Бор).

Для Д.Б.Эльконина переход Л.С.Выготского от трактовки социальной среды как «фактора» к пониманию «социального» в качестве «источника» развития личности символизирует начало *неклассической психологии сознания*.

И не слабость, а сила культурно-исторической психологии Л.С.Выготского заключается в том, что эта теория нередко воспринимается как более близкая по духу *искусству*, чем психологии, опирающейся на классическое рациональное мышление.

Секрет современности Л.С.Выготского в истории науки почти нашли С.Тулмен, А.Пузырей, А.Козулин, которые, говоря о «феномене Выготского» как о загадке XX в., в самих своих характеристиках Л.С.Выготского почти приближаются к ее разгадке. Еще З.Фрейд учил, что переименования, метафоры не являются случайными обмолвками, а имеют потаенный смысл. В образных сравнениях этими авторами Выготского с Моцартом, в уподоблении судьбы Л.С.Выготского судьбам литературных героев Сервантеса, Т.Манна, Г.Гессе и Б.Пастернака — ключ к пониманию «феномена Выготского» и особенности его пути в науке. Выготский всегда, даже когда его тексты трансли-

ровались с помощью бихевиористской или рефлексологической научной терминологии, занимал глубинную смысловую позицию Мастера, подлинного художника, занятого строительством культурной конкретной психологии человека. Культурно-историческая психология и стала произведением новой культуры понимания человека, вышедшим из творческой мастерской Л.С.Выготского и его соратников. Если воспользоваться при понимании произведений Выготского условной типологией столь любимого Выготским поэта Осипа Мандельштама, то можно сказать, что Выготский был «смысловиком», а не «рациональным формалистом».

Впоследствии идеи школы Выготского действительно, как отмечают некоторые философы, были погружены в многолетний анабиоз. Но эти идеи вовсе не потому погружались в анабиоз, что относились к сфере логики, философии или культурологии, а психологи не поняли их значения. Причина задержки движения культурно-исторической теории, ее замедления, разветвления по многим, порой внешне не связанным оттоком от основного русла заключена не в науке, а в социальной истории общества.

Для понимания *социальной биографии культурно-исторической психологии* необходимо прежде всего мозаику культур в ходе человеческой истории расположить как бы у двух полюсов — полюса *полезности* и полюса *достоинства*. В *культуре полезности* господствует представление о том, будто мир — большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е.Замятина «Мы» и в романе-утопии Дж.Оруэлла «1984». Но, как пелось в песне, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сказки-утопии Е.Замятина и Дж.Оруэлла сделались былью, они стали безличной культурой полезности, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры полезности, уже фактом своего существования по-

сягали на устои этой культуры, а тем самым были для нее опасны и избыточны.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека» имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован административно-командной системой тоталитарного социализма.

В 1930 годы тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно наползала на генетику, ноосферную философию и педагогику. Наряду с генетикой и философией, проповедующей «принцип солидарности», в культуре полезности подвергается остракизму и человекознание.

Культурно-историческая психология школы Выготского стремительно формировалась в те годы как практическая психология развития, выступая основой педологии — науки об изучении развития и воспитания ребенка. Но в психологических исследованиях развития индивидуальности, диагностике индивидуальных способностей каждого ребенка складывавшаяся в 1930 годы командно-административная система не нуждалась. В обстановке всеобщей унификации начала утверждаться педагогика казарменного типа. Тут-то рельефно обозначилось расхождение программы культурно-исторической психологии и программы построения тоталитарного социализма.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать. Резким контрастом по отношению к императивам культуры полезности дышат строчки писем Л.С.Выготского, написанные в 1930 и 1931 годах: «Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы — а не кто другой — напишите реакцию выбора, эту

главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли ...». «...Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе, потому что она поддерживает жизнь в нас <...>. Что может поколебать человека, ищущего истину <...>. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, поддержки! А потом самое главное — сама жизнь — небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы — это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам <...> к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» (Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь: Письма Л.С.Выготского к ученикам и соратникам / Публ. А.Пузыря // Знание — сила. 1990. № 7. С.93—94). Комментировать эти строки, их потрясающую неуместность и нелепость в тридцатые годы — это все равно, что прозой пересказывать поэзию. И сказанного достаточно, чтобы ощутить драму и судьбы Л.С.Выготского, и всей программы культурно-исторической психологии.

Культуре полезности не нужны личности и науки, ориентированные на судьбы личности, на то, что стоит за каждой личностью, — изменчивость, вариативность, непредсказуемость. Эти науки, будь то культурно-историческая психология Выготского, ноосферная теория Вернадского или генетика Вавилова, опасны для тоталитарной системы, поскольку утверждают право на существование непредсказуемости, изменчивости в обществе. И тем самым ставят под сомнение саму модель прозрачного мира, которым может управлять по плану всевидящий часовщик.

Последователи Выготского как бы отступили после его смерти на территорию «частичных» деятельностей — памяти, восприятия, мышления. Временно затихли разговоры об этих процессах как высших формах поведения. Однако и в исследованиях конца 1930 годов проявлялась позиция, которая может быть передана лаконичной формулой: «Вначале было дело» (Л.С.Выготский). Загнанные

внутри идеи культурно-исторической психологии были востребованы в годы Великой Отечественной войны, когда стало не до схоластических ярлыков и идеологических спекуляций. В исследованиях А.Р.Лурии по восстановлению функций мозга после ранения зарождается новая наука — нейропсихология. Разработка психологии мотивации поведения личности и произвольных высших форм поведения ведется в цикле работ А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца, подытоженных в до сих пор современной книге «Восстановление движения» (1945). Все энергичнее продолжает начатый еще с Выготским диалог классик современного человекознания Н.А.Бернштейн, обсуждая с А.Н.Леонтьевым, А.Р.Лурией и А.В.Запорожцем результаты исследований по построению движений. Как и Л.С.Выготский, Н.А.Бернштейн приветствует содержащийся в цикле работ А.Р.Лурии, А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца протест против образа «человека-марионетки». Однако командно-административная система лишь временно забывала о «заповедниках», в которых жили идеи культурно-исторической психологии, деятельностного подхода к изучению психических явлений и физиологии активности. Образ «человека-марионетки», действующего по инструкции «нажми», вновь прочно утвердился в науке на печально известной Павловской сессии 1950 г.

Просветление пришло после смерти Сталина, в 1953 г., и эпоху хрущевской оттепели. В 1957 г., по свидетельству французского психолога Р.Заззо, А.Н.Леонтьев, находясь во Франции, рассказывает своим коллегам А.Валлону и Р.Заззо о том, что «павловская психология» уходит в прошлое, и настоятельно рекомендует опубликовать малоизвестные за рубежом работы Л.С.Выготского. Однако эта попытка А.Н.Леонтьева тогда не увенчалась успехом. Лишь в 1956 г. в СССР вновь появляется книга Л.С.Выготского «Избранные психологические произведения» с предисловием А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии.

К началу 1970 годов, пережив трагедию многолетней невостребованности, культурно-историческая психология вновь начинает прорастать в исследованиях В.В.Давыдова, В.П.Зинченко, А.В.Петровского, О.К.Тихомирова и

других последователей Выготского, Леонтьева и Лурии. Однако проблема механизмов преобразования культуры в мир личности и особенно порождения в процессе развития личности иной культуры все еще остается на обочине социальной биографии культурно-исторической психологии.

Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, тот явно и неявно переходит от анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры.

Постановка именно этой проблемы была под силу культурно-исторической психологии потому, что она, как это вновь открыли Д.Б.Эльконин, Р.Харре и др. в конце XX в., была в методологическом плане переходом от классического рационального мышления к стилю мышления неклассической психологии; в аксиологическом плане культурно-историческая психология была нравственным императивом, отстаивающим необходимость перехода от культуры полезности к культуре достоинства.

По стилю мышления культурно-историческая психология ближе к искусству, чем к рациональной науке. В связи с этим к школе Л.С.Выготского приложимы слова О.Э.Мандельштама о том, что литературные школы живут не только идеями, но и вкусами. Благодаря школе Л.С.Выготского возник новый вкус, и культурное пространство психологии еще более открылось для социологов (Э.Дюркгейм, Дж.Мид), этнографов (Л.Леви-Брюль, Ф.Боас, Р.Турнвальд), лингвистов (Ф.Соссюр, А.А.Потебня, Р.Якобсон), биологов (В.А.Вагнер, А.Н.Северцов). Подобно тому, как лучшие сатирики вышли из гоголевской «Шинели», из школы Л.С.Выготского с ее стремлением к ломке междисциплинарных границ вышли нейропсихо-

логия и нейролингвистика (А.Р.Лурия), психолингвистика (А.А.Леонтьев), психосемантика (В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелев), психопедагогика в широком смысле слова (П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин, В.В.Давыдов, Н.Ф.Талызина), психодидактика (Л.В.Занков), социо-исторический подход к обучению, культурная психология и педагогика «диалога культур» (Дж.Верч, М.Коул, В.С.Библер).

Точно сжатая пружина, распрямилась и заработала в системе образования в 1988 г. педологическая программа Л.С.Выготского, осуществленная в такой проектировочной дисциплине, как практическая психология образования. Упомянутый выше цикл работ Р.Харре, датских и других психологов также доказывает, что не только рукописи, но вкусы и идеи неклассической психологии не горят даже на кострах культуры полезности. Наконец, именно вкус школы Л.С.Выготского к системному историко-генетическому анализу развития человека в эволюции природы и истории культуры привел к разработке неклассического историко-эволюционного подхода в психологии личности.

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА: ПРОРОЧЕСТВА И ПРОГНОЗЫ*

1. Станет ли XXI век веком психологии?
2. Сбылось ли пророчество В. И. Вернадского о вступлении человечества в психозойскую эру?
3. За какими психологическими направлениями и научными школами будущее?
4. На чьи работы отечественных и зарубежных психологов будут продолжаться ссылаться в XXI веке?
5. Сблизятся ли в XXI веке психология, религия и искусство?
6. Нужна ли психологу клятва Гиппократа? Этика психологии и психология этики в XXI веке.
7. Какова судьба репрессированных наук и идей в психологии? Есть ли шанс у педологии и психотехники возродиться?
8. В чем исторический смысл психологического кризиса на рубеже XX и XXI веков? (К. Бюлер, Л. С. Выготский — кто следующий?)

Сегодняшняя дискуссия напоминает мне особый конкурс — конкурс на роль дельфийского оракула. Этот конкурс уникален, потому что при обсуждении поставленных вопросов срабатывает механизм самосбывающихся пророчеств: стоит выдвинуть те или иные идеи, запустить их в ткань движения мышления, как у этих идей увеличивается вероятность родиться и заявить о себе. Я не буду касаться всего, что обсуждалось, но хочу поделиться своим удивлением. Меня сегодня поражает редчайший климат согласия в психологическом цехе. Если передвинуть стрелку времени на 30 или 25 лет назад, то мы вспомним, как кипели страсти, сталкивались психологические рапиры. А почему? Да потому, что мы были в рабстве моноидей: если ты влюблен в

* Выступление на «Круглом столе» журнала «Вопросы психологии» в 2000 г.

Д.Н.Узнадзе, значит, ты не можешь любить А.Н.Леонтьева, если ты за С.Л.Рубинштейна, то, значит, для тебя заказан путь к Л.С.Выготскому. И нам казалось, что стоящие за этими именами миры действительно взаимоисключают друг друга. *Мы были рабами моноидеологии, которая по сути дела породила непроницаемые перегородки в нашей науке.*

Прорыва можно ждать прежде всего в сфере изменения мышления. В кризисе психологии, описанном Л.С.Выготским, как и в его последней работе, посвященной Б.Спинозе, была резко обозначена линия водораздела между спинозианским и картезианским мышлением. По сути дела то, что сейчас говорится и о субъектности, и о субъективности, доказывает, что идеи Б.Спинозы сбываются в психологии. И когда Б.Спиноза говорил, что человек является причиной самого себя, и когда он подчеркивал как главный момент существование панпсихизма в широком смысле слова, разве не правда стояла за его словами и так или иначе за несущими их в жизнь словами В.И.Вернадского о психозойской эре? Что происходит? По сути дела у нас был наиболее отрефлексирован кризис классических наук, а психология личности не может быть классической наукой. Лучшего, чем писал М.К.Мамардашвили о кризисе идеала рациональности, до сих пор ничего не написано. Это работа действительно является уникальным творческим прорывом, который определяет будущее, создает связующую нить между Б.Спинозой, Л.С.Выготским, М.К.Мамардашвили и нами, наблюдателями конца XX в. Мы уходим от традиционной причинной психологии и переходим к *неклассической психологии*. Мы приходим к *эволюционно-исторической психологии*. Мы движемся, о чем неоднократно говорил Б.С.Братусь, к *аксиологической психологии*. И это все не случайно. А.Н.Леонтьев предостерегал от зова «Придите и княжьте нами». Но мы-то зовем варягов из своих предков!.. Когда на наших глазах возникают странные древние практики, можно, конечно, попытаться соблюсти свою первоизданную научную чистоту и сказать: «Чур меня, я туда не пойду, там шаманы, экстрасенсы, колдуны». Но есть и другой ход: если не сможешь остановить эти «практики», эти *смыслотехники* надо осмыслить их как историю своей науки, ее архетипы и надо

их возглавить. В нашей ситуации следует делать именно этот ход. Вот за это мы и взялись и за последние десять лет применили главный принцип неклассической психологии — принцип вмешательства в реальность.

Сегодня психологизация — это проникновение психологии в другие сферы и науки, и, хочу подчеркнуть, социальной практики. По сути дела, сбывается пророчество В.И.Вернадского о том, что психозойская эра настала. Что такое психозойская эра? Это психология как формообразование бытия. Например, психология сегодня пронизала полностью такую сферу практики, как образование, стала стержнем проектирования образования. Психологизация образования, начало эпохи вариативного смыслового образования — это реальность, которая дана нам не только в ощущениях, но и в воплях противников, и в ожидании учителей, ждущих от психологов действий. Этому были посвящены годы и годы, и в итоге мы победили, изменили и мир образования России, и статус психологии в этом мире.

Сегодня психология с бешеной энергией входит в политику. И слово «политтехнолог», идущее со времен В.Штерна и особенно Г.Мюнстерберга, который говорил о психотехнике, воспринимается как новая реальность. Психотехника входит в политологию как в науку, и в политику — как в жизнь. Не буду ходить далеко за примером: в журнале «Власть» помещен портрет Л.Кучмы, развешенный повсюду в предвыборный период. Психологи считали, если Л.Кучма будет похож на панка (а он на портрете изображен с гребнем голубых волос на голове), то молодежь отзовется. И действительно, поток электорального возбуждения возник. Результаты выборов на Украине, в которых есть и вклад психологов, весьма осязаемы. Второй пример. Недавно ко мне пришел один политик и обратился с вопросом: «Нельзя ли мне немножко, — глаза его стыдливо опустили, — сделать харизму по типу Лебеда?..»; грустный юмор, но за ним вера, что психологи могут строить психологические миры в области политики.

Обратимся к экономике. Здесь всюду слышится: «менеджмент», «маркетинг» и т.п. А это не что иное как производство потребностей, конструирование мотивов. Возьмем любые учеб-

ники по менеджменту. Не случайно в них неоднократно встречается имя великого К.Левина. Его теории «побуждающих вещей», увы, товаров, имеющих власть над людьми, стали реальностью. Там, где экономика проигрывает, мы строим российскую реальность на основе идеи рационального человека, создаем экономические законы рационального человека. Где это рациональное поведение? Где этот рациональный человек? Вот и в экономике мы сталкиваемся с психологической реальностью.

Перейдем к области искусства. Перечитываешь роман С.Лема «Солярис», смотришь фильм А.Тарковского и видишь океан, который является просто-таки символом психоза, символом панпсихизма, — океан как живое существо. Уж какой тут Декарт! В «Зеркале» А.Тарковского происходят уникальные вещи. Живут там по З.Фрейду, как и в романах Г.Гессе, любят по З.Фрейду в рассказах А.Мердок. З.Фрейд достиг того, что его реальности, его теории стали мирами. Ну а сегодня в реальность вторгается В.Франкл. Мы уже говорим и думаем категориями В.И.Вернадского. Экзистенциальный вакуум — это проекция все той же психозойской эры. Мы переходим к другим языкам мышления, описания мира, произнося: «сенсорное пространство» (Ч.Измайлов), «психосемантическое пространство» (В.Ф.Петренко).

Рождается иное мышление, мышление неклассической психологии, за которым стоят фигуры В.И.Вернадского и Б.Спинозы. Они вторгаются в реальность искусства. И наконец, когда мы говорим о математике, надо понять, что и в нее начинает проникать психология. Математика движется к новым идеям, выходящим за пределы стандартных дискретных представлений, — к анализу неравновесных систем, к размытым множествам и др. И благодаря исследованиям В.В.Налимова, И.М.Фейгенберга, В.Лефевра, Л.М.Веккера и прежде всего Н.А.Бернштейна можно прогнозировать, что для описания поведения живых систем родится иная математика.

На рубеже XX и XXI вв. психология становится конструктивной наукой, движущей силой развития человеческой цивилизации. И кто знает, быть может, в новом веке станут говорить: «Вначале была психология...»

XXI ВЕК: ПСИХОЛОГИЯ В ВЕК ПСИХОЛОГИИ

На пороге XXI века современная психология оказалась в ситуации, емко передаваемой формулой старых русских сказок: «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Эта ситуация разительно отличается от развалин Трои перед грустным Приамом, с которыми образно сравнивал психологию конца XIX столетия Н.Н.Ланге. В психологии двадцатого века народились свои города, свои психологические страны, свои материки. Одни живут в стране психоанализа, другие — на материках бихевиоризма, гештальтпсихологии, когнитивной и гуманистической психологии. То тут, то там на поверхности моря психологической мысли появляются одинокие острова «психосинтеза», «кросс-культурной психологии», «нейро-лингвистического программирования» и т.п. На все эти земли есть социальный и личный спрос. И спрос немалый. Куда психологу податься? Будем ли мы чужеземцами на этих островах и материках? Сможем ли пересечь границы между этими, далеко не всегда ждущими вторжений, заморскими психологическими территориями? Не забудем ли мы при все усиливающейся тяге к странствиям в столь различных и далеких психологических краях, откуда мы вышли и, главное, пойдем ли, наконец, куда идем?

При всей сложности возникшей ситуации, как показывает опыт героев сказок, формула «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», по сути являющаяся приглашением к инициации, вполне может внушить исторический оптимизм и побудить психологов раскрыть миссию психологии в XXI веке. Для совершения этого обряда инициации надо постичь смысл посланий наших учителей, подсказывающих нам путь в неопределенном изменяющемся мире, их посланий в будущее.

Среди этих учителей В.И.Вернадский, с поразительной точностью обозначивший переживаемое человечеством время как *психозойскую эру*, т.е. эру, творческим импульсом жизни которой является именно психология.

Среди них и Л.С.Выготский, заложивший основы неклассической культурно-исторической психологии конкретного свободного человека.

Среди них и мой учитель Алексей Николаевич Леонтьев. Его перу принадлежит немало трудов, растящих вопрошающее психологическое сознание и делающих нас носителями уникальной психологической культуры — культуры Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии. Перелистывая труды А.Н.Леонтьева, наталкиваешься на две лаконичных записки, приоткрывающие потаенный пласт его работ и в буквальном смысле адресованные в XXI век. Одна из них родилась в ходе обсуждения с писателем Владимиром Тендряковым (8 августа 1974 года) судеб научной фантастики (*Леонтьев А.Н.*, 1983, т. II, с.240—242). Вторая записка откровенно названа «Психология 2000-го года». Она представляет собой своего рода «записку на манжетах» — краткий конспект лекции, прочитанной Алексеем Николаевичем Леонтьевым студентам факультета психологии в 1972 году.

В обеих этих записках содержится вера, не будем бояться этого слова, подлинная вера мастера в то, что «XXI век — век психологии» (*Там же*, с.278). Не поленимся и попробуем выделить, объединить и повторить ключевые идеи этих записок.

Первый тезис. Психология тогда и только тогда станет наукой о человеке, когда она вторгнется в мир и начнет понимать, подчеркиваю, понимать происходящее в этом мире.

Второй тезис. Развитие психологии, рождение новой системы психологических знаний пойдет в перспективе не по отдельным областям, а по проблемам. В будущем, прогнозирует А.Н.Леонтьев, произойдет сближение общей психологии с детской, педагогической, социальной и исторической психологией. Психология разных направлений и школ XX века жестко распалась на отрасли, ста-

да психологией разных отраслей. Но как только вам приходится сталкиваться с реальной проблемой, например, в жизни школы, то приходится отсылать обращающихся с вопросами людей по несуществующим под рукой кабинетам клинической психологии, социальной психологии, детской психологии, психологии управления, педагогической психологии и т.п. Психология, (как бы она не кичилась прощанием с функционализмом, с «психологией функций» в стиле У.Джеймса, прощанием с психологией «уха, горла, носа» в стиле ранней психофизики и психофизиологии), во-первых, в преподавании и мышлении психологов еще вовсе не избавилась от «психологии отдельных функций», во-вторых, оказалась еще более разорванной «отраслевыми» и «ведомственными» интересами, стала во многом психологией «отраслей». За подобным диагнозом психологии стоит вовсе не описание ее грехов, так как любая наука проходит свою «отраслевую» стадию, а желание, вслед за А.Н.Леонтьевым и В.И.Вернадским, напомнить, что в перспективе необходимо видеть и развитие психологии «по проблемам», а, тем самым предпринять попытку ответить на вопрос А. Н. Леонтьева о необходимости создания новой системы психологических знаний. Цитируем эту мысль А.Н.Леонтьева: «Как подойти к прогнозированию будущего психологии? Думаю, от будущего человека, от общества...

И еще, не по отдельным отраслям, а по некоторым проблемам. А почему так? Потому, что они иначе переплетутся в новой системе психологического знания. (Современное членение психологии отражает далеко не решенную еще задачу создания такой системы)» (Леонтьев А.Н., 1994, с.276).

Добавим, что психологические знания иначе пересекутся и в осмыслении истории своего развития, и в современном мире. В истории психологии, как только спадают ограничения описания развития любых наук через призму идеала рациональности (М.К.Мамардашвили), побуждающую мерить зрелость науки по аналогии с классической физикой, начнут ставиться под сомнения многие традиционные периодизации. Ведь именно идеал рационально-

сти заставляет нас утверждать, что лишь с появлением экспериментальной психологии начинается подлинная история психологии как науки, а все остальное — лишь предыстории, прелюдии психологии в лоне философии. Стоит нам понять ограничения идеала рациональности при анализе движения истории науки, перед нами откроется история многих психологий. Эти психологии пересекутся с историей культуры, займутся, например, бытовым поведением декабристов как историко-психологической категорией (см. *Лотман*, 1992) или увидят в различных религиях уникальные психотерапевтические практики по снятию неопределенности. Среди этих многих историй психологии займет свое достойное место и история научной экспериментальной психологии, но вряд ли она будет именоваться даже «первой среди равных». В новой системе психологических знаний в современном мире будет, надеюсь, оценено и эвристическое значение идеи А.Н.Леонтьева об «амодальном образе мира» (*Леонтьев А.Н.*, 1983) для принципиально иной систематизации психологических знаний. Ведь точно также как «образ мира» нельзя расчленить на сенсорные модальности, науку, занимающуюся «образом мира», нельзя рассыпать на отдельные отрасли. Вот что приоткрывается только при робком прикосновении к тезису А.Н.Леонтьева о том, что в психологии, осознавшей себя ведущей наукой о человеке, принципиально иначе переплетутся психологические знания, родится *иная* система психологических знаний.

Третий тезис А.Н.Леонтьева является во многом неожиданным для деятельностного подхода в психологии. Резко, дерзко и явно Алексей Николаевич Леонтьев в своих записках о будущем нашей науки венчает этику и психологию. В беседе с В.Ф.Тендряковым он пишет о губительности для человеческой души последствий «бюрократизации» выполняемых человеком функций — ролей, власти социальных ролей над человеком (подчеркнем, человеком, а не личностью). «Ситуация конвейера уже понята, а эту еще предстоит понять, но она много опаснее с точки зрения сдвига ценностей, который на одном полюсе дает такие явления, как «потребительская психология», а на

другом — бунты леваков, хиппи и т.д. И то, и другое — обнищание души при обогащении информацией [подчеркнуто мною — А.А.]...» (Леонтьев А.Н., 1983, с.241). Слова А.Н. Леонтьева об обнищании души при обогащении информацией — это убийственная этическая диагностика безликого накопления знаний, по существу, приговор безличным системам образования в двадцатом столетии. В заметке «Психология 2000-го года» А.Н. Леонтьев по-другому подходит к мысли об опасности системы образования как формовке, штамповке человека: «Игровое освоение мира (!). Не убивать детское. Сделанная голова — голова потерянная» (Леонтьев А.Н., 1994, с.278).

Как только А.Н.Леонтьев обращается к вопросу о связи этики и психологии, аксиологии и психологии, он обращает свой взор на вершинные проблемы психологии — проблемы развития личности и на образование, которое должно порождать личность, а не быть фабрикой общества сделанных голов.

Именно с психологией личности, повенчанной с этикой и исторической психологией, А.Н.Леонтьев связывает превращение психологии в ведущую науку о человеке.

Четвертый тезис, проходящий через записки А.Н.Леонтьева, кратко раскрывает присущее деятельностному подходу понимание психологии личности как системной и аксиологической психологии. «...Личность <...>, ее коперниканское понимание: Я нахожу свое Я не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе, а также в компьютере, в Системе.

...Психология личности есть психология драматическая. Почва и центр этой драмы — борьба личности против своего духовного разрушения. Эта борьба никогда не прекращается. Суть в том, что существуют эпохи ее заострения. (Беглые соображения о культурах как типах путей (или тупиков) глобальных решений всех заострений. Путь отрешения от внешнего — индуизм, дзен, христианство. Путь организации внешнего — социальные концепции общества будущего <...>.

Нужно отметить, что в сартровском экзистенциализме интересно схвачены изменения, которые претерпевает

личность при переходе от жизненного действия к эпохе устроения, организации жизни» (Леонтьев А.Н., 1983, с.241—242).

За этими строками проступает совершенно необычное понимание психологии вообще, а не только психологии личности. *В прощальных записках А.Н.Леонтьева, названных им самозавещанием, заключен эмбрион психологии XXI века. Это — ценностная этическая драматическая психология; это — культурно-историческая психология; и, наконец, это психология как социальное конструирование миров.* Когда вчувствуешься в эти полные отчаянного прозрения строки Алексея Николаевича, то невольно всплывают слова Осипа Манделштама, заявившего: «Попробуйте меня от века оторвать, на этом вы себе сломайте шею!».

А.Н.Леонтьева нельзя оторвать от культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, романтической психологии А.Р.Лурии. Их нельзя оторвать от XX века. И без них нельзя пройти в XXI век. Л.С.Выготский, А.Р.Лурия и А.Н.Леонтьев — люди эпохи жизненного действия, мечтавшие и делавшие психологию как действенную науку.

Как жить в настоящем и заниматься будущим? Ответ прост: делать школу, растящую личность, а не школу как фабрику по выделке голов. *Со школьной жизнью, ее организацией связан пятый тезис леонтьевского самозавещания.* Размышляя о том, что ждет школу в XXI веке, он пророчески замечает: «Кризис школы. Взрыв дидактики. Не “заполнение дыр”, а вооружение <...>. Игровое освоение мира» (Леонтьев А.Н., 1994, с.278).

Эти пять тезисов А.Н.Леонтьева были восприняты мною как программа делания психологии XXI века. Они привели меня к разработке неклассической психологии, основывающейся на историко-эволюционном подходе, любви к психоистории и дерзкой попытке изменить, обратившись к организации школьной жизни, психосоциальные сценарии развития общества в эпоху жизненного действия.

Именно историко-эволюционный подход позволяет прогнозировать и структурировать поле проблем и направлений, с которыми связано будущее развитие некласси-

ческой релятивистской психологии: рост междисциплинарных исследований, опирающихся на универсальные закономерности развития систем; переход при постановке проблем анализа развития личности от антропоцентрической феноменологической ориентации — к историко-эволюционной ориентации; появление дисциплин, рассматривающих психологию как конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества (Асмолов, 1996).

«Бог любит троицу» — гласит русская поговорка. И поэтому, следуя этой избегающей бинарных оппозиций и дихотомий логике, я не могу обойти проблему связи *неклассической психологии и жизни*. Исходно неклассическая психология не принимает и не хочет принимать традиционную постановку вопроса о связи психологии и жизни в стиле «психология и жизнь» или, если вспомнить название доклада Джона Дьюи в 1901 г., «Психология и практика». *Подобно тому как неклассическая физика не устает напоминать мечтателям об объективных экспериментах, о том, что наблюдаемое и наблюдатель — две вещи неразрывные, неклассическая психология делает своим принципом осознанное вмешательство в жизнь. Для неклассической психологии мало заявить принцип неразрывности субъекта и объекта. Она превращает принцип конструирования жизни в исходный пункт своего исследования, а само исследование неизбежно рассматривает как проектирование феноменов.* В этом смысле на знамени неклассической психологии может быть начертано: «Любой эксперимент — это эксперимент формирующий».

Тем самым неклассическая психология исходно нарушает своего рода эпифеноменализм в связке «психология—общество» или более осторожный «психолого-социальный параллелизм». Она взламывает оковы того эпифеноменализма, сущность которого столь красочно передана Теодюлем Рибо, который говорил: «Психика также влияет на жизнь, как тень на шаги пешехода». Для неклассической психологии не только вполне нормально сформулировать задачу исследования в стиле «The Making of Mind» (заглавие последней книги Александра Лурии в английской вер-

сии М.Коула и Ш.Коул, 1979) или «Mind in Society», но и поставить вопрос «Психология как the Making of Society».

Иными словами для неклассической психологии, опирающейся на культурно-генетическую методологию (М.Коул) во главу угла ставится вопрос о психологии как науке, *делающей историю общества*, о психологии как факторе эволюции общества. Доказательство правомерности подобной постановки проблемы о связи психологии и социальной жизни в корне меняет социальный статус психологии в обществе.

Попытка изменить социальный статус психологии в обществе, обосновать претензию неклассической историко-эволюционной психологии на конструирование реальности и была предпринята в последнее десятилетие. Масштабный историко-культурный эксперимент показал, что воплощение педологической программы Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева, задуманной еще в 1928 г., привело к трансформации такой социальной сферы жизни как образование, а через образование как опосредующую деятельность, в свою очередь, к трансформации сознания.

Место этого историко-культурного эксперимента — образовательное пространство России. Время эксперимента — 1988—1998 гг. Ключевое орудие эксперимента — создание в качестве диалогических по своей природе медиаторов, «thinking device» (термин Дж.Верча) более 300 миллионов школьных учебников. Именно учебники выступают как уникальные культурно-психологические орудия овладения сознанием целой генерации детей и учителей.

Итоги этого эксперимента могут быть переданы следующими тезисами.

В контексте историко-эволюционного подхода в психологии образование выступает как механизм социогенеза, поддерживающий или элиминирующий проявления индивидуальности личности в естественноисторическом процессе, а вариативность образования выступает как способ расширения возможностей развития личности в ходе ее жизненного пути.

С позиций историко-эволюционного подхода неклассическая психология предстает как фактор реформирова-

ния сферы образования, его перехода от унифицированной адаптивной парадигмы «знаний, умений и навыков» — к парадигме «развивающего образования».

Практическая неклассическая психология, опирающаяся на историко-эволюционный подход, продемонстрировала свои возможности в социальном конструировании реальности и, тем самым, способствовала изменению общественного статуса психологии в российском образовании как сфере социальной практики.

Лейтмотивом этого эксперимента стала мечта о воплощении в социальной практике тезиса о том, что на пороге XXI века психология может выступить как конструктивный фактор эволюции общества. Для воплощения этой мечты в реальность были поставлены и в основном решены следующие задачи:

— проектирование практической психологии как основы социального реформирования сферы образования;

— обоснование представлений об образовании как механизме социогенеза, поддерживающем или элиминирующем проявление индивидуальности личности в историко-эволюционном процессе;

— разработка стратегии реформирования системы образования, способствующей переходу от адаптивной парадигмы «знаний, умений, навыков» — к парадигме «развивающего образования»;

— реализация положений Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева о методологическом потенциале практической психологии как условия выхода из психологического кризиса;

— изменение общественного статуса практической психологии в системе образования как сфере социальной практики.

От реформы педагогического метода — к реформе социальной организации жизни в системе образования. В историко-эволюционном подходе образование рассматривается как механизм социогенеза, поддерживающий или элиминирующий проявление индивидуальности личности в социальной системе. В тоталитарных культурах полезности преобладают формы образования, ориентированные на усредненные стандартные программы обучения,

социальный норматив «быть таким как все». Именно через образование оттачиваются тоталитарной культурой полезности механизмы социального контроля, обеспечивающие в идеальном варианте нивелировку личности, формирование пригнанного к нуждам тоталитарной культуры «социального характера» (Э.Фромм). Иными словами, в культурах полезности социогенетический механизм образования проектируется таким способом, чтобы гасить любые отклонения от нормативного социотипичного поведения. Идеалом учащегося в таких культурах является так называемый «средний ученик». В культурах достоинства, главная установка которых «жить, а не выживать», образование поддерживает вариативность личности, готовит ее к решению нестандартных а не только типовых, жизненных, задач. В реальности в социальных системах через образование одновременно реализуются тенденции к сохранению и изменению систем. Весь вопрос заключается в том, чтобы отыскать такое оптимальное сочетание этих тенденций, которое, обеспечивая присущий данной цивилизации общенациональный стандарт образования, в то же время открывало бы наибольшие возможности для развития личности.

Те люди, которые чувствуют себя в ответе за развитие системы образования в обществе, как правило, оказываются перед лицом следующей альтернативы: либо стать проводниками культуры полезности и через образование вести формовку, штамповку личности, в чем-то напоминающую описанную В.Гюго фабрику компрачи́косов, либо заняться делом построения на территории образования такой организации жизни, которая помогла бы каждому человеку найти себя. От выбора в этой ситуации зависит место и миссия образования в обществе: *в первом случае образование плетется в хвосте общества, во втором — обеспечивает развитие общества. Этот выбор и определяет направленность реформ образования.* Реальная реформа образования — это прежде всего реформа всей жизни растущего и обучающегося ребенка, а не только и не столько реформа педагогического метода, той или иной специальной технологии обучения.

Происходящие в России изменения дали шанс на создание такой системы образования, в центре которой встала задача расширения возможностей компетентного выбора каждой личностью своего жизненного пути. Рост разнообразия форм жизни, увеличение свободы выбора личности, ослабление традиционных систем передачи знаний вследствие смены ценностных ориентаций у поколения «детей» по отношению к поколению «взрослых» в динамичный нестабильный период истории России стали объективными социальными предпосылками появления вариативного образования.

От социокультурных государственных программ «Неординарные дети в неординарном мире» — к практической психологии и вариативному развивающему смысловому образованию. В целях перехода от адаптивно-дисциплинарной модели унифицированного образования к личностно-ориентированной детоцентристской модели вариативного образования были созданы программы «Творческая одаренность», «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с аномалиями развития» и «Социальная служба помощи детям и молодежи».

Эти программы предназначались для решения следующих задач. Во-первых, исторически они непосредственно исходили из педологических культурно-исторических воззрений Л.С.Выготского и тем самым вели к возрождению присущей педологии детоцентристской ориентации на индивидуальность ребенка. Во-вторых, социально эти программы способствовали расшатыванию мифа об «одинаковости» всех детей, мифа, за которым реально стоял партийно-классовый принцип отбора детей в образовательные учреждения. Именно миф об одинаковости детей был одним из политических барьеров на пути к вариативному образованию и причиной ссылки педологии в «интеллектуальный ГУЛАГ». В-третьих, эти программы сформировали в обществе объективную потребность в создании психологической службы образования, нацеленной на профилактическую, диагностическую, развивающую, коррекционную и реабилитационную работу с личностью. Отметим, что для безликой тоталитарной системы образо-

вания, в которой ребенок подгоняется под учебную программу, а не программа создается с учетом мотивов и способностей ребенка, психолог — фигура нежеланная. Психологическая служба уместна и необходима прежде всего в системе вариативного образования, открывающего веер возможностей для индивидуального развития личности в мире культуры.

Одаренные дети, дети с аномалиями развития и дети с асоциальным поведением как бы находятся на острых углах треугольника, отражающих своеобразные зоны риска, зоны повышенного внимания для системы образования. Разработка указанных программ, нередко ассоциируемых с «треугольником возмущения тоталитарного обезличенного образования», во многом стимулировала переход к активной разработке вариативного образования в разных регионах образовательного пространства России.

В результате разработки комплекса программ «Неординарные дети в неординарном мире» была расшатана модель унифицированного образования. В ходе осуществления этих программ также были по-иному осмыслены само понятие «образование», цель образования, место педагогики развития в системе вариативного образования. В культуре возникла потребность в практической психологии, ставшей стержнем вариативного образования.

Вариативное образование представляет собой образование, апробирующее иные необщие пути выхода из различных неопределенных ситуаций в культуре и предоставляющее личности веер возможностей выбора своей судьбы. В отличие от альтернативного образования, *вариативное образование не просто заменяет принятые нормы образования антинормами, но помогает личности обрести иные пути понимания и переживания знаний в изменяющемся мире. Вариативное образование понимается как процесс, направленный на расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и на саморазвитие личности. Целью вариативного образования является формирование такой картины мира в совместной деятельности детей со взрослыми и сверстниками, которая бы обеспечивала ориентирование личности в различного рода жизненных ситуа-*

циях, в том числе и ситуациях неопределенности. В ходе вариативного образования ребенок приобщается к культуре, то есть овладевает способами мышления и способностями, посредством которых люди на протяжении многих веков строили мировую цивилизацию.

Складывающаяся в системе образования педагогика развития с присущей ей детоцентризмом и целевой установкой на овладение способами мышления в данном обществе и истории человечества выступает как основа поиска системы инновационных технологий, расширяющих возможности развития личности. Стратегией поиска этих технологий становится стратегия построения развивающего образа жизни, различных обучающих и воспитывающих сред.

В целом, педагогика развития основывается на методологии практической психологии, воплотившей идеи культурно-исторической психологии, общепсихологической теории деятельности и историко-эволюционного подхода в идеологию современного российского образования.

Ценностные ориентиры практической психологии образования. В арсенале идей практической психологии образования были обозначены следующие ценностные ориентиры, с учетом которых целесообразно строить стратегию реформы образования: от диагностики отбора — к диагностике развития; от адаптивно-дисциплинарной модели усвоения суммы знаний и навыков — к рождению образа мира в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками; от информационной когнитивной педагогики — к смысловой ценностной педагогике; от технологии обучения по формуле «ответы без вопросов» — к жизненным задачам и познавательной мотивации ребенка; от «выученной беспомощности» ребенка — к надситуативной активности и постановке сверхзадач; от урока как авторитарного монолога — к уроку как содействию и сотворчеству; от языка административных «приказов» — к языку «договоров» и «рекомендаций»; от школоцентризма — к детоцентризму и, наконец, от культуры полезности — к культуре достоинства. Весь этот спектр позиций, подаваемых в нарочито экспрессивной форме и воплощае-

мых через созданные по всей стране курсы переподготовки учителей как практических психологов, средства массовой информации, директивные управленческие документы как алгоритмы действия больших социальных групп, развивающие программы дошкольного, дополнительного и полного общего образования, способствовал конструированию опирающейся на практическую психологию идеологии развивающегося вариативного смыслового образования. Именно эти ценностные ориентиры содействовали становлению такого образования, которое, по выражению Л.С.Выготского, способно перейти от безличных систем к судьбам каждой личности. Вместе с тем, практическая психология как методология образования — это только начало, а не конец непройденного пути от культуры полезности к культуре достоинства. Важной вехой на этом пути стало выделение стратегических ориентиров вариативного образования.

Методологические ориентиры развития вариативного образования.

Первый. *От отдельных альтернативных научных педагогических школ — к системе вариативных инновационных технологий в контексте культурно-исторической педагогики развития.* В развитии вариативного образования важную роль играют «авторские школы». По существу авторские школы выступают как поисковые механизмы, апробирующие разные пути образования в культуре. При всем многообразии инновационных авторских школ, они подразделяются как бы на два типа: инструментальные и культурологические. В фокусе внимания инструментальных школ находится, как правило, тот или иной конкретный педагогический метод, найденный в практической деятельности благодаря таланту педагога-новатора. Этот метод как инструмент педагогического труда может быть освоен и затем включен и в традиционную систему образования, и в педагогику развития.

Иное происхождение имеют культурологические, в широком смысле слова, авторские школы. Они рождаются, как правило, на стыке мировоззренческих концепций с инновационными технологиями. Например, вальдорф-

ская педагогика исходит из философии Р.Штайнера. Особо следует обратить внимание на такие культурологические авторские школы, как «Дидактическая система обучения Л.В.Занкова», «Система развивающего обучения Д.Б.Эльконина—В.В.Давыдова», программа «Развитие» А.В.Запорожца—Л.А.Венгера, «Деятельностная теория обучения П.Я.Гальперина—Н.Ф.Талызиной», «Школа диалога культур» В.С.Библера.

Весь спектр указанных инновационных направлений педагогической мысли восходит к таким источникам, как культурно-историческая психология и деятельностный подход Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева и методология гуманитарного знания М.М.Бахтина. Во всех этих подходах преодолен долгий период существовавший научно-практический параллелизм: теория отдельно, технология отдельно.

В связи с этим, в качестве одной из важных задач при анализе дальнейшей судьбы вариативного образования, стоит задача синтеза этих направлений в контексте системы педагогики развития с сохранением неповторимого лица каждой из этих авторских школ.

В целях решения этой задачи были организованы научно-методический центр «ДАР» (Диагностика. Адаптация. Развитие.) им. Л.С.Выготского и научно-методический центр «Педагогика развития» им. Л.В.Занкова. Активно работает в Москве Центр лечебной педагогики, который по праву мог бы быть назван Центром А.Р.Лурии.

Второй. *От монополии государственного образования — к сосуществованию и сотрудничеству государственного, негосударственного и семейного образования.* В эволюции образования в общественно-историческом процессе сочетание государственного, негосударственного и семейного образования представляет наиболее оптимальный веер возможностей для индивидуального развития личности (проекты: «Типовое положение о семейном образовании», «Типовое положение об общеобразовательном учреждении в Российской Федерации», «Типовое положение об экстернате»).

Третий. *От «безнациональной» унитарной школы — к этнической дифференциации образования в системе общего*

образовательного пространства России. Национальная школа выступает как один из важных элементов сохранения и развития этнической общности своего неповторимого «Я», его духовного ядра. В связи с этим крайне важно освоение представителями этнических общностей родных языков, являющихся не только средством общения, но и приобщения личности ребенка к культуре своего народа. Большие резервы развития личности через приобщение к народным обычаям и традициям имеет система дополнительного образования.

Четвертый. *От предметоцентризма — к образовательным областям при построении учебных планов общеобразовательных учреждений.* За переходом от построения учебных планов из конкретных учебных предметов — к образовательным областям таким, как «общественные дисциплины», «естественные дисциплины» и т.п., прежде всего открывается возможность создания вариантов учебных планов в зависимости от региональных и национальных особенностей, к повышению вариативности содержания образования в целом. Это важный, но не единственный резерв вариативности, возникшей вследствие перехода от учебного предметоцентризма к образовательным областям. Еще недостаточно осознанным резервом вариативности, вытекающим из данной стратегии, является открывающаяся возможность междисциплинарных переходов между разными ранее разгороженными учебными предметами.

Ранее в традиционном образовании действовал «кукушиный» принцип: каждый новый предмет — информатика, право, экономика — пытался выкинуть из гнезда школьных знаний своих собратьев. При переходе от учебного предметоцентризма к образовательным областям возрастание вариативности становится важным условием рождения курсов, дающих целостную, а не мозаичную картину мира. Таким образом, переход от учебного предметоцентризма к образовательным областям стимулирует появление интегративных учебных курсов, обеспечивающих приобщение школьников к целостной картине мира.

Пятый. От «чистых» линий развития типов образовательных учреждений — к «смешанным» линиям развития видов образовательных учреждений. Еще недавно казалось незыблемым то, что в обществе существует исключительно эволюция по «чистым» линиям разных типов образовательных учреждений. В дошкольном учреждении — один мир, в школе — другой мир, в учреждениях дополнительного образования — третий мир, в профессионально-техническом училище — еще один, и, наконец, в высшем учебном заведении — совсем особый мир. Иными словами, жесткие границы существовали не только между государствами, но и между самостоятельными типами образовательных учреждений. Между тем, как показывает весь опыт эволюции и в природе, и в культуре, эволюция по «чистым» линиям неизбежно приводит к регрессу и препятствует росту разнообразных форм жизни. Особенно быстро вымирают биологические и социальные организмы, программы функционирования которых жестко подогнаны к стандартным неизменным условиям существования (В.А. Вагнер).

На динамической фазе жизни общества неизбежно начинает преобладать эволюция по «смешанным» линиям. Именно поэтому, бросая вызов окаменевшим типовым положениям, регламентирующим жизнь школы, идет стремительный процесс скрещивания школы с детским садом (комплекс «школа—детский сад»); школы с вузом (комплекс «школа—вуз»), появляются колледжи, технические лицеи и т.п. Особый интерес вызывает возникновение различного рода школ в системе дополнительного образования, то есть в той самой уникальной системе, куда ребенок приходит сам, ведомый своими интересами, своими мотивами к познанию и творчеству.

Эволюция образовательных учреждений по «смешанным» линиям делает более гибкой и устойчивой к разным переменам образовательную систему России. Она позволяет развивающейся личности ребенка с меньшими трудностями реализовывать себя в мире непрерывного вариативного образования, а не быть вечным мигрантом, перебегающим из одной чужой территории на другую. Формула

«задача рождает орган» (Н.А.Бернштейн) является законом любой эволюции, и поэтому нормально, когда задачи развития общества на динамической фазе его истории приводят к такой дифференциации образования, которая обеспечивает интеграцию образовательного пространства.

Для жизни этих смешанных учреждений более адекватен правовой язык уставов, инструктивных писем, учредительских договоров, а не типовых положений. В связи с этим вряд ли будет оправдана попытка загнать в правовую ловушку типового положения лицеи, гимназии, колледжи, школы-лаборатории, одев, тем самым, новые, еще сами себя не осознавшие виды образовательных учреждений в одинаковую смирительную рубашку.

Шестой. От монопольного учебника — к вариативным учебникам. Динамика роста возможностей выбора учебников в 1990—1996 гг. является красноречивым фактом, иллюстрирующим переход России от традиционного к вариативному образованию. Прорыв обновления содержания учебников можно прогнозировать по меньшей мере в двух направлениях. Первое направление — так называемые «мотивирующие учебники» в системе дополнительного образования. Основная задача всего этого цикла учебников — пробудить у ребенка интерес, мотивацию к познанию, воспитать в нем желание учиться. Второе направление прорыва — это учебники по метадисциплинам, сквозным дисциплинам. Новые метадисциплины, к числу которых относятся экология, право и экономика, как это ни парадоксально, на первый взгляд, более открыты идеям культурно-исторической педагогики развития. В этих дисциплинах авторы и учителя, не прошедшие тренинга традиционной информационной педагогики в педвузах, приходя из научных институтов и университетов, более дерзко вводят, например, культурно-функциональный подход к экономике в средней школе. Весьма символично, что во многих позициях это новое поколение учителей сходится с истовым сторонником борьбы за преподавание школьной античности Ф.Ф.Зелинским. Ф.Ф.Зелинский отстаивал мысль, что гимназическое образование противно по своему духу профильной дрессуре специали-

ста и является углублением не в специальные знания, а в культуру. Задачи гимназического образования — это развитие Человека Культуры, который через изучение школьной античности обретает «Большое Я», становится Гражданином Европы. Экономическое и экологическое образование помогает растущему человеку стать гражданином такого Общего Дома, как Земля.

Седьмой. *От монофункциональных технических средств обучения — к полифункциональным средствам и информационным технологиям.* Происходит постепенное изменение технических средств обучения по их функции и месту в учебном процессе: от наглядно-демонстрационных — к обучающим средствам, от отдельных пособий и приборов — к микролабораториям. Особое место все более явно занимают информационные технологии, которые становятся не просто средством обучения, а приучают ученика жить в информационной среде, приобщают школьников к информационной культуре. Тем самым по своей культурно-психологической функции информационные технологии решают такую задачу вариативного образования, как включение школьника в мировое культурное и образовательное пространство нашего изменяющегося мира.

Выделенные стратегические ориентиры вариативного образования открывают возможность для построения образования как механизма социогенеза, направленного на развитие индивидуальности личности. Воплощение этих ориентиров в сфере образования как социальной практике позволило сделать шаг к изменению социального статуса психологии в обществе и раскрыть эволюционный смысл практической психологии как конструктивной науки, которая обладает своим неповторимым голосом в полифонии наук, творящих человеческую историю в психозойскую эру.

Итак, идя вслед за Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым, я старался показать возможности историко-эволюционного деятельностного подхода в появлении образования с необщим выражением лица. Итогом этого этапа моей профессиональной биографии стало обоснование роли практической психологии как фактора конструирования

вариативного развивающего образования, а также изменение социального статуса психологии в сфере образования России.

Через развивающее смысловое вариативное образование проходит дорога от тоталитарной культуры полезности, культуры «сделанных голов», подавляющей проявления индивидуальности человека и начинающей агонизировать в неопределенных критических ситуациях разных исторических катаклизмов, — к культуре достоинства, поддерживающей индивидуальность человека и тем самым обладающей широким резервом нестандартных социальных действий в периоды различных исторических поворотов и драм. Следуя самозавещанию Алексея Николаевича Леонтьева, я ввязался в водовороты социальной политики и в меру сил пытаюсь показать, какие последствия и сценарии влекут за собой те или иные решения, особенно когда они строятся без учета психики, в значительной степени определяющей разыгрывающиеся в истории спектакли.

Надеюсь, что именно неклассическая психология, вырастающая из культурно-исторической деятельностной программы школы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурия, имеет неповторимый шанс стать ведущей наукой о человеке XXI века, психологией в век психологии. Тогда записки Алексея Николаевича Леонтьева, обращенные в XXI век, из эскиза станут полноценной картиной реальности, ожидающей нас за гранью второго тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Издательство «Институт практической психологии», 1996.

Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: Дисс. в виде научного доклада ... доктора психол. наук. М., 1996.

Асмолов А.Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. Вып. 7. 1998.

Леонтьев А.Н. Из дневниковых записей // *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. М., 1983.

Леонтьев А.Н. Образ мира // *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II М., 1983.

Леонтьев А.Н. Психология 2000-го года // *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.

Лурия А.Р. Романтическое эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3-х т. Т. I. Таллинн, 1992.

Эльконин Д.Б. Об источниках неклассической психологии / *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 2 М., 1989.

Asmolov A. The Paradigm of Nonclassic Psychology of Human Development: From Relativity of Activity to Relativity of Consciousness // Fourth Congress of the International Society for Cultural Research and Activity Theory. Activity Theory and Cultural Historical Approaches to Social Practice. 1998. Aarhus, Denmark.

Sociocultural Studies of Mind / J.V.Wertsch, Pablo Del Rio, Amelia Alvarez (Ed.). Cambridge. 1995.

7
-17041

Учебно-научное издание

Александр Асмолов
**По ту сторону сознания:
методологические проблемы неклассической
психологии**

Редактор О.В.Квасова
Компьютерная верстка Д.В.Чекалина
Оформление обложки В.Н.Кокорева и Д.А.Леонтьева

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
103050, Москва-50, а/я 158
тел./факс (095) 195-93-28, (095) 195-03-08
e-mail: smysl@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>
Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001

Подписано в печать 29.11.2001. Формат 84×108/32.
Гарнитура TimesET. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ № 2355.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.